Д.И.ИСМАИЛ-ЗАДЕ

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗСКОГО КРАЯ в XIX-начале XX в.

„Наука"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

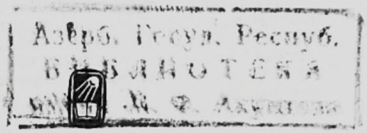
Д.И.ИСМАИЛ-ЗАДЕ

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗСКОГО КРАЯ в XIX-начале XX в.

Историко-демографический анализ

Д-742714

Азерб. Госуд. Респуб.
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ф. Ахундова



Москва «Наука»
1991

ББК 63.3(2)
И88

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ

Рецензент:
доктор исторических наук В. Л. ЕГОРОВ

Редактор издательства Г. И. РЫКОВА

Исмаил-Заде Д. И.
И88 Население городов Закавказского края в XIX — начале XX в.— М.: Наука, 1991.— 256 с.
ISBN 5—02—008572—3

На основе обширного круга нормативных, статистических, разнообразных архивных материалов исследуются этнодемографические процессы в городах Закавказья, особенности развития городов и формирования этнического состава населения в условиях развития края в составе многонационального Российского государства; воссоздается сословно-социальная структура населения городов.
Для историков.

И $\frac{0503020900 - 241}{042(02) - 91}$ 67—91, I

ББК 63.3(2)

ISBN 5—02—008572—3

© Издательство «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Многообразие лика Закавказского края, как и Кавказа в целом, очевидно при взгляде на его географо-климатическое положение, этническую пестроту населения, а следовательно, материальную и духовную культуру жителей края, их исторические судьбы.

Первые годы XIX столетия — начало присоединения Закавказского края к России, и процесс этот, неоднозначный по своим формам, не мог не отразить черты этой многоликости. Закавказье в составе Российского государства — аспект, имеющий доминантное значение в истории народов края, а следовательно, определяющий при изучении его истории.

Этнодемографические и этносоциальные процессы — конкретные проявления хозяйственно-экономического и социально-политического развития края, которым он был охвачен в составе общероссийской системы.

Города Закавказского края — это те жизненные центры, которые аккумулировали изменения, происходившие в крае под воздействием указанных процессов.

Число городов и численность их населения на протяжении XIX — начала XX в., особенности движения городского населения в различные исторические эпохи, в период перехода от феодализма к капитализму — такова одна из основных задач исследования.

Необходимо отметить, что этносоциальный состав коренного городского населения к моменту присоединения края отражал в целом характер расселения этносов, сложившийся в предшествующие исторические эпохи. Этнический состав жителей городов края калькировал этническую пестроту населения края.

Этнодемографические ситуации в городах края складывались соответственно тем событиям социально-экономического и политического характера, которые происходили в государстве, являясь знамением своего времени. Но они определялись также и такими экстремальными условиями, как, скажем, войны, миграции и т. п.

Начало XIX в. — время проникновения в край иноэтнических элементов, идет процесс дальнейшего формирования многонационального населения края.

Изучение этнических аспектов истории городов края — следующая задача исследования.

Этнодемографические процессы оказывали влияние на сословно-социальную стратификацию населения городов, потому формирование многонационального населения должно изучаться в их взаимосвязи.

Юридически-правовой статус ряда сословий: привилегированного — аналога русского дворянства, купечества и частично духовенства — имел свои особенности. Отсутствие законодательного оформления их корпоративных прав влияло на качество посословного учета населения края. Отсюда необходимость изучения процесса кодификации сословных прав в аспекте правительственной политики царизма по признанию этих прав и влияния его на демографический учет.

Сквозной задачей является источниковедческий анализ статистико-демографической основы исследования. В этой связи встает необходимость самостоятельного изучения истории статистического дела в Закавказье в контексте развития его в общероссийском масштабе, выявления его особенностей.

Характеризуя значение темы исследования, необходимо оценить его в качестве опорного при реконструкции целостной картины этнодемографического и сословно-социального облика городов Закавказского края с учетом также тех последствий, которые происходили в области материальной и духовной культуры жителей его городов.

При этом взаимодействие этносов в городах края должно рассматриваться в совокупности всех его форм, как между коренными жителями, так и в связи с этнодемографическими процессами, притоком и расселением новых для края этносов.

Исследование процесса развития многонационального населения городов Закавказского края, изменение их сословно-социальной стратификации расширяет наши возможности по изучению проблемы типологии подобных процессов в общероссийском масштабе.

* * *

История городов отражает все многообразие городской жизни, особенно в условиях многоукладной и этнически пестрой России, и каждая из ее сторон может быть предметом специального исследования.

Наиболее распространенным подходом является изучение истории отдельных городов, что позволяет исследователю охватить многие стороны городской жизни, проследить эволюцию города на протяжении хронологически длительных периодов. Подобный подход, имеющий краеведческий аспект, стал традиционным для отечественной историографии, в частности для современных исследований по истории городов Закавказья[1].

Одновременно с этим предметом специального изучения могут стать какие-то отдельные стороны городской жизни. В этом случае приоритетное значение приобретают вопросы промышленного развития тех городов края, хозяйственно-экономический потенциал которых определялся их положением не только в регионе, но и в масштабах всей страны[2]. В меньшей степени разрабатываются вопросы взаимодействия города и деревни в контексте социально-экономического строя[3]. Сколь важен подобный подход в плане исследования механизмов социально-экономического развития пореформенной России, показала монография П. Г. Рындзюнского[4].

Изучение истории городов в региональном и субрегиональном масштабах позволяет выявить в плане сравнительно-исторического анализа как общие черты развития городов, так и их локальные особенности. Но в этом случае больше повезло феодальным городам Закавказья, и первым опытом исследований подобного рода являются работы Ш. А. Месхиа и А. П. Новосельцева[5]. Результаты их наблюдений позволяют проследить эволюцию городов края, присущих им сословно-социальных институтов[6].

Особый интерес для данной работы представляют исследования историко-демографического характера. Однако если современная историография располагает ими по другим регионам страны (в качестве примера исследований подобного рода в первую очередь следует назвать работы Р. Пуллата[7]), то демографические проблемы применительно к городам Закавказья нельзя относить к числу популярных[8] и являются они чаще всего предметом изучения со стороны экономистов[9]. Хотя можно назвать работы, в которых они рассматриваются в свете общедемографических процессов[10]. В данном случае необходимо также отметить работы источниковедческого характера по статистике городов, в частности А. И. Гозулова, и поныне не утратившей своего значения. В совокупности с работой В. М. Кабузана и Р. Н. Пуллата она воссоздает историю формирования статистического учета городского населения в дореволюционной России, характеризует его особенности и формы[11].

Другим существенным аспектом изучения городов является этнический состав населения Закавказья и первым опытом в этом направлении является работа Н. Г. Волковой[12]. В целом же этнический состав городского населения края характеризуется в составе общих этнодемографических процессов населения[13].

Что касается соотнесения этнодемографических процессов с сословно-социальной структурой населения городов, то в отношении закавказских городов таких исследований не проводилось. Тем не менее следует отметить те монографические исследования, значение которых не ограничивается их региональным ареалом, а опре-

деляется их общенаучным вкладом в разработку проблемы. В данном случае имеются в виду исследования Н. В. Юхневой, в частности «Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX века. Статистический анализ» (Л., 1984).

Предложенный читателю краткий обзор литературы представляет ее в общих чертах, более конкретно она характеризуется применительно к исследуемым в работе вопросам.

Автор допускает, что при реконструкции общей картины городской жизни в региональном масштабе на протяжении более чем вековой истории (1800—1905 гг.) какие-то аспекты субрегионального значения не получили достаточного освещения. В этой связи были подготовлены карты-схемы «Население городов Закавказья. 1897» и «Этнический состав населения городов Закавказья. 1897 г.», содержание которых характеризует этнодемографический состав городского населения края, сложившийся к началу XX в.

* * *

Создание книги было бы невозможно без поддержки со стороны сотрудников ЦГИА СССР, ЦГИА Азербайджанской ССР, ЦГИА Грузинской ССР, Архива АН СССР ЛО и Архива Географического общества СССР. Автор с благодарностью принял рекомендации, сделанные коллегами по отделу общих проблем истории народов СССР Института истории СССР, и выражает свою признательность кандидату технических наук Л. П. Новоселовой за консультативную помощь, оказанную при подготовке карт.

---

1 Назовем некоторые из них: *Исмаилов М. А.* Шеки: (Исторический очерк). Баку, 1982; *Мамедов Н. Р.* История городов Кубы в XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1989; *Исмаилова Г. Н.* История города Шуши в XIX — начале XX в. (1800—1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1987; *Джафарли Н. Г.* История города Ленкорани в XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1985; *Мамедов Ф. Н.* Город Гянджа в XIX в. (до 1868 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1989; *Акопян Т. Х.* История Еревана. Ереван. 1959, Т. 3; и др.

2 *Джаошвили В. Ш.* Тбилиси: Экономико-географический очерк. Тбилиси, 1971; *Самсонадзе М. М.* Промышленное развитие города Тбилиси в дореформенный период XIX в. Тбилиси, 1968; *Мусаев М. А.* Торговля города Баку в XIX в. (1800—1883 гг.). Баку, 1966; *Он же.* Торговля Баку конца XIX в. (1889—1900 гг.). Баку, 1972; и др.

3 *Григорян А. Е.* Город и деревня в экономической истории Восточной Армении XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

4 *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

5 *Месхиа Ш. А.* Города и городской строй феодальной Грузии (XVII—XVIII вв.). Тбилиси, 1959; *Новосельцев А. П.* Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. // История СССР, 1959. № 1.

6 См. также: *Иобашвили Г. В.* Города Западной Грузии в дореформенный период XIX века: (Социально-экономическое развитие). Тбилиси, 1983.

7 См., например, *Пуллат Р.* Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 года: Историко-демографическое исследование. Таллинн, 1976.

8 *Бадалян А.* Население Армении со времени присоединения ее к России до наших дней // Изв. АН АрмССР. Серия обществ. наук. 1953. № 5; *Мурадалиева Э. Б.* Демографическая статистика о городском населении Азербайджана периода капитализма // Города Азербайджана в период капитализма. Баку, 1987. С. 42—48.

9 См., например, *Какурия Ш. К.* Население г. Тбилиси в 1803—1970 годах: (Статистико-экономический очерк). Тбилиси, 1979.

10 *Антадзе К. Д.* Население Грузии в XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1974; *Джаошвили В. Ш.* Население Грузии: (Экономико-географическое исследование). Тбилиси, 1968; *Лернер В. А.* Количественные и качественные изменения в составе населения Азербайджана в последней трети XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1985.

11 *Гозулов А. И.* Местные переписи населения до революции // Учен. зап. Ростов. фин-экон. института. 1941. Т. 1.

12 *Волкова Н. Г.* Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX веке: (Этнодемографический обзор) // Сов. этнография. 1968. № 6.

13 *Брук С. И., Кобузан В. М.* Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX — 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. См. также: *Бахышев Ч. А.* Изменения этнического состава населения Азербайджанской ССР: (По данным переписей 1897—1979 гг.) // Сов. этнография. 1982. № 5; и др.

Глава I

СТАТИСТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Типология города. Постановка вопроса

Закавказье представляло собой край, в котором удельный вес городов и городской жизни в силу ряда исторических причин был достаточно высоким в исследуемое время. В этом смысле он являл собой противоположность Северному Кавказу, где развитие городов и городской жизни в значительной степени было связано с присоединением Северного Кавказа к России и последующими историческими процессами.

По-видимому, следовало бы воздержаться от количественного определения городов Закавказья в канун присоединения к России ее основных территорий, поскольку в таком случае пришлось бы говорить о принципах их классификации. В этой связи предстояло бы вторгаться в те пределы истории, которые хронологически далеко выходят за грани данного исследования, а сами вопросы составляют содержание проблемы типологии городов эпохи феодализма. Однако необходимость привлечения сравнительного материала очевидна, и нам предстоит воспользоваться итогами соответствующих исследований.

Так, к концу XVIII в. на территории Азербайджана и Восточной Армении существовало всего около сорока городов[1] и на территории Грузии — более сорока городов[2]. Естественно, что они не были равнозначны по своему экономическому и политическому положению, многие из них впоследствии либо утратили свое значение в качестве городов, либо так и остались населенными пунктами городского типа. Экономические и социально-политические функции городов не являются величиной константной, и они подвергались изменениям под влиянием действовавших факторов того же порядка. Этот момент применительно к городам края был подмечен и Н. Г. Волковой[3].

Описание их мы находим в известном сочинении Платона Иоселиани «Города, существовавшие и существующие в Грузии» (Тифлис, 1850). Большинство городов — Ананури, Болниси, Они, Хони и др.— опустели, утратили черты городских поселений, превратившись в местечки и села[4].

Переходя к характеристике городов Закавказья, численности населения в них, их национальной и сословно-классовой структуры, необходимо уточнить, что, на наш взгляд, должно служить критерием, относящим населенный пункт края к поселению городского типа.

П. Г. Рындзюнский, размышляя о содержании определений «город» и «негород», писал в своей монографии, вышедшей в 1983 г.: «Делались попытки выработать научно обоснованное определение понятий "город" и "негород"... Однако практика такой работы показывала невозможность, во-первых, найти достаточно обоснованные... критерии деления и, во-вторых, вполне последовательно провести расчленение конкретного материала между типами селений, пределы и признаки которых хотя бы условно могли быть приняты исследователем». Далее П. Г. Рындзюнский, развивая свою мысль, продолжает, что вряд ли возможно найти более приемлемый принцип деления, нежели основанный на признаке официально-административного распределения населения местностей России на городские и негородские. Впрочем, этот принцип признавался им как «спорный и во многом неудовлетворительный»[5].

В 1819 г., т. е. более чем за полтора века до того, как было высказано это соображение, К. Герман, с именем которого связан первый опыт изучения и систематизации демографической статистики в XIX в., писал о трудностях, с которыми он столкнулся при определении численности городов и городского населения в России. Вызваны же они были... отсутствием единообразия в определении «город» в источниках того времени. К. Герман приводит ряд принятых признаков определения городов: по «хозяйственным видам», по «видам управления» и близкий к последнему принятый административной властью принцип дифференциации городов на губернские и уездные. Сам К. Герман придерживался принципа определения городов «по видам управления», классифицированных по числу жителей[6].

Пожалуй, Екатерина II была первым государственным деятелем России, обратившим внимание на многофункциональный характер поселений городского типа и необходимость в силу этого единого закона для определения их статуса. В Наказе 1767 г. она разъясняла: «Есть города разного существа, более или менее важные по своему положению. В иных городах более обращений торга сухим или водяным путем. В других лишь единственно товары привезенные складывают для отпуска. Есть и такие, как единственно служат к продаже продуктов приезжающих земледельцев того или другого уезда. Иной цветет фабриками. Другой близ моря лежа, соединяет все сии и другие выгоды. Третий пользуется ярманками. Иные суть столицы и проч. Сколько ни есть разных положений городам, только в том они все вообще сходствуют, что им всем нуж-

но иметь одинакий закон, который бы определил: что есть город, кто в оном почитается жителем, и кто составляет общество того города, и кому пользоваться выгодами по свойству естественного положения того места, и как сделаться городским жителем можно?»[7] Однако в весьма пространной «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи», выданной Екатериной II в 1785 г., дефиниция, которая определила бы, какое именно поселение считать городским, отсутствовала[8].

Естественно, что наибольшие трудности выпадали на долю статистики. Почти любое статистическое издание, посвященное вопросам народонаселения Российской империи, неизменно предварялось оговоркой о сложности распределения населенных пунктов на городские и сельские. Даже в 1913 г., когда Центральный статистический комитет, уже, казалось бы, наживший достаточный опыт разработки статистики городов и ее публикации, вынужден был признать, что «до настоящего времени, к сожалению, ни официальная статистика, ни наука не установила таких оснований, которые можно было бы считать общепринятыми». Далее шло разъяснение того, что подразумевалось под понятием «город»: «В России до настоящего времени под городами также разумеются такие поселения, которым, кроме наименования города, законом присвоено и особое административное устройство и управление»[9]. Правда, Центральному статистическому комитету, как мы позже сможем в этом убедиться, приходилось отступаться от этого принципа классификации населенных пунктов городского типа.

Казалось бы, растянувшаяся на столь длительное время неопределенность в понимании того, что есть город как тип поселений, не могла не породить своего рода научного пессимизма, если бы не творческие и весьма интересные разработки этой проблемы научно-теоретического характера, показавшие, в частности, уязвимость формально-юридического признака, положенного в основу при определении города. И здесь особенно важно исследование Л. М. Иванова, поставившего проблемные вопросы сословно-классовой структуры городов в связь с их типологическими особенностями в условиях капиталистической России[10].

Следует отметить, что количество городов с соответствующим числом проживавшего в них населения не может являться основным показателем емкости городской жизни, поскольку статус поселения часто определялся его функциональным значением. Так, географическое положение создавало возможность использовать его, например, в качестве порта или пристани; сосредоточение торговых путей — в качестве торгового центра. Необходимость осуществления административных функций играла определяющую роль в придании поселению городского статуса. На Кавказе было немало таких городов, станиц, местечек и даже сел.

Здесь необходимо обратить внимание на местечки — новый для края тип городского поселения. Собственно, он был относительно нов и для России, и утверждение его связано с присоединением западных губерний. Учреждение их было связано с их статусом еще в составе Польского государства. Польские короли в виде особой привилегии давали владельцам деревень и сел право заводить у себя торги и ярмарки наравне с городами. Последнее обстоятельство привлекало туда лиц, имевших склонность к торгово-промышленной деятельности. С правами торговли и уже учрежденного когда-то городского статуса они и перешли в состав России. Со временем наименование «местечко» было экстраполировано на те поселения Кавказа, которые были как бы промежуточными между поселениями городскими и сельскими, выполняя частенько функции уездного города[11].

Указанный аспект побуждал исследователей классифицировать поселения в качестве городских исходя из их функционального значения.

Так, Я. Е. Водарский и В. М. Кабузан, отмечая, что на нынешней стадии исследования городообразования мы, к сожалению, не располагаем еще социально-экономической характеристикой всех поселений, которые в источниках отнесены к городам и посадам, предложили следующее понимание поселения городского типа. К городам России XVI—XVIII вв. (до административной реформы 1775—1785 гг.) должны быть отнесены поселения, являвшиеся торгово-промышленными центрами своих округов и имевшие посадскую (сословную) общину. Для 1785—1917 гг. городами следует считать поселения, которые также являлись торгово-промышленными центрами своих округов и имели официальный статус города[12].

Была сделана интересная попытка классификации города по функциональному признаку на материалах Грузии, но допускающая, на наш взгляд, известный субъективизм в определении критериев, по которым населенные пункты городского типа причислялись к городам[13].

Однако чем же должен руководствоваться исследователь, задумавшийся над тем, что же являли собой города Закавказья, претерпевшие в тому же своеобразную эволюцию не только из города феодального в город капиталистический, но и из города восточного в город европейского типа? Автор полагает, что, признавая особенности городов Закавказья, тем не менее при изучении всей совокупности черт закавказских городов определение их должно базироваться на принципе, сформулированном П. Г. Рындзюнским: «Имеется основание признать, что обособленное рассмотрение населенных пунктов, официально признававшихся городами, имеет свой особый смысл и значение. В этих поселениях существовали

особые административные порядки, свойственные городам, в них обосновывались свои сословные корпорации, особая организация общественной жизни, имелся специфический городской состав населения. При достаточно широком подходе к общественным явлениям и должном внимании не только к производственной деятельности людей, но и ко всем существенным сторонам их общественной жизни рассмотрение городов в том их составе, каким он был официально признан, получает свое оправдание и представляется единственно возможным»[14]. Если к этому добавить, что официальная статистика, которая, как известно, является одним из основных источников наших суждений о многих сторонах жизни города, была привязана к городу как официально конституциированной административно-территориальной единице, то аргумент в пользу указанного выше понимания понятия город возрастает. Тем более что речь пойдет о городах Закавказья в тот период их истории, когда они развивались в условиях Российского государства и наравне с другими городами империи находились в общей системе административно-территориального управления.

Касаясь истории городов Закавказского края начала XIX в., надо отметить, что наши представления о них зиждятся на сведениях более конкретно-исторического и иллюстративного характера, нежели статистико-демографических, хотя уже с самого начала делались многочисленные попытки сбора статистических сведений о городах, перешедших в состав России.

Статистические описания территорий Закавказья и численность населения городов края в начале XIX в.

Общероссийская статистика первой четверти XIX в., к сожалению, не отразила статистико-демографических сведений о городах Закавказского края, что имеет вполне понятное объяснение — присоединение края к России происходило разновременно для отдельных его областей. К тому же территории Закавказья были в тот период театром военных действий русско-иранской (1804—1813 гг.) и русско-турецкой (1806—1812 гг.) войн: К. Герман, по исчислениям которого в России к моменту издания его книги, т. е. к 1819 г., насчитывалось 810 городов[15], дал лишь перечень городов Грузии и тех городов края, которые подчинялись ей в административном отношении (Елисаветполь),— всего 13 городов[16]. Кстати, часть из них впоследствии больше нигде не упоминалась как поселение городского типа. «Я не могу присовокупить,— писал К. Герман,— 35 городов новой Финлян-

дии, Грузии и Имеретии по недостатку сведений о их народонаселении»[17].

Однако и в тот период делались попытки учета коренного населения края. Носили они локальный характер, фиксировали численность населения лишь тех городов края, которые только-только охватывались системой военно-административного управления краем по мере присоединения их к России. Но, как правило, материалы не доходили до ведавшего в ту пору статистикой Министерства полиции. Нам предстоит дать им характеристику, но, предваряя ее, необходимо отметить, что их уровень и несистематичность обусловили соответствующий аспект восприятия статистических исчислений этих источников. Они приемлемы не столько в целях реконструкции на их основе демографической картины в крае, сколько в плане их критического анализа. Как писал П. И. Кеппен: «Скажем единожды навсегда: для статистика *критика данных должна быть важнее самих данных*»[18]. В этой связи основное внимание и будет уделено критическому рассмотрению первых данных статистико-демографического учета городов Закавказского края в первые два десятилетия XIX в.

Первые взоры были обращены к Грузии.

В 1801 г. генерал-майор Лазарев в ответ на запрос Кнорринга о состоянии Грузии доносил: «Численность населения Грузии неизвестна, т. к. здесь они точно счету сами не знают, ибо переписи никогда не имели, а сказывают, что лет за 15, при царе Ираклии, повелено было сделать перепись, но в иных местах не допускали до сего, а в других весьма много домов утаивали, но кладут примерно от 33-х до 35-ти тысяч домов...»[19]

В 1802 г. в развитие постановления «О учреждении внутреннего в Грузии управления» от 12 сентября 1801 г.[20] было произведено административно-территориальное разделение Грузии (речь шла о восточной ее части). Ведомость, представленная генерал-лейтенанту Кнорингу правителем П. И. Коваленским, содержала перечень населенных мест, в числе которых были указаны и некоторые города с общими сведениями об их этническом составе, но без каких-либо цифровых данных. Комиссия полковника Дренякина, посланная в том же 1802 г. со специальным заданием: снять на план города Грузии и дать их географическую, экономическую и статистическую характеристику, описать природные богатства и климатические условия, переписать всех жителей, выявить их сословный и национальный состав[21], к сожалению, справилась лишь с первой частью — были сняты планы городов, и то не всех, из предполагавшихся первоначально. Дренякин в своем рапорте так объяснял невозможность выполнения всей программы задания: «Камеральное же описание об обоих городах (речь шла о Тифлисе и Гори.— *Д. И.*), за неполучением многих затруднительных сведений, подле-

жащих тех городов от господ комендантов, остается без приведения окончательного»[22]. Увы, нам еще много раз придется сталкиваться с подобной мотивировкой, объясняющей невозможность составления сколько-нибудь приемлемых статистико-экономических описаний городов края.

Исходными данными, ставшими каноническими, на основе которых ведется демографический отсчет и базируются наши сведения о Тифлисе первых лет присоединения Грузии к России, являются материалы «Описи г. Тифлиса, с показанием числа жителей, строений и укреплений, от января 1803 г.». На этом источнике следовало бы остановиться несколько более подробно.

Впервые «Опись» была опубликована в 1868 г. в АКАК в т. II под № 2050 (С. 1046). Опись дает нам возможность представить себе топографию города, относящую его к городам восточнофеодального типа, количество домов в городе 3000 и число обитавших в нем жителей, насчитывавших до 20 000 душ «разного вероисповедания». Перечень культовых учреждений — церквей грузинских, армянских, греческих, католических и мечетей — подтверждал многонациональный характер населения города. Из данных описи мы узнаем также о торговой стороне жизни обитателей города, в котором имелось 85 лавок с красным товаром и 63 мелочных, 76 со съестными припасами и 40 винных и, кроме того, 310 мастерских. Этим, собственно, и ограничивались все данные, которые сочли возможным опубликовать ее первые издатели. Сами же материалы «Описи», ее первые сводные списки были опубликованы С. Какабадзе лишь в 1925 г.[23] Публикация представляет собой список жителей каждой из частей города (их было всего четыре) с показанием звания домовладельцев и их этнической принадлежности, количества душ мужского и женского пола, числа покоев, кому принадлежали и кем были заняты. Списки подписаны комендантом города князем Саакадзе.

Судя по данным списков, домовладельцами являлись частные лица, казна, монастыри и др. Из всех анонсированных в заглавии показателей наиболее последовательно указаны имена и отчества, а также вероисповедание. Что касается сословной принадлежности и «кто какое имеет мастерство», то в основном отмечено лишь сословие священнослужителей, изредка занятие горожан. Последнее отмечалось, надо полагать, лишь в тех случаях, когда занятие горожанина находило отражение в данном ему прозвище, отмечающем его отличительную, так сказать «профессиональную», особенность, например Аслан-мясник, Иван-садовник, Гоги-банщик, Таар Шахаров-лавочник и т. д.

В том случае если квартира была сдана внаем, то против имени домовладельца указывалось, кто в ней расквартирован. В большинстве своем это военные, представители администрации, чиновники.

С. Какабадзе всесторонне проанализировал данные списков. Пересчет данных показал несоответствие численности жителей города итоговой цифре, которая фигурировала в первой публикации «Описи». По подсчетам Какабадзе, в 2925 домах города проживали 11 805 чел., а не 20 000. По мнению публикатора, установление истины возможно лишь в результате изучения инструкции, на основе которой была произведена перепись населения[24]. Опись нельзя считать полной, так как сбор сведений встречал всевозможные препятствия. Так, тифлисский комендант доносил главнокомандующему в Грузии П. Д. Цицианову, что занимавшиеся учетом населения чины «не смели, вопреки местным обычаям, входить во внутренние покои, а сами хозяева вместо сообщения важных на этот счет сведений, отвечали бранью и даже угрозами». Поэтому сведения добывались «по случаю и обстоятельствам, исподволь, с осторожностью»[25]. Списки не свободны от ошибок, в них имеются пропуски, опечатки. Тем не менее «Опись» 1803 г. остается единственным источником, который позволяет нам составить изначальное суждение о числе жителей города Тифлиса, его сословном и этническом составе в первые годы присоединения Грузии к России. Как известно, в результате чумы, а затем нашествия Ага-Мохаммед-хана число жителей Тифлиса сильно уменьшилось по сравнению с 70—80-ми годами XVIII в. (на 18 %)[26].

Современники — европейские путешественники и дипломаты, лица духовного сана, ученые и др., по разным причинам посещавшие Тифлис в начале XIX в., пытались в своих описаниях определить примерную численность населения города, уяснить себе особенности его сословно-социальной структуры и передать этническое своеобразие жителей города. Если некоторые из них пытались сделать это на глазок[27], то известный востоковед академик К. Ю. Клапрот воспользовался для этой цели данными, специально полученными от полиции.

Согласно им, общая численность горожан Тифлиса в 1807—1808 гг. достигала 3183 души м. п. Из них наибольшую часть составляли мокалаки — 1983 души м. п. (62,3 %). Второе место среди жителей города занимало крестьянство — 677 душ м. п. (21,3 %).

Далее по численности следовали представители привилегированных сословий: азнауры и товады общим числом 376 душ м. п. (11,8 %) и, наконец, духовенство, представленное всеми звеньями иерархической структуры грузинской, армянской и греко-православной церквей — 147 душ м. п. (4,6 %)[28]. Однако этнический состав населения Тифлиса не был определен им с той же точностью. Клапрот обратил внимание лишь на то, что половину жителей города составляли армяне[29].

В 1803 г. комендантом города Гори майором Ковальчинским была составлена ведомость, «значащая сколько в г. Гори жилых домов и обоего пола душ, платящих подати казенные и царственного дома, также сколько казне принадлежащей земли и строения»[30]. Как видим, речь шла об учете населения податного. Размещалось оно в 131 доме в количестве 420 душ м. п. и 313 душ ж. п., а всего 733 души обоего пола. Это крестьяне трех категорий: казенные — 414 душ об. п., царского дома —174 души об. п. и церковные — 145 душ об. п. В ведомости содержались также весьма важные, на наш взгляд, цифровые данные об этническом составе населения и дифференциации его на коренное и пришлое. Гори населяли представители двух коренных народностей: армяне и грузины. Армян насчитывалось 597 душ об. п. (339 душ м. п. и 258 душ ж. п.), или 81,3 %. Они составляли большую часть и среди тех, кто значился в ведомости в рубрике «пришедших в г. Гори с разных мест»: из 733 душ об. п. пришлое население составляло 256 душ об. п., из которых на долю армян приходилось 110 душ об. п., почти половина неместных уроженцев. В ведомости указаны также католики в количестве 85 душ об. п. (48 душ м. п. и 37 душ ж. п.), под которыми также могли подразумеваться армяне-католики[31].

Из всех статистических материалов по учету городского населения Грузии первых десятилетий присоединения ее к России наиболее сопоставимыми являются сведения, полученные в результате камерального описания Закавказья в 1803—1805 гг. Занимавшаяся изучением финансово-экономических обследований Грузии О. П. Маркова считала, что сводка данных описания была составлена в 1810 г. и опубликована в АКАК под неверной датой — 19 сентября 1811 г.[32] Результаты этого описания были признаны неудовлетворительными, в чем мы убедимся при анализе данных о городском населении, но в данном случае они представляют интерес, поскольку в описании была сделана попытка учета населения городов.

В ведомости, представленной Казенной экспедицией, нашли отражение данные о губернском городе Тифлисе и пяти уездных городах: Сигнахи, Гори, Ананури, Телави и Елисаветполе. Были учтены два сословия: крестьянское (казенные, помещичьи и церковные) и, как указывалось в ведомости, «граждане или мокалаки». Последние действительно представляли сословие, свойственное исключительно городам Грузии. Однако распространение в данном случае понятия «мокалаки»— лишь одного из городских сословий — на всех обитателей городов свидетельствует о недостаточно ясном понимании составителями термина «мокалаки». Более подробно на содержании этого понятия мы специально остановимся в следующих разделах работы. Теперь же ограничимся указанием на то, что мокалаки составляли привилегированное сословие городского населения Тифлиса. Составителями же описания к мокалакам

отнесены все городские жители перечисленных городов, в том числе и города Елисаветполя, где не существовало сословия мокалаков. Механическое распространение термина «мокалаки» на все городские сословия сильно ограничивало статистический потенциал описания, значительно деформируя истинную картину численности городского населения, соотношение между его отдельными категориями. Так, в четырех городах Грузии (по городу Ананури городское население не показано) общая численность учтенных городских жителей (или «мокалаков», как указывалось в ведомости) составляла 6494 души об. п., что значительно меньше крестьянского населения городов — 8225 душ об. п. Однако не находит объяснения тот факт, что, за исключением губернского города Тифлиса, где преобладающим над городским было крестьянское население — 6675 душ об. п. против 1462 душ об. п. горожан, в остальных уездных городах городское население либо преобладало над крестьянским: в Телави — 984 души об. п. против 274 душ об. п., в Сигнахи — 956 душ об. п. против 386 душ об. п., либо были почти равными: в Гори — 562 души об. п. горожан против 582 душ об. п. крестьянских жителей.

К 1804 г. относится первая попытка описания городов Азербайджана. 3 января 1804 г. был взят город Гянджа и одной из первых акций явилось составление «Краткого камерального описания г. Гянджи с его округом» (как части общего камерального описания края), подписанное 2 марта 1804 г.[33] В те же дни состоялось переименование Гянджи в Елисаветполь в честь жены Александра I Елисаветы Алексеевны[34].

В камеральном описании 1804 г.[35] практически было учтено население округа в количестве 7303 душ об. п. Данные же о городском населении отсутствуют, если не считать цифры о количестве домов, которых насчитывалось в городе всего 213. В процентном отношении ко всем учтенным домам округа — 2517, это составляло менее 1 % (0,8). Отсутствие данных о городском населении может быть отчасти объяснено тяжелыми последствиями недавних военных действий. Необходимо также отметить, что князь П. Д. Цицианов по получении ведомости камерального описания обратил внимание на содержащиеся в нем неточности и предписал военным чинам, составлявшим камеральное описание, проверить данные статистических материалов о численности жителей Гянджи с его округом и привести их в соответствие с цифровыми материалами о количестве взятых в плен после штурма города[36]. Не надо забывать и того, что город был подвергнут месячной осаде, а затем взят приступом[37]. Значительное число жителей после штурма покинуло пределы города[38]. В плен было взято население 3120 дворов[39]. Однако, судя по материалам камерального описания 1803—1895 гг., численность жителей города по двум сословиям: собственно горо-

Азерб. Госуд. Респуб.
БИБЛИОТЕКА

жан и крестьян — вместе составляла 9913 душ об. п. при том, что крестьянское население (7383 души об. п.) втрое преобладало над городскими его слоями (2530 душ об. п.). Напомним, что по материалам того же камерального описания соотношение между собственно горожанами и крестьянским населением Тифлиса было также в пользу второго: крестьянское население вчетверо превышало горожан. Сравнение указанных данных вполне допустимо при условии учета того, что численность населения обоих городов была, может быть, в неравной степени, но сильно сокращена к моменту камерального описания. Последствия военных действий не могли не отразиться и на общем состоянии городской жизни: лишь на форштате из 399 лавок осталось всего 36, из 35 мельниц действовали 24 и пр.[40] Трудно сказать, откуда были получены данные об изначальном количестве лавок, мельниц и пр., но их число свидетельствует о довольно активной торгово-ремесленной деятельности горожан. Подтверждение тому мы находим и в ведомости о ремесленниках и лавках города, в которой указаны число лавок и количество ремесленников, сосредоточенных в торгово-ремесленной части города, а также их этнический состав. Всего «на майдане, в темном ряду и в 4-х караван-сараях» размещалось 306 лавок, в которых работало мастеров: азербайджанских (татарских)[41] — 228 и армянских —89. Азербайджанцы превалировали в ткацком производстве: шелковых материй — все 123 мастера, бумажных холстов — все 29 мастеров, шелкомотании — все 20 мастеров. Армяне преобладали в портняжничестве — 22 мастера из 24, в сапожном деле — 15 из 28 мастеров, в слесарном деле — все 7 мастеров и др.[42]

Если указанное описание Гянджи должно быть отнесено к одному из первых статистических описаний, относящихся к городам Азербайджана в начале XIX в., то материалы, о которых пойдет речь, являются по существу первыми статистическими сведениями, на основании которых мы можем составить себе некоторое представление не только о численности населения города Баку, но и о его этническом составе, сословно-социальной структуре, занятиях жителей города. Город Баку так же, как и Гянджа, в тот период в административном отношении был подчинен грузинской военной администрации — главноуправляющему Грузией, сосредоточившему в своих руках не только военную власть, но и функции гражданского управления краем. В 1810 г. Казенной экспедиции Верховного грузинского правительства была адресована «Ведомость о числе жителей крепости Баку и ее предместий с указанием национальной и сословной принадлежности, сумме взимаемых с ней податей на 1810 г.»[43].

Судя по данным ведомостей, в городе с его пригородами насчитывались 931 дом и 2235 душ м. п. В этническом отношении все население города состояло из персиян, под которыми чиновники

объединяли все городское население, исповедывавшее ислам (шиитского толка), включая сюда и азербайджанцев, армян и иудеев. Персияне составляли основную часть жителей города — 2154 душ м. п. (96,37 %), размещавшихся в 897 домах, армяне — 55 душ м. п., которым принадлежало 24 дома, и иудеи — 26 душ м. п. в 10 домах.

Социальное лицо города определялось довольно высоким удельным весом жителей, занятых в торговле. К ним отнесены купцы в количестве 395 душ м. п., составлявших 16,7 %, и т. п. «торгующие разными крестьянскими мелочами» или «мелочным товаром» в количестве 366 душ м. п., составлявших 16,4 % всех жителей м. п. города с его пригородами. На составе жителей города сказались особенности Баку как портового города, что отразилось на занятиях его жителей. Активная торговая жизнь города привлекала сюда не только торговцев, но и людей, занятых обслуживанием транспортных средств. Для погрузки и разгрузки лодок и караванов, постройки судов и для других работ привлекались поденщики или, как указано в ведомости, «промышляющие при городе черной работой», которые и составили следующую весьма значительную группу — 422 души м. п., т. е. 18,9 % всего населения. К ним должны быть отнесены также перевозчики на киржимах[44] и лодках — всего 45 душ м. п. и извозчики — 78 душ об. п. Не менее значительным был удельный вес населения, занятого в ремесленном производстве: портняжничестве, плотницком деле, сапожном и др. — 409 душ м. п., или 18,3 % всего мужского населения.

Земледельческое население (247 душ м. п.) слагалось главным образом за счет обитателей пригородов, что в целом давало 12,4 % всего учтенного населения.

Представители привилегированных сословий: беки — 98 душ об. п. и духовенство (мусульманское, армянское и еврейское) — 202 души м. п. — составляли соответственно 4,4 и 9,0 %.

Составленная в 1813 г. ведомость о численности населения города Баку и доходах, поступавших в казну, сообщает цифры о его населении дифференцированно на городское население и пригородов. В целом жителей города с предместьями (их в ведомости 37 наименований) насчитывалось 6494 души, из которых в городе проживало 1892 человека[45]. Как видим, обе цифры в значительной степени отличаются от данных за 1810 г. Однако остается невыясненной причина, породившая разницу в исчислениях обоих документов. По-видимому, она кроется в методике учета населения. В частности, в связи с материалами ведомости 1813 г. возникает вопрос о том, насколько полно были охвачены учетом жители предместий города в 1810 г., поскольку итоговая цифра (2235 душ) сильно разнится от исчислений 1813 г. Далее если в 1810 г. было учте-

но в основном население города, то в этом случае суммарная цифра несколько превышает аналогичные данные за 1813 г.

Французский путешественник Гамба, опубликовавший в 1820 г. свои впечатления о посещении им Южной России, писал, что в Баку и его пригородах проживало 1137 семей, или 5152 жителя[46]. Если принять количество женщин, равное количеству мужчин, то по данным 1810 г. составляется примерно такая же картина численности жителей Баку с его пригородами — около 4,5 тыс.

В самом начале 20-х годов были составлены описания трех провинций: Карабахской, Ширванской и Шекинской. Перед составителями была поставлена задача «открыть доходы» провинций, т. е. определить их потенциал с точки зрения фискального обложения проживавшего в них населения. Сведения были получены на основании расспросов и словесных показаний жителей. И, как водится в подобных случаях, истинное число платящих подати утаивалось. Кроме того, при учете жителей семьи не подразделялись на тягла, а указывалась в целом вся большая семья, включавшая в себя подчас по нескольку малых семей. Так, в городе Шуше под одной податной единицей фигурировало несколько семей, что, естественно, преуменьшало подлинное их число. В составе фактического населения города были учтены также и жители, прибывшие из окрестных деревень. Общее число семей в Шуше (платящих и не платящих подати) достигало 1532 (в итоговой ведомости указано 1462 семьи). Жители города составляли немногим более 8 % всего населения провинции. Но если поддается подсчетам этнический состав населения магалов Карабахской провинции, то относительно городского населения подобный анализ невозможен, так как ведомость содержит поименный список без указания на этническую принадлежность[47].

Описание Ширванской провинции произведено в пору, когда ее центр располагался в поселении Фитдаг, куда была перенесена столица из рядом расположенного, но совершенно разрушенного после землетрясения города Новая Шемаха. По весьма приблизительным подсчетам, население Фитдага достигало 2 тыс. семей[48].

Примерно в то же время автор известной историко-географической работы о Кавказе С. М. Броневский писал, что в городе Баку числится 500 домов и около 3000 жителей[49], в 25 деревнях, его окружающих,— более 1000 дворов[50].

С. Броневский сообщает также данные о населении другого города Азербайджана — Шеки (Нуха), в котором насчитывалось не более 1000 домов и около 6000 жителей[51], даже несколько превосходившего по своей численности город Баку вместе с его пригородами.

Пожалуй, можно считать, что приведенными выше сведениями завершается тот этап в определении численности городского населения Закавказья, когда статистика делала свои первые шаги, шел процесс накопления статистических знаний и навыков.

Необходимо также иметь в виду, что статистический учет был затруднен условиями военного времени, что, в свою очередь, привело к сокращению численности населения края. К этому присоединилась и эпидемия чумы, свирепствовавшая на Кавказе с 1801 г., державшаяся вплоть до 1818 г. и попеременно поражавшая территории края, в том числе города Тифлис, Гори, Душети, Телави, Ананури, Сигнахи, Елисаветполь, Баку и др.[52]

Пока еще учет населения был уделом военно-административной власти, носил рекогносцировочный характер и ставил задачей не только сбор цифрового материала, но и экономико-географическое изучение края. Получаемые сведения имели географически ограниченный ареал охвата и локальный характер применения и практически не доходили до инстанций, ведавших статистикой. Особенности демографического учета, его несистематичность не позволяют использовать их для выявления демографических процессов в городах края в указанное время, но дают возможность судить об этнической и частично сословно-социальной структуре городов края.

Источники по изучению городов Закавказья в 30-х — начале 60-х годов XIX в.

Новая ступень в историко-этнографическом, экономико-статистическом изучении Закавказского края наступает на рубеже 20—30-х годов XIX в. Это было обусловлено обстоятельствами двоякого рода.

Во-первых, политической ситуацией в Закавказье, когда в результате русско-турецкой (1827—1829 гг.) и русско-иранской (1826—1828 гг) войн завершился процесс присоединения основных территорий края к России. Становилась неотложной задача всестороннего изучения края, на основании чего и должна была формироваться дальнейшая политика царизма относительно вновь приобретенных провинций. Несколько позже об этом следующим образом выскажутся известные ученые М. И. Броссе и П. И. Кеппен: «Необходимость знакомиться точнее с Закавказскими землями возрастала беспрестанно, особенно в правительственном отношении, ибо можно ли ожидать благих последствий от какой бы то ни было административной меры, если она не основана на несомненных статистических данных»[53].

Во-вторых, статистико-экономическое изучение края хронологически почти совпало с началом нового этапа в развитии статистико-демографических знаний в России, когда организационно оформлялись основы статистического дела в общегосударст-

венном масштабе, вырабатывалась методика демографической статистики.

А. С. Грибоедов, с именем которого связана одна из первых конструктивных попыток всестороннего изучения Закавказского края и осмысления его экономического потенциала, писал в своем «Проекте учреждения Российской Закавказской компании»: «Многие части управления и отдаленнейшие грани империи, о которых прежде менее радели, внезапно привлекли к себе внимание и сделались предметом рассуждений государственных людей. Настала очередь и Закавказскому краю. Он как будто выступил из мрака, которым были подвергнуты его статистика, этнография, администрация, финансовое образование, нужды народные и способы к их удовлетворению»[54].

Камеральные и другие статистико-экономические описания Закавказского края

Необходимость всестороннего изучения Закавказья осознавалась и высшей кавказской властью в лице главноуправляющего Грузией (так именовался глава администрации на Кавказе генерал-фельдмаршал кн. Варшавский гр. Паскевич-Эриванский). В русле политико-экономических устремлений администрации Паскевича[55] была составлена записка тифлисского военного губернатора генерал-адьютанта Н. М. Сипягина министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину по поводу экономических мер для развития производительных сил Закавказья. «Надобно начать с того,— писал Сипягин,— чтобы составить статистическое описание сего края, размежевать земли и сделать перепись народа». И далее: «Все финансовые и экономические распоряжения по здешнему краю должны быть основаны на самых верных статистических сведениях»[56]. С инициативой Паскевича[57] связано, в частности, общее камеральное описание 1830—1832 гг.[58], которое охватило территории Закавказского края, присоединенные к России в результате Туркманчайского мирного договора 1828 г.

Были составлены статистико-экономические описания, их авторам была предоставлена возможность использовать различные официальные документы, статистические материалы и пр. из архива канцелярии главноуправляющего[59]. Это повысило уровень работ, сделав их материалы важным источником по изучению истории народов Закавказья.

Часть статистико-экономических описаний была опубликована, основная же масса была использована составителями четырехтомного «Обозрения российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» (СПб., 1836). Составитель одного из них — «Статистического описания Нахичеванской провинции» (СПб., 1833) В. Григорьев был отмечен за свой труд половинной Демидовской премией[60].

Удалось обнаружить камеральные описания нескольких городов Азербайджана. Однако сохранность их не равнозначна.

Полностью до нас дошли камеральные описания городов: Баку — составленное в 1832 г. коллежским регистратором Хотяновским[61]; Нахичевани — составленное в 1831 г. губернским секретарем В. Золотницким[62] и в 1843 г. (составитель не указан)[63]; Ордубатского округа и города Ордубата — также составленное Золотницким в 1832 г.[64] Как видим, описание Нахичевани было произведено Золотницким несколько раньше, чем описание Григорьева, и, быть может, потому подверглось резкой критике со стороны Золотницкого на страницах журнала «Современник» (т. 2. СПб., 1836. С. 218—228).

Сохранились фрагментарно отражающие какой-либо отдельный самостоятельный аспект камеральные описания городов: Кубы — «Реестр магометанскому, армянскому и еврейскому духовенству города Кубы и провинции оной», «Реестр бекам города Кубы и провинции оной», составленные в 1837 г. тем же Хотяновским[65]; беков Старой Шемахи, составленное в 1831—1832 гг. коллежским секретарем Сушко[66].

К сожалению, в плохом состоянии дошло до нас камеральное описание Елисаветполя, составленное в 1832 г. коллежским секретарем Сохиневичем. Оно содержит много карандашных помет, исправлений, вычеркнуты целые семьи и т. п.[67] Практически не сохранилось камеральное описание города Шуши[68], хотя есть черновой вариант также с большим количеством пометок и дополнительных записей «Поверки камерального описания Карабагской провинции города Шуши крестьянами, состоящим в управлении беков 1839 г.»[69].

Камеральное описание производилось в соответствии со следующим формуляром: порядковый номер, название города, «имена и прозвания людей в семействах состоящих» или, как мы бы теперь выразились, фамилия, имя и отчество; души мужского и женского пола — для армян и мужского пола — для татар, т. е. азербайджанцев; лета; какую исповедуют религию; какую ведут жизнь — оседлую или кочевую; каким промыслом занимаются; платят ли подать и какую; сколько принадлежит городу земли; были ли по прежнему камеральному описанию описаны и, наконец, то, что именуется примечанием, в которое должны были быть внесены данные сверх полагаемых в правилах.

Как видим, позиции камерального описания были разработаны довольно обстоятельно, но неровно. Материалы его дали возможность судить о половозрастной структуре населения, но в полной мере лишь для армян, поскольку мусульманское население учтено было лишь мужское. Создавалась возможность для дифференциации населения на податное и неподатное, но при этом посословный учет не нашел места в описании. Промыслы жителей позволяли судить не только о занятиях горожан, но и об их социальном облике. В камеральном описании население подразделено на постоянно и временно проживающих. Последние выделены в именной список «Прибывших из разных мест и проживающих здесь без всяких на то видов».

Для нас имеет значение дифференциация населения по этнической принадлежности. В камеральном описании она была учтена двояким образом: по конфессиональному признаку и этническому.

Следует особо остановиться на камеральных описаниях городов Нахичевани и Ордубата, поскольку за те же годы были составлены описания этих городов И. И. Шопеном. Предваряя знакомство с замечательным трудом Шопена, необходимо отметить полное совпадение цифровых данных описаний Нахичевани и Ордубата, произведенных Золотницким и Шопеном,— факт, пока еще не поддающийся объяснению. Может быть, он прояснится тогда, когда удастся обнаружить фамилии лиц, сопровождавших Шопена в бытность составления им камерального описания, и одним из них может оказаться Золотницкий.

Статистико-экономические материалы камерального описания 1830—1832 гг. легли в основу первого наиболее представительного для своего времени описания края, хорошо известного в исторической литературе уже упоминавшегося четырехтомного «Обозрения российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях».

Авторы этого издания — чиновники кавказской администрации, составители камерального описания — не ограничились его данными, дополнив их собственными исчислениями и знаниями по вопросам топографии, истории и этнографии, хозяйственно-экономической деятельности жителей края. Всего в «Обозрении» было охвачено 17 городов Закавказья. Однако если мы можем довольно ясно представить себе облик городов края к середине 30-х годов XIX в., занятия их обитателей и этническо-сословный состав, то неполнота и разнобой количественных показателей делают подчас несостоятельными содержащиеся в них цифровые данные.

Как правило, в «Обозрении» фиксировалось коренное население, опускались временно проживающие, русская администрация, военное население[70], лица привилегированных сословий. По существу наиболее последовательно учитывалось лишь крестьянское население городов, относившихся как раз к его негородским сословиям. Сведения о жителях ряда городов не выделялись, а давались вкупе со всем населением уезда. Авторы «Обозрения» пошли по пути корректирования цифрового материала камеральных описаний собственными исчислениями, которые носили, однако, весьма приблизительный характер и к тому же не сопровождались ссылкой на источник их происхождения[71]. Как известно, содержание «Обозрения» было скрупулезно проанализировано членом-корреспондентом статистического отделения Совета Министерства внутренних дел И.И. Шопеном — замечания его составили целую книгу. Среди прочего И. И. Шопен обратил внимание на цифровые данные о численности населения городов края, выявив огромное количество неточностей и ошибок[72]. «Приблизительными» называл числа «Обозрения» П. И. Кеппен, вынужденный тем не менее использовать их наряду с данными, полученными от И. И. Шопена, при составлении им таблиц о народонаселении России в 1838 г.[73]

Однако, невзирая на большое количество неточностей, «Обозрение российских владений за Кавказом» получило восторженную оценку Броссе и Кеппена, охарактеризовавших его как «неоцененный... дар, которого полезные последствия потомки наши едва ли не более нас будут видеть»[74]. В свете сказанного представляется наиболее приемлемым привлекать также данные «Обозрения», но главным образом в качестве иллюстративного материала.

Примерно в одно время с «Обозрением» появляется составленное О. Евецким «Статистическое описание Закавказского края» (СПб., 1835). Нам не следует особенно обольщаться названием работы, поскольку статистика занимает наименьшую ее часть. Автор попытался на уровне современных ему знаний дать характеристику политического состояния Закавказья, сравнив его с положением края в предшествующую историческую эпоху. Особое внимание было уделено этническому составу населения края с приблизительным его количественным определением «по племенам, языкам и вероисповеданиям»[75]. В этой связи имеют большое значение публикуемые Евецким статистические данные о населении Тифлиса с дифференциацией его по сословиям и этнической принадлежности. Кроме того, О. Евецкий попробовал показать (в округленных цифрах) общую численность народонаселения края по отдельным провинциям и его плотность [76].

Особняком стоит работа И. И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи» (СПб., 1852). Историю создания этого труда поведал нам правитель дел Кавказского отдела имперского Русского географического общества Д. Д. Пагирев[77]. Его публикацию можно было бы считать находкой, если бы не обнаруженное в ЦГИА ГССР среди материалов фонда Канцелярии наместника Кавказско-

го дело «О составленном Г. Шопеном статистическом описании Армянской области»[78].

Оба источника — статья Пагирева и архивные документы освещают как бы две стороны в судьбе этого труда и его автора. Опираясь на подлинные документы (рапорты и предписания Паскевича и самого Шопена), Пагирев скрупулезно реконструировал этапы составления камерального описания Армянской области, проследил буквально день за днем маршруты поездок Шопена. Правда, при сопоставлении ряда фактов, изложенных Пагиревым и в письмах и в прошениях самого Шопена, выявился ряд разночтений, что позволяет предположить, что Пагирев не был знаком с документами указанного дела. Тем не менее в результате изысканий Пагирева мы получили возможность как судить о самом процессе составления описания и его качествах, так и представить себе образ его составителя.

Обстоятельства же создания работы таковы. В 1828 г. перед кавказской администрацией встал вопрос об управлении вновь присоединенными к России территориями Армении, при этом аспект фискальный имел первоочередное значение, а следовательно, возникала обстоятельная потребность в точных статистических данных о ее народонаселении. Первым забил тревогу Паскевич, потребовав сведения от главы Армянского управления А. Красовского. Однако последний сослался на отсутствие каких-либо материалов, хотя по ст. 3 Туркманчайского договора прежнее иранское правительство обязывалось в шестимесячный срок предоставить в распоряжение русской администрации все архивы и официальную документацию. Но пока, по выражению Пагирева, Паскевич «возился» с армянским правлением, неожиданно нашелся человек, взявший на себя часть дела. Это был некто Мерлини, генерал-майор, начальствовавший войсками в Нахичеванской и Ордубатской провинциях. Под его началом было составлено камеральное описание указанных провинций (факт, малоизвестный в исторической литературе). Пагирев приводит цифровые данные из этого источника, дает их анализ, подвергая особой критике принцип определения национального состава населения. Так, например, в графу «татары» вносились все, кто не носил армянского имени, кто не исповедовал христианской веры. Однако в данном случае нам следовало бы не согласиться с Пагиревым и упрекнуть его в излишней придирчивости, так как в последующем демографическая статистика мало продвинулась в вопросе определения национальной принадлежности народов края, особенно азербайджанской его части. Видимо, и этот, пусть пока еще весьма далекий от совершенства, но первый опыт учета русской администрацией этнического состава населения территории Армении должен быть оценен нами положительно.

Очередь оставалась за Эриванской провинцией. В качестве лица, которому предстояло собрать статистические материалы о ее населении, был приглашен коллежский асессор Иван Иванович Шопен, впоследствии надворный советник, член-корреспондент Статистического отделения Совета Министров внутренних дел. Были разработаны специальные правила (из десяти параграфов), предусматривавшие возможно полный учет всего населения: городских и сельских жителей и вообще всего податного населения. Для нас важно то, что городское и сельское население описывалось дифференцированно. Население исчислялось по семьям (дымам), учитывались в них только души мужского пола, указывался возраст. Предусматривались специальные графы об этнической принадлежности: «татары и вообще магометане», армяне и греки, однако рекомендовалось для народностей, не указанных в формуляре, прибавлять специальные графы. Отдельными параграфами определялись принципы учета кочевников, формы землепользования и т. п. Но в программе камерального описания не было учтено основное условие переписей — его одновременность для различных районов. Однако это имело свое объяснение. Прежде всего невозможно было выполнить перепись одному человеку. Прикомандированный к нему штат был малочисленным (письмоводитель, переводчик и два казака в качестве посыльных и для защиты) и некомпетентным. Затруднялся выбор момента производства переписи — эпидемия чумы попеременно вспыхивала в различных местностях. Уносившая тысячи жертв, она делала невозможным точный учет фактического населения. Шопену приходилось объезжать зачумленные села и возвращаться в них лишь после того, как эпидемия отступала. Учет населения затруднялся также совершавшейся в тот период репатриацией армян и греков из Ирана и Турции в пределы России и перекочевкой коренных жителей.

Факты свидетельствуют о том, сколь трудным и опасным было выполнение возложенной на Шопена задачи. Шопену приходилось преодолевать настороженность местных жителей, не желавших отвечать на его расспросы, медлительность казначейства с выплатой денег и т. п., наконец, постоянно сопровождавший его риск заболеть. Однажды он чуть не погиб, споткнувшись и упав вместе с лошадью на скользком косогоре. Ему приходилось добираться до самых недоступных мест, всегда на коне, меняя нередко перо на саблю, встречая ежедневно и всюду смерть во всех видах и претерпевая неимоверные лишения всякого рода[79].

В результате всего камеральное описание затянулось на полтора года. По собственным подсчетам, Шопену пришлось изъездить до 8 тыс. верст. Но дело было сделано. Камеральное описание составило 20 томов (в рукописи). Шопен успешно справился со своей задачей.

Однако тут-то и начинается новый этап в истории этого труда. Первая попытка его публикации закончилась неудачей: издание было запрещено и уничтожено. Николай I, которому была представлена работа Шопена, нашел неудобным при «тогдашних обстоятельствах» (речь шла о 1841 г.) издавать книгу, так как «заключающимися в оной сведениями могут воспользоваться во зло за границей»[80]. Сохранились полные горечи письма Шопена, в которых он описывает все перипетии по изданию своего труда. Рукопись была отдана на рецензирование, была сделана ничем не закончившаяся попытка проверить содержавшиеся в ней статистические материалы[81]. Историк Платон Иоселиани, ознакомившись с работой, нашел ее «очень дельною и полезной и как первый еще в этом роде труд, заслуживающий нашу признательность». Он посчитал необходимым рекомендовать рукопись к изданию, поскольку на русском языке не было еще опубликовано ничего подобного и «не скоро еще дождется ученый мир лучшей истории Армении, основанной на точных, критически разобранных фактах»[82]. Книга наконец увидела свет в 1852 г.

Благодаря энергии Шопена, его образованности и чувству ответственности мы получили разностороннее описание Армянской области — незаменимый источник, которым пользуется не одно поколение исследователей. Хотя некоторые исчисления Шопена и были подвергнуты критике со стороны Броссе и Кеппена, в целом его труд был высоко оценен и удостоен престижной Демидовской премии (половинной) Санкт-Петербургской академии наук[83].

Как мы могли убедиться, интерес общественно-политических кругов к вновь приобретенным провинциям Кавказа проявлялся в довольно многочисленных исследованиях, описаниях и публикациях. Однако что же статистика? В какой мере отразилось на статистико-экономических описаниях края общее состояние центральной статистики исследуемого времени, особенно в части разработки статистики городов, и, напротив, как корреспондировались данные местного статистического учета с материалами, публиковавшимися центральными статистическими органами?

Для того чтобы попытаться ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к статистическим начинаниям Министерства внутренних дел, а также к постановке статистического учета на Кавказе.

Организация статистического дела в России. Закавказский статистический комитет

В 1834 г. произошла реорганизация статистического дела в России, с которой связаны расширение деятельности центрального статистического ведомства, создание местных статистических учреждений. Статистическое отделение, находившееся в ведении Министерства полиции, было передано в ведение Министерства внутренних дел. Согласно законоположению от 20 декабря 1834 г. целью нового учреждения было «составление подробных и по возможности точных описаний всех частей, подведомственных Министерству внутренних дел»[84]. Помимо того, в обязанность Статистического отделения входило рассмотрение представляемых в Министерство внутренних дел планов городов. Вместе с преобразованием Статистического отделения и определением его основных функций в соответствии с § 27 учреждались губернские статистические организации, которые должны были составлять описания губерний или же отдельных отраслей: хозяйств, промышленности и торговли[85].

Первым на Кавказе (18 мая 1835 г.) был учрежден Кавказский областной статистический комитет[86] в городе Ставрополе, а в декабре 1835 г. грузинский гражданский губернатор доносил Министерству внутренних дел о том, что 13 декабря 1835 г. состоялось учредительное заседание Грузинского областного статистического комитета[87] — первого в Закавказье.

Кавказская администрация в лице главнокомандующего Грузией, Кавказской и Закавказскими областями сразу же заявила о своем намерении выступать в качестве контролирующей инстанции в посредничестве между Грузинским статистическим комитетом и Министерством внутренних дел. Главноуправляющий оговаривал себе право первым ознакамливаться со сведениями, представляемыми статистическим комитетом в министерство; публикации их в печати также обусловливались его предварительным одобрением. Своей прерогативой считала местная власть и формирование состава статистического комитета — избрание членов-корреспондентов из местных жителей и чиновников, служивших на Кавказе[88].

Грузинский статистический комитет по своей инициативе расширил как представительство членов комитета, так и географический ареал своих действий за счет включения всех остальных территорий Закавказского края, не ограничивая их охватом территории одной губернии (или области) в соответствии с положением 20 декабря 1834 г. В ответ на неудовольствие, высказанное по этому поводу Министерством внутренних дел, Грузинский статистический комитет весьма обоснованно мотивировал свои действия. Во-первых, поскольку в остальных областях Закавказского края не были учреждены губернские статистические комитеты, а таковые созданы при губернской администрации по всей Российской империи, то подобная постановка статистического дела Грузинского комитета избавила бы министерство от создания статистических комитетов в других областях и провинциях края. Во-вторых, комитет ссылался на прецедент, имевший место в 1829 г., когда по предписанию министра внутренних дел тогдашнему грузинскому губерна-

тору были присланы составленные К. И. Арсеньевым таблицы на предмет сбора сведений, необходимых для преподавания статистики Российской империи наследнику великому князю Александру Николаевичу[89]. В этой связи главнокомандующий на Кавказе кн. Варшавский гр. Паскевич-Эриванский поручил, чтобы требуемые статистические сведения были собраны также и с присоединенных к Грузии мусульманских провинций и Армянской области. Поэтому Грузинский статистический комитет и взял на себя эту инициативу, так как в этом случае была бы составлена более полная и цельная картина статистики края[90].

В 1840 г. Главное управление Закавказского края возобновило свое ходатайство о расширении сферы действий Грузино-Имеретинского статистического комитета в связи с новым административно-территориальным делением края — созданием Каспийской области из бывших Мусульманских провинций. Комитет вновь брался охватывать эту территорию, поскольку работы могли быть «единообразно направляемы» и правительство было бы избавлено от необходимости создания в Шемахе (центре Каспийской области) еще одного статистического комитета. По соглашению с членом Государственного совета сенатором бароном Ганом, с именем которого связана административная реформа 1840 г., было решено оставить один статистический комитет для Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области, переименовав его в Закавказский[91]. Увы, нам еще предстоит свидетельствовать многократные попытки как местной, так и центральной власти решить вопрос о том, чему должно быть отдано предпочтение — единому центральному статистическому органу в Закавказье с сетью агентов по его административно-территориальным единицам либо местным губернским и областным статистическим комитетам. Можно сказать, что этот вопрос мучительно решался администрацией в самых высоких ее звеньях на протяжениии более чем полувека и он может служить еще одной иллюстрацией того, как административно-чиновничий бюрократизм стал самодовлеющей величиной в царской России.

Однако деятельность теперь уже Закавказского статистического комитета ограничилась лишь одной попыткой поставить статистическое дело в общекраевом масштабе. Управляющий Статистическим отделением член совета Министерства внутренних дел К. И. Арсеньев писал в 1841 г.: «Нынешнее положение Закавказского комитета, его действия, состав и направление занятий остаются совершенно неизвестными Статистическому отделению»[92]. Отсутствие какой-либо информации затрудняло, по мнению Арсеньева, контроль над его деятельностью, а главное, лишало возможности получать материалы для составления общей статистики по стране[93]. Но к чести Закавказского статистического комитета следует отметить, что к началу 1842 г. он уже располагал, как доносил ре-

визовавшему Закавказский край статс-секретарю М. П. Позену гражданский губернатор Грузино-Имеретинской губернии, «полными сведениями, собранными посредством местных начальников... о состоянии городов Закавказского края»[94]. Именно благодаря этому уже с начала 40-х годов на страницах местной периодической печати систематически публикуются материалы о городах края.

Необходимо подчеркнуть, что деятельность Закавказского статистического комитета не была явлением исключительным, а была свойственна абсолютному большинству губернских и областных статистических комитетов России. При, казалось бы, весьма представительном характере их составов — начальники губерний, вице-губернаторы, губернские предводители дворянства, почетный попечитель полиции, инспектор врачебной управы и др. — не было рабочего аппарата, который по существу и должен был заниматься сбором статистических сведений[95]. Именно так и описал причины бездеятельности Закавказского статистического комитета губернатор Грузино-Имеретинской губернии в своей объяснительной записке на имя ст.-секр. М. П. Позена. Объяснение сопровождалось просьбой о выделении дополнительных денежных средств для расширения штата канцелярии[96]. Кроме того, как выяснилось, Закавказский статистический комитет не имел должных программ для сбора сведений. В свое время ему в качестве образца было послано незначительное количество экземпляров плана статистических работ по городам Владимиру и Мурому, а также описания уездов Рославльского и Усманского Тамбовской губернии[97]. Обещание выслать дополнительное количество брошюр и сверх того экземпляры обозрения «Русских зданий» (которые легли в основу известной публикации «Материалов для статистики Российской империи...», 1839—1841 гг.) для «описания древностей Закавказских»[98] вряд ли могло продвинуть статистическое дело в крае.

Ходатайство М. П. Позена по поводу изыскания способов оказать содействие Закавказскому статистическому комитету не имело успеха. Министр внутренних дел Л. А. Перовский, сославшись на то, что в аналогичном положении находятся многие губернские статистические комитеты, ограничиваться реорганизацией одного Закавказского статистического комитета считает делом бесполезным. Таким образом, устройство статистического дела в крае откладывалось до решения его в общегосударственном масштабе[99]. Очередная же реорганизация его произошла в 1843 г., когда в связи с предполагаемым статистическим описанием России был учрежден Временный статистический комитет[100]. Была принята программа — «Главное основание для отечественной статистики, предпринимаемой в Министерстве внутренних дел», в которой были сформулированы основные принципы статистических изысканий[101]. Поскольку все, что касается многочисленных планов и про-

грамм центральных статистических учреждений исследуемого времени, достаточно полно освещено в современной историографии, в данном случае уместно остановиться на тех пунктах программы, в которых говорилось о порядке статистических работ на местах. Этому были посвящены § 7, 8 и 10. В общих чертах смысл сводился в тому, что статистические описания губерний должны были составляться на основании указанной программы, но при этом каждое из описаний должно было базироваться на локальных описаниях уездов, городов и др. Источники, из которых черпались необходимые сведения, будь то ревизские сказки, метрические книги или показания частных лиц, отбирались на месте. Достоверность данных гарантировалась исключительно добросовестностью лиц, их сообщавших, а также знанием предмета, о котором собирались сведения[102].

В организационном плане Закавказский статистический комитет не подвергался изменениям вплоть до 1862 г., когда власти вновь вернулись к идее замены единого центрального статистического органа в Закавказье местными статистическими комитетами губернского и областного значения. Обошла его стороной и реорганизация Статистического отделения в 1852 г.— в результате слияния двух ведомств при Министерстве внутренних дел было создано новое учреждение, получившее наименование Статистического комитета[103]. Опосредованное значение имели те правительственные меры, которые были направлены на определение прав и функций органов верховной власти на Кавказе. Так, рескриптом от 30 января 1845 г. «Об усилении прав главноуправляющего грузданской частью на Кавказе» (пункты 2—4) были расширены права Совета Главного управления, которому предоставлялось неограниченное право решать на месте по своему усмотрению все вопросы, ранее представляемые на рассмотрение соответствующих министерств[104]. Надо полагать, что этим правом должна была воспользоваться местная административная власть при руководстве деятельностью Статистического комитета. Не случайно в документах фонда Центрального статистического комитета отложилась выписка из этого рескрипта, свидетельствующая о том, что указанные его пункты обратили на себя внимание Министерства внутренних дел[105].

Но существовал еще один источник статистической информации — местный административный учет. Известно, что губернско-областная администрация предоставила материалы своего учета по требованию различных ведомств. В частности, статистико-демографические сведения доставлялись через штаб Отдельного Кавказского корпуса в Генеральный штаб. Отсутствие координации в действиях правительственных ведомств приводило к тому, что центральной власти на Кавказе приходилось получать необходимые данные непосредственно через Генеральный штаб[106]. Так случилось, когда потребовались статистико-демографические материалы для кавказского наместника, совершавшего поездки по Закавказскому краю. Была получена «Ведомость о числе жителей Шемахинской губернии в 1849 г.»[107]. Несколько ранее были составлены ведомости о численности населения по той же территории — в границах Каспийской области, а также по ряду других уездов края[108].

Как мы имели возможность убедиться, статистическое дело в Закавказье в дореформенный период переживало стадию своего становления, включаясь в процесс развития статистического дела в общероссийском масштабе. Деятельность статистической организации в Закавказье подчинялась общим для страны правилам сбора и систематизации статистических данных. Однако работа Закавказского статистического комитета была усложнена политической ситуацией на Кавказе, ареал ее был ограничен территориями края, которые были присоединены к России. Существовал еще один аспект, который определял положение Закавказского статистического комитета. Он, являясь составной частью системы местного административного управления, находился в субординационной зависимости также и от высших звеньев кавказской власти.

В целом уровень кавказской статистики определялся общим ее состоянием в государственном масштабе. Известный статистик А. Бушен очень критически оценивал его, подчеркивая разрозненность статистических источников, отсутствие их унификации. В России, писал Бушен, положительно ведется более списков, чем где-либо. Жаль только, что все эти списки не связаны друг с другом, ведутся неисправно, не имеют общего координирующего центра, а собираются разными обществами, сословиями и ведомствами[109]. И потому из всех существовавших в России способов регистрации нет никакой возможности составить одно целое[110].

Помимо общих недостатков, кавказская статистика имела свои особенности. Известно, что в России вне метрического учета оставалось магометанское население, евреи и язычники, а следовательно, с ними и большая часть жителей Кавказа. Сведения о них собирались полицией, но на совершенно иных принципах учета, а потому не подходили к тем метрическим данным, которые собирались духовенством[111].

Но и сами полицейские списки оставляли желать лучшего. «Разобрать способ ведения этих списков, — отмечал Бушен,— сущность которых заключается в прописывании и явке паспортов и видов на жительство и дает огромное место произволу, совершенно невозможно». Тем не менее полицейские списки фиксировали наличное население, контролируя иногородних по паспортам. Во всяком случае, по мнению Бушена, это единственная часть текущего контроля населения,«которая способна к улучшению и может со временем представить материал для статистики»[112].

В городах Кавказского края отсутствовал также такой учет городского населения, как составление обывательских книг. Имели они двойное назначение: регистрацию недвижимой городской собственности и удостоверение в состоянии. Но в обывательские книги вносилось все городское население, т. е. не только имеющие в городе недвижимую собственность, но и личные дворяне, почетные граждане, записанные в гильдию или цех, либо «имеющие в городе мещанский промысел»[113].

Общероссийская статистика городов

В какой же мере Закавказский статистический комитет, а до его создания местная администрация были участниками статистических начинаний по исследованию городского населения, предпринимавшихся центральными правительственными ведомствами в общегосударственном масштабе? Речь идет прежде всего о серии публикаций статистических материалов о городах и их населении Статистического отделения Министерства внутренних дел начиная с 1830 г. Поводом, послужившим к выходу в свет первого издания подобного рода — «Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год» (СПб., 1830), был запрос Академии наук в связи с необходимостью уточнения данных, публикуемых в разделе академического календаря «Росписание городов с показанием расстояний губернских городов от столиц, а прочих от столиц и губернских или областных городов»[114]. Обстоятельства подготовки «Статистического изображения городов и посадов» подробно изложены П. Г. Рындзюнским, им же сделан источниковедческий анализ его данных[115].

Нам же следует обратить внимание на закавказский аспект публикуемых материалов, их организацию. К. Ф. Герман, в момент подготовки издания начальник статистического отделения департамента полиции, затребовал сведения от губернских начальников с обозначением круга вопросов, которые интересовали Министерство внутренних дел: численность городских жителей обоего пола по 1826 г., расстояние каждого города от губернского или областного, а также от обеих столиц. При этом необходимо было указать на статус города — уездный ли, штатный или заштатный, местечко и пр.[116] Ответ не замедлил себя ждать и исправляющий должность грузинского губернатора выслал материалы с краткой экспликацией тех населенных пунктов, которые не считались поселениями городского типа. В их число попал, в частности, Ананури. Бывшая резиденция арагвских эриставов, в 1803 г. он был превращен в уездный город, но в связи с падением его экономического и политического положения, резким сокращением численности населения (по данным 1819 г., в Ананури проживало всего 219 душ) в

1821 г. он был упразднен как уездный город, вместо него в ранг уездного города был возведен Душети[117].

Однако присланные материалы были ограничены сведениями лишь по городам Грузинской губернии. Что же касается других городов края, присоединенных к России к моменту запроса (Нуха, Шемаха, Шуша, Баку, Дербент и др.), то губернатор отказался дать о них какие-либо сведения, сославшись на особое административное положение тех провинций края, к которым относились названные города. Они как бы считались приписанными к Грузии, но находились в ведении особых военно-пограничных начальников[118].

Как известно, в результате изучения собранного материала были признаны ошибочными показания местной администрации на 1823—1825 гг., поскольку тогда было сочтено все фактическое население, а в исправлениях 1826 г. принимали во внимание лишь постоянных жителей[119]. Действительно, сведения грузинской администрации от 22 июня 1826 г. существенно отличались от данных от 4 сентября 1823 г. К. Ф. Герман, обративший внимание на эту разницу, высказал сомнение в «верности нынешнего показания»[120], т. е. данных за 1826 г. К сожалению, местная администрация не дала никаких объяснений по поводу существующих расхождений. П. Г. Рындзюнский высказал предположение, что исправления 1826 г. в большинстве своем шли за счет исключения лиц негородских сословий, «чем искажался весь смысл предпринятого учета как учета всего фактического городского населения». По-видимому, администрация перешла к посословному исчислению, что и привело к уменьшению численности горожан по сведениям 1826 г. по сравнению со сведениями 1823—1825 гг., так как полноправных горожан было значительно меньше, чем фактических обитателей городов[121].

Однако это объясняло лишь то большинство случаев, когда речь шла об уменьшении численности горожан. По сведениям грузинской администрации, из шести городов данные были уменьшены всего по двум городам. Наибольшая разница касалась данных по Тифлису — 12,855 человек, что составляло 43,05 % от прежней цифры. Напротив, по Елисаветполю данные за 1826 г. превышали прежние показания на 12,13 % (+1194 человека). По остальным городам разница в данных в абсолютном выражении была незначительной и не имела существенного значения, однако в относительном выражении она свидетельствовала об уточнениях, смысл которых, увы, оставался неясным. Так, по городам Гори и Телави разница составляла соответственно 17,58 % (+377 человек) и 14,10 % (+294 человека) по сравнению с прежними сведениями и по городу Сигнахи — 9,27 % (—309 человек)[122]. Может быть, объяснение следует искать также и в том, что в обоих случаях сведения собирались в разное время года, а это имело принци-

пиальное значение, скажем, для такого города, как Тифлис, административно-политического центра края с большим удельным весом временно проживающих жителей. Несколько позже авторы «Обозрения российских владений за Кавказом» обращали внимание на трудности при определении точной численности населения Тифлиса в связи с довольно значительной численностью пришельцев из других мест: ремесленников, чернорабочих и т. п.: «Число их определить невозможно, потому что они приходят и отходят без всякого вида и нанимаются без всякого требования онаго...»[123] Еще одно свидетельство современников: «Ничего нет труднее, как, наверное, определить общее число жителей в Тифлисе, чему... главная причина: бесчисленное множество людей, временно прибывающих в Тифлис по делам торговли, которых трудно отличить от туземцев, постоянно пребывающих». При этом осенью, по окончании полевых работ, население города почти удваивалось за счет жителей, стекавшихся из окрестных мест[124].

В этом смысле более уязвимыми являются цифры грузинской администрации от 22 июня 1826 г., зафиксировавших ситуацию летнего времени, когда определенная часть жителей города (например, администрация) покидала его пределы. Другое дело — город Елисаветполь, в котором негородские сословия (крестьянство) в исследуемое время составляли определяющую часть и на летнее время, напротив, оставались в городе. Таким образом, как подметил П. Г. Рындзюнский, разница в цифровых показателях находилась в прямой зависимости от постоянно менявшегося состава городского населения, более всего от передвижения военных и отходников[125]. К тому же нам неизвестно, в какой мере учитывалось население пригородов в связи с отсутствием четкого понятия города. Трудно решить, каким из материалов: 1823—1825 или 1826 гг. должно быть отдано предпочтение, точность данных у тех и других относительна. Тем не менее представляется предпочтительным обратиться к данным 1823 г., отразившим ситуацию на сентябрь, когда население городов стабилизировалось, а следовательно, учет должен был фиксировать фактическое население. Именно они, а не так называемые уточненные данные 1826 г. были приняты к изданию и опубликованы дважды: в «Статистическом изображении городов и посадов Российской империи по 1825 г.»[126] и в «Месяцеслове» императорской Академии наук, в котором в 1831 г. впервые в этом издании были опубликованы данные о численности населения городов России[127].

Статистические данные отразили сведения по шести городам Грузинской губернии, в числе которых по административно-территориальному делению того времени значился город Елисаветполь, и по одному городу Имеретинской губернии. Города были расположены в алфавитном порядке, а не по губерниям. Особенностью

статистических материалов по городам Закавказья следует считать отсутствие отдельных сведений о численности купцов. Объяснялось это тем, что купечество в Закавказье не было еще конституциировано в сословие и местная администрация была не подготовлена к учету купечества как сословия, к тому же дифференцированного по гильдиям, правда, в документации они фигурировали в качестве торговцев. Наоборот, не укладывались в рамки требований формуляра «Статистического изображения городов и посадов» сведения о неизвестном в России, но наиболее типичном для Грузии городском сословии «мокалаков». Надо полагать, что численность купцов, равно как и мокалаков, в качестве городских сословий вошла в общую численность населения городов края. В таблицах содержались также сведения о количестве домов (каменных и деревянных), «фабрик» и «заводов» (в соответствии с толкованием этих терминов применительно к промышленным заведениям того времени), учебных заведений (духовных и светских).

«Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г.»— первый опыт демографического учета городов и этим определяется его основное значение. В последующем оно послужило той о правной хронологической датой, которая была принята в качестве начальной грани при исследовании демографических процессов в городах России[128].

Публикация статистико-демографических данных о городах России была продолжена изданием в 1833 г. «Обозрения состояния городов Российской империи в 1833 году» (СПб., 1834). Учитывая, что предыдущее издание, хотя и вышедшее в 1830 г., содержало сведения на 1823 г., мы получаем возможность судить о динамике городского населения за десятилетний период.

Перечень городов в «Обозрении» был составлен по иному принципу — в соответствии с административно-территориальной принадлежностью городов. Прилагаемый в конце таблиц алфавитный указатель значительно облегчал пользование статистическими материалами. В отличие от предыдущего издания «Обозрение» содержало сведения о местечках, что свидетельствовало о более расширительном понимании составителями поставленных задач по статистике поселений городского типа.

Информация «Обозрения» была дополнена за счет включения новых граф: параллельно с графой «Фабрики и заводы» вводилась графа о количестве занятых на них работников, численность учебных заведений также давалась с указанием на число учащихся. Однако представляется несколько неопределенным понятие «работники». По признанию составителей, среди них было много крестьян, прибывших из уездов и других мест для временных работ на фабриках[129].

Материалы по Закавказскому краю были расширены за счет привлечения сведений по Армянской области. Из территорий Кавказа в таблицах фигурировали сведения о городах Кавказской области (Предкавказье), Грузии (6)[130] и Армянской области (3). Попрежнему в графе о купцах содержался прочерк.

Сопоставление данных «Обозрения» с цифрами камерального описания, производившегося И. И. Шопеном в 1829—1832 гг., исключало последнее как возможный источник сведений, представленных губернской властью,— они являлись плодом их собственных исчислений. Между показателями обоих источников существовали расхождения. Менее всего разнились цифры по Эривани — 11 284 душ об. п. («Обозрение») и 11 463 душ об. п. (И. И. Шопен). Значительны расхождения по Нахичевани и Ордубату. В первом случае данные «Обозрения» превосходили показания Шопена — соответственно 9970 и 5470 душ об. п., во втором, напротив,— 2965 и 3444 души об. п.[131] Уже отмечалось, что камеральное описание производилось Шопеном в длительное и к тому же неблагоприятное для края время[132]. Мы располагаем еще одним источником, в котором содержались данные о населении Армянской области и всего Закавказья в целом. Известно, что авторы «Обозрения российских владений за Кавказом» основывались в своих демографических характеристиках на материалах камерального описания, которое в пределах Армянской области производилось в 1834 г.[133] Однако данные «Обозрения российских владений за Кавказом» были идентичны цифрам Шопена[134], что свидетельствует о том, что авторы воспользовались ими при подготовке своего сочинения.

Рассматривая составленное Грузинской казенной экспедицией камеральное описание Закавказского края 1831—1834 гг. в качестве одного из статистико-демографических источников того времени, следует обратить внимание на следующее. Губернское начальство при составлении сведений для «Обозрения состояния городов Российской империи в 1833 г.» не сочло возможным обратиться к материалам камерального описания по тем городам края, по которым оно не располагало необходимыми сведениями, предпочитая придерживаться программы, выработанной Министерством внутренних дел и отвечавшей специфическим задачам проводимого обследования. Так, против помещенного в таблице перечня городов Мусульманских провинций (преобладающая часть территории Азербайджана) значилось: «Нет сведений». Трудно объяснить, что послужило препятствием к подготовке демографических сведений по городам этой части Закавказского края, уже с 1828 г., одновременно с Армянской областью, окончательно присоединенной к России. Сведения о них впервые появляются в последующих изданиях статистических материалов о городах России.

Публикация 1840 г. «Статистических таблиц о состоянии городов Российской империи, составленных в Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел» (СПб.), увы, оказалась несостоятельной, так как сведения ее содержали большие изъяны. В материалах по Кавказу успели учесть только что совершившееся изменение его административно-территориального устройства на основании административной реформы 10 апреля 1840 г. Кавказ был подразделен на Кавказскую область и Закавказский край, последний — на Грузино-Имеретинскую губернию и Каспийскую область, которая, в свою очередь, была создана из бывших Мусульманских провинций. Однако, несмотря на расширение ареала публикации, в которую были включены также сведения о заштатных городах края, против многих городов было помечено: «Сведений не имеется». Особенно это касается городов Каспийской области, из которых были учтены данные о численности населения лишь одного города — Шемахи.

Публикация 1840 г., равно как и последующая — 1842 г., являлась первым опытом учета населения городов по признаку сословной принадлежности (духовенство, дворянство и чиновничество, почетные граждане, мещане и посадские), и факт этот должен быть отмечен.

Однако относительно городов Закавказского края сословный показатель полностью был применен лишь по одному городу — Тифлису. Но при этом возникает вопрос — каким образом была определена численность почетных граждан Тифлиса. Это стало возможным благодаря незадолго до того принятому манифесту (1832 г.) «Об установлении нового сословия над названием почетных граждан»[135], к ним причислялись также лица купеческого сословия.

Немудрено, что в связи с неудачей публикации 1840 г. Совет Министерства внутренних дел принял решение о немедленном переиздании статистических материалов 1840 г. Они были разосланы начальникам губерний для «точнейшей проверки числовых показаний и для наполнения пропусков». Получив уточненные и дополненные сведения, Статистическое отделение не замедлило издать их вторично в 1842 г. «как более верные и ближайшие к истине»[136]. Помимо этого, в публикации 1842 г. обозначилось стремление центрального статистического ведомства представить себе степень относительности городского населения как в целом, так и по отдельным показателям: половому, сословному и др. Однако если подобное исследование было произведено для Кавказской области — мы можем судить об удельном весе городских жителей, соотнести численность дворян, чиновников и купцов с общим количеством населения городов, учащихся с неучащимися, то по городам Закавказья аналогичной работы не было проделано[137]. Как и в прежних публикациях, было помещено примечание, объяснявшее

причину отсутствия сведений, но теперь в них содержалось указание на то, в каком объеме учтено купечество, при этом дифференцированно по отдельным частям Закавказского края. Так, пояснялась специфика населения в городах Грузино-Имеретинской губернии: «Купцов, в смысле общих законов о гильдиях, нет в Закавказском крае, а в графе о мещанах показано вообще торгующее сословие, которое не имеет еще правильной классификации и состоит из макалаков и крестьян казенных, церковных и помещичьих»[138]. Таким образом, то, что, по мнению составителей, могло быть отнесено к торговцам, вошло в состав мещан. Следовательно, было сделано отступление от принципа посословного исчисления населения. В изданиях 1840 и 1842 гг. не был учтен и такой важный контингент населения городов, как крестьяне, которые в таблицах исчислялись вместе с мещанами и посадскими людьми. На городское население края была экстраполирована классификация населения, свойственная русскому городу — понятие «посад» и «посадские люди». Не следует также обольщаться по поводу полноты данных издания 1842 г. По ряду городов края против того или иного показателя значилось: «Неизвестно». Тем не менее статистические материалы 1842 г. служат важным звеном в определении демографических процессов в городах Закавказского края в дореформенное время.

Судя по отложившимся материалам, кавказская статистика на какое-то время выпала из внимания центрального статистического ведомства. К. И. Арсеньев, издавший таблицы о народонаселении России на 1846 г., данные которых были основаны на материалах губернских отчетов, касательно закавказских губерний ограничился примечанием: губернаторских отчетов за 1846 г. «не поступило, по новости учреждения их»[139]. Та же причина была указана и в следующей большой публикации статистических материалов по городам империи. В 1852 г. тогда еще Статистическим отдлением были изданы «Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи (по 1 мая 1847 г.)». Против всех закавказских губерний было помечено: «Сведений не доставлено». Между тем мы знаем, что Закавказский статистический комитет уже существовал, частично действовал и публиковал свои материалы на страницах местной периодической печати.

В 1853 г. Статистический комитет обратился к начальникам 52 губерний и областей с просьбой прислать отчет о деятельности местных статистических комитетов[140]. Продиктовано это было не только желанием вновь учрежденного органа активизировать деятельность местных организаций. Как известно, именно в те годы по распоряжению министра внутренних дел шла подготовка к изданию статистических таблиц Российской империи за 1856 г. Повидимому, частью этого издания был сбор сведений о городах по их состоянию на 1852 г. Дважды по циркулярному предписанию

министра внутренних дел были затребованы от губернаторов сведения о городах по форме, утвержденной и разосланной еще в 1835 г. Полный список городских поселений (городов, посадов, местечек и т. п.) должен был содержать сведения о численности всего населения и отдельных городских сословий, в том числе купечества (с данными о размере капитала у них), мещан, ремесленников, имеющих голос в общественных собраниях и на выборах, общее число домов[141]. Однако в числе адресатов указанных циркуляров не значилась ни одна из кавказских губерний и областей[142].

Статистический комитет, обобщив полученные отчеты о деятельности губернских и областных комитетов, созвал специальное совещание по вопросу об улучшении их работы главным образом по линии создания унифицированной программы для сбора статистических сведений. Жалобы местной администрации на отсутствие достаточного штата специалистов и денежных средств были оставлены без должного внимания[143]. Составленное «Расписание предметов, о которых Статистический комитет Министерства внутренних дел полагает требовать сведения от местного губернского начальства» с подробной конкретизацией каждой из позиций обрело статус циркулярного предписания от 30 декабря 1853 г.) и стало руководством к действию[144]. Вслед за этим в местные статистические комитеты была отправлена форма для описания поселений городского типа[145].

В документах фонда Центрального статистического комитета отложились статистические материалы, присланные губернской и областной администрацией, на которых сохранились пометы их разбора с указанием на наиболее распространенные ошибки. Однако и здесь мы не обнаруживаем следов деятельности кавказских статистических комитетов. Объяснялось же это тем, что отчеты об их деятельности направлялись в Кавказский комитет и обнаружить это удалось Министерству внутренних дел лишь вследствие запроса министра С. С. Ланского управляющему делами Кавказского комитета В. П. Буткову в конце 1857 г.[146] Как высянилось, Статистический комитет не располагал копиями губернских отчетов по всему Кавказу, включая Землю Войска Черноморского и Область Войска Донского, которые поступали в ведение Кавказского комитета.

Если ранее все, что касалось статистики, направлялось в соответствующее статистическое ведомство, то эта субординация усложнилась с созданием в 1840 г. Кавказского комитета — межведомственного органа, руководившего гражданской деятельностью царской администрации на Кавказе. Кавказский комитет переслал в Статистический комитет требуемые сведения, на основании которых были составлены таблицы по губерниям Тифлисской, Кутаисской, Шемаханской, Эриванской, Дербентской, Ставропольской и Земле Войска Черноморского. Как значилось в примечании, в таб-

лицы не вошли те сведения, которые «по исключительному положению Кавказского и Закавказского края не могли быть собраны на месте»[147]. Сопоставление данных указанных таблиц и «Статистических таблиц Российской империи за 1856 год, составленных и изданных по распоряжению министра внутренних дел статистическим отделом Центрального статистического комитета» (СПб., 1858. Вып. 1) показало их идентичность, что позволяет относить эти таблицы к источнику, который лег в основу публикации 1859 г.[148]

Наличие в «Статистических таблицах Российской империи за 1856 г.» сведений о численности всего населения губерний и областей дает возможность судить об удельном весе городского населения края. В них также содержались данные о количестве церквей, домов и лавок в городах и местечках, городских доходах. Однако в данном издании, ставившем перед собой задачу публикации общих демографических материалов (число родившихся и умерших, браков), не содержалось сведений об этническом составе и сословной структуре городов.

В 1863 г. выходит последняя для дореформенного периода публикация статистических материалов, в которых было отдано предпочтение посословной классификации данных о народонаселении Российской империи. Здесь-то и выявилась в полной мере невозможность посословного учета населения Кавказа, так как до сего времени не были кодифицированы до конца сословные права привилегированных слоев и городских жителей края. Комитету пришлось ограничиться публикацией таблиц лишь по Европейской России. В результате полученные итоговые цифры по всей России не отражали объективной картины, и виной тому, по словам редактора издания А. Бушена, — отсутствие полных данных по Сибири и особенно Кавказу, «по которому сведения о сословиях доставлены из весьма немногих городов и уездов и представляют множество неточностей и недоразумений...»[149].

Более чем приблизительные данные о численности дворян и чиновников, духовенства и городских сословий на Кавказе (то же и по Сибири) были вынесены за пределы таблиц, чем подчеркивалось их исключительно иллюстративное значение[150]. Бушен признавал нечеткость принятых градаций городских сословий, вследствие чего «точное определение внутреннего состава городского сословия, в обширном смысле слова, становится невозможным и приходится ограничиться общими и приблизительными указаниями»[151]

В ряду статистико-демографических изысканий исследуемого времени нельзя обойти вниманием деятельность П. И. Кеппена. В работе уже упоминался факт обращения Кеппена к данным «Обозрения российских владений за Кавказом», так как, не имея соответствующих статистических сведений «о населении Грузии и прочих Российских владений за Кавказом», он тем не менее посчитал важным публикацию хотя бы приблизительных данных о численности народонаселения края. Кроме того, Кеппен в своих статистических работах пользовался изысканиями И. И. Шопена, деятельность которого высоко ценил[152]. В личном архиве П. И. Кеппена сохранилось достаточно свидетельств его интереса к Кавказу. Его корреспондентами были М. С. Воронцов[153], А. М. Фадеев[154], А. П. Берже[155]. Особенно показательна переписка Кеппена с директором гражданской канцелярии кавказского наместника С. В. Сафоновым, который систематически информировал его о происходивших в крае событиях научно-исторического и культурного значения, нередко обращаясь с просьбой поддержать то или иное начинание. Так было во время учреждения в Тифлисе публичной библиотеки — Сафонов прибегнул к посредничеству Кеппена как члена Академии наук и «ревнителя просвещения» в комплектовании библиотеки изданиями Академии наук. По-видимому, по рекомендации Кеппена шли переговоры о покупке библиотеки покойного Аделунга и др.[156] В свою очередь, Сафонов систематически снабжал Кеппена местными изданиями: газетой «Кавказ», «Кавказским календарем», «Кавказским сборником», чему Кеппен придавал особое значение, поскольку «литературные редкости этого рода у нас скоро исчезают»[157], главное же, его интересовали содержавшиеся в них статистические сведения о народонаселении Кавказа.

Кеппен, работая над составлением этнографической карты, предполагал сделать ее в общероссийском масштабе. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся в его архиве скрупулезные разработки[158]. Занимаясь, в частности, изучением этносов, населявших Кавказ, он привлек весь существовавший арсенал сведений о числе этносов, их языках, особенностях, местах расселения. Однако основной базой его разработок по Закавказью служили данные «Обозрения российских владений за Кавказом» и труд Шопена. К последнему он получил доступ тогда еще, когда он был в рукописи и первоначально именовался «Статистическим описанием Армянской области», которая поступила к нему в конце 1840 г. на рецензирование по случаю «притязаний на Демидовскую премию»[159]. Состояние источников и представления того времени, естественно, не могли не отразиться на характере разработок Кеппена, их полноте. Не следует также забывать того, что они не были им завершены. Как известно, Кеппен впоследствии намеренно исключил из карты Сибирь и Кавказ, ограничившись лишь этнографическими материалами по Европейской России. «Сибири и Кавказа я не смел коснуться,— писал Кеппен,— чувствуя необходимость обследовать первоначально ближайшие для нас отношения и

боясь предпринять что-либо решительно казавшееся мне выше сил моих»[160]. Однако его не покидала мысль об издании аналогичной карты по Кавказу, и, напоминая Сафонову о высказанной тем готовности содействовать составлению этнографической карты Кавказского края, он писал: «Признаюсь, я начинаю надеяться, что еще в наши дни и Кавказ и Сибирь будут иметь свои этнографические карты»[161].

Повышенный интерес Кеппена к статистике Кавказа должен восприниматься в контексте его статистических занятий, особенно его работы по сбору и систематизации материалов клирового учета. На протяжении 1847—1850 гг. Кеппен настойчиво добивался у гражданских ведомств кавказской администрации статистико-демографических материалов по Закавказью. Хотя издание академического календаря, по его собственному признанию, не имело к нему отношения, «однако же, предпочитая хорошее посредственному,— писал он Сафонову,— я иногда не могу не содействовать к приобретению разных статистических сведений». Отсюда просьба к Сафонову заполнить графы направленного ему списка городам и местам Закавказского края для последующего включения полученных данных в ежегодно издаваемый академический календарь[162]. Эти же данные необходимы были Кеппену для «городских томов»[163]. Для публикации в Бюллетене Академии наук он просит Сафонова «подарить» ему перечень или ведомость о числе жителей Закавказского (или вообще Кавказского) края по провинциям и народам[164]. Однако директор гражданской канцелярии не выполнил просьбы Кеппена. Сафонов ссылался на сложность демографического учета в крае, особенно касательно горских народов, отсутствие унифицированной программы в качестве руководства для статистических работ. «Если бы я имел таковую программу...— отвечал Сафонов,— в эту раму при имеющихся у меня средствах постепенно вставлял бы все сведения. От того-то при собрании статистических сведений бродим теперь в каком-то тумане»[165]. Тем не менее какие-то данные о численности населения края, в том числе его городов, уже существовали как результат деятельности местной администрации и статистических комитетов и публиковались в «Кавказском календаре», и Сафонов... рекомендовал Кеппену обратиться к ним[166]. Кеппену были отправлены выписанные из «Кавказского календаря» материалы со сведениями о государственных крестьянах по Шемахинской губернии[167].

Зато Кеппену удалось получить приходские списки по приходам евангелическо-лютеранского и реформатского, православного и римско-католического вероисповеданий. Дело, видимо, было облегчено тем, что местной администрации нужно было заносить требуемые сведения в графы типографически отпечатанных ведомостей. Таким образом, в ведомостях содержались данные о названии населенных мест, числе прихожан обоего пола, национальности («какого племени») и сословии. К сожалению, количественные показатели касались лишь численности жителей по полам, но без выделения по национальной и сословной принадлежности. Последние сведения давались чисто описательно, в качестве общей характеристики состава населения. Кроме того, в ведомостях отсутствовали аналогичные материалы учета для жителей магометанского вероисповедания, что исключает возможность реконструкции общей картины численности населения края. Тем не менее возможность видеть городское население по трем вероисповеданиям важна при характеристике в целом состава горожан края[168].

Нами была рассмотрена деятельность статистических организаций, их роль в учете населения городов, обработке и публикации результатов учета. Однако местная администрация, поставлявшая требуемые центральным статистическим ведомством сведения, не ограничивала этим сферы своей работы. Она продолжала вести демографический учет населения для текущих надобностей. Не связанная четко ограниченным формуляром, администрация вела этот учет, как правило, без соблюдения необходимых для того правил. Систематически публикуемые на страницах местной периодической печати статистические материалы — прямое тому доказательство.

Демографические материалы периодической печати

Однако, прежде чем перейти к ним, необходимо остановиться на статистических материалах центральной периодической печати того времени.

Нам уже приходилось упоминать о статистических сведениях первого академического календаря. Издававшийся ежегодно с 1727 г., он постепенно расширял свою информацию географического, исторического и статистического характера. В частности, в календаре (1779 г.) публиковалось «Росписание городов с показанием расстояния губернских городов от столиц, а прочих от столиц и губернских и областных городов»[169]. Надо отметить, что в этом перечне начинают упоминаться и некоторые города Закавказского края, хотя расстояния до них не всегда были указаны[170]. Но в первой же публикации статистических сведений о народонаселении Российской империи (месяцеслов на 1831 г.) было учтено население Грузинской губернии и Имеретии. Однако статистические сведения о жителях ряда указанных в таблице городов Закавказья (Куба, Нахичевань, Эривань) не содержались[171]. В предыдущем разделе (с. 40) говорилось об абсолютной идентичности статистических сведений календаря и «Статистического изображения горо-

дов и посадов Российской империи по 1825 г.». Но в последнем из двух городов Имеретии — Редут-Кале и Кутаиси данные были опубликованы лишь по Редут-Кале. Учитывая, что в основе обеих публикаций лежал один источник, при исчислении городского населения Грузии в последующем будут привлекаться данные месяцеслова о численности жителей Кутаиси.

С начала 30-х годов «Журнал Министерства внутренних дел» систематически предоставлял свои страницы для публикации работ, представляющих собой обзоры статистико-экономического состояния либо всего Закавказья в целом, либо отдельных его провинций. Однако характер содержавшихся в них материалов не позволяет использовать эти материалы в качестве источников, а относит их к работам историографического значения. В этих публикациях сообщались главным образом исторические факты, общие сведения о природе, жителях края и их занятиях[172]. Наибольшей популярностью пользовалась серия работ известного экономиста действительного члена Кавказского общества сельского хозяйства, одного из первых лауреатов Демидовской премии, Ю. А. Гагемейстера, специально занимавшегося составлением статистико-экономических описаний Закавказского края. Его многочисленные работы, публиковавшиеся в виде отдельных изданий, были особенно в чести у издателей различных периодических изданий[173]. Работы Гагемейстера содержали анализ хозяйственно-экономического потенциала края, в них была сделана попытка определить приблизительно численность его населения, в том числе по основным коренным народностям, но, к сожалению, без характеристики городов.

Трудно назвать какое-либо другое периодическое издание, которое бы с такой последовательностью публиковало статистические материалы по Кавказу, как «Кавказский календарь». На протяжении всего времени своего существования (1845—1917) календарь систематически знакомил читателей с самыми разнообразными сторонами жизни края, среди его информации особое место занимала статистика. Нужно сказать, что в этом смысле «Кавказский календарь» вполне отвечал своему назначению, тем задачам, которые были поставлены его создателями.

Мысль об издании справочника, в котором нашли бы отражение различные сведения о крае, имеющие не только познавательное, но и практическое значение, возникла у гр. М. С. Воронцова сразу же по назначении его кавказским наместником в 1844 г. «Едва ли на всем земном шаре сыщется место,— писал автор заметки в газете "Кавказ" по поводу выхода в свет первого номера "Кавказского календаря",— которое могло бы поспорить с Кавказом в разнообразии своего населения; здесь невольно поражают всякого новоприезжего... беспрерывное изменение наречий, пестрота костюмов, разнообразие обычаев, разнохарактерность лицеочер-

таний»[174]. Эта многоликость края была занимательна для туриста, путешествующего по Кавказу, для исследователя, его изучающего, но создавала известные трудности для людей, посланных сюда по казенной надобности. Лица, посещавшие Кавказ, получали одновременно путеводитель и справочник, который помогал им передвигаться, ориентироваться в местной метрологии, денежной системе и пр., приобщая его к истории и этнографии края. «Кавказский календарь» оправдал возлагавшиеся на него надежды, заслужив похвалу своих читателей. «Народ каждый год с нетерепением ожидает издания очередного "Кавказского календаря",— сообщал корреспондент газеты "Кавказ".— Это книга не только для чтения, из нее можно почерпнуть различные сведения о Кавказе. Надо отметить, что по своему содержанию и составу календарь превосходит все известные труды подобного рода»[175].

Уже начиная с первых номеров (на 1847 г.) в «Кавказском календаре» специальный раздел его (отделение II или III) был отведен под публикацию так называемых «кратких исторических очерков городов Закавказского и Кавказского края», которые знакомили читателя с историей городов, их расположением. Позже размеры информации значительно расширились и углубились. По существу этот иллюстративный материал, содержавший также и статистические сведения, давал возможность всесторонне судить о жизни городов края, их географическом положении, топографии и климате, производительных силах и занятиях горожан, архитектуре и убранстве жилищ, бытовом укладе, просвещении и др. На страницах этих очерков оживали картины жизни городов края, написанные благожелательно настроенными очевидцами. Корреспондентами этих очерков, как правило, являлись путешественники, чиновничество местное и командированное сюда на службу.

Нас особенно должны интересовать статистические материалы, публиковавшиеся в календаре в виде сериалов. Каждый из них заслуживает внимания с точки зрения возможного их применения для определения количественных показателей о городском населении края. Это «Роспись городам и другим замечательным местам Кавказского края, с показанием числа жителей обоего пола в 1851 г., расстояний... и географического их положения» («Кавказский календарь на 1852 г.» Тифлис, 1851. Отд. II); аналогичная «Роспись» была дана и на 1854 г. (Там же. Тифлис, 1853. Отд. II); «Статистические очерки некоторых городов Кавказа и Закавказского края» («Кавказский календарь на 1852 г.» Тифлис, 1851. Отд. III); «Собрание материалов для составления статистики Закавказского края. 1. Тифлисская губерния» («Кавказский календарь на 1854 г.» Тифлис, 1853. Отд. III) и его продолжение «Собрание материалов для составления исторического, географического и статистического описания Закавказского края» («Кавказский

календарь на 1855 г.» Тифлис, 1854. Отд. III; и на 1856 г. Тифлис, 1855. Отд. III).

Подготовленные и изданные в одни и те же годы статистические сведения указанных материалов, казалось, должны были быть идентичными. Тем не менее между их цифровыми данными существуют значительные и труднообъяснимые несоответствия.

Как явствовало из подзаголовка «Росписей», показания о числе жителей были «заимствованы из сведений, доставленных местными начальниками». Но каков был принцип демографического учета, об этом приходится лишь гадать. Данные «Росписи» на 1854 г., судя по примечанию, основывались на сведениях, полученных в 1851 г. и частично дополненных в 1852 г. Этим, видимо, и объясняется полное несовпадение данных «Росписей» на 1852 и 1854 г. Тем более ничем не мотивированы расхождения между цифрами «Росписей», базировавшихся на данных 1851 г., и «Статистических очерков некоторых городов Кавказа и Закавказского края», также основанных на сведениях 1851 г. В обоих случаях расхождения достигают двух- трехкратных размеров. Неизвестно также, учитывались ли временно проживающие жители и военные. Это оговорено лишь относительно Тифлиса, где, как уже отмечалось, удельный вес приезжих был особенно ощутимым.

«Статистические очерки некоторых городов Кавказа и Закавказского края» состоят из отдельных очерков, посвященных тому или иному городу и в большинстве своем имеющих авторство. По адрес-календарю удалось установить, кем были составители очерков. Как правило, это представители губернской или уездной администрации, нередко совмещавшие свою работу с деятельностью в Кавказском отделе Императорского Российского географического общества (далее — КОИРГО), например П. Д. Гнилосаров, надв. сов., совмещавший функции председателя губернского правления, военного губернатора и вице-губернатора (автор очерка о Кутаиси), Н. А. Энгельгарт, городничий, член-сотрудник КОИРГО (автор очерка по Нахичевани), В. Ф. Переваленко, губернский секретарь, член-сотрудник КОИРГО (автор очерков о Ахалцих и Ахалкалаки), К. Ф. Спасский-Автономов, ст. сов., управляющий карантинно-таможенным правлением (автор очерков о Баку, Редут-Кале), А. И. Рагозин, тит. сов., чиновник гражданской канцелярии кавказского наместника (автор очерка о Тифлисе), И. З. Сулханов, надв. сов., уездный начальник (автор очерка о Сигнахи) и др.[176] Казалось бы, состав авторов достаточно представителен, во всяком случае состоял из чиновников, которым был открыт доступ к первичным материалам. Судя по некоторым ссылкам, авторы довольствовались сведениями «последнего камерального описания» или «последних официальных данных», подразумевая под ними, по-видимому, последний по времени текущий

демографический учет, помноженный на собственную интерпретацию его данных. Но в отличие от материалов «Росписей» и «Собрания материалов» «Статистические очерки» отдельно исчисляли постоянных жителей, а также податное и неподатное население.

Общей чертой для статистических материалов 50-х годов являются содержавшиеся в них цифровые ошибки, которые очевидны при сопоставлении числовых показателей по сословиям с итоговыми данными либо при исчислении душ об. п. Подсчеты сделаны неумелой, а подчас и небрежной рукой. Вот уж воистину: «Все врут календари!»[177]

Если сравнить статистический материал «Росписей», с одной стороны, и «Собрания материалов» с другой, то видно, насколько шире статистика последнего. В первом случае показано лишь общее число жителей городов Кавказского наместничества, по Закавказскому краю учтено население 24 городов, во втором случае данные достаточно дифференцированы и отражают сословно-социальный и национально-религиозный состав населения городов края.

* * *

Завершая обзор источников по истории демографического учета городов Закавказья в 30—50-х годах XIX в., мы можем с уверенностью констатировать значительные успехи в его развитии, в большой степени обусловленные достижениями статистического дела в общегосударственном масштабе. Это был период, когда в связи с развитием городской жизни становилась неотложной потребность осмысления тех изменений, которые происходили в городах дореформенной России. Еще не наступила пора городских переписей, но уже был сделан существенный шаг в создании статистической базы, которая давала возможность судить о специфике городского населения на основе посословного учета его жителей.

Тем более был обоснован интерес к городам впервые присоединенных к России территорий. Это нашло отражение в тех публикациях, которые хотя и были отмечены пока еще несколько наивным восприятием городов края с их особенностями, но содержали информцию о численности состава их населения, этнической и сословно-социальной структуре.

---

[1] Об этом более подробно см.: *Алиев Ф.* Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII столетия. Баку, 1960; *Новосельцев А. П.* Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. // История СССР. 1959. № 1. С. 88. В первом случае автор различает города двух категорий; в основу классификации положены хронологические и социально-экономические показатели: 1) города, развивавшиеся на основе роста производительных сил в раннем средневековье, и 2) города, возникшие в исторически короткий срок во второй половине XVIII в. (с. 4). Во втором случае к городам отнесены экономические (торговые и ремесленные) центры (с. 88).

2 *Месхиа Ш. А.* Города и городской строй феодальной Грузии, XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1959. С. 103—124. Автор дифференцирует города на крупные и так называемые «маленькие города», которые, с свою очередь, подразделяются на три группы: 1) возникшие у портовых крепостей; 2) административные центры — резиденции феодалов; 3) возникшие при церковных центрах.

3 *Волкова Н. Г.* Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX веке // Сов. этнография, 1968. № 6. С. 39.

4 *Месхиа Ш. А.* Указ. соч. С. 10—12, 18, 36, 60, 70—71, 76.

5 *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 126.

6 *Герман К.* Статистические исследования относительно Российской империи. СПб. 1819. Ч. I. О народонаселении. С. 229—231, 262.

7 ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XVIII. № 12949. Гл. XVII. О городах. Ст. 386—393.

8 ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XXII. № 16187.

9 Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 20—21.

10 *Иванов Л. М.* О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 312—314.

11 Городские поселения в Российской империи. СПб., 1860. Т. I. С. IX.

12 *Водарский Я. Е., Кабузан В. М.* Население городов России в XVI— начале XX века // Численность и классовый состав населения России и СССР. Таллинн, 1979. С. 141.

13 *Антадзе К. Д.* Население Грузии в XIX веке: Историко-демографическое исследование: Тбилиси, 1974 . Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. С. 26—36.

14 *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. С. 127.

15 *Герман К.* Указ. соч. С. 226—229.

16 Там же. С. 226.

17 Там же. С. 246.

18 *Кеппен П. И.* Несколько слов по поводу «Ведомости о народонаселении России, составленной при Статистическом отделении совета Министерства внутренних дел». СПб., 1850. С. 3.

19 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией // Под ред. А. Берже (далее — АКАК). Тифлис, 1866. Т. I. Док. № 419. С. 329.

20 ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XXVI. № 20007.

21 АКАК. Т. I. Док. № 587. Предписание ген.-л. Корринга полк. Дренякину. С. 487—489.

22 Там же. Док. № 1135. С. 764.

23 *Какабадзе С.* Les registres de la population de la ville de Tiflis en 1803 // Саисторио моамбе. Тифлис, 1925. Кн. II. Документ опубликован на языке подлинника, анализ же источника сделан на грузинском языке.

24 Нужно отметить, что в исчисления Какабадзе также вкрались неточности. Пересчет данных Какабадзе показал, что грузины составляли не 21,5 %, а 22,5 %, армяне — не 74,3 %, а 73,9 %, татары (азербайджанцы) — не 2,2 %, а 1,89 % и пр.

25 Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1880. Т. VI. С. 302.

26 *Какабадзе С.* Указ. соч. С. 226—227.

27 Таковы описания Тифлиса французского консула Гамба (см.: *Полиевктов М., Натадзе Г.* Старый Тифлис в известиях современников. Тифлис, 1929. С. 80), советника в русском посольстве в Персии А. Негри и члена конгрегации венецианских мхитаристов армяно-католического архимандрита патера Миная Медичи. См.: Арс. Тифлис, 1918. Кн. II/III. С. 106—108, 109.

28 *Полиевктов М., Натадзе Г.* Указ. соч. С. 72—73.

29 Там же. С. 71.

30 АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Док. № 119. С. 71—72.

31 *Месхиа Ш. А.* Указ. соч. С. 142.

32 АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. Док 226. «Ведомость Верховного грузинского правительства казенной экспедиции, учиненная из камеральных описаний и дел ея, о жительствующих в городах гражданах или мокалаках, а в селениях казенных, церковных и помещичьих крестьянах, от 19-го сентября 1811 года». С. 199; *Маркова О. П.* Финансово-экономическое обследование Грузии в первой трети XIX в. // Ист. зап. М., 1949. Т. 30. С. 178—179.

33 АКАК. Т. II. Док. № 1190. С. 596—597.

34 Там же. Док. № 1194 «Предложение кн. Цицианова Исполнительной экспедиции от 3-го марта 1804 года». Коменданам и кап.-исправникам предписывалось «обвестить по всей Грузии», что отныне Гянджинская крепость и все Гянджинское владение во всех официальных бумагах, подаваемых прошениях и пр. назывались Елисаветполем и его округом. Для ускорения реализации постановления предлагалось Исполнительной экспедиции облагать тех, кто по прошествии месяца после его обнародования будет называть город по-прежнему, штрафом (1 руб.); средства же эти должны быть употреблены «на общеполезные заведения и помощь в Елисаветполе» (С. 597).

35 Известно, что в 1808 г. оно было дополнено описанием Гянджинского ханства, переименованного в Елисаветпольский округ См.: АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. Док. № 519. «Записка о камеральных описаниях, производившихся в Закавказском крае со времени присоединения оного к империи». С. 603—604.

36 АКАК. Т. II. Док. № 1196. «Предложение кн. Цицианова 17-го Егерского полка шефу Карягину от 16-го марта 1804 года». С. 599.

37 Там же. Док. № 1182. «Предложение кн. Цицианова Кавказскому гражданскому губернатору Каспарову от 8-го января 1804 года». С. 592.

38 Там же. Док. № 1191. «Камеральное описание вышедших из Гянджи, Шамшадильского владения и Айрумских деревень, 2-го марта 1804 года» . С. 597.

39 Там же. Док. № 1196. С. 599.

40 АКАК. Т. II. Док. № 1190. С. 596.

41 Татарами царская администрация именовала азербайджанцев вплоть до 1917 г. Это определение бытовало и в первые годы Советской власти. Более подробно об этом см. в следующих разделах работы (гл. II, § 2).

42 АКАК. Т. II. Док. № 1197. С. 599—600.

43 Цит. по кн.: Документы по истории Баку, 1810—1917. Баку, 1978. С. 11—12.

44 Киржим — большие плоскодонные лодки типа баржи.

45 Документы по истории Баку... С. 13—15.

46 Цит. по кн.: *Ашурбейли С. Б.* Очерк истории средневекового Баку (VIII — начало XIX в.). Баку, 1964. С. 282.

47 Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. по распоряжению главноуправляющего в Грузии Ермолова действ. ст. сов. Могилевским и полк. Ермоловым. 2-е изд. Тифлис, 1866 (Б. пг.).

48 Описание Ширванской провинции, составленное в 1820 г. по распоряжению главноуправляющего Грузией Ермолова — ген.-майором кн. Мадатовым и д. ст. сов. Могилевским. Тифлис, 1867. (Б. пг).

49 *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 401.

50 Там же. С. 398. С. Б. Ашурбейли относит указанные данные к 1807 г. по аналогии с другими встречающимися в его книге статистическими данными (Указ. соч. С. 282). Однако в самом тексте нет никаких указаний на эту дату.

51 *Броневский С.* Указ. соч. С. 440.

52 *Эриксон Ж. В.* Чумные эпидемии на Кавказе и в смежных странах // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. Кн. 9. С. 69.

53 Разбор сочинения г. Шопена «Статистическое описание Армянской области», составленный г.г. академиками Броссе и Кеппеном. 1841. (без м. и.). С. 5.

54 *Грибоедов А. С.* Соч.: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 91.

55 См.: например: Всеподданнейший рапорт гр. Паскевича от 16-го мая 1829 г. // АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. № 35. С. 18—20.

56 Там же. Док. № 123. Отношение ген.-адъют. Сипягина к ген. Канкрину от 18 августа 1828 г. С. 165.

57 Правда, В. Н. Иваненко считал, что Кавказ первым статистическим и экономическим описанием закавказских владений обязан был Канкрину. «Глядя на этот край,— писал Иваненко,— как на колонию, которая при надлежащей эксплоатации ее природных богатств должна дать России значительные выгоды, Канкрин в 1828 г. организовал из группы просвещенных чиновников экспедиции для обозрения и подробного описания Закавказья по программе, выработанной в Министерстве финансов» (Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т. XII. С. 166—167).

58 См. об этом: АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. Док. № 519. С. 603—604. «Записка о камеральных описаниях, производившихся в Закавказском крае со времени при-

соединения оного к империи». Практически камеральное описание затянулось до 1834 г., так как оно встретило сильное противодействие со стороны преемника Паскевича на посту главноуправляющего бар. Г. Е. Розена. Занявший ретроградные позиции, он был уверен в преждевременности описания и потому всячески тормозил его. В этой связи в 1833 г. чиновник Министерства финансов И. Калиновский, в прошлом служивший на Кавказе в должности начальника Грузинской казенной экспедиции, вынужден был обратиться с жалобой в Совет министра финансов и взять под защиту не только это крайне важное начинание, но и составителей камерального описания — Завилейского, Легкобытова, Зубарева и др. (Колониальная политика царизма в Азербайджане в 20—60-годах XIX в.: В 2 ч. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 244—248). Не следует считать случайностью то обстоятельство, что именно Розен поручил И. И. Шопену дать критический разбор статистических материалов, опубликованных в «Обозрении российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях». ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 8. Д. 100. Л. 25.

59 См., например: *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. СПб., 1835.

60 Отчет о третьем присуждении учрежденных П. Н. Демидовым премий за 1833 г. СПб., 1834. С. 11—12. О труде Григорьева положительно отозвался К. Герман.

61 ЦГИА АзССР. Ф. 24 (Казенная экспедиция Верховного грузинского правительства). Оп. 1. Д. 370 (на 184 л.). Впервые камеральное описание Баку было обнаружено Ю. Т. Тузинкевич, которая дала оценку содержавшимся в нем данным в специальной статье «Первая перепись населения Баку» — Докл. АН АзССР. Т. II. 1946. № 6. С. 250—253.

62 Там же. Д. 353 (на 358 л.).

63 Там же. Д. 7 (на 251 л.).

64 Там же. Д. 372 (на 199 л.).

65 Там же. Д. 441 (на 126 л.).

66 Там же. Д. 349 (на 232 л.).

67 Там же. Д. 371 (на 63 л.)

68 Там же.

69 Там же. Д. 373 (на 108 л.).

70 Например, для Тифлиса удельный вес приезжающих был настолько ощутим, что, по признанию авторов, затруднял опеределение точной численности населения города. См.: Обозрение российских владений... СПб., 1836. Ч. I. С. 214.

71 Процент коррекции был весьма значительным. Так, согласно предположениям авторов, не учтенная камеральным описанием 1834 г. часть жителей Тифлиса — князья, дворяне, духовенство, иногородние, военные и гражданские чины — составляли до 12 тыс. душ м. п., что увеличивало численность городского населения Тифлиса с 11 581 до 25 682 душ м. п. См.: Там же. С. 196.

72 Некоторые замечания на книгу «Обозрение Российских владений за Кавказом», составленные ... И. Ш. СПб., 1840. См.: например, с. 4—5, 17, 32, 37, 40 и др.

73 Общее народонаселение России в 1838 г. СПб., 1840. С. 6—8. См. также материалы фонда П. И. Кеппена (№ 2) в Архиве Географического общества СССР.

74 Разбор сочинения г. Шопена... С. 6.

75 Работа О. Евецкого была отрецензирована «Журналом Министерства внутренних дел» (далее — ЖМВД), там же была опубликована часть его работы. 1836, ч. XIX.

76 *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. Гл. VI.

77 *Пагирев Д. Д.* Шопен и камеральное описание Армянской области в 1829—30 годах: (К истории народных переписей) // Кавказ. 1892. № 166/168, 25—27 июня.

78 ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 8. Д. 100 (на 100 л.).

79 ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 8. Д. 100. Л. 27.

80 Там же. Л. 22—23.

81 Там же. Л. 7—18.

82 Там же. Л. 3 об.

83 См.: *Броссе М. И., Кеппен П. И.* Указ соч. Однако ими не были оспорены данные о городском населении. См.: *Мезенин Н. А.* Лауреаты Демидовских премий Петербургской академии наук. Л., 1987. С. 133.

84 ПСЗ (II). СПб., 1835. Т. IX. Отд. 2. № 7684.

85. Более подробно о деятельности Статистического отделения см.: *Вальская Б. А.* Об экономико-географическом изучении России Статистическим отделением Министерства внутренних дел в 1835—1852 гг. // Вопр. географии. 1951. Сб. 27. С. 294—316.

86 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 49. «Об учреждении Кавказского губернского статистического комитета». Л. 1—1 об.

87 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 45. «Об учреждении Грузинского областного статистического отделения». Л. 1—4 об.

88 Там же. Л. 5—5 об., 6—6 об. Первый состав членов-корреспондентов комитета см.: Там же. Л. 7—7 об.

89 Циркулярное письмо министра внутренних дел ген.-адъютанта Закревского предписывало губернской и областной администрации систематически сообщать К. И. Арсеньеву через посредство министерства все требуемые им статистические сведения. Для этой цели Арсеньевым были составлены шесть форм табелей: о вероисповедании жителей, землепашестве и скотоводстве, внешней и внутренней торговле губернии, ремеслах и др. (См.: ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 18. Л. 3—3 об.). Однако материалы по Закавказью так, по-видимому, и не были получены — в 1839 г. министерство запрашивало Арсеньева о причинах недоставления Грузинским статистическим комитетом сведений по составленным им таблицам. См.: Там же. Д. 45. Л. 15—15 об.

90 Там же. Л. 8—9 об.

91 Там же. Л. 18—18 об.

92 Там же. Л. 23.

93 Там же. Л. 23 об.

94 Там же. Л. 36.

95 *Вальская Б. А.* Указ. соч. С. 295—296.

96 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 45. Л. 32—66.

97 Там же. Л. 24—24 об.

98 Там же. Л. 25—25 об.

99 Там же. Л. 38—38 об.

100 Там же. Д. 141. «Об учреждении Временного статистического комитета для описания России». Л. 1; *Вальская Б. А.* Указ. соч. С. 302—304.

101 Там же. Д. 145. Л. 2—5 об.

102 Там же. Л. 4—5 об.

103 *Вальская Б. А.* Указ. соч. С. 315.

104 ПСЗ. II. СПб., 1846. Т. XX. Отд. 1. № 18679.

105 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 45. Л. 43—44 об.

106 См., например, письмо директора канцелярии кавказского наместника С. В. Сафонова в штаб Отдельного Кавказского корпуса: ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 8. Д. 98. Л. 16—16 об.

107 Там же. Л. 38—39.

108 Там же. Д. 99. Л. 2—5, 55 об.—56, 170 об.—171.

109 *Бушен А.* Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864. С. 72.

110 Там же. С. 77.

111 Там же. С. 79.

112 Там же. С. 77.

113 Там же. С. 74—76.

114 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 3. «О сборе сведений о новом расписании городов». Ч. I. Л. 1—1 об., 6.

115 *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 191—193.

116 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 6—7.

117 Там же. Л. 13—14. См. также: *Месхиа Ш. А.* Указ. соч. С. 113—115.

118 Там же. С. 13—14.

119 *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 192.

120 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 128 об.

121 *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 192.

122 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 168.

123 Обозрение российских владений за Кавказом. Т. I. С. 214.

124 Кавказский календарь на 1847 г. Тифлис, 1846. Отд. III. С. 156.

125 *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 193.

126 Статистическое изображение городов и посадов. С. 18—19, 22—25, 70—71, 78—79.

127 Месяцеслов на лето от Рождества Христова на 1831 г. СПб., 1831. С. 128—153.

Следовало бы указать еще на один источник, содержавший статистические сведения о городском заселении Грузии за те же годы. Э. В. Хоштария, исследуя демографические процессы в городах Грузии, приводит в своей монографии «Очерки социально-экономической истории Грузии» (Тбилиси, 1974) данные о числе жителей пяти городов Грузии за 1821 г. (С. 89). При том что публикуемые им данные являются отправными для определения динамики городского населения в дореволюционный период, автор, к сожалению, не раскрывает источника (есть лишь ссылка на архив) и характер его статистических данных. Сопоставление их с цифрами губернской администрации для публикации «Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г.» показало его несовпадение почти по всем городам Грузии. Так, цифры за 1821 г. были значительно меньше данных за 1823 г. по Тифлису (на 48,5 %), Сигнахи (на 40,0 %), Телави (на 19,5 %), несколько превосходили данные по Гори (на 8,3%) и почти совпадали лишь по Душети. См.: ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 168.

128 А. Г. Рашин, определяя динамику численности городского населения России в XIX — начале XX в., брал для России в целом в качестве исходных данных К. Ф. Германа за 1811 г. Однако для городов Закавказья, по которым им были учтены лишь сведения по двум городам края: Тифлису и Баку, в первом случае, как удалось установить, это были данные за 1825 г., во втором — за 1851 г. А. Г. Рашин не объясняет, почему он не счел возможным воспользоваться сведениями по остальным городам края, которые содержались в указанных изданиях. См.: Динамика численности городского населения России в XIX — начале XX в. // Ист. зап. 1950. Т. 34. С. 38.

129 Обозрение состояния городов Российской империи 1833 г. Предисловие (без пг). П. Г. Рындзюнский полагал, что графа о «работниках» подменяла собой графу о купцах, содержавшуюся в таблицах 1823 г. Между тем она была сохранена в «Обозрении».

130 Без Редут-Кале (с 1842 г. заштатный город).

131 Обозрение состояния городов Российской империи в 1833 г. С. 64—65; *Шопен И. И.* Указ. соч. С. 29.

132 Население Армении из всех областей Кавказа более всего страдало от эпидемии чумы, проникавшей в ее пределы из соседней Турции; в среднем она повторялась раз в 25 лет. Сильная эпидемия чумы распространилась в 1824 г., усилившаяся с приходом турецких войск в 1828 г. Так, в 1828 г. в Карсе в день умирало от чумы до 70 человек. Всего в городе было отмечено 2600 смертей. См.: *Эриксон Э. В.* Указ. соч. С. 70, 72.

133 Обозрение российских владений за Кавказом. Ч. III. С. 270.

134 Там же. С.270—271, 291; Ч. IV. Приложение (без пг).

135 ПСЗ (II). СПб., 1833. Т. VII. № 5284. § 2, 8.

136 Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого Княжества Финляндского и Царства Польского. СПб., 1842. Предисловие (без пг).

137 Сравнительные исчисления были произведены по Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области. См.: Там же. С. 72—73.

138 Там же. С. 9.

139 Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей, составленная из всеподданнейших отчетов губернаторов при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. А. К. СПб., 1850. С. 46.

140 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 187. Л. 3—3 об.

141 Там же. Д. 191. Л. 67—73.

142 Там же. Л. 64 об.—65.

143 Там же. Д. 193. Л. 11—11 об.

144 Там же. Д. 191. Л. 16—87 об.

145 Там же. Д. 215. Л. 5—5 об.

146 Там же. Д. 293. Л. 3—4.

147 Там же. Л. 18—18 об.

148 Там же. Л. 19 об.—28.

149 Статистические таблицы Российской империи, изданные Министерством внутренних дел. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 г. / Ред. А. Бушен. СПб., 1863. С. 266.

150 Там же. С. 294, 297, 300—301.

151 Там же. С. 301.

152 В частности, Кеппеном в «Bulletin scientific, public par l'Academie des sciences de St. Petersburg» была опубликована в 1840 г. статья о жителях Русской Армении, всецело основанная на исследованиях Шопена. Шопен был его корреспондентом по различным вопросам истории и географии Армении. См.: Архив АН СССР. ЛО. Ф. 30. Оп. 3. Д. 330.

153 Там же. Д. 50. Благодаря протекции М. С. Воронцова брат Кеппена Карл Иванович получил место главноуправляющего в Москве (Там же. Д. 251. Л. 24 об.). Факт этот заслуживает упоминания в связи с тем, что знакомством братьев Кеппенов с Воронцовым, видимо достаточно коротким, предполагал воспользоваться А. П. Ермолов для своих воспоминаний. «Если по занятиям Вашим,— писал Ермолов К. И. Кеппену,— случается Вам быть в нашей части города (на Пречистенке), Вы много одолжить меня изволите, заехавши ко мне на короткое время. Я обращаюсь к Вам с просьбою моею имея надобность в некоторых сведениях о Его Светлости князе Воронцове» (Там же. Д. 87. Л. 1). Можно сказать, что интерес к Кавказу носил семейный характер. Добрым словом отозвался о создании Кавказского музея сын П. И. Кеппена, известный географ и естествоиспытатель Ф. П. Кеппен. См.: Несколько слов о Кавказском музее. СПб., 1896.

154 Архив АН СССР ЛО. Д. 302.

155 Там же. Д. 20.

156 Там же. Д. 251. Л. 3—3 об., 7, 24 об.

157 Там же. Л. 5.

158 Архив Географического общества СССР. Ф. 2 (Кеппен П. И.). Оп. 1.

159 Там же. Д. 2. Л. 1.

160 *Кеппен П. И.* Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852. С. 4.

161 Архив АН СССР ЛО. Ф. 30. Оп. 3. Д. 251. Л. 10.

162 Там же. Д. 251. Л. 5 об.

163 Там же. Л. 19—20 об.

164 Там же. Л. 13—13 об.

165 Там же. Л. 11 об, 15—15 об.

166 Там же. Л. 23.

167 Там же. Оп. 2. Д. 114. Л. 305—306 об, 317.

168 Там же. Д. 83. Л. 137—137 об; д. 69. Л. 43 об.—44, 47 об.—48, 49, 52, 61, 72, 84 об.—85, 103, 105—105а, 106, 113, 115, 116 об., 117 об.—118, 125, 126, 127; Д. 70. Л. 34, 35, 36, 55—55 об., 64, 65.

169 Энцикл. слов. / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XIV. С. 20.

170 См. например: Месяцеслов на лето от Рождества Христова на 1823 г. С. 80—82, 97.

171 Там же, на 1831 г. С. 107, 110, 122.

172 См., например: *Нефедьев.* Взгляд на некоторые места Закавказской России // ЖМВД. 1838. Ч. 10; Провинция Нахичеванская // Там же. 1831. Ч. V; Провинция Талышинская // Там же. 1831. Ч. V и др.

173 *Гагемейстер Ю. А.* Закавказские очерки. СПб., 1845 (публиковались в ЖМВД. Ч. IX—X); *Он же.* Новые очерки Закавказья. СПб., 1848 (также публиковались в ЖМВД, ч. XX—XXI); *Он же.* Хозяйственные очерки Закавказского края // Кавказ. 1846. № 51—52; 1847. № 23. *Он же.* Основные промышленные силы Закавказья // Кавказский календарь на 1846 г. Тифлис, 1845; и др.

174 Кавказ. 1846. № 1. 5 янв. С. 3—4.

175 Кавказ. 1858. № 8. 26 янв. Материалы «Кавказского календаря» в качестве одного из существенных источников по социально-экономической и политической истории края еще ждут своего исследователя. Частично некоторые вопросы размещения населения и развития производительных сил, нашедшие отражение в календаре, рассмотрены в кандидатской диссертации А. С. Мамедовой, однако без источниковедческого анализа статистических данных календаря. См.: Вопросы географии населения и сельского хозяйства Азербайджана по материалам «Кавказского календаря»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1974.

176 Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851. Отд. III; Там же, на 1853 г. Тифлис, 1852. Отд. III.

177 Потребность в историко-экономических материалах по Кавказу была столь велика, что многие их них неоднократно переиздавались в центральной печати. В частности, материалы, составленные членом-редактором Эриванского статистического комитета Черноярским о городах Эриванской губернии (см.: Кавказский календарь на 1866 г. Тифлис, 1865. Отд. III. С. 61—68), несмотря на содержавшиеся в них ошибки, были переизданы дважды: в виде отдельной брошюры (СПб., 1867) и статьи в «Сборнике статистических сведений о Кавказе» (Тифлис, 1869. Т. I). В последнем случае составители сборника вынуждены были сопроводить статью примечанием, в котором оговаривалось большое количество «грубых опечаток как в цифрах, так и в тексте» (С. 25).

Глава II

ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Численность городов и городского населения Закавказья

Расположение городов Закавказского края было обусловлено социально-экономическим и политическим развитием края, а также его географо-топографическими особенностями, и, обращаясь к дореформенному периоду их истории, мы должны помнить о том, что речь идет о городских центрах, сформировавшихся и развившихся в предшествующие исторические эпохи.

Правда, некоторые из городов утратили свое былое значение. Мы уже писали о городе Ананури, уступившем свое место уездного города Душети, а затем и вовсе утратившем статус города. Шемаха, с 1846 г. объявленная губернским городом, в 1859 г. была лишена этого статуса. Вследствие частых и разрушительных землетрясений губернское управление Шемахинской губернии было перенесено в Баку, возведенного, в свою очередь, в степень губернского города. Шемахе пришлось довольствоваться званием уездного города. В 1839 г. «по неудобному, при тамошнем климате, расположению» упраздняется крепость Поти[1].

Большинство же городов не только сохранило в исследуемое время свое положение, но и подверглось значительным изменениям под воздействием процессов социально-экономического, политического и культурного развития, охвативших Закавказье в результате присоединения его к России.

Хозяйственно-экономическое освоение края, стратегические задачи по укреплению пограничных территорий на Кавказе способствовали возникновению новых городов. Так, в 1837 г. в м. Гумры во время путешествия Николая I по Закавказскому краю была заложена крепость, которой, так же как и городу, было дано название Александрополь в честь императрицы Александры Федоровны[2] — это уже второй по счету город в Закавказье, названный именем русской царицы. В 1845 г. был основан город в крепости Ахалкалаки. Возведенный в степень заштатного, он значительно расширился и стал быстро расти[3].

Как известно, успешное завершение русско-турецкой и русско-иранской войн привело к значительному увеличению населения Армении в результате переселения в ее пределы христиан (армян главным образом и греков). С этим связано и возникновение нового города на месте издавна существовавшего поселения Ковар. По Андрианопольскому мирному договору 1829 г. сюда были репатриированы армяне из Баязета. При образовании Эриванской губернии (1 января 1850 г.) поселение Ковар было возведено в степень уездного города и получило название Нового (или Нор) Баязета[4].

Ряд городов обрел статус губернских и уездных городов в результате административно-территориальных преобразований края в 1840, 1846 и 1849 гг. и т. д. Абсолютное большинство городов края, исключая нескольких местечек, являлись административно-политическими центрами либо губернского, либо уездного значения.

Изменилось положение городов Западной Грузии, расположенных на северо-восточном берегу Черного моря. Сразу же по присоединении этой части края к России они стали играть заметную роль в расширении торговли России с иностранными государствами как порты. В этой связи менялся и их административный статус. Так, в 1846 г. Сухум-Кале (вместе с Анапой и Новороссийском) получил название портового города; Редут-Кале — основной торговый пункт на море в транзитной торговле России с Ираном после введения в 1821 г. льготного тарифа — был объявлен городом в 1840 г. (с 1842 г. заштатный город)[5]. Некоторые из так называемых «маленьких городов» («касаба») Западной Грузии, являвшихся центрами-резиденциями мтаваров, или тавадов[6], получили значение уездных городов (например Шаропани, Озургеты), хотя и фактически и административно они были местечками. Вот как описывает одно из подобных поселений А. М. Фадеев, совершавший в 1853 г. инспекторскую поездку по Закавказью в качестве управляющего Экспедиции государственных имуществ при канцелярии кавказского наместика: «Через реку Куру я переправлялся на пароме близ уездного города Шаропань. Он был когда-то действительно городом, известным в древности, но в настоящее время состоял из одного дома, где помещалось уездное управление, и из шести хижинок, с двумя десятками жителей, представлявших все его народонаселение»[7].

Как уже отмечалось, статистические сведения о городах и их населении отлагались по мере присоединения территорий края к России. Поэтому начальная хронологическая грань исчислений не могла быть единой для всех городов Закавказья. Для городов Восточной Грузии это 1825 г., для городов Западной Грузии, Азербайджана и Армении — 1842 г., когда благодаря публикациям центрального и местных статистических комитетов возникает возможность систематизации демографических данных, а следовательно, изучения демографических процессов в городах Закавказского края в дореформенный период. В качестве конечной хронологической

Таблица 1. Численность городов и городского населения Закавказского края в 1825—1856 гг.[1*]

Город, губерния	Число поселений в 1856 г.	Плотность размещения городов (на 1000 кв. верст)	1825 г. Число жителей м.п.	ж.п.	об.п.	Соотношение м. и ж. полов	1842 г. Число жителей м.п.	ж.п.	об.п.
Дербентская	2	0,1							
Дербент			—	—	—	—	5 348	5 365	10 713
Куба			—	—	—	—	1 611	1 684	3 295
			—	—	—	—	6 959	7 049	14 008
Кутаисская	6	0,5							
Кутаис			—	—	3 367[2*]	—	1 345	1 230	2 575
Ахалцих			—	—	—	—	4 728	4 867	9 595
Озургеты [3*]			—	—	—	—	—	—	—
Ахалкалаки			—	—	—	—	—	—	—
м. Они			—	—	—	—	—	—	—
м. Шаропани			—	—	—	—	—	—	—
							6 073	6 097	12 170
Тифлисская	6	0,1							
Тифлис			16 200	13 659	29 859	84,3	12 703	10 342	23 045
заштат. г. Душети			558	629	1 187	112,7	712	634	1 346
Гори			1 425	719	2 144	50,4	1 468	950	2 418
Елисаветполь			5 556	4 287	9 843	77,1	4 510	3 280	7 790
Сигнахи			2 383	949	3 332	39,8	1 827	1 484	3 311
Телави			979	1 106	2 085	112,9	1 799	1 533	3 332
			27 101	21 349	48 450	78,7	23 019	18 223	41 242
Шемахинская	6	0,1							
Шемаха			—	—	—	—	8 608	7 665	16 273*
Баку			—	—	—	—	3 606	3 228	6 834
Ленкорань			—	—	—	—	652	634	1 286
м. Сальяны			—	—	—	—	—	—	—
Нуха			—	—	—	—	7 377	6 189	13 566
Шуша			—	—	—	—	4 573	3 848	8 421
			—	—	—	—	24 816	21 564	46 380
Эриванская	5	0,1							
Эривань			—	—	—	—	6 365	5 945	12 310
Александрополь			—	—	—	—	4 821	4 489	9 310
Нахичевань			—	—	—	—	1 048	935	1 983
Ново-Баязет			—	—	—	—	—	—	
Ордубат			—	—	—	—	1 674	1 558	3 232
							13 908	12 927	26 835
Итого	25	0,1					74 975	65 860	140 635

Город, губерния	1856 г. Число жителей м.п.	ж.п.	об.п.	Уд. вес городского населения	Соотношение м. и ж. полов	Прирост (или убыль) горожан с 1825 по 1856 г. абс.	%	с 1842 по 1856 г. абс.	%
100,0	7 068	6 802	13 870		96,2	—	—	3 157	29,5
104,5	5 349	4 269	9 618		79,8	—	—	6 323	192,0
	12 417	11 071	23 488	5,5		—	—	9 480	67,6
91,4	2 009	1 847	3 856		91,9	—	—	1 281	49,7
102,9	7 058	6 240	13 298		88,4	—	—	3 703	38,6
—	162	144	306		88,8	—	—	—	—
—	669	531	1 200		79,3	—	—	—	—
—	246	223	469		90,6	—	—	—	—
—	Вместе с уездом					—	—	—	—
98,2	10 144	8 985	19 129	5,9	88,6	—	—	4 984	41,0
81,4	19 287	19 088	38 375		98,9	8 516	28,5	15 330	66,5
89,0	1 000	925	1 925		92,5	738	62,1	579	43,0
89,0	1 922	1 456	3 378		75,7	1 234	57,5	960	39,7
72,7	5 474	5 464	10 938		99,8	1 095	11,1	3 148	40,7
81,2	2 899	2 379	5 278		82,0	1 946	58,4	1 967	59,4
85,2	2 567	2 233	4 806		86,9	2 715	130,2	1 468	44,0
79,1	33 149	31 545	64 694	11,5	95,1	16 244	33,5	23 452	56,9
89,0	10 884	9 549	20 433		87,7	—	—	4 160	25,6
89,5	4 296	4 078	8 374		94,2	—	—	1 540	22,5
97,2	2 090	1 876	3 966		89,7	—	—	2 680	208,4
—	3 599	3 147	6 746		87,4	—	—	—	—
83,9	8 806	9 139	17 945		78,5	—	—	4 379	32,3
84,1	8 274	6 920	15 194		83,6	—	—	6 773	80,4
86,9	37 949	34 709	72 658	13,4	91,5	—	—	19 532	42,1
93,4	6 744	6 435	13 179		95,4	—	—	869	7,0
93,1	5 883	5 717	11 600		97,1	—	—	2 290	24,6
89,2	2 769	2 125	4 894		76,7	—	—	2 911	146,8
—	2 189	1 408	3 597		64,3	—	—	—	—
93,0	2 283	2 106	4 389		92,2	—	—	1 157	35,8
92,9	19 868	17 791	37 659	14,4	89,5			7 227	26,9
87,8	13 527	104 101	217 628	10,3	91,7			55 195	39,2

[1*] Исчислено по данным: Статистическое изображение городов и посадов Российской о состоянии городов Российской империи (1842 г.). С. 8—9, 48—49; «Статисти 174—175. Статистический материал сгруппирован в соответствии с администра губернии привлечены в связи с тем, что г. Куба впоследствии вошел в состав Ба Анапа, Новороссийск, Сухум-Кале, Редут-Кале и Поти, настолько разоренные во сийской империи за 1856 г.» их считали как бы «не существовавшими» (Преди ников были выявлены и устранены ошибки в итоговых данных по Кутаисской 1856 г.». Численность жителей м. Сальяны в таблице вошла в итоговую цифру

[2*] Месяцеслов на 1831 г. С. 137.

[3*] В таблице приводятся данные лишь по мужскому населению (138 человек) —

[4*] По данным отчета начальника Каспийской области за 1843 г. в Шемахе насчи СССР. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 109—1844. Л. 52.

империи на 1825 г. С. 18—19, 22—23, 24—25, 70—71, 78—79; «Статистические таблицы ческие таблицы Российской империи за 1856 г. С. 162—163, 168—169, 172—173, тивно-территориальным делением края на 1856 г. Данные по городам Дербентской кинской губернии. В таблицы по Кавказскому наместничеству не включены города время Крымской войны, что к моменту составления «Статистических таблиц Рос словие. С. X — XI). В результате пересчета цифрового материала указанных источ и Эриванской губерниям в «Статистических таблицах Российской империи за численности городских жителей губернии.

«Статистические таблицы» (1842 г.). С. 8.
тывалось 9880 душ м. п., 8836 душ ж. п., итого — 18 716 душ об. п. См.: ЦГИА

грани взят 1856 г., так как именно к этой дате относятся оптимальные по своему значению и последние для дореформенного времени статистико-демографические материалы.

К 1856 г. официальной статистикой было зафиксировано в пределах Закавказского края 25 городов, из них 3 местечка и 1 заштатный город, а всего на Кавказе 33 города. Городское население в Закавказских губерниях составляло 10,3 %, незначительно превосходя удельный вес горожан в губерниях Европейской России — 9,1 %. В целом же по Кавказскому наместичеству соотношение городской и сельской частей его населения говорило в пользу удельного веса горожан Закавказского края — 7,5 %, превосходящего почти в три раза (2,7 %) его вес в остальных частях края. Следовало бы добавить (но с учетом уже указанной неполноты посословной демографической статистики на Кавказе), что городские сословия здесь составляли 4 % всего населения, уступая Европейской России —7,25 % и опережая Сибирь — 2 %[8].

Однако плотность размещения городов была невысокой — 0,1, в шесть раз меньше, чем, например, в Европейской России.

Густота расположения городов была равнозначной (за исключением Кутаисской губернии, где показатель был выше средней цифры по краю) для различных административно-территориальных единиц Закавказья — 0,1 и соответствовала средней по краю.

В первой пятерке сохраняли лидирующее положение города Тифлис и Шемаха, не имевшие себе аналогов на Кавказе, а также Нуха и Дербент, к которым в численном отношении приближались такие губернские и окружные центры на Кавказе, как, скажем, Ставрополь и Ейск.

Следует отметить высокие темпы прироста горожан в целом по краю: без малого за 15 лет (1842—1856 гг.) он составил 39,2 %. Как известно, по Европейской России за период, превышающий указанный в два раза (1825—1856 гг.), прирост горожан составил 58,9 %[9]. Сопоставим показатель прироста горожан по Тифлисской губернии, равный 33,5 % за тот же период и приближающийся к показателям таких губерний Европейской России, как Ярославская и Смоленская[10].

Констатируя довольно высокие темпы прироста горожан в целом, следует, однако, обратить внимание на неравномерность динамики численности применительно к отдельным городам. Так, средний прирост горожан по Тифлисской губернии в период 1825—1856 гг. составил 33,5 %. При этом наибольший прирост внутри губернии отмечен по Телави, превышавший среднегубернский почти в четыре раза. Он был высоким не только относительно других городов губернии, но и в целом по краю. Темпы прироста населения Телави были стабильными для всего исследуемого времени: с 1825 по 1842 г. он составил 59,8 % и с 1842 по 1856 г.—

44,0 %. Прирост отмечен также в городах: Душети — на 13,3 % и Гори — на 12,8 %.

Напротив, в 1825—1842 гг. резко уменьшается городское население в Тифлисской губернии в целом, что произошло за счет сокращения числа жителей в Тифлисе на 22,8 % и Елисаветполе на 20,8 %. Как видим, убыль зафиксирована в наиболее крупных городах губернии. Тифлис и Елисаветполь — города с наиболее высоким удельным весом пришлого населения, о чем нам уже приходилось говорить. Не исключено, что в одном случае было учтено фактическое население городов, а в другом — только коренное. Может быть, понижение численности жителей Тифлиса являлось отдаленным следствием эпидемии холеры, поразившей город летом 1830 г. Размеры ее были ужасающими. Очевидец так описывает Тифлис тех дней: «Трудно описать печальное, потрясающее душу положение, происходившее от ежедневных... бесчисленных жертв, в котором находилось тогда все городское население». В короткое время город совершенно опустел, его покинула почти вся администрация во главе с Паскевичем-Эриванским, были закрыты все присутственные места. Немудрено, что из города выехали «внутрь России» ревизовавшие край Кутайсов и Мечников. В городе осталось небольшое число военных, несколько полицейских, человек 10 «бедняков чиновников»[11].

В 1842—1856 гг. наиболее высокие темпы прироста горожан, почти вдвое превышающие средние по краю, наблюдались по Дербентской губернии, отличавшейся как раз наименьшим удельным весом городского населения. Первое место Дербентской губернии по приросту населения в Закавказье обеспечил небывалый прирост населения города Кубы. Более того, он позволил Дербентской губернии опередить, например, Псковскую губернию, занявшую второе место по приросту горожан Европейской России, притом за значительно более длительный период[12].

Второе место принадлежало Тифлисской губернии, занимавшей также второе место по удельному весу городского населения. Прирост горожан в ней был обусловлен общим по губернии значительным ростом городских жителей и особенно по Тифлису[13].

В Шемаханской губернии — третье место по краю как по приросту городского населения, так и по удельному весу — прирост по губернии был определен чрезвычайно высоким ростом числа жителей в городах Ленкорани и отчасти Шуше.

То же в Кутаисской губернии, занимавшей в Закавказье четвертое место как по удельному весу горожан, так и по их приросту: он был выше средней цифры по краю за счет значительного роста числа жителей двух основных городов губернии: Кутаиси и Ахалциха.

При этом следует напомнить, что два города Кутаисской губернии — Ахалцихи и Ахалкалаки отошли к России в 1829 г. по Ад-

рианопольскому мирному договору. Отторгнутые от Грузии, они на протяжении нескольких веков находились в составе Турции. Жители городов подверглись насильственной исламизации, сократилось некогда обширное их население[14].

Прирост горожан в Эриванской губернии, которой принадлежало первое место в Закавказье по удельному весу городских жителей, был ниже средней цифры по краю, притом лишь за счет резкого прироста населения города Нахичевани.

Не говоря о приросте жителей в городах такого значения, как Тифлис, следует обратить внимание на то, что средняя цифра прироста городского населения по краю определялась в основном за счет прироста населения небольших городов (например, Куба, Нахичевань, Ленкорань и др.) не только в масштабах России: в 1856 г. по численности они были отнесены в городам 7—8-й категорий с численностью жителей от 10 тыс. до 5 тыс. и наиболее многочисленной — от 5 тыс. до 2 тыс. (например, к таким городам, как Касимов, Мариуполь, Ставрополь, Чернигов, Челябинск), но и в пределах Закавказья. В период 1842—1856 гг. Куба стояла на 10—11-м месте, а Нахичевань и Ленкорань — на 14—17-м местах.

Исключая общий для всех городов края фон хозяйственного и социально-экономического развития в составе Российской империи, ни в одном из названных городов не происходило событий, которые могли бы повлечь за собой такой резкий прирост населения.

Из факторов, определивших такой прирост горожан, мог иметь значение миграционный. Он действовал в Армении в связи с притоком репатриантов-армян из Ирана и Турции. Мы уже отмечали возникновение по этой причине Ново-Баязета, города уездного значения. Возросла численность горожан Нахичевани: число мигрантов составило 20,3 % всех жителей города, в Эривани — 15,4 и Ордубате — 5,3 %[15]. Однако данные за 1842 г., принятые в качестве исходных, уже должны были зафиксировать этот прирост. Весьма возможно, здесь мы имеем дело с учетом жителей пригородов.

Локальные миграционные процессы, связанные с притоком в города окрестных жителей на различного рода промыслы и работу, также способствовали увеличению численности населения городов. Так, известно, что в Нуху систематически стекались лезгины из соседнего Дагестана: летом торговать — до 800 человек, а в зимнее время для «снискания пропитания черною работою»— до 1500 человек. В первом случае это составило до 5 % жителей города, во втором — более 9%[16].

Что касается городов Кубы, Ленкорани (это может быть отнесено также к городам Кутаиси, Шуше, Сигнахи, Телави, Гори), то прирост населения в них имеет однозначную мотивировку. Указанные города являлись центрами комплектования и размещения воинских подразделений, и фактор военного присутствия не мог не

сказаться на характере локальных демографических процессов. Это подтверждается и изменениями соотношения между мужской и женской частью населения названных городов в пользу сильного увеличения числа жителей мужского пола.

Однако формирование городского населения края в дореформенный период шло в основном за счет внутригубернских демографических ресурсов. Корреляционный анализ ($K_к$ = 0,9) позволяет говорить о прямой зависимости удельного веса горожан от плотности населения губерний.

К сожалению, у нас нет возможности в полной мере судить о демографических ситуациях, сложившихся к 1856 г. в различных частях края, поскольку в статистическиих таблицах нет полных данных по Шемахинской и Эриванской губерниям, а следовательно, исключена возможность их сопоставления. Основываясь на имеющихся материалах, мы лишь можем констатировать первое место Эриванской губернии (напомним, ей принадлежало первое место по удельному весу горожан) по естественному приросту городского населения в крае в 1856 г. (2,1 %), далее следовали Тифлисская и Шемаханская губернии (по 1,0 %), затем Кутаисская (0,4 %) и Дербентская (0,3 %) (табл. 2).

Этнический состав населения городов Закавказья

Процесс расселения того или иного этноса на территории края имел длительную историю. На него оказывали влияние такие факторы, как массовые миграции либо инфильтрации тех или иных этносов в субрегиональных масштабах. Дисперсное расселение этносов в пределах края в процессе их взаимодействия делало проницаемыми границы не только государственные, но и собственно этнических территорий. В основе миграций могли лежать различные причины, но, пожалуй, наиболее распространенная — экстремальные политические ситуации.

В связи с постоянной агрессией со стороны Ирана и Турции коренному населению приходилось покидать пределы районов своего проживания. Так, начиная с 80-х годов XV в. в результате походов иранских шахов на Грузию по ее южным рубежам размещаются азербайджанцы (числом около 35 тыс)[17]. Особенно разрушительной была политика главы государства Сефевидов Шах-Абасса. Придерживаясь своей тактики «сожженной земли», сефевиды обезлюдили левобережный район Аракса. Были угнаны в Иран около 20 тыс. насильственно обращенных в ислам армян, а также магометане и евреи. Выселены жители Эривани и Нахичевани[18]. В результате нашествия в начале XVII в. сократилось на две трети население Кахетинского царства[19].

Таблица 2. Население Закавказья в 1856 г.

Губерния	Численность, душ			Рождаемость					
				в губерниях					
	м.п.	ж.п.	об.п.	м.п.		ж.п.		об. п.	
				абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дербентская	214 734	213 197	427 931	9 293	21,7	8854	20,7	18 147	42,4
Кутаисская	172 652	151 648	324 300	4 707	14,5	3978	12,3	8 685	26,8
Тифлисская	294 282	266 173	560 455	11 212	20,0	8645	15,4	19 857	35,4
Шемахинская	286 654	254 516	541 170						
Эриванская	135 296	126 881	262 177						
Итого	1 103 618	1 012 415	2 116 033						

Губерния	Смертность							
	в губерниях						в городах	
	м.п.		ж.п.		об.п.		м.п.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дербентская	7554	17,6	6883	16,1	14 437	33,7	320	0,7
Кутаисская	2420	7,5	2336	7,2	4 756	14,6	269	0,8
Тифлисская	7318	13,0	5062	9,0	12 380	22,0	1478	2,6
Шемахинская								
Эриванская							717	2,7
Итого								

Губерния	Естественный прирост							
	абсолютный							
	в губерниях			в городах			в уездах	
	м.п.	ж.п.	об.п.	м.п.	ж.п.	об.п.	м.п.	ж.п.
Дербентская	2059	1971	3710	55	87	142	1684	1884
Кутаисская	2287	1642	4443	71	70	141	2208	1567
Тифлисская	3894	3583	7477	239	325	564	8017	5726
Шемахинская						536		
Эриванская				313	263	576		
Итого						1959		

Рождаемость											
в городах						в уездах					
м.п.		ж.п.		об.п.		м.п.		ж.п.		об.п.	
абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
375	0,8	329	0,7	704	1,6	8918	20,8	8525	19,9	17 443	40,8
340	1,0	328	1,0	668	2,0	4367	13,4	3650	11,3	8 017	24,7
1717	3,0	1622	2,9	3339	5,9	9495	16,9	7023	12,5	16 518	29,4
				1677	3,0						
1030	3,9	907	3,4	1937	7,4						
				8325	3,9						

Смертность								
в городах				в уездах				
ж.п.		об.п.		м.п.		ж.п.		об.п.
абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
242	0,2	562	1,3	7234	16,9	6641	15,5	13 875	32,4
258	0,8	527	1,6	2159	6,7	2083	6,4	4 242	13,0
1297	2,3	2775	5,0	7318	13,0	5062	9,0	12 380	22,0
		1141	2,1						
644	2,4	1361	5,1						
		6366	3,0						

Естественный прирост									
относительный									
в губерниях			в городах			в уездах			
об.п.	м.п.	ж.п.	об.п.	м.п.	ж.п.	об.п.	м.п.	ж.п.	об.п.
3 568	4,8	4,6	8,7	0,1	0,2	0,3	3,9	4,4	8,3
3 775	7,0	5,0	13,7	0,2	0,2	0,4	6,8	4,8	11,6
13 743	6,9	6,4	13,3	0,4	0,5	1,0	14,3	10,2	24,5
						1,0			
				1,1	1,0	2,1			
						0,9			

Значительным изменениям подверглась этнодемографическая ситуация в Закавказье в первой трети XIX в., ознаменовавшаяся несколькими войнами. После заключения Туркманчайского (1828 г.) и Адрианопольского (1829 г.) мирных договоров началась массовая эмиграция мусульманского населения (азербайджанцы, аджарцы, курды, турки) и иммиграция христианского (армяне и греки).

При определении этнического состава населения городов Закавказского края и их сословно-социальной стратификации приходится ориентироваться главным образом на статистический материал, разнородный, не всегда поддающийся

систематизации, а потому подчас иллюстративного порядка.

Условность ряда понятий, а отсюда стоящих за ними цифровых данных затрудняет их систематизацию. Однако и в подобном случае существует другая возможность их использования — генерализация данных и их сопоставление, так как это позволит в большей степени судить о соотношении различных этнических групп городского населения. Анализ этносословной стратификации городов в подобном аспекте способствует созданию конкретной базы для наших представлений о масштабах тех процессов этнокультурного взаимодействия, которые происходили среди многонационального населения городов Закавказского края.

Современники также пытались представить себе этническую карту Закавказья, выразив количественными показателями численность различных народов края и показав их примерное размещение, хотя собственно этнографическое картографирование развивается уже в пореформенное время и лучшая из карт по этнографии народов Закавказья создается в конце XIX в.[20]

В исследуемое же время в основе определения этнической принадлежности лежал прежде всего признак конфессиональный и здесь нельзя не согласиться с Н. В. Юхнёвой, подчеркивавшей: «Данные о вероисповедании особенно удобны для выделения этнических групп, придерживавшихся национальных форм религии...»[21]. В качестве примера приводятся армяне и евреи. Да и дореволюционные авторы отмечали, что «религиозное устройство у армян составляет сильнейшее начало национальности»[22].

Однако применительно к Кавказу этот пример нуждается в некоторой оговорке. Так, здесь существовали народности, религиозная принадлежность которых способствовала отождествлению их в этническом отношении с другими народами. Речь идет о татах. Как известно, до сих пор нет полной ясности по поводу их этногенеза. То же и относительно горских евреев, с которыми их отождествляли[23]. Историческая эволюция татов — древнейших обитателей Кавказа — была чрезвычайно сложной, в результате чего они не были единообразны в своих религиозных верованиях. Они исповедовали иудаизм, армяно-григорианскую веру и ислам. В зависимости от вероисповедания их и подразделяли на татов-евреев, татов-армян и татов-мусульман. В первом случае вероисповедание сыграло роль в отождествлении татов-иудеев и горских евреев. Поэтому не исключено, что конфессиональный признак мог нивелировать этническую принадлежность какой-то части населения.

По мнению ряда ученых, термин «тат» в своей основе не является этническим, данным термином тюрки-кочевники обозначали оседлых земледельцев, преимущественно иранцев. Этим объясняется тот факт, что термин «тат» выступает как название (или самоназвание) различных этнических групп на обширном пространстве от Крыма до Средней Азии. Для носителей южного диалекта (таты-мусульмане и таты-христиане) термин «тат», однако, является самоназванием с достаточно отдаленного времени; для говорящих на северном диалекте (таты-иудеи) употребление этого термина, как название и самоназвание, распространилось в относительно недавнее время, в основном после революции, вытеснив термин «горский еврей»[24].

В целом же принадлежность к армяно-григорианской церкви и иудаистской религии служила этнодифференцирующим признаком. Так же было и с армянами, принадлежавшими к римско-католической церкви. Армяне-униаты нередко опускали первую часть, именуя себя просто «католиками»[25]. При статистическом учете эта часть армян именовалась армянами-католиками.

Этнодифференцирующим признаком для азербайджанцев также служил признак конфессиональный — они подразумевались под мусульманским или магометанским населением края. Однако нередко к ним применялся и признак этнический. На них экстраполировался энтоним «татары», хотя хорошо известно, что татары не населяли края, лишь единицы их проживали в его городах. Очень часто энтоним «татары» применительно к азербайджанцам сопровождался дефиницией «азербайджанские татары» или «закавказские татары»[26].

Естественно, что понятия «мусульмане» и «азербайджанцы» не являются идентичными. Однако численность неазербайджанцев в составе мусульманского населения в целом по городам края в дореформенный период была незначительной и потому не могла быть определяющей. Кроме того, сопоставление цифровых данных статистических источников, отразивших число жителей по вероисповеданию (магометане) и по народности (татары) показало их идентичность[27].

Далее в отличие от учета христианского населения, отражавшегося в церковноприходских книгах, учет мусульман в Закавказье был уделом в основном администрации — метрические книги при мечетях появляются лишь после 1872 г. На мусульманское население Кавказа пока еще не распространялся указ о введении метрических книг для лиц магометанской веры[27а].

Конфессиональный признак действовал как этнодифференцирующий также и для грузин, но лишь до того времени, когда в крае становится ощутимой численность русских. В данном случае имела значение географическая и административно-территориальная локализация этноса, соотнесение его с собственно этнической территорией, дополненное сведениями исторического характера. Так,

принадлежность к православной церкви еще в начале XIX в. применялась при исчислении грузин. Но впоследствии «православное вероисповедание» объединяло грузин и русских. Однако при статистическом учете народонаселения — впрочем, это относится и к любым другим формам описаний — русское население обязательно характеризовалось дифференцированно на принадлежавших к ортодоксальной церкви и уклонившихся от нее раскольников и сектантов. Первые же фокусировались в составе русского чиновничества.

Грузинское население препарировалось в составе православного по его сословно-социальным категориям: князья и дворяне, крестьяне и городские обыватели. Исключение составляет православное духовенство, которое объединялось единым конфессиональным признаком и подразделялось лишь на белое и черное.

После 1828 г. растет численность греков, репатриировавшихся из Турции и Ирана в пределы края. Они также учитывались в составе православного населения края, но при этом обязательно выделялись из общего числа христиан по признаку этническому.

Конфессиональный признак в сочетании с этническим применялся и в отношении немцев. Они неизменно выделялись в статистическом учете в качестве немцев-колонистов лютеранского вероисповедания.

Появление их в Закавказье было связано с давней тенденцией, заключавшейся в стремлении правительства колонизовать окраинные территории империи посредством приглашения немцев. Инициатива в данном случае принадлежала А. П. Ермолову, пригласившему в 1817—1818 гг. 500 семей виртембергских немцев, из которых на территории Грузии и Азербайджана было образовано 8 колоний. Одна из них располагалась в Тифлисе — предместье Куки, остальные в достаточной близости как от Тифлиса, так и Елисаветполя. В 1852 г. Тифлисская колония была причислена к городу[28].

При изучении этнического состава населения городов следует иметь в виду, что возможны прецеденты, когда тот или иной этнос, инкорпорированный в иное этническое большинство, говорил на языке этого этнического большинства. Например, армяне, проживавшие на территории Грузии на протяжении длительного времени, со временем становились грузиноязычными. На это обратил внимание современный исследователь П. М. Мурадян, о том же еще в начале века писал П. П. Надеждин. То же он отмечал и относительно евреев, которые говорили на грузинском языке, с чем он связывал и количественное уменьшение их числа[29].

К первым попыткам определения в количественных показателях этнического состава народонаселения Закавказского края, в том числе его городских жителей, должны быть отнесены камеральные описания. Притом делалось это, чтобы выявить соотношение различных коренных народов в сословно-социальном разрезе. Так, в камеральном описании города Гянджи (1804 г.) был примерно подсчитан этнический состав ремесленников и торговцев. То же и в отношении жителей Баку (1810 г.)[30]. Однако в этом случае все мусульманское население было идентифицировано с персианами, что свидетельствовало пока еще о полном незнании этнических особенностей края.

Необходимо также отметить, что на рубеже 20—30-х годов XIX в. происходят изменения в этнодемографической ситуации края, вызванные массовым переселением христианского населения в пределы Армянской области.

В предыдущих разделах работы уже отмечался перелом, наступивший в статистическом учете народонаселения Закавказского края на рубеже 20—30-х годов XIX в. Данные камеральных описаний и статистические материалы из «Обозрения российских владений за Кавказом» в совокупности с другими сведениями исторического характера позволяют уяснить себе этнический состав жителей городов края[31]. Однако говорить о характере этнического состава населения городов Закавказья начала 30-х годов мы можем основываясь на данных, касавшихся главным образом крестьян — жителей этих городов.

В городах Азербайджана население было преимущественно *азербайджанским* в Кубе (100 %) (исключая жителей еврейской слободы), Баку (94,7 %), Ордубате (95,3 %) и Ленкорани (91,8 %); оно же составляло основную массу в Шемахе (89,8 %), Нухе (88,8 %) и более половины в Нахичевани (66,6 %), Шуше (52,7 %) и Елисаветполе (51,8 %). Эти цифры свидетельствуют о том, что в большинстве своем города Азербайджана были мононациональными. Вне территории Азербайджана азербайджанцы составляли более половины жителей в городе Эривани (63,3 %) и 1,6 % крестьянского сословия в Тифлисе.

Иной характер носило размещение *армян* в городах края. В силу сложившихся исторических причин оно было более дисперсионным, а численность их имела тенденцию к повышению. Покидавшее Иран и Турцию население направлялось прежде всего в соседние с Арменией страны: Азербайджан и Грузию. В городах этих стран (Тифлисе, Шемахе) армянские купцы и ремесленники пользовались особыми привилегиями[32].

К 30-м годам XIX в. армян было более трети в составе города Эривани (34,4 %). Напротив, они занимали первое место среди жителей таких городов Грузии, как Сигнахи (96,0 % крестьян),

отошедшего к России по Адрианопольскому договору города Ахалцих (91,8 %). Необходимо отметить, что этнодемографическая ситуация в этом городе подвергалась особенно сильным изменениям. Состав населения совершенно преобразился. Как заметил посетивший город известный английский путешественник Х. Ф. Б. Линч, Ахалцих «на деле превратился в христианский город». Но Линч обратил внимание и на следующую деталь — сколь объективными являлись данные о числе армян-католиков, поскольку к ним могли быть причислены грузины католического вероисповедания. «...Один римско-католический священник,— писал Линч,— меня предупреждал, что в Ахалцихе найду среди армян-католиков много грузин, предки которых были усердными католиками и примкнули к армянской церкви как к единственно католической в тот момент, когда грузинская церковь, идя вслед за греческой, прервала всякие отношения с Римом»[33]. Однако, думается, вряд ли этот факт мог иметь определяющее влияние на сложившуюся тенденцию.

В Тифлисе армяне составляли большую часть крестьян (81,8 %) и четвертую часть жителей города Кутаиси (24,4 %). Второе место по удельному весу им принадлежало в городах Азербайджана — Елисаветполе (48,2 %) и Нахичевани (34,4 %). В городах Шемахе и Нухе они составляли десятую часть (10,2 и 11,1 %) и 4,7 % в Баку.

Отмечая высокий удельный вес армян среди горожан Грузии, следует напомнить, что процесс размещения их здесь прошел длительную эволюцию: инфильтрация армян или одновременное переселение, достигавшее в отдельные периоды высокой степени интенсивности, прослеживается начиная с V в.[34] вплоть до Октября. Об этом сохранилось достаточно свидетельств[35]. В частности, в работе П. М. Мурадяна на основе данных эпиграфики сделана попытка показать переселение армян на территории Картли и Кахети, пополнить наши сведения о характере этих переселений, датировке и обстоятельствах, приведших к ним. Для нас представляет особенный интерес интерпретация эпиграфического материала, касающаяся миграции армян в поселения городского типа.

Так, автор свидетельствует, что «город Гори был одним из средневековых многолюдных пристанищ армян во внутренней Картли»[36]. В начале XII в. Давид IV Строитель для развития ремесел и торговли переселяет армян в заново отстроенный город Гори[37].

По существующей версии, переселение армян в город Телави датируется концом XIII в. Новый поток прибывает в город по инициативе Ираклия II из Гянджи. Поселены армяне были в отдельном квартале города с тем расчетом, чтобы они отражали набеги лезгин на город[38].

С политикой Ираклия II было связано привлечение армян в Тифлис и Мцхету. Обращая внимание на увеличение армянского населения Мцхеты во второй половине XVIII — начале XIX в., Мурадян пишет: «Мы лишены возможности конкретизировать — из каких именно мест и в силу каких обстоятельств начался приток армян в этот город. По всей вероятности, кроме жителей картлийских деревень, здесь могли оказаться переселенцы из Гандзака, Карабаха, Лори и даже Араратской долины, т. е. из тех местностей, откуда переселились в Тбилиси в XVIII в., особенно в годы царствования Ираклия II и позже. Так, по сообщению Гурджи-заде, в 30-е годы XVIII в. Ибрагим-паша переселил из Гянджи (Гандзака) в Тбилиси «3000 рая[39] из рода армян»[40]. Армяне ремесленники и торговцы умножали население городов, принимая деятельное участие в созидательной жизни в городских центрах Картли и Кахети.

Нужно сказать, что количество армян в Тифлисе всегда обращало на себя внимание всякого, кто посещал этот город. Мы писали уже о Клапроте, пытавшемся определить их примерную численность в составе жителей города. А. Негри отмечал в дневнике своего путешествия в Грузию и Персию в 1816—1817 гг., что из двух тысяч находящихся в Тифлисе домов «едва лишь 150 или 200 грузинских; все остальные принадлежат армянам»[41].

Несколько позже, в начале 20-х годов, Гамба отмечал, что население Тифлиса непрерывно росло от наплыва армян, которые искали здесь «убежища от тирании турок и притеснений персиян». Однако его исчисления показали цифру меньшую, чем та, которую назвал Негри. Так, из примерного числа жителей Тифлиса — 4500 семей, на долю армян приходилось 55,0 % (2500 семей), грузин — 33,3 % (1500 семей) и татар и персов — 11,1 % (500 семей)[42].

И того меньше показал в своем описании Тифлиса (вторая половина 20-х годов) пастор Медичи: «Жители сего большого города принадлежат разным национальностям; их в общем счете двадцать тысяч семейств, а семейств армянских — 5000»[43], т. е. четвертая часть жителей.

Во всех приведенных случаях речь идет о весьма приблизительных количественных показателях, но тем не менее удельный вес армян среди жителей Тифлиса был настолько ощутим, что не только бросался в глаза, но и вызывал потребность выразить его соответствующей цифрой.

В этом случае представляют интерес сохранившиеся архивные материалы — плод деятельности кавказской администрации по сбору сведений о числе жителей различных вероисповеданий. Так,

в связи с восстановлением армяно-католического епископства в 1833 г. департамент духовных дел иностранных вероисповеданий МВД попросил дать справку о численности армян-католиков, населявших Закавказские провинции. В ответ была предоставлена «Ведомость о числе душ обоего пола римских католиков и армян, объединенных с Римскою Церковью, их духовенства и церквей» на 1836 г.

Выяснилось, что в Закавказском крае основая часть армян-католиков располагалась в городах Грузино-Имеретинской губернии — 3015 человек, преимущественно в Ахалцихе — 1957 человек (64,9 %). Дальше следовали города: Кутаиси — 465 человек (15,4 %), Тифлис — 365 (12,1 %), Гори — 214 (7,0 %) и, наконец, Редут-Кале — 14 человек. В Армянской области и провинциях Бакинской, Ширванской, Шекинской и Карабахской армяне-католики не проживали[44].

К сожалению, мы не можем судить достаточно точно и полно о национальном составе всех городов Грузии, поскольку в «Обозрении» статистические материалы содержат суммарные данные о сословно-этническом составе населения уездов, без вычленения городских жителей по уездам: Душетскому, Телавскому и Горийскому. Кроме того, по городам Тифлису и Сигнахи пересчет цифрового материала показал, что отражает он только численность крестьянского сословия.

По имеющимся же данным, *грузины* среди горожан составляли половину в Кутаиси и наименьшую часть среди крестьян в городах Тифлисе (16,8 %), Сигнахи (4,0 %) и Ахалцихе (имеретин — 1,9 %).

В таблице народонаселения, не содержавшей, однако, исчерпывающих сведений по всем городам края, имелись данные о числе *евреев* в двух городах Грузии: Ахалцихе и Кутаиси. Удельный вес их здесь составлял соответственно 5,6 и 25,6 % жителей.

Думается, что авторы «Обозрения» не случайно обратили внимание на еврейское население этих городов, поскольку евреи проживали на близлежащих территориях и отмеченный факт отражал миграционные процессы, охватившие и эту часть населения края. Так, евреи города Ахалциха составляли 42,9 % всех евреев, населявших Ахалцихский пашалык, и города Кутаиси — 37,0 % еврейского населения Имеретии.

Следующий блок этнодемографических материалов по городам Закавказского края также относится к 30-м годам, но отразил он этнодемографическую ситуацию, локализованную пределами Армянской области. Собственно, характеристику этнодемографической картины городов края следовало бы начать с анализа именно этого материала, так как он также лежал в основе исчислений «Обозрения». Однако, предваряя его материалами «Обозрения», мы могли реконструировать общую ситуацию, сложившуюся в городах в региональном масштабе, к тому же в компаративном аспекте.

Речь идет о работе И. И. Шопена, который, составляя камеральное описание Армянской области, исчислил также этнический состав населения городов области. При определении его Шопен сочетал признак этнической принадлежности для армян с конфессиональным в качестве этнодифференцирующего — для азербайджанцев (магометан). Работа Шопена отмечена более широким охватом населения — всех его категорий.

Для городов Армянской области, в состав которой административно, помимо Эривани, были включены Нахичевань и Ордубат, характерным являлся высокий удельный вес азербайджанцев. Так, поголовно азербайджанским было население Ордубата — 95,5 % (767 семей из 803). В Нахичевани удельный вес азербайджанцев достигал 68,3 % (909 семей из 1330) и в Эривани — 65,7 % (1807 семей из 2751).

Всего перешло армян и греков в пределы России из Турции 1044 семьи, что, по примерным подсчетам Комитета по переселению, составляло более 84 тыс. душ об. п.[45], часто эта цифра округлялась до 90 тыс душ об. п.[46]

Выселившиеся из Турции армяне не захотели водворяться в городах (в Эривани поселилось всего 11 семей в количестве 48 душ об. п.)[47], предпочитая поселиться в магалах на юге и юго-западе Гёкчинского озера. Здесь ими и был основан на месте селения Ковар город Ново-Баязет, состоявший из 8557 душ[48].

Выходцы из Баязета, Муша, Вана, Карса и Эрзерума в местах своего поселения стремились группироваться отдельными колониями в магалах: Дарачичагском (3263 души), Абаранском (6857 душ), Сурмалинском (1342 души) и Талынском (1144 души). В одном магале селились армяне баязетские, в другом — мушские, в третьем — карсские и т. д. Эрзерумские армяне (наиболее многочисленная группа) предпочли Борчалинскую дистанцию, окрестности Цалки и главным образом Ахалцих и Ахалкалаки, находившиеся вне пределов Эриванской губернии, на территории Грузии, но зато в наибольшей близости к Эрзеруму[49].

На территорию Армянской области из Ирана, по подсчетам И. И. Шопена, переселилось 6946 семей в количестве 35 560 душ об. п.[50] Из них в городах области расселились: в Эривани — 366 семей в количестве 1715 душ об. п., в Нахичевани — 265 семей в количестве 1110 душ об. п. и Ордубате — 36 семей в количестве 182 душ об. п.[51] Остальные разместились в 12 магалах области (Гарни-басарском, Нахичеванском, Дарачичагском, Карби-басарском и др.)[52]

Всего в Армянскую область переселились 10 628 семей в количестве 57 226 душ об. п. Если учесть, что население области на-

считывало, по описаниям И. Шопена, 31 201 семью и 164 450 душ об. п., то репатриированная часть армянского населения составляла более трети всего населения Армянской области — 34,0 % семей и 34,7 % душ об. п.[53]

Произошли изменения и в составе азербайджанского населения Армянской области. Определялось оно по конфессиональному признаку. В общее число 81 749 душ об. п. исчисленных Шопеном магометан, помимо азербайджанцев, составлявших большую их часть, входили также курды-мусульмане (7489 душ об. п.) и какое-то количество иранцев и турок[54].

Цифра мусульман отражала тот момент в этнографической ситуации края после только что завершившейся русско-турецкой войны, когда большая часть мусульманского населения ушла в Турцию и Иран[55].

Кроме того, при размещении репатриантов на территории края «русское правительство старалось убавить значение мусульманского элемента в данной местности водворением в ней армян»[56].

Направление репатриационного потока было локализовано главным образом пределами Армянской области. Лишь незначительное количество армянских семейств переселилось на пограничные территории соседней Каспийской области. Так, в ответ на вопрос начальника Каспийской области о количестве армян, переселившихся из Турции и Ирана в пределы области, местная администрация рапортовала о том, что армяне на вверенную им территорию не пребывали. Лишь в Карабахскую провинцию в течение 1840 г. переселились 222 человека[57].

Результаты камерального описания Шопена при сравнении их с аналогичными материалами по другим территориям края, изложенным в «Обозрении», подтверждают господство среди населения городов жителей крестьянского сословия.

Задаваясь вопросом, в какой мере статистика 30-х годов отразила численность и удельный вес иноэтнического населения в городах края, мы должны отметить, что данные о них пока еще практически отсутствуют. И дело здесь не только в несовершенстве статистико-демографического учета. Исключая немцев-колонистов, иноэтническое население принадлежало к контингенту временно проживающих и в количественном отношении — весьма незначительное, но вместе с тем уже придававшее своеобразный колорит облику города. Это прежде всего торгово-ремесленный люд, устремившийся в новый формирующийся административно-политический центр Кавказа. «Иногда,— писал Гамба,— в Тифлис в один и тот же день приезжают негоцианты из Парижа, курьеры из Петербурга, купцы из Константинополя, англичане из Калькутты и Мадраса, армяне из Смирны и Езда и узбеки из Бухары, так что

этот город может почесться главным узловым пунктом между Европою и Азией»[58].

Хотя количественные показатели отражали пока еще весьма незначительный удельный вес некоренных жителей, Тифлис в дореформенное время был одним из первых городов Закавказского края, приобретших лик города многонационального.

Иноэтнический компонент был особенно свойствен, как известно, городам торговым и портовым. Так, например, К. Спасский-Автономов, подчеркивал, что главная местная и морская торговля в Редут-Кале до его разрушения в Крымскую войну была сосредоточена в руках греков, несмотря на то что мегрелы и имеретинцы составляли более половины населения города[59]. В городе Нухе в 1846 г. было отмечено 25 временно проживающих иностранцев[60].

Следует особо остановиться на русском населении городов края.

Процесс формирования *русского* населения в городах Закавказья прошел длительную эволюцию. Истоки его восходят к началу XIX в., ко времени присоединения территорий края к России.

Сразу же в процессе устройства военной и административно-политической системы управления появляются военнослужащие и чиновничество. Однако существовал еще один канал, с которым связано проникновение в города края в дореформенную эпоху русских жителей.

Начиная с 30-х годов XIX в. русское население края, особенно его постоянно проживавшая часть, формировалось главным образом за счет ссылавшихся сюда раскольников и сектантов. Статус их был определен рядом законодательных актов, носивших вначале строго ограничительный характер и регламентировавших их правовое положение, в том числе местожительство. В тот период русские поселения вкрапливались в поселения коренного крестьянства, отстоявшие подальше от городов.

Со временем происходит трансформация в правительственных взглядах на назначение этой категории русских переселенцев, в результате чего права раскольников и сектантов законодательно были расширены. Постепенно из категории людей гонимых они превращались в людей, чьи права были приравнены к правам государственных крестьян с возможностью свободы передвижений. Высочайше утвержденные правила 1842 г., содержавшие пункт о разрешении им приписываться к городам, открывали доступ к городам[61].

Кавказская администрация довольно рьяно взялась за дело. Вопросами размещения на Кавказе русских переселенцев ведал член Совета наместника кавказского д. ст. советник А. М. Фадеев (дед Ю. С. Витте по материнской линии). Им была принята уста-

новка — привлекать в города либо расселять вблизи городов переселенцев, которые должны способствовать развитию «городской промышленности», так сказать, мастерового люда[62].

Сохранившиеся прошения раскольников и сектантов о причислении их к городам свидетельствуют о том, что они были соответствующим образом сориентированы администрацией, так как, мотивируя свою просьбу, они обязательно указывали на тот род занятий, который мог быть полезен в городах, например выделывание коленкора, шелковых и бумажных материй для жилетов, переплетение книг, выжигание кирпичей и кладка печей, извоз и т. п. [63]

Фадеев испросил разрешение у кавказского наместика на основание ряда колоний русских переселенцев при городах Нухе (до 30 семей)[64], Кубе (до 50 семей) и др.[65]

Коль скоро в крае появились раскольники и сектанты, то естественно следом за их размещением вставал вопрос об их количественном учете, при этом в русле тех правительственных требований, которые предъявлялись к контролю над ними в масштабах всего государства.

Опорным являлось секретное циркулярное предписание Министерства внутренних дел от 1826 г., согласно которому начальникам губерний и областей вменялось в обязанность доставлять ежегодно ведомости о числе раскольников и сект. Позже (в 1835 и 1836 гг.) оно было дополнено циркулярами с требованием дополнительных сведений — о числе церквей, часовень, монастырей, скитов и, сверх того, именных списков о числе скопцов[66].

Однако наиболее радикально позволял наладить статистико-демографический учет указ 1839 г.[67], который предписывал местной полиции (городской, земской и сельской) вести именные списки о рождающихся и умирающих раскольниках и ежегодно представлять сведения об их числе гражданскому начальству.

Был также принят указ о метрических книгах для лиц еврейской веры. В правилах метрического учета для них дата рождения указывалась при совершении ритуальной процедуры для мальчиков и наречении имени девочкам. Дата смерти регистрировалась при погребении[67а].

Неудача с публикацией «Статистических таблиц о состоянии городов Российской империи» в 1840 г. потребовала от Министерства внутренних дел немедленных действий по их переизданию. Как уже отмечалось, гражданским губернаторам были разосланы циркуляры с требованием точнейшим образом проверить числовые показания. Кроме того, предписывалось впредь собирать сведения о движении народонаселения по вероисповеданиям и помещать их в ежегодные верноподданнические отчеты[68].

Последовал ряд циркулярных предписаний начальнику Каспийской области подготовить сведения о числе жителей различных вероисповеданий: лютеран и реформаторов[69], раскольников[70], евреев[71], армян, репатриировавшихся в пределы области из Турции и Персии[72], и магометан[73]. Интерес к идолопоклонникам имел под собой реальную основу, поскольку единицы их (индусы-огнепоклонники) проживали на территории Бакинского уезда — Апшерона, древнейшего очага зороастризма, где находился храм огнепоклонников. Их было (в 1841 г.) всего 5 человек духовенства, собиравшихся «при одном мольбище»[74].

Местная администрация доставляла требуемые сведения, хотя обнаруженные материалы учета не дают достаточно оснований судить о том, сколь последовательно и точно она выполняла возложенные на нее обязанности.

1840—1842 годы являются также начальной хронологической гранью в изучении этнического состава населения городов Азербайджана, как это установлено в отношении демографического учета.

Во всяком случае, первые наиболее полные статистические данные о раскольниках и сектантах края связаны с усилиями Генерального штаба Отдельного кавказского корпуса.

Речь идет о подготовлявшейся карте Кавказского края, в которой просматривается стремление соотнести религиозную принадлежность с этнической. Не случайно подобным аспектом заинтересовалось военное ведомство, более того, Генеральный штаб Отдельного Кавказского корпуса. Это являлось отражением той военно-политической ситуации, которая сложилась на Кавказе в связи с национально-освободительным движением под руководством Шамиля. Насколько широкой могла быть религиозная база движения Шамиля на Кавказе — вот те соображения, которые, как кажется, лежали в основе интереса к этнорелигиозному составу населения края. Тем не менее, оценивая значение карты, следует отметить, что она является первым опытом создания этнодемографической карты Кавказа.

В процессе ее создания было принято решение прибавить таблицу с данными о населении Грузино-Имеретинской губернии, Каспийской области и Горских народов.

Генеральный штаб интересовали сведения о числе душ об. п. с подразделением на христиан и магометан[75], соотношение которых имело значение в политическом аспекте. Присланные местной администрацией и отложившиеся в архиве статистические материалы были неравнозначны: по Грузино-Имеретинской губернии они отражали численность суммарно по уездам, города не выделялись, отсутствовали данные по ряду административно-территориальных единиц — уездам Горийскому, Кутаисскому и др. Целиком были

получены данные по Каспийской области. Однако впоследствии сведения были дополнены, так как карта вышла с сопроводительной таблицей, в которой были учтены не только количественные показатели о числе душ об. п. с разделением их по религии, но и «с означением степени покорности Российскому правительству»[76]. Последняя определялась дефинициями: «покорные», «полупокорные» и «непокорные».

Опубликованные при карте цифровые данные были полнее представленных ранее, но зато в них не выделялись города с их населением. Таким образом, в нашем распоряжении остается лишь архивный экземпляр «Ведомости о числе жителей в Каспийской области, с разделением на вероисповедания» (1842 г.)[77].

Произведенные на ее основе расчеты показали следующее (нами выделены данные, касающиеся населения городов) (табл. 3).

Просматривая итоги исчислений, мы должны отметить, что население городов Каспийской области было преимущественно мусульманским. Исключая входивший в состав Каспийской области город Дербент, в котором проживали представители дагестанских народностей, основными жителями городов области являлись азербайджанцы.

Данные ведомости отразили также соотношение их в составе городских и сельских жителей. Намного опережал среди жителей городов удельный вес мусульман в городе Дербенте. В остальных городах азербайджанцы-мусульмане составляли с той или иной степенью разницы относительно небольшое число, что свидетельствует о том, что в основной массе к 40-м годам они оставались населением сельским.

Христианское население области, идентифицируемое с армянами, составляло незначительное число как в городе, так и в целом по области. Но соотношение между городскими и сельскими жителями было неравномерным, что отражало характер размещения армян по области. Если в Бакинском, Ленкоранском и Дербентском уездах армяне были преимущественно городскими жителями, то на территории Нухинского и Шемахинского уездов основная их часть при довольно высоких абсолютных показателях в уездных центрах тем не менее являлась сельской.

Раскольники и сектанты проживали всего в двух городах области. Численность их в крае еще была весьма незначительной, пока еще действовал режим, ограничивавший их доступ в города. Однако сведения, собранные в связи с деятельностью Фадеева по размещению раскольников и сектантов в Шемахинской губернии в 1848 г., говорят о росте их численности. В Шемахинской губернии их было всего 1756 семей в количестве 9788 душ об. п. Из них в городах проживало 5,5 % — 508 душ об. п., в основном в Шемахе (328 душ об. п.), затем в Ленкорани (172 души об. п.) и в Нухе

Таблица 3

*Численность жителей городов Каспийской области по вероисповеданиям (1842—1843 гг.)**

Город	Христиане			Мусульмане			Раскольники			Евреи			Всего
	муж. об. п.	в % ко всем городским жителям	в % ко всем христианам уезда	муж. об. п.	в % ко всем городским жителям	в % ко всем мусульманам уезда	муж. об. п.	в % ко всем городским жителям	в % ко всем раскольникам уезда	муж. об. п.	в % ко всем городским жителям	% ко всем евреям уезда	
Шемаха	2759	15	18,2	15 602	84,6	12,8	73	0,3	3,0	—	—	—	18 434
Куба	20	0,4	4,0	4 167	99,5	4,6	—	—	—	—	—	—	4 187
Дербент	305	2,8	—	10 357	95,4	36,5	—	—	—	189	1,7	15,4	10 851
Ленкорань	165	6,2	—	2 328	87,0	5,8	184	6,9	6,5	—	—	—	2 677
Баку	549	8,8	98,7	5 649	91,1	18,0	—	—	—	—	—	—	6 198
Нуха	1796	12,3	9,6	12 735	87,6	19,6	—	—	—	—	—	—	14 531
Итого...	5594	9,8	15,8	50 838	89,4	130	257	0,4	5,0	189	0,3	4,0	56 878

* Данные отчета начальника Каспийской области за 1843 г. свидетельствуют в пользу цифровых показателей публикации 1842 г. Так, мусульмане составляли 84,7 % жителей города Шемахи и 3,3 % всех мусульман области; христиане (армяно-григориане, римско-католического вероисповедания и др.) —14,4 % жителей города Шемахи и также 3,3 % всего христианского населения области. См: ЦГИА СССР, Ф. 1281, Оп. 4, Д. 109. 1844 г. Ведомость о состоянии народонаселения в Каспийской области. Л. 65, 70—70об.

(всего 8 душ об. п.)[78]. Цифры, казалось бы, небольшие, но в губернском городе Шемахе число раскольников и сектантов по сравнению с 1842 г. возросло в 4,5 раза.

Судя по данным ведомости, *евреи* проживали в пределах Каспийской области лишь в Дербенте. Однако собранные почти за те же годы сведения показали иную картину. Сохранилась «Ведомость о числе кагалов, синагог, школ и должностных лиц и жителей еврейского закона по Каспийской области за 1841 г.»[79].

Во-первых, по данным этой ведомости, в Дербенте проживало в три раза больше евреев — 607 человек, во-вторых, евреи составляли почти половину (43,0 %) жителей города Кубы (2760 человек). То, что данные о еврейском населении Кубы не попали в ведомость, составленную для Генерального штаба, может иметь лишь одно объяснение — евреи проживали в городе в отдельной слободе, являвшейся как бы предместьем города. В целом в 1841 г. численность их в обоих городах достигала 3367 человек, что составляло 52,4 % всего еврейского населения области (6420 человек)[80].

Для реконструкции наиболее полной картины этнического состава городского населения края оптимальными являются данные административно-полицейского учета середины 50-х годов XIX в. (по материалам, публиковавшимся в «Кавказском календаре»). Учет, охвативший население Закавказского края, позволяет не только охарактеризовать этнический состав жителей каждого из городов края, но и сопоставить его в субрегиональном масштабе. Не менее важной представляется также возможность соотнесения этносов, проживавших в городах, с их расселением вне их пределов: отличался ли этнический состав населения городов от населения окружающей местности.

Кроме того, статистические данные на середину 50-х годов XIX в. как бы аккумулировали результаты тех этнодемографических процессов, которые протекали в городах Закавказского края в дореформенный период.

Они оптимальны также и потому, что создают возможность компаративного подхода к этим процессам в региональном масштабе, хотя и ограничены рамками административно-территориального деления края на данный отрезок времени.

При обращении к материалам «Кавказского календаря» неизбежно возникает вопрос, на основе какого признака определялась этническая принадлежность, в прямой ли форме (сведения о национальности) или косвенной (сведения о родном языке, месте и стране рождения, религиозной принадлежности и др.). В данном случае нужно отдать должное кавказской статистике, сочетавшей обе формы и придававшей к тому же особое значение принципу этнолингвистической классификации.

Цифровой материал в ряде случаев был консолидирован в ведомостях по графам: «название населенного места по-русски», то же — «на местном языке», «означение какой нации и религии жители» и «означение языка, на коем жители говорят между собой».

Именно подобным образом были представлены статистические данные о народонаселении Тифлисской губернии[81]. Составленная на их основе таблица выявила следующую картину распределения населения губернии по народностям (табл. 4).

Как следует из статистических данных, *грузины* в Тифлисской губернии составляли более трети всего населения губернии.

Но здесь следует учитывать то обстоятельство, что в состав Тифлисской губернии в исследуемое время входили земли Елисаветпольского уезда вместе с Елисаветполем, на которых с древнейших времен жило азербайджанское население, составлявшее большинство жителей уезда — 62,2 %. Четвертую часть жителей уезда составляли армяне — 25,7 %. Грузин в уезде насчитывалось всего 7 дымов.

Основная часть грузин размещалась компактными массами в пределах уездов: Горийского (83,1 %) и Телавского (80,9 %). Они представляли более половины жителей Сигнахского уезда — 57,7 % и третью часть жителей Тифлисского — 32,9 %.

Каков же был удельный вес грузин среди горожан и сельских жителей губернии?

В городах Тифлисской губернии проживала их наименьшая часть — 1675 дымов, или 7,4 % всех грузин губернии. Подавляющее число грузин принадлежало к категории сельских жителей. Из 22 693 дымов грузин, проживавших в пределах Тифлисской губернии, сельские жители составляли 92,6 %.

К середине 50-х годов грузины составляли немногим менее половины жителей города Гори — 42,0 %, около трети населения города Душети — 32,4 %. В Тифлисе, городе с наиболее пестрым в этническом отношении составом населения, грузины составляли 18,5 %. Далее следовали города Телави — 17,1 % и, наконец, Сигнахи — 4,7 %. В Кутаиси грузины (имеретины) составляли около 40 % жителей города. При сопоставлении удельного веса грузин-горожан Тифлиса и Сигнахи (по другим городам такой возможности нет) по сравнению с началом 30-х годов обнаруживается, что он оставался прежним (соответственно 16,8 и 4,0 % в составе крестьянского сословия этих городов).

Сельское население преимущественно грузинским было в Телавском и Горийской уездах (соответственно 89,3 и 87,0 %), более половины составляло в Сигнахском уезде (63,1 %) и, наконец, менее половины Тифлисского уезда (40,3 %).

Таблица 4

Распределение населения Тифлисской губернии по народностям (в дымах) на 1855 г.

Народность	Тифлисский уезд		Сигнахский уезд		Телавский уезд		Горийский уезд		Елисаветпольский уезд		Шушино-Пшаво-Хевсурский округ		Осетинский округ		Горский округ		Всего в губернии		В % ко всему населению губернии
	все население	городское, %	все население	городское, %	все население	городское, %	все население	городское, %	все население	городское, %	все население	городское, %	все население	городское, %	все население	городское, %	все население	городское, %	
Грузины	6 168	19,9	5 205	0,7	5 157	2,5	6 156	4,5	7	71,4	—	—	—	—	—	—	22 693	7,4	35,9
Армяне	6 918	62,9	3 650	22,0	991	61,9	1 130	34,0	3 587	26,6	37	—	—	—	—	—	16 313	43,6	25,8
Азербайджанцы	3 556	2,7	158	—	199	—	—	—	9 649	11,4	—	—	—	—	—	—	13 562	8,8	21,4
Тушины, пшавы, хевсуры	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 984	—	—	—	—	—	2 051	—	3,2
Осетины	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 736	—	993	—	3 854	—	6,1
Митулетины	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 986	—	1 986	—	3,1
Русские	243	79,0	12	—	27	—	17	—	524	0,9	2	—	—	—	—	—	825	23,9	1,3
Греки	943	27,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	949	27,4	1,5
Евреи	23	0,3	—	—	—	—	114	—	—	—	—	—	—	—	—	—	137	16,8	0,2
Поляки	114	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	114	100	0,1
Французы	2	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	100	0,0
Немцы	572	35,6	—	—	—	—	—	—	168	—	—	—	—	—	—	—	740	35,5	1,2
Итого . . .	18 737	34,5	9 025	9,3	6 374	11,6	7 417	8,9	13 939	14,8	2 023	—	2 736	—	2 979	—	63 226	17,0	100

Как уже отмечалось, армяне частично размещались также в Елисаветпольском уезде, составляя четверть всего населения уезда. Более трети (36,2 %) их проживало в самом городе Елисаветполе.

Таким образом, в большинстве районов Тифлисской губернии, исключая Тифлисский уезд с двумя городами — Тифлис и Душети, что в совокупности давало без малого 20 % всех горожан уезда, миграция сельских жителей в города носила более чем скромный характер.

Второе по численности место в Тифлисской губернии занимали *армяне* — 16 313 дымов, что составляло четверть ее жителей. Однако им принадлежало ведущее место среди других коренных народов в составе городского населения губернии. Их насчитывалось 7110 дымов, или менее половины всех горожан. При этом удельный вес армян в отдельных городах губернии достигал наивысших пределов. Так, они составляли 95,3 % жителей Сигнахи, 87,7 — в Телави, по 67 — в Тифлисе и Душети, 58 — в Гори, 48,2 % — в

Елисаветполе. В Кутаиси армяне составляли четверть его жителей (25,1 %).

Сопоставляя численность армян, проживавших в городах и сельских местностях, надо отметить, что она была почти паритетной: сельские жители лишь ненамного превышали городское население — 56,4 %. Но по территории губернии это соотношение проявлялось в иной пропорции. Число армян — сельских жителей достигало 34,8 % в Сигнахском уезде, затем количественный показатель шел по нисходящей: в Тифлисском уезде — 20,9 %, в Горийском — 11,0 и Телавском — 6,7 %. Но именно в Тифлисском и Телавском уездах удельный вес городских жителей среди армян был оптимальным по краю.

Близким к армянскому был удельный вес *азербайджанцев* в составе населения Тифлисской губернии. На ее территории размещалось 13 562 дыма азербайджанцев, составлявших немногим менее четверти населения губернии. Но складывался он прежде всего за счет азербайджанского населения Елисаветпольского уезда, в пре-

делах которого проживали 70 % всех азербайджанцев Тифлисской губернии.

Следующим районом расселения азербайджанцев был Тифлисский уезд (его сельские местности в юго-восточной части). Здесь насчитывалось 3460 дымов, или 28,1 % сельских жителей уезда и 26,2 % всех азербайджанцев губернии.

В городах губернии число их не было значительным: 11,4 % азербайджанцев губернии проживали в Елисаветполе и 2,4 % — в городе Тифлисе. К числу сельских жителей относились айзербайджанцы, населявшие Телавский и Сигнахский уезды. В Елисаветполе азербайджанцы составляли половину горожан — 53,5 %

Как следует из приведенных цифр, азербайджанское население Тифлисской губернии было преимущественно сельским, лишь 8,8 % его проживало в городах.

Остается сожалеть об отсутствии единообразия публиковавшихся на страницах «Кавказского календаря» статистико-демографических материалов. Если для Тифлисской губернии данные о населении классифицируются по признаку этническому — «по народностям», то применительно к Шемахинской и Эриванской губерниям — по конфессиональному, лишь русское и еврейское население этих губерний определяется признаком этническим. Кроме того, жители Тифлисской губернии исчислены в дымах, а Шемахинской и Эриванской — в душах об. п.

Сравнивая удельный вес азербайджанцев в составе городских жителей в середине 50-х годов[82] и начале 30-х годов XIX в. (отдавая при этом должное достаточно высокой мере условности подобного сопоставления), замечаем, что и к середине 50-х годов он оставался доминирующим в городах Азербайджана.

Удельный вес азербайджанцев в городах колебался в пределах 50—100 %. По-прежнему он был близким к 100 % в городах Баку (94,0 %), Ордубате (93,5 %) и м. Сальяны (98,0 %).

Большую часть жителей составляли они также в городах: Шемахе (89,8 %) и Нухе (88,8 %). Несколько возрос удельный вес азербайджанцев в Нахичевани — с 66,6 до 70,8 %. Напротив, отмечается некоторое снижение численности азербайджанцев в Ленкорани — с 91,8 до 87,5 % и Шуше — с 52,7 % до 48,6 %. Стабильным оставалось соотношение азербайджанцев и евреев в Кубе — соответственно 58,7 и 41,3 % (вместе со слободой)[83].

В целом же следует считать, что удельный вес азербайджанцев в городах Азербайджана оставался стабильным на протяжении 30—50-х годов XIX в.

Каково же было соотношение между азербайджанцами — городскими и сельскими жителями?

Поуездный анализ статистических данных показал, что основную часть составляли сельские жители, лишь меньшая их часть

проживала в городах: 19,0 % в Баку, 18,4 % в Нахичевани, по 15,9 % Ордубате и Нухе, 12,0 % в Шемахе и 6,5 % в Ленкорани.

Вне пределов Азейрбайджана удельный вес азербайджанцев попрежнему был значительным в Восточной Армении. В частности, в городе Эривани они составляли половину его жителей — 52,6 %, что отражало достаточно высокий их удельный вес среди жителей Эриванского уезда — он достигал без малого 70 % всего населения уезда. Численность азербайджанцев в других городах Восточной Армении была незначительной — всего 3,6 % жителей Александрополя. И вовсе отсутствовали азербайджанцы в Ново-Баязете — городе, возникшем в результате репатриации армян из Ирана и Турции.

Более диффузный характер, как и в прошлые времена, имело расселение *армян* по территории края. Однако численность их была умножена в пределах Восточной Армении в связи с миграционными процессами. По данным на начало 30-х годов, удельный вес репатриантов составил 40 % в Эривани. Наибольший процент армян — до 100 — отмечен в городах, развившихся как раз как следствие репатриации армян в Александрополе и Ново-Баязете.

В середине 50-х годов армяне составляли 46,4 % жителей города Эривани, но в городе проживало лишь 15,3 % армян уезда.

Хотя абсолютное большинство жителей города Ново-Баязета (99,3 %) и состояло из армян, в целом по Ново-Баязетскому уезду они составляли три четверти его жителей, а горожане — $^1/_{10}$ всего армянского его населения.

В Александропольском уезде армяне составляли абсолютное большинство его населения, но лишь 22,3 % их проживали в городе. хотя в самом Александрополе удельный вес их достигал 96,0 %.

Армяне занимали второе место в городах Азербайджана. Составляя более половины жителей в городе Шуше — 51,1, они обнаруживали некоторую тенденцию к повышению своего удельного веса по сравению с 30-ми годами (47,3 %). То же наблюдается и по городу Шемахе — с 10,2 до 14,8 %.

Если по данным 30-х годов в Ленкорани не отмечено армян среди его жителей, то к середине 50-х годов их удельный вес в городе достигал 3,2 %.

Неизменным оставался удельный вес армянского населения в городах Нухе — 11,4 % и Баку — 5,0 %. Несколько понизился он в Нахичевани — с 34,4 до 28,3 %.

Армянское население в пределах Азербайджана также было преимущественно сельским. Так, в Шемахинской губернии армяне-горожане составляли 14,2 % всех армян губернии. За исключением городов Баку и Ленкорани, где проживало 100 % армянского населения одноименных уездов, локализация их отражала общую картину соотношения сельского и городского населения в целом по

губернии: горожане составляли в среднем от 8,5 % (Нухинский уезд) до 19,5 % (Шемахинский уезд) армян каждого из уездов.

И в середине 50-х годов XIX в. *евреи* продолжали составлять значительную часть жителей городов Кубы и Кутаиси. К сожалению, в статистических материалах 50-х годов население города Кубы исчислено вместе с жителями еврейской слободы, потому мы лишены возможности показать направление динамики численности евреев в составе граждан Кубы. Что касается города Кутаиси, то по сравнению с началом 30-х годов XIX в. удельный вес евреев понизился с 32,4 до 25,6 %.

Динамику численности *русских* мы можем проследить за небольшой промежуток времени — с 1848 по 1855 г. Но это хронологическое ограничение усугубляется еще одним обстоятельством — статистические материалы позволяют судить о движении не всего русского населения, а только раскольников и сектантов, хотя последние и составляли основную часть русских жителей Закавказья. Так, к середине 50-х годов удельный вес раскольников и сектантов в составе русского населения Шемахинской губернии достигал 94,3 %. Если судить по Шемахинской губернии, то общее число раскольников и сектантов несколько понизилось по сравнению с 1848 г.— с 9788 до 9003 душ об. п.

Однако произошли изменения в соотношении между сельскими и городскими жителями в пользу увеличения последних как в абсолютных, так и относительных показателях. Если ранее горожане среди раскольников и сектантов составляли 5,5 %, то теперь их удельный вес возрос до 9,3 %, а численность — до 842 душ об. п. Подобная тенденция составляла особенность городов со стойким контингентом этой категории русского населения. Так, в Шемахе число раскольников и сектантов увеличилось с 328 до 545 душ об. п. и в Ленкорани — со 172 до 288 душ об. п.

Как и прежде, названные города продолжали оставаться центрами притяжения переселенцев с территорий, наиболее ими насыщенных. В Шемахинском уезде переселенцы составляли без малого половину всего русского населения уезда (49,8 %), в Ленкоранском уезде — 37,9 %. В Шушинском уезде переселенцев было примерно вчетверо меньше (11,4 % всех русских, проживавших на территории уезда). Видимо, оттого и число их в городе Шуше достигло единиц (9 человек).

В Тифлисской губернии русские переселенцы, локализованные главным образом пределами Тифлисского уезда, примерно поровну размещались в Тифлисе (402 души об. п.) и сельских местностях (399 душ об. п.) Немногим превышало их число русских чиновников (480 душ об. п.). Выделить русское духовенство в составе «греко-российского православного духовенства», к сожалению, не представляется возможным, поскольку среди них было и грузинское духовенство.

В целом русские составляли 1,3 % всего населения Тифлисской губернии, из которых в городах проживало менее четверти (23,9 %).

В городах Восточной Армении постоянно проживавшее русское население было представлено чиновничеством и духовенством. Однако удельный вес их был весьма незначительным. Так, число чиновников в губернском городе Эривани едва достигало 1%.

Абсолютное большинство раскольников и сектантов жили в пределах Ново-Баязетского уезда (3,8 % его жителей), административно-полицейская статистика не зафиксировала их ни в одном из городов Армении.

Завершая характеристику размещения русского населения в крае, необходимо напомнить, что местный административно-полицейский учет фиксировал главным образом постоянно проживающих в городах края. Вне сферы его внимания оставались военнослужащие, число которых в городах края достигало весьма значительных размеров (см. об этом с. 154—155).

Следуя за официальной статистикой, данные которой консолидировались в соответствии с разработанным формуляром, где русское население выделялось в графах «русские чиновники» и «русские городские обыватели» (под ними подразумевались раскольники и сектанты), мы таким образом получаем конкретные представления об указанных категориях жителей городов русской национальности.

Н. В. Юхнёва, отмечая недостатки статистики XIX в. в вопросе выяснения этнического состава населения городов, в качестве одного из них указывает на неточное с современной точки зрения употребление некоторых этнонимов. Например, «русское» — этноним, который применялся в двух смыслах: как единое наименование трех восточнославянских народов и как синоним собственного русского[84]. Однако для окраин России, в данном случае Кавказа, определяется еще одно значение понятия «русское», указывавшее на складывание новой для края системы административно-политического управления. При этом указанный Н. В. Юхнёвой оттенок употребления этнонима «русское» в дореформенный период еще не применялся местной статистикой.

Формирование русского городского населения в Закавказье имело свои особенности. Обусловленное общими для всей империи колонизационными процессами, тем не менее в Закавказье оно происходило в иных условиях, чем, скажем, в Сибири, где города по своему составу были практически чисто русскими. Возникновение их было связано с освоением этих территорий различными категориями русского населения (например, служилыми людьми). В Закавказье же, напротив, русские жители вливались в население городов, давно сложившихся. Поэтому выделение их из общего со-

става населения городов по сословно-классовому признаку представляет немалые трудности.

Социально образующими русские являлись главным образом для административно-чиновничьей группы, при этом хронологически локализованной первыми десятилетиями присоединения Закавказья к России. Впоследствии этнический состав чиновников был значительно расширен за счет привлечения на службу представителей коренных народов.

Другая особенность русского населения для Закавказского края в том, что русские горожане составляли здесь половину всего русского населения края (114 166 человек из 234 744), в то время как в Предкавказье они составляли 13,7 % всего русского населения (по переписи 1897 г.).

Административно-полицейская статистика середины 50-х годов XIX в. зафиксировала иностранцев в составе жителей края, его городов. Состояли они из двух категорий: из проживавших здесь постоянно немецких колонистов и так называемых «заезжих мусульман, проживающих по заграничным паспортам», под ними подразумевались приезжавшие по торговым делам из Ирана и Турции.

Так, *немецкие* колонисты, приписанные к городу и занимавшие предместье под названием Куки, были относительно немногочисленны — 464 человека, обслуживал их один пастор и составляли они 1,3 % всех горожан (по данным на 1854 г.)[85]. Кроме того, в пределах Тифлисского уезда жили 368 семей колонистов, или 3,0 % населения уезда.

Надо сказать, что немецкая колонизация в Закавказье не получила развития несмотря на существование здесь образцовых сельскохозяйственных факторий. В край прибывали малочисленные партии колонистов, и динамика их численности определялась главным образом за счет естественного прироста.

Число приезжавших из Ирана и Турции было значительно более внушительным, например в 1854 г. оно достигло 1587 человек, или 4,4 % фактического населения[86]. Безусловно одно, что их доля с той или иной степенью отклонения от указанной цифры была постоянной в составе жителей такого крупного торгового центра, каким был Тифлис.

Многонациональный лик Тифлиса, придававший ему весьма экзотический вид, привлекал внимание и заставлял браться за перо не одного современника. Их многочисленные корреспонденции, публиковавшиеся в газетах и журналах и облекавшиеся в формы эпистолярного жанра,— свидетельство тому. И нельзя удержаться от соблазна, чтобы не привести эти несколько пространные, но живописные описания города Тифлиса.

Вот впечатление П. П. Зубова, составленное в бытность действия льготного тарифа: «Будучи центром торговли Закавказского

края с Россиею, Тифлис привлекает для оной купечество различных стран Азии и Европы, коих одежды и облики составляют разнообразие. Турки, персияне, индейцы, татары, немцы, англичане, горцы, армяне, грузины, русские и другие в национальных костюмах, в мундирах и фраках; европейские экипажи, немецкие форшпаны[87], грузинские арбы, вьючные буйволы, быки, верблюды, ослы — все сие в беспрестанной панораме представляется ежеминутно взорам и составляет оригинальную картину»[88].

Бойкий фельетонист середины XIX в. Н. Л. Дункель-Веллинг, описывая центральную улицу Тифлиса — Головинский проспект восклицает: «Чего не увидишь на этом сходбище Тифлиса! Тут в живописном костюме своем, легкий в походке и движениях идет черкес, весь обвешанный оружием... Вот рядом с ним высокий персиянин, закутанный в широкую абу[89], осторожно ступает в своих бабушах[90]. Далее беззаботный грузин с веселым и беспечным видом закидывает назад разрезные и изукрашенные золотым галуном рукава своей чохи[91]. А вот и красавица грузинка... свободно и легко ступает по каменным плитам, а прозрачный личак[92] резво вьется вокруг ее хорошенькой головки. Впереди мелькают бурнусы и шляпы наших милых соотечественниц, привыкших к благополучному небу юга и не скучающих по далеком родном севере»[93].

Надо полагать, что иностранцы посещали и другие города края торгового значения. Привлекаемые возможными выгодами, они устремлялись в города Закавказья, чтобы найти себе здесь какое-либо поприще. Это были единицы, поэтому они не всегда фиксировались местной статистикой[94].

Что же составляло особенность этнического состава населения городов Закавказского края в дореформенный период? Прежде всего мы должны говорить о преемственности в этнической структуре городов края. Состав населения городов формировался под влиянием национального состава территорий Закавказья.

Основное население городов формировали коренные народности: азербайджанцы, армяне и грузины. При этом размещение их по городам отражало общий характер их расселения по территории края.

Соотношение между сельской и городской частью свидетельствовало в пользу первой, но с неравными долями представителей различных коренных этносов в составе города. Так, среди жителей грузинских городов превалировали армяне. Значительным был их удельный вес в некоторых городах Азербайджана. Высокой была концентрация армян в тех городах Восточной Армении, формирование которых было связано с миграционными процессами, репатриацией армян в пределы края. Но при этом удельный вес армян в губернском центре (Эривани) несколько уступал азербайджанцам.

Население городов Азербайджана было преимущественно азербайджанским, за исключением городов западной его части с ощу-

тимой долей армянского населения. Размещение азербайджанцев в юго-восточной части Тифлисского уезда оказало влияние на размещение азербайджанцев и в составе городского населения Тифлиса.

В таком же аспекте должно рассматриваться расселение евреев как на территории края, так и в составе населения его городов.

Таким образом, известная этническая пестрота близлежащих окружений городов была как бы скалькирована городами.

С присоединением территории края к России связано проникновение в его города иноэтнических элементов. Приоритетную роль в этом играет русский этнос. Удельный вес русских в составе горожан неизменно возрастает в результате формирования административно-политической системы, наращивания военного потенциала, колонизационных процессов и культурных взаимосвязей, приобщения народов края к русской культуре.

Возрастает и число иностранцев среди горожан края, но доля их в составе инонационального элемента ощущается лишь в административно-политическом центре кавказского наместничества.

Характеризуя этнический состав населения городов Закавказского края, следует подчеркнуть, что к моменту присоединения его территорий к России оно в основной массе городов было многонациональным. Обусловливалось это пестрым этническим составом коренного населения.

Однако в дореформенный период складывались предпосылки усиления процесса дальнейшего формирования многонационального населения городов Закавказья за счет возрастания доли инонациональных элементов.

* * *

Специальный интерес представляет расселение этносов внутри городов.

В городах с этнически неоднородным населением сохранялся характер расселения этносов компактными массами. Определяющим при этом фактором был не только этнический, но и конфессиональный. Особенно это отличало города Азербайджана, в которых в дореформенный период оставалось подразделение их на части: с азербайджанским и армянским населением. При членении городов на части использовались естественный рельеф местности, ее топография, что облегчало локализацию жителей компактными массами по этническому признаку. Так, в верхней части городов Шемахи[95], Шуши[96], Елисаветполя[97] и других проживали армяне, а в нижней — азербайджанцы.

Армянская часть города называлась «килисекенд» (азерб. — букв. «церковная деревня»), поскольку здесь располагалась армянская (христианская) церковь.

Отдельной слободой расселялось еврейское население городов — пример тому город Куба, о чем мы уже неоднократно писали.

Четко членился по этническому признаку Кутаиси: 1) собственно город, 2) нагорная слободка, 3) католический квартал, 4) зарионская слободка и 5) еврейская слободка[98].

В Баку бытовало выражение «эрмени кэнд» (азерб.— «армянская деревня», под которым подразумевалась та часть города, в которой исстари поселялись армяне. Подобное деление города было характерно и для городов Армении. Так, побывавший в Эривани Линч свидетельствовал: «Восточная половина населена татарами, а западная — армянами. В первой из них вы найдете мечети, во второй — христианские церкви»[99].

Наблюдалась тенденция локализации торгово-промышленной деятельности в пределах расселения этносов. Существовали армянские базары в армянской части города и татарские майданы в азербайджанской.

Размещение новых для края этносов на первый взгляд происходило так же. Однако в характере их расселения в городах прослеживаются новые черты. К этническим и конфессиональным признакам прибавляются сословно-социальные.

Так, сословно-социальная неоднородность русских жителей оказала влияние и на характер их расселения в городах в соответствии с процессом появления их в крае с начала XIX в.

Военно-политическая администрация — первый слой русских жителей в городах. С их размещением в центральной части городов (а это прежде всего города губернского значения и, конечно же, Тифлис) связано формирование административно-политического центра города. Вместе с этим происходит расселение чиновников военно-административного аппарата посредством вкрапления их в среду местного населения. Так, корреспондент «Кавказского календаря» П. Черепанов сообщает, что в средней части города Шемахи встречается много европейских построек, «занимаемых вообще русским поселением города и преимущественно чиновниками и военными офицерами»[100].

Со временем край заселяется русскими переселенцами (начиная с 30-х годов XIX в.), которые, получив возможность перемещаться в города, образуют целые слободы. Так, в Тифлисе на Песках, над рекой Курой, возникает так называемая «молоканская слобода», жители которой занимались промыслами, в частности извозом, что составляло характерную особенность ремесленно-промысловой деятельности русских переселенцев. Здесь происходил постоянный торг лошадьми, фуражом и пр.[101]

Позднее возникает слободка русских поселян в городе Баку. Поскольку цены на землю на торгах были для них высоки, кавказский наместник разрешил отвести им землю за посаженную плату[102].

Нужно сказать, что Тифлис являл собой превосходную иллюстрацию этнодемографических процессов, происходивших в крае в дореформенное время и оказавших влияние на формирование населения его городов.

Расселение русских в Тифлисе не ограничивалось указанными группами. Помимо военного и гражданского чиновничества и сектантов, в Тифлисе оседали отставные чины со своими семьями. Из них образуется также самостоятельное приписанное к городу поселение — Новотроицкое[103].

Кроме того, в трех верстах от Тифлиса, в пригороде Навтлуг, возникает еще один район с русским населением. Здесь размещались комиссариатская комиссия с военными госпиталями и магазинами. Жители его состояли из офицеров, чиновников и нижних чинов комиссариатского и военно-медицинского ведомства, построивших дома на отведенных землях[104].

Русские продавали свои изделия на рынках дифференцированно по своей социальной принадлежности. Сектанты торговали ими на своем «молоканском» рынке, а солдаты на русском рынке, иначе именуемом «солдатским» (старожилы Тифлиса до сих пор помнят его). Назван он был из-за солдат, поскольку сюда свозились овощи из окрестных штаб-квартир, а главное — «разные изделия солдатских досугов»: мебель и множество необходимых предметов быта. Это был один из самых оживленных базаров города, который к осени приобретал сходство с ярмаркой[105]. И если русский солдат попадал на татарский майдан, где «как будто невзначай предложит вам пару сапог, крепких и тяжелых, ему совестно продавать свой товар на Майдане, его место на воскресном базаре, куда собирается много русского народа»[106].

Иной характер носило расселение русских в городах с превалирующим мусульманским населением. Особенно это ощущалось, когда речь шла о количественно выразительных группах, в частности раскольников и сектантов. Здесь они размещались в тех частях города, которые населялись армянским, т. е. христианским населением. И в данном случае показателен пример губернского города Шемахи: в армянской части города помещалась большая часть правительственных учреждений губернии и здесь же было сосредоточено все русское население города[107].

Посетивший Шемаху в конце 40-х годов А. М. Фадеев так описывал русскую слободу: «В верхней части находится слобода, состоящая из поселенных при городе молокан и скопцов из разных мест, занимающихся извозничеством и городскими промыслами. Некоторые из них построили себе порядочные дома»[108].

Но само русское население городов, как известно, также не было однородным, смешение в нем представителей разных сословно-социальных категорий придавало своеобразие облику города. Вот

Базарная площадь в Тифлисе. Акварель кн. Гр. Гагарина

как выглядел город Ленкорань в середине XIX в.: «Пограничный город, на рубеже России и границе Персии, бывшая столица Талышского ханства, имеет теперь наружность кавказской казачьей станицы... Русское население Ленкорани состоит из раскольников, отставных солдат, немногих чиновников и разных разночинцев, служащих и отставных, составляющих отдельный квартал от туземного населения»[109].

Нам еще предстоит говорить о русском населении в лице военнослужащих и их роли в городской жизни края.

Сейчас же вернемся к другой группе иноэтнического населения городов — немецким колонистам.

Историю возникновения немецкой колонии вблизи Тифлиса излагает тот же А. М. Фадеев. Поводом для основания колонии послужила необходимость «снабжения европейских жителей этого города съестными припасами и овощами, коих грузины не знали и не разводили»[110]. А. П. Ермолов, как уже отмечалось, придавший большое практическое значение немецкой колонизации, писал в Санкт-Петербург, и в 1817 г. были присланы из Одессы до 50 семей из вновь прибывших вюртембергцев[111]. А. С. Грибоедов, описывая Тифлис, замечает: «В окрестностях города виртембергские переселенцы беспрерывно обстраиваются...»[112]

Вот как описывает очевидец свое впечатление от немецкой колонии, являвшей, по его мнению, контраст остальным районам

Тифлиса: «Миновав столб с дощечкой, на которой означено число семейств колонистов, душ и пр., мы вступили в главную улицу настоящей немецкой колонии: тихо, просторно, чисто; с первого же шагу чувствуется приятный запах зелени с прекрасных фруктовых и виноградных садов, густо окаймляющих с обеих сторон колонию»[113].

Данные, которыми мы располагаем по вопросу о расселениях этносов внутри городов, нельзя считать исчерпывающими. Наиболее полно они иллюстрируют положение в Тифлисе. Да это и понятно, город этот не имел аналогий на Кавказе, опыт формирования его многонационального населения должен быть исследован в аспекте изучения типологии городов подобного типа в общероссийском масштабе.

В целом следует считать, что к концу дореформенного периода происходит процесс размывания сложившейся этнодемографической структуры городов под влиянием общих процессов социально-экономического, политического развития края, охвативших его в исследуемое время. Разрушалась обособленность этносов внутри городов, увеличивался удельный вес инонационального элемента. Однако численность коренных народов края в этнической структуре городов оставалась неизменной и доминирующей.

---

1 Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. С. 27; ПСЗ (II). СПб., 1840. Т. XIV. СПб. 1887. № 13387.

2 Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851. Отд. III, С. 275.

3 Там же. С. 292.

4 Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. Т. XVI. ч. 6: Эриванская губерния. С. 259.

5 *Пушкарев С.* Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания // Записки КОИРГО. Тифлис, 1853. Кн. 2. С. 155; *Спасский-Автономов К.* Редут-Кале // Отечественные записки. СПб., 1847. Т. 55, № 11. Отд. III. С. 21—34.

6 *Месхиа Ш. А.* Указ. соч. С. 124. Мтавары — титулованные князья.

7 *Фадеев А. М.* Воспоминания: В 2 ч. Одеса, 1897. Ч. 2. С. 179.

8 Статистические таблицы Российской империи, изданные Министерством внутренних дел. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 г. / Ред. А. Бушен. СПб., 1863. С. 301.

9 *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 211.

10 Там же.

11 Воспоминания В. А. Дзюбенко: (Полувековая служба на Кавказе, 1829—1876) // Русская старина. 1879. Т. 25. № 8. С. 644—645.

12 *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 211.

13 Грузинский экономист Ш. К. Какурия, отталкиваясь от данных описи Тифлиса 1803 г., подсчитал, что к моменту городской переписи 1864 г. население Тифлиса возросло в три раза (на 49,8 тыс. человек). (См.: *Какурия Ш. К.* Население Тбилиси (1803—1859 гг.): Автореф. дис. ... канд. экон. наук Тбилиси, 1965. С. 7

14 *Иоселиани П.* Города, существовавшие и существующие в Грузии. Тифлис, 1850. С. 26, 29—30.

15 *Шопен И. И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1832. С. 478, 635—638.

16 Кавказский календарь на 1850 г. Тифлис, 1849. Отд. III. С. 71.

17 Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т. XII. С. 25—26.

18 *Рахмани А. А.* «Тарих-и-алам арай и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку. С. 101—103.

19 История Грузии. Тбилиси, 1962. Т. 1; С древнейших времен до 60-х годов XX века. С. 297.

20 Этнографические карты губерний и областей Закавказского края, составленные правителем дел Кавказского отдела Императорского Русского географического общества Е. Кондратенко. Приложение к кн. XVIII «Записок КОИРГО». Тифлис, 1896.

21 *Юхнёва Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX — начала XX века: Статистический анализ. Л., 1984. С. 11.

22 *Надеждин П. П.* Кавказский край: Природа и люди. Тула, 1901. С. 161.

23 Даже в таком каноническом издании, каким является двухтомник «Народы Кавказа» (М., 1960—1962), содержатся взаимоисключающие определения татов и горских евреев. Каждому из них посвящены специальные очерки. Но при этом таты-иудеи называются горскими евреями (Т. II. С. 181), а о горских евреях сказано лишь о заимствовании ими татского языка (Т. 1. С. 554).

24 *Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х.* Татский язык // Основы иранского языкознания. М. 1982. Кн. 3. Новоиранские языки. С. 231—232.

25 См., например: *Надеждин П. П.* Указ. соч. С. 162.

26 См., например: *Надеждин П. П.* Указ. соч. С. 237.

27 См.: например: Кавказский календарь на 1855 г. Отд. III. С. 276—278.

27а Свод законов Российской империи. Изд. 1842. СПб., 1842. Т. IX. Законы о состязаниях. Ст. 1456.

28 Исмаил-Заде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX — начало XX в.) С. 25—27, 49.

29 *Мурадян П. М.* Армянская эпиграфика Грузии: Картли и Кахетия. Ереван, 1985. С. 169; Надеждин П. П. Указ. Соч. С. 162, 164.

30 См. гл. 1, § 2. настоящей работы.

31 Подсчитано на основании данных камеральных описаний городов Баку, Нахичевани и Ордубата (ЦГИА АзССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 370. Л. 1—1а; Д. 353. Л. 8, 356 об.; Д. 372. Л. 7) и «Обозрения российских владений за Кавказом» (Ч. 1. С. 196, 350, 367; ч. IV. Приложения (без пг)).

32 История армянского народа. Ереван, 1951. Ч. 1. С. 219—220, 236.

33 *Линч Х. Ф. Б.* Армения: Путевые очерки и этюды: В 2 т. Тифлис, 1910. Т. 1: Русские провинции. С. 86, 88.

34 *Хаханов А. С.* Положение армян в грузинском царстве // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897. Отд. 1. С. 658; *Сазонов А. Н.* Армяне на Кавказе: Статистические наброски // Там же. С. 662—676.

35 См., например: *Иоселиани П.* Указ. соч.; *Глинка С.* Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М., 1831; *Потто В. А.* Переселение христиан из Турции. СПб., 1901; *Ерицов А. Д.* Данные об армянском населении России // Изв. Кавк. отд. имп. Рус. геогр. о-ва. Тифлис, 1883. Т. VII, кн. 1—2.

36 *Мурадян П. М.* Указ. соч. С. 90.

37 *Месхиа Ш. А.* Города и городской строй феодальной Грузии (XVII—XVIII вв.). Тбилиси, 1959. С. 43—44.

38 *Мурадян П. М.* Указ. соч. С. 169.

39 Рая (араб.) — в данном случае «христианско подданных».

40 *Мурадян П. М.* Указ. соч. С. 39.

41 Арс. 1918. Кн. II/III. С. 106—108.

42 *Полиевктов М., Натадзе Г.* Старый Тифлис в известиях современников. Тифлис, 1929. С. 80.

43 Арс. 1918. Кн. II/III. С 109.

44 Все армяне-католики в России были подчинены католическому архиепископу. Однако в связи с особенностями обряда в богослужении, особенностями языка, а также в зависимости от рукоположения армяно-католических священников в 1806 г. была учреждена особая армяно-католическая епархия, а указом 1810 г. ее епископу было отдано управление всеми церквами этот обряда. Такое положение просуществовало до 1822 г. См.: ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3409. Л. 20 об.—24.

45 АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Док № 830 (Ведомость о числе христианских семейств, перешедших из Турецких пашалыков в Российские пределы). С. 847; *Шавров Н.* Русская колонизация на Кавказе // Вопросы колонизации. СПб., 1911. Т. 8. С. 133.

46 АКАК Т. VII. Док. № 829. С. 845; *Парсамян В. А.* Грибоедов и русско-армянские отношения. Ереван, 1947. С. 66.

47 *Шопен И. И.* Указ. соч. С. 635—638.

48 *Ерицов А. Д.* Данные об армянском населении России // Изв. Кавк. отд. имп. Рус. геогр. о-ва. Тифлис, 1882—1883. Т. С. 93.

49 АКАК. Т. VII. Док. № 830. С. 847; *Ерицов А. Д.* Указ. соч. С. 93.

50 *Шопен И. И.* Указ. соч. 539.

51 Там же. С. 635—638. Существуют разночтения между данными Шопена и приведенными выше исчислениями Григорьева. Хотя последним было учтено только податное население Нахичевани, все его показатели отражают цифры большие (Указ. соч. С. 130).

52 *Ерицов А. Д.* Указ. соч. С. 93.

53 *Шопен И. И.* Указ. соч. С. 642.

54 Там же. С. 538—630.

55 *Волкова Н. Г.* Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 6.

56 *Ерицов А. Д.* Указ. соч. С. 92.

57 ЦГИА АзССР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. Л. 22—22 об., 23—25 об., 38—38 об., 39—39 об., 43, 44, 46, 48—48 об., 51—51 об., 57.

58 *Полиевктов М., Натадзе Г.* Указ. соч. С. 81.

59 *Спасский-Автономов К.* Редут-Кале // Отечественные записки. 1847. Т. 55, № 11. Отд. III. С. 28—29.

60 Кавказ, 1846. № 27. 15 июня, С. 95. Примерно в те же годы (1842 г.) возникло любопытное дело, связанное с приездом в Шеки «венгерцев, австрийскоподданных» торговцев Герга Еленя «с товарищами» Иоганном Дулеем и Павлом Араксу. Их появление в Шеки вызвало невероятное смятение у шекинского уездного начальника, который поторопился отправить на сей счет донос начальнику Каспийской области. Беспокойство же его основывалось на том, что затруднялся надзор за ними в свете полученного секретного предписания о наблюдении за венгерцами, которые будут находиться в Шекинской провинции, «особенно в сношениях с поляками, и не позволять долго проживать на одном месте» (ЦГИА АзССР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 3—4, 6—7). Описанный факт свидетельствует о том, что бывали прецеденты (а также реальная опасность их) приезда в города края иностранных подданных не только лиц торговых.

61 Об этом см. подробнее: *Исмаил-Заде Д. И.* Указ. соч. С. 34—53.

62 ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 830. Л. 1—2.

63 Там же. Д. 376. Л. 1, 2, 5, 12, 15, 24.

64 Там же Д. 830. Л. 3.

65 Там же. Д. 831. Л. 1—2 об.

66 ЦГИА АзССР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 2—2 об.

67 Там же. Л. 2.

67а Свод законов Российской империи. Изд. 1842 г. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1842. Ст. 1457.

68 ЦГИА АзССР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—3 об.

69 Там же.

70 Там же. Д. 3. Л. 2—2 об.

71 ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7443. Л. 1—1 об.

72 ЦГИА АзССР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1.

73 Там же. Д. 35.

74 Там же. Л. 11.

75 ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8389. Л. 1, 4.

76 Карта Кавказского края. Составлена и литографирована... при Генеральном штабе Отдельного кавказского корпуса. Тифлис, 1842.

77 ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8389. Л. 7.

78 ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 940. Л. 2—3.

79 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7443.

80 Там же. Л. 1—1 об.

81 Кавказский календарь на 1855 г. Отд. III. С. 276, 277—278. Данные по г. Кутаиси — на 1853 г. (Отд. III. С. 307). Предваряя анализ цифрового материала, необходимо отметить, что в результате его пересчета было выявлено значительное количество ошибок и опечаток, которые были устранены, исчисления произведены на основе уточненных данных.

82 Подсчитано на основании цифровых данных «Кавказского календаря» на 1853 г. Отд. III. С. 307; на 1854 г. Отд. III. С. 298—299, 302—304, 368—369, 390—393, 397—398, 402—408; на 1855 г. Отд. III. С. 280—285, 292—293, 304—305, 330—333, 342—343, 348—351, 354—355, 366—367, 394—395, 398—399, 412—413, 416—417; на 1856 г. Отд. III. С. 270—271, 274—275, 282—283, 294—295, 304—305, 314—315, 322—323, 326—327, 334—335, 340—341, 348—349, 358—359, 362—363, 376—377, 386—387, 396—397, 406—407, 422—423, 446—447, 450—451, 460—461, 466—467, 478—479, 484—485, 490—493, 494—495.

83 По данным: Бакинская губерния: Список населенных мест по сведениям с 1859 по 1864 г. Тифлис, 1870. С. 1, 79.

84 *Юхнёва Н. В.* Указ. соч. С. 8.

85 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 298—299. Правда по данным на 1855 г. число немецких колонистов достигало 204 семей, или 3,3 % всех жителей Тифлиса. Там же, на 1855 г. Отд. III. С. 277—278.

86 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 298—299.

87 Форшпаны — повозки немецких колонистов.

88 *Зубов П. П.* Указ. соч. С. 65.

89 Аба — верхняя мужская одежда.

90 Бабуш — вид обуви.

91 Чоха (чуха) — верхняя мужская одежда.

92 Личак — женский головной платок.

93 Из статьи «Письма к петербургскому знакомому», опубликованной в газете «Кавказ» за 1853 г. Цит. по: *Полиевктов М., Натадзе Г.* Старый Тифлис в известиях современников. С. 95—96.

94 Например, в Нухе в 1846 г. временно проживало 25 иностранцев. См. Кавказ. 1846. № 24. 15 июня. С. 95.

95 *Черепанов П.* Шемаха // Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 424.

96 *Константинович.* Шуша // Там же. С. 432—433.

97 Елисаветполь // Там же на 1954 г. Отд. III. С. 342.

98 Окольничий Н. Воспоминания о Кутаисе // Русский вестник. 1857. Т. 8. С. 507—508.

99 *Линч Х. Ф. Б.* Указ. соч. С. 275—276.

100 Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 424.

101 *Дункель-Веллинг Н.* Статистическое описание г. Тифлиса // Кавказский календарь на 1865 г. Тифлис, 1864. Отд. III. С. 47—48, 56.

102 Баку // Кавказ, 1866. № 2. 6 янв. С. 7.

103 *Дункель-Веллинг Н.* Указ. соч. С. 47.

104 Там же.

105 Там же. С. 56.

106 *Дункель-Веллинг Н.* Письма к петербургскому знакомому. Цит. по кн.: *Полиевктова М., Натадзе Г.* Указ. соч. С. 100—101.

107 Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 423.

108 *Фадеев А. М.* Воспоминания. Ч. 2. С. 24—25.

109 Там же. С. 26—27.

110 Там же. С. 13.

111 Там же. Французский консул в Тифлисе Гамба отмечал, что немцы доставляют в город овощи, масло, ветчину и другие колбасные изделия. См.: *Полиевктов М., Натадзе Г.* Указ. соч. С. 83.

112 Грибоедов А. С. Соч.: В 2 т. М., 1917. Т. 2. С. 54.

113 *Н. Б.* Тифлисские заметки // Закавказский вестник. 1854. № 27. 8 июня. С. 99.

Глава III

СОСЛОВНО-СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Источники, позволившие проследить определенные демографические тенденции в городах края, не дают возможности провести аналогичное исследование по вопросам сословно-социальной стратификации и этническому составу городских жителей.

Как уже отмечалось, посословный учет населения городов отчасти был осуществлен при публикации материалов за 1840 и 1842 г. Но при этом не были выделены крестьяне, как мы убедимся далее, составлявшие в дореформенное время определяющий элемент городов Закавказья, они частично вошли вместе с макалаками и торговцами в рубрику «мещане и посадские люди».

В городах Закавказского края сословное деление не теряло своего значения, однако переплетение сословного и социального усложняет анализ статистических данных о населении закавказских городов. Демографические исчисления были деформированы также в результате отсутствия у русской администрации четких представлений об особенностях стратификации населения городов края, их номенклатуры, поскольку правовой статус некоторых сословий не был конституциирован соответствующими нормами.

Города Закавказья с начала присоединения края к России сохраняли черты и облик восточных городов феодального типа. Однако, отмечая общие черты их сословно-социальной структуры, следует иметь в виду и их субрегиональные особенности.

В начале XIX в. в городах края сословное деление сохраняло свое доминирующее значение. Привилегированные сословия в городах были представлены князьями («товады») и дворянами («азнауры») в Грузии, беками, агаларами, султанами и меликами в Азербайджане и Армении и, наконец, духовенством — мусульманским (муллы, ахунды, сеиды) и христианским (православное и армяно-григорианское). К зависимым сословиям относилось крестьянство трех категорий (казенное, частновладельческое или помещичье и церковное). Типично городские слои населения составляли купечество и ремесленники.

Дворянство

Политика царского правительства по отношению к привилегированным классам присоединенных государств в Закавказье не имела единой линии на начальном этапе, так как складывалась под воздействием ряда факторов.

Первой попыткой конституирования сословных прав местных феодалов следует считать Георгиевский трактат от 24 июля 1783 г., предоставивший картлийским и кахетинским князьям и дворянам все те права и привилегии, какими пользовалось российское дворянство (артикул девятый)[1]. Прилагаемому и подписанному царем Ираклием II списку «всех благородных грузинских фамилий» (общим числом 379) суждено было стать практически единственно бесспорным доказательством для царского правительства при определении круга лиц, претендовавших на дворянское звание[2]. Царский манифест от 18 января 1801 г. «О присоединении грузинского царства к России» возвещал о том, что «... в целости соблюдены будут... все права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащие, но что от сего времени каждое состояние народное вышеозначенных областей имеет пользоваться и всеми теми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древние подданные Российские по милости Наших Предков и Нашей наслаждаются под покровом Нашим»[3].Цитируемые строки свидетельствуют о том неведении, в котором пребывала царская власть по поводу тех трудностей, которые возникли у нее в дальнейшем при определении сословных прав жителей присоединенных государств. С самого начала, рассматривая грузинских князей и дворян в качестве аналогов русского дворянства, царское правительство при создании административной системы управления в Грузии предоставляло им право занимать во вновь созданном аппарате наряду с русскими чиновниками государственные должности советников (мдиван-беги) в экспедициях Верховного грузинского правительства, заседателей в уездных судах и управах земской полиции, городских казначеев и др. «Назначение из Грузинских Князей и Дворян в должность по местам, кои выше для них представлены,— указывалось в манифесте «О учреждении внутреннего в Грузии управления» от 12 сентября 1801 г.,— зависит от лучшего усмотрения Главнокомандующего, дабы на первый раз вступили в должности люди способнейшие и отличаемые общим уважением и доверенностью сограждан своих». Это было единственным предъявляемым грузинскому дворянству условием при поступлении на государственную службу. Более того, по истечении годичного срока после «открытия» в Грузии правительства выбор в советники и прочие предоставляемые грузинским князьям и дворянам должности предполагалось отдать на усмотрение самих князей и дворян[4].

Высочайше утвержденные 31 марта 1803 г. правила дворянских выборов в Грузии как бы в развитие предыдущих законодательных актов не ставили под сомнение сословные права и привилегии грузинского дворянства. В них были отражены, а точнее учтены различия, существовавшие между степенями высшего грузинского сословия: товадам предоставлялись высшие из должностей, замещаемых по выборам, а азнаурам — низшие[5].

Отсутствие метрических и родословных книг, а также документации, подтверждавшей право на княжество и дворянство, постоянно давало о себе знать, и потому с начала присоединения Грузии к России делались попытки составления дворянской родословной книги. Но она так и не была создана. Все дела, относившиеся к правам дворянства, рассматривались на общем собрании Верховного грузинского правительства для последующего утверждения в департаменте герольдии.

А. П. Ермолов, с 1816 г. возглавивший военную и гражданскую власть на Кавказе, придавал большое значение оформлению сословных прав привилегированных слоев населения края, достаточно много занимался изучением прав местного дворянства и был инициатором ряда мер по их упорядочению. В частности, им были рекомендованы правила составления родословной книги грузинского дворянства[6], основанные на принципах екатерининской «Жалованной грамоты дворянству» (1785 г.), но конкретизированные жалованными грамотами грузинских царей Ираклия II и Георгия. Собственно, жалованную грамоту дворянству Ермолов считал опорным документом по оформлению сословных прав местных феодалов независимо от их национально-религиозной принадлежности: «В России всех исповеданий люди, как, например, греческого, католического, лютеранского и других, даже мухаммеданского, которые имеют дворянское или княжеское достоинство, равно все пользуются правами и преимуществами им предоставляемыми, на основании Высочайшего указа, состоявшегося в 22-й день февраля 1784 года...» В своих рекомендациях Дворянскому депутатскому собранию Ермолов допускал возможность расширения круга лиц, претендующих на дворянское звание, кроме «природных князей и дворян», за счет разного рода лиц, обитающих в пределах Грузии. Им названы «армяне, имеющие у себя на знатность своего происхождения свидетельства; их мелики, ханы, беки, агалары и других названий особого уважения заслуживающие чиновники...»[7].

Ермолов внес в Комитет министров предложение об изменении процедуры утверждения в правах дворянства. Вводилось еще одно звено — Дворянское собрание, которое на основании свидетельств 12 дворян решало вопрос о признании в княжеском и дворянском достоинстве в каждом конкретном случае, после чего уже делалось представление через Верховное грузинское правительство в департамент герольдии. В 1818 г. положение Комитета министров было утверждено царем[8].

В исторической литературе фигурирует указ, подтверждавший приравнивание грузинских дворян русскому дворянству — от 24 марта 1827 г.[9] Однако ни в одном из нормативных материалов, которые привлекались в качестве опорных при кодифицировании сословных прав грузинского дворянства, он не упомянут.

Конец 20-х — начало 30-х годов XIX в.— время поворота в колониальной политике царизма в Закавказье. Четко обозначилось значение края как колонии. Политика царизма по отношению к привилегированным слоям в 20-х годах была отмечена следующими чертами. С одной стороны, самодержавие стремилось к созданию крепкой социальной базы в Закавказье в лице местных феодалов и в какой-то мере это ему удалось среди лояльной его части. С другой — российское правительство, в целом не доверяя феодальной знати, медлило с оформлением их сословных прав, их прав как землевладельцев. Имела значение специфика форм феодального землевладения, особенно в пределах Северного Азербайджана и Восточной Армении, где сословные статусы, в частности их привилегированных слоев, не были кодифицированы, а в значительной степени регулировались нормами обычного права. Существовавшее сословное деление шло вразрез с привычными для самодержавия представлениями на этот счет. Кавказская администрация времен Паскевича, тщетно пытавшаяся разобраться в местных особенностях и проистекавших от того сложностях, охарактеризовала это разнообразие как «смешение законов российских с грузинскими и обычаями мухаммедан»[10].

Воспользовавшись создавшейся ситуацией, часть местной феодальной знати, пытаясь подтвердить свои сословные права, шла на фабрикацию соответствующей документации. Азербайджанские беки представляли фальшивые ханские талаги (жалованные грамоты), сфабрикованные с помощью одного из крупнейших беков Карабаха, который после бегства в Иран карабахского Мустафы-Кулихана остался «хранителем» ханской печати и, пользуясь этим, «наделал дарственных грамот на селения себе, своим родственникам и другим бекам[11].

Особенно большой скандал разразился в Грузии, когда выяснилось, что значительная часть документов, представленных для получения прав княжеских и дворянских, была сфабрикована. В процессе следствия у некоего лица был обнаружен сундук с фальшивыми царскими грамотами и поддельными печатями. В дело оказался замешанным широкий круг людей: высокие должностные лица гражданских и военных ведомств, дворянство, духовенство, горожане и крестьяне. Выяснилось, что выдача фальшивых документов продолжалась длительное время (около 30 лет). Виноватые по-

несли уголовное наказание[12], а грузинское дворянство ходатайствовало о признании сословных прав лишь тех фамилий князей и дворян, которые указаны в списке 1783 г., при подтверждении со стороны уездного предводителя и 12 «благородных особ». Кроме того, Общее дворянское собрание полагало признать сословные права тех князей и дворян, которые получили эти звания уже при российском правительстве и которым выданы на то узаконенные свидетельства[13].

Закон от 11 июля 1833 г. о положении значительной части грузинского дворянства — азнауров[14], высветил декларативный характер предыдущих законодательных актов о признании сословных прав и привилегий дворянства, хотя он и был призван освободить азнауров от княжеской зависимости. Закон так и назывался: «Об освобождении от зависимости Грузинских Князей так называемых княжеских дворян»[15]. Однако условия были таковы, что они практически мало способствовали осуществлению поставленной задачи. Основное содержание закона касалось земельных прав князей на имения, пожалованные ими дворянам. Но сформулированы они были таким образом, что, с одной стороны, подтверждали неотъемлемые права князей на имения, пожалованные ими в свое время дворянам, с другой стороны, освобождая от княжеской зависимости до утверждения азнауров в дворянском достоинстве, причисляли их к сословию казенных крестьян с отводом «узаконенной пропорции казенных земель» и соответствующим податным окладом.

Оформление дворянских прав азнауров было поставлено в прямую связь с разделом имений, состоявших в совместном пользовании азнауров и товадов, что, в свою очередь, упиралось в размежевание земель Закавказского края[16]. В сословные права грузинского дворянства упирался также вопрос об их правах как землевладельцев и соответственно — о податном положении помещичьих крестьян[17].

В соответствии с высочайше утвержденным мнением Государственного совета «О производстве дел о княжеских дворянах в Грузии и их имениях» от 10 мая 1837 г. основанием при определении сословных прав азнауров являлся приложенный к трактату 1783 г. список царя Ираклия II. В остальных случаях — на основании доказательств в случае надобности проверенных «формальным следствием»[18].

В 30-х годах XIX в. приоритетной правительственной точкой зрения становится крайняя централизация края, нашедшая свое воплощение в пресловутой административной реформе 1840 г. «Учреждение для управления Закавказским краем», автором которой был член Государственного совета, сенатор барон П. В. Ган[19]. По определению И. П. Петрушевского, «Система бюрократической централизации и полное игнорирование местных социально-правовых и культурно-этнических особенностей были в нем доведены до крайних пределов[20]. Касаясь сословных прав местных феодалов, необходимо отметить, что гановское «Учреждение», основываясь на той же идее об отсутствии частного землевладения в Азербайджане и Армении, также не признало их. Как известно, реформа 1840 г. потерпела полный крах[21]. Царскому правительству в условиях внешнеполитической ситуации и осложнения во внутриполитической жизни в регионе в связи с размахом национально-освободительного движения пришлось отступить от основных принципов реформы 1840 г. и пойти на примирение с грузинским дворянством и высшим мусульманским сословием.

Специально принятое положение комитета по делам Закавказского края от 23 октября 1844 г. определяло порядок рассмотрения дел при возведении в княжеское и дворянское достоинство[22]. В нем было окончательно определено значение двух документов, признаваемых царским правительством в качестве жалованных грамот. Это список и договор Ираклия II, которые «служили всегда главным основанием к признанию грузинских родов в дворянском и княжеском достоинствах», а по империи — присяжный лист царя Соломона II с подписями представителей семи княжеских фамилий. Права указанных лиц признавались безусловно. Кроме того, существовала градация для лиц, права коих нуждались в дополнительных доказательствах. В законодательном акте определялись порядок предоставления документов, процедура их прохождения и утверждения.

Утверждение товадов в российско-княжеском достоинстве происходило на основании свидетельств, считавшихся эквивалентами дворянских грамот. Выдавались они временными комиссиями, утвержденными в 1846 г. в Тифлисе и Кутаиси для приведения в известность княжеских и дворянских фамилий в Кахетии, Картли, Имеретии и Гурии[23]. Кавказская администрация высоко оценила деятельность этих комиссий, считая их создание идеей весьма удачной. «Опыт показал всю пользу подобной меры: со времени учреждения в Грузии Дворянского депутатского собрания в 1818 г. до образования в 1847 г. временных комиссий — Тифлисской и Кутаисской — утверждены были в общем порядке только 39 княжеских и 70 дворянских семейств, между тем как в течение двухлетнего своего существования комиссии признали в княжеском достоинстве 607 и в дворянском 3764 семейства»[24].

Сохранились ведомости одной из этих комиссий о числе родов и лиц, признанных в княжеском и дворянском достоинстве Кутаисской губернии. По Имеретии товадами были признаны 16 родов, 679 душ м. п. и 578 душ ж. п., итого — 1257 душ об. п., азнауарами — 3 рода, 178 душ м. п. и 143 души ж. п., итого — 321 душа об. п.; по Гурии товадами — 7 родов, 124 души м. п. 131 душа

ж. п., итого — 255 душ. об. п., азнаурами — 76 родов, 772 души м. п. и 601 душа ж. п., итого — 1373 души об. п. Показательно, что из всего поданного на комиссию количества дел было рассмотрено 65,3 %, а признано в княжеском и дворянском достоинстве 77,0 % из рассмотренных[25].

В Мегрелии (вошедшей в состав Кутаисской губернии) комиссия для определения прав лиц, претендующих на дворянское звание, вновь была создана лишь в 1866 г.[26]. Однако ранее, в 1862 г., было утверждено положение Кавказского комитета «О правах уроженцев Мингрелии, поступающих на государственную службу»[27].Впредь до приведения в известность прав мегрельских товадов и азнауров они получали право зачисления на государственную службу как на военную, так и государственную: члены фамилий бывшей правящей династии Дадиани были приравнены к потомственным дворянам империи, все прочие же уроженцы Мегрелии дифференцировались на три разряда по различию их происхождения.

В Мусульманских провинциях царизм в принципе не признавал прав местных феодалов на землю и их сословные привилегии на том основании, что будто бы при ханском правлении не было частного землевладения и сословий, но при этом оставлял бекам возможность фактически пользоваться своими правами на условиях «временного положения».

Именно в 20—30-х годах XIX в. сложилась официальная теория об отсутствии в Азербайджане и Армении частного феодального землевладения, мешавшая правительству признать сословные права местных феодалов[28]. Так, царская администрация отказывалась юридически подтвердить феодально-помещичьи права агаларов над крестьянами, рассматривая агаларов лишь как чиновников хана[29]. Так называемое «Агаларское положение» Ермолова (1818 г.) ограничило сословные права агаларов вплоть до лишения должностей и введения телесных наказаний[30]. Ермолов, писал В. Н. Иваненко, «присвоил себе право увольнять одних и назначать других агаларов по своему произволу и ограничил до крайности их владельческие права»[31].

Отсутствие ясности в правовом статусе привилегированных сословий порождало массу нелепостей. Например, в Елисаветпольском округе все беки были обложены податями и даже «почетнейшие из них... наказывались плетьми; в прочих местах все беки были освобождены от податей... телесные же наказания применялись к ним почти повсеместно». Государственная служба не была для них обязательной, но если служили (в качестве начальников карaулов, отрядов милиции и др.), то за службу щедро награждались чинами, орденами и даже «на манер ханский» — арендами в различных селениях[32].

Ни одна из попыток выявить, какие же обычаи заменяли в Закавказье законы о правах беков, агаларов, духовенства, обязанностях крестьян и т. п. (например, попытка учрежденного в 1828 г. в Тифлисе комитета об устройстве Мусульманских провинций в связи с проводившимся финансовым описанием края), не дала желаемых результатов, а полученные сведения о сословных и поземельных правах разных категорий указывали на «чрезвычайную трудность их законодательной нормировки»[33].

Поэтому ограничение прав привилегированного сословия вновь было подкреплено реформой 1840 г., согласно которой все азербайджанские чиновники и «полицейские управители» (кроме мюлькадаров — владельцев наследственных земель) должны были быть отстранены от управления принадлежавших им «имений» с выплатой денежной компенсации и заменены русскими чиновниками. Именно таков был смысл закона от 25 апреля 1841 г.[34]

Отказ от прежних политических установок после неудачи реформы 1840 г. заставил правительство пересмотреть свои взгляды на положение господствующих классов Азербайджана и Армении.

По высочайшему повелению Николая I Главному управлению Закавказским краем было поручено подготовить проект положения о личных правах высшего мусульманского сословия.

В 1843 г. в Тифлисе учреждается «особый Комитет из сведущих и опытных в этом деле лиц» с участием депутатов от привилегированных сословий[35]. Задача заключалась в том, чтобы определить, «чем заменить лишение прав агаларов над подвластными им и вообще права высшего сословия прочих мусульманских провинций»[36]. Рекомендовалось учитывать «виды правительства на сближение края с империей» посредством предоставления его жителям всех тех прав и преимуществ, которыми пользовались прочие жители империи.

При составлении положения комитет должен был принять во внимание прежние права сословия по грамотам и другим документам и рассматривать их с точки зрения дифференциации привилегированного сословия на потомственное и личное[37]. И уже в условиях иной политической конъюнктуры могла родиться подобная оценка положения, создавшегося с сословными правами местных феодалов: «Агалары же, по определению Совета главного управления (кавказского наместничества).— *Д. И.*) ... лишены всех прав вековой своей собственности. Такая же участь готовилась и бекам мусульманских провинций, из коих у некоторых фамилий уже отняты имения без судебного рассмотрения, по случаю лишь смерти владельца...» Далее следовала фраза, точно определяющая направление нового правительственного курса царизма,— создание социальной базы в Закавказье посредством союза с его привилегированными классами: «Особый образ тогдашнего воззрения на сословие

агаларов был тем более односторонен и ошибочен, что упущена была из виду важность их посредства между правительством и чернию»[38].

Царский рескрипт 6 декабря 1846 г. означал признание и оформление владельческих прав беков, он стал для азербайджанских земледельцев «настоящей феодальной magna charta»[39]. И в дальнейшем конституционные права и привилегии ханов, беков, агаларов, меликов[40] и др., являвшихся сословным аналогом дворянства в Азербайджане и Армении, сводились к их поземельным правам[41]. Созданные в целях реализации рескрипта 1846 г. комиссии в Шемахинской и Дербентской губерниях должны были проверить соответствие прав, предъявляемых беками на владение ими указанных имений, с истинным положением вещей. Но их материалы были использованы кавказской администрацией при определении не только поземельных, но и личных прав беков[42]. Оформление сословных прав местных феодалов шло параллельно с признанием их прав как землевладельцев. Однако и этому начинанию, как, впрочем, и большинству из них, суждено было затянуться на долгие годы. Отсутствие необходимых документов, подтверждавших имущественные права беков и агаларов, сильно затянуло решение вопроса, и при рассмотрении списков оказалось, «что большая часть из них составлена в прежнее время нашими полицейскими чиновниками и что на такие сведения относительно количества земли полагаться нельзя, они не заслуживают никакого доверия», писал в своих воспоминаниях А. М. Фадеев. И далее: «Так агаларобекская мудреная канитель тянется... слишком 20 лет»[43].

Указанные обстоятельства имели существенное значение при проведении посословного учета населения Закавказского края. Цифровые исчисления подчас не соответствовали действительности. Например, при выявлении числа беков в Карабахской провинции в середине 40-х годов фигурировала цифра 2 тыс. душ м. п. Как отмечал чиновник Генерального штаба, получивший задание составить «Записку... о положении населения, национальной, классовой и религиозной дифференциации и политических группировках в Карабаге», большая часть беков из приведенной цифры «не принадлежала к этому сословию, а появилась таковая масса при русском правительстве. Ныне рожденный от отца простолюдина и матери бекского рода тоже считается беком»[44]. Когда возникала необходимость в количественном определении привилегированных слоев края, то они фиксировались в результате личного опроса и тогда появлялась, например, такая дефиниция: «бекских фамилий и вошедших в дворянство при власти русской»[45].

Особенностью большинства городов края являлось то, что в прошлом они были резиденциями феодальных правителей. Феодальная аристократия хоть и была самой малочисленной прослойкой городского населения, тем не менее имела большое влияние на городскую жизнь. Их экономический и политический вес в городах края был велик, и это убедительно показали в своих работах Ш. А. Месхиа и А. П. Новосельцев. Однако речь в этих исследованиях идет о временах, значительно отстоящих от изучаемых. Безусловно, в первые годы (для разных территорий края различные) присоединения Закавказья к России, в городах в связи с их полуаграрным характером сохранялась инерция влияния феодальной аристократии. Но со временем с изменением административно-политической системы управления, лишением феодальной знати атрибутов политической власти влияние их на городскую жизнь стало более ограниченным. Хотя они и продолжали оставаться владельцами земельных участков, крестьян, торгово-ремесленных лавок (а в городах Грузии крепостных ремесленников и купцов), мельниц и других имуществ.

К сожалению, мы лишены возможности проследить динамику дворян в городах Закавказья на протяжении всего дореформенного периода, так как относительно систематические данные появляются позже и связаны с развитием посословного учета населения, да и тот сильно усложнялся затянувшимся процессом кодификации сословных прав коренного дворянства.

Если судить по сведениям, полученным в результате первого ознакомления военной администрации с краем (нам уже приходилось отмечать их относительную точность и полноту), то они некоторым образом иллюстрируют в количественном отношении положение дворян в ряде городов края.

Так, по данным описи Тифлиса 1803 г., опубликованной С. Какабадзе, число княжеских и дворянских домов достигало 205, или 7,7 % всех домов города[46]. Грузинский экономист Ш. К. Какурия произвел, как он пишет, «ориентировочный расчет» населения Тифлиса по сословиям на основе материалов этой описи. Удельный вес дворян и князей в городе, по его подсчетам, составил 6,1 %[47].

Надо полагать, что число дворян в Тифлисе возросло к 30-м годам XIX в. Так, основываясь на материалах камерального описания, авторы «Обозрения российских владений за Кавказом» приводят следующие цифры: членов бывшей царской фамилии — 16 душ м. п., князей — 264 души м. п. и дворян — 225 душ м. п.[48] Добавим, что речь идет о времени, когда Тифлис стремительно превращался в административно-политический центр Кавказа.

Напомним, что в Баку с предместьями в 1810 г. беки исчислялись в количестве 98 человек, что составляло 4,4 % жителей[49]. По тем же данным «Обозрения», число их, увеличившись в абсолютном выражении до 303 душ м. п., понизилось вдвое в относительных показателях — до 2 %[50]; условность подобного сопоставления очевидна.

Материалы «Обозрения» содержат также данные по ряду других городов края. В Елисаветполе беков и султанов насчитывалось 237 душ м. п. (из них армян 10 душ м. п.), что составило 5,1 % жителей города[51], в Шуше — 56 беков или 1,1 %[52], и, наконец, в Ленкорани — 10 домов, или 2,1 % всех домов города[53].

По сведениям И. И. Шопена, исчислившего население городов Армянской области в начале 30-х годов с учетом их сословно-социального и этнического состава, ханы, беки, мелики, султаны и мирзы в Эривани насчитывали 83 семьи, или 3,0 % жителей города, в Нахичевани — 53 семьи, 4,0 %, и в Ордубате — 18 семей, 2,2 % жителей города[54].

Приведенные данные занимают скромное место в наших знаниях, помогая лишь составить примерное представление о численности высшего сословия в городах края.

Для того чтобы определить удельный вес высшего сословия в городах Закавказского края, следует обратиться к тем статистико-демографическим материалам, в основе которых лежал принцип посословного учета населения. Как уже отмечалось, их весьма ограниченное количество. Это прежде всего «Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого Княжества Финляндского и Царства Польского» издания 1842 г. Кроме того, в соответствии с сословно-социальной структурой городов формировала свой учет местная административно-полицейская статистика, систематически публиковавшая его результаты на страницах «Кавказского календаря».

В «Статистических таблицах» дворяне объединены в одну группу с чиновниками, и в данном случае мы должны помнить об известной условности исчислений, касающихся численности привилегированных слоев коренного населения. Их анализ показал, что при сопоставлении предпочтение рекомендуется отдавать цифрам абсолютным, так как в условиях малочисленности ряда городов края относительные показатели могли создать впечатление завышенности удельного веса дворян.

Сгруппированные по этническо-субрегиональным территориям, материалы «Статистических таблиц» свидетельствуют о следующем распределении дворян и чиновников по городам края (табл. 5).

В абсолютном и относительном выражении наиболее высокой была численность дворян и чиновников в городах Грузии, главным образом за счет Тифлиса и Кутаиси. В первом случае абсолютные показатели по своим масштабам были оптимальными для всего Закавказского края — административно-политический центр наместничества аккумулировал лиц привилегированного сословия и чиновничества. Отчасти это относится и к Кутаиси — сперва столице Имеретинского царства, а затем после объявления в 1811 г. Имеретии областью — областного города.

Показатель удельного веса дворян и чиновников заштатного города Редут-Кале нуждается в пояснении. Общая численность жителей города выглядит явно преуменьшенной. По сведениям на 1847 г., все население Редут-Кале, кроме военных и гражданских чинов, достигало до 600 душ об. п.[55] Данные 1842 г. выглядят неполными даже при учете особенностей, свойственных портовым городам такого значения, каким был Редут-Кале, в которых процент некоренных жителей (административно-чиновничьих слоев) бывал достаточно ощутимым.

В целом удельный вес дворян и чиновников в городах Грузии на 1842 г. был самым высоким в Закавказье.

В городах Азербайджана дворяне и чиновники рапределялись равномерно. В абсолютном выражении их более всего в административном центре Каспийской области — Шемахе. Элемент чиновников в сочетании «дворяне и чиновники» в статистических материалах 1842 г. оказал определяющее влияние на показатели по городам Каспийской области, поскольку сословные права в Закавказье наиболее неоформленными были у мусульманского высшего сословия. Не исключено, что в 1842 г. в ряде случаев были учтены главным образом чиновники. Так было, по-видимому, по Закаталы, в котором концентрировалась военная администрация. По сравнению с 30-ми годами сильно понизилось число дворян в Елисаветполе с 237 душ м. п. до 46 душ об. п. Довольно стремительное увеличение дворян в Шуше, а это подтверждается данными различных источников, могло быть следствием причисления к сословию дворян лиц, таковыми не являвшихся, но объявивших себя беками во время учета. В 30-х годах беки в Шуше исчислялись 56 душами м. п.[55а], в 1842 г.число дворян и чиновников в городе возросло до 137 душ м. п., а в 1849 г. дворяне, беки и мирзы уже насчитывали 594 души об. п. (примерно 297 душ м. п.)[56].

При сопоставлении количественных показателей «Обозрения» и «Статистических таблиц» по Баку возникает мысль, что уменьшение численности беков в абсолютном выражении произошло в результате того, что в 1842 г. не учитывалось население предместий города. В относительном выражении, напротив, удельный вес дворян и чиновников в Баку несколько возрос.

Отсутствие ясности по поводу того, кто мог быть причислен к сословию дворян, сказалось и в отношении материалов по городам Армении. Составители таблиц 1842 г. предпочитали, по-видимому, ориентироваться на более понятное для них представление о чиновниках. Как известно, еще за десять лет до учета 1842 г. И. И. Шопен засвидетельствовал значительно большее число лиц привилегированного сословия (ханов, беков и мирз) в городах области (См. с. 108).

Таблица 5

*Численность дворян и чиновников по городам Закавказского края (1842 г.)**

Города	Все население городов	Дворян и чиновников			
		душ. м. п.	душ. ж. п.	душ. об.п.	ко всему населению, %
		Грузия			
Тифлис	23 045	995	734	1 729	7,5
Гори	2 428	37	33	70	2,9
Телави	3 332	59	46	105	3,1
Душети (з. г.)	1 346	3	3	6	0,0
Сигнахи (з. г.)	3 311	8	7	15	0,4
Кутаиси	2 575	396	269	665	25,8
Редут-Кале (з. г.)	165	9	2	11	6,7
Ахалцих	9 595	27	22	49	0,5
Итого	45 797	1 534	1 116	2 650	5,8
		Азербайджан			
Шемаха	16 273	194	139	333	2,0
Шуша	8 421	137	159	296	3,5
Нуха	13 566	105	120	225	1,6
Ленкорань	1 286	27	25	52	4,0
Баку	6 434	132	123	255	3,7
Куба	3 295	45	48	93	2,8
Елисаветполь	7 790	30	16	46	0,6
Закаталы	226	20	9	29	12,8
Ордубат	3 232	2	2	4	0,0
Нахичевань	1 983	71	77	148	7,4
Итого	62 506	763	718	1 481	2,3
		Армения			
Эривань	12 310	50	40	90	0,7
Александрополь	9 310	19	22	41	0,4
Итого	21 620	69	62	131	0,6

* Таблица составлена на основании данных «Статистических таблиц о состоянии городов Российской империи, Великого Княжества Финляндского и Царства Польского», СПб. 1842. С. 8—9.

Положение несколько облегчается при анализе данных административно-полицейского учета первой половины 50-х годов XIX в. (по материалам «Кавказского календаря»), поскольку чиновничья администрация за редким исключением выделена в специальную

рубрику «русские чиновники». Высшее сословие коренного населения исчислено в соответствии с его номенклатурой по различным городам края и этнической принадлежностью.

В большинстве случаев численность дворян уменьшается по отношению к 1842 г., что также говорит в пользу того, что в 1842 г. чиновничество подчас превосходило местное дворянство в суммарной цифре.

По прежнему в 1852—1855 гг. удельный вес дворян был превалирующим в Кутаиси — 562 человека, или 19,9 % жителей города[57].

Однако в абсолютных показателях наибольшей оставалась численность дворян в Тифлисе. По данным на 1854 г., она равнялась 1118 человекам, что составляло 3,3 % всех жителей города[58].

Данные на 1852 г. позволяют нам судить о соотношении дворян потомственных и личных: из общего их числа на указанный год (1119 человек), первые составляют 878 душ. об. п. и вторые — 241 душу об. п.[59] В Тифлисе проживало 70,5 % всех дворян Тифлисского уезда, в уезде их насчитывалось 1686 человек[60]. Абсолютное большинство дворянства составляло грузинское — князья и тавады[61].

Менее стабильной была численность дворян Телави — цифровые данные обнаруживают тенденцию к ее понижению по сравнению с 1842 г.: 129 человек на 5687, или 2,3 %, к 1851 г.[62] и 31 человек из 4443, 0,6 %, к 1854 г.[63]

Размещение дворян среди жителей других городов Грузии выглядело следующим образом: Ахалкалаки — 58 человек из 2868, или 2,0 %[64], Ахалцих — 43 человека из 12 875, или 0,3 %[65]. Душети — 25 человек из 1540, или 1,6 %[66], Гори — 40 человек из 3378, или 1,2 %, Сигнахи — 19 человек из 4520, или 0,4 %[67], и, наконец в Сухум-Кале — 12 из 142 душ м. п., или 8,4 %[68].

Отличительной чертой размещения дворян в небольших городах следует считать то, что составляли они весьма незначительную часть их населения, в большинстве своем являясь жителями сельских местностей. Соотношение их было таковым: в Телави они составляли 2,2 % всех дворян уезда (всего на территории уезда их числилось 1381 человек), в Сигнахи — 2,3 % всех дворян уезда (816 человек) и в Гори — 1,2 % (от 3189 человек)[69].

Учет жителей привилегированного сословия в городах Азербайджана, как мы имели возможность убедиться, был особенно затрудненным. Не случайно в статистических материалах фигурируют такие дефиниции: «бекские фамилии и вышедшие в дворянство при власти русской»[70], «дворяне бекского достоинства»[71] или «туземное потомственное дворянство»[72] и т. п. Таким образом, степень относительности цифровых показателей особенно повышается, когда речь идет о числе лиц высшего мусульманского сословия. Мы

помним, что еще в середине 40-х годов XIX в. число лиц, объявивших себя беками только в одной Карабахской провинции, достигало 2000 душ м. п. Не случайно, что и через десять лет удельный вес членов ханской фамилии[73] и беков (так именовались в статистических материалах местные аналоги дворянства) в Шушинском уезде оставался самым высоким — 7,8 % всего населения[74]. В городе Шуше уездного значения проживало лишь 5,5 % (655 человек) всех беков уезда (11 996 человек), составляя 4,3 % жителей города (15 194 человека)[75].

Немногим больше была численность членов ханской фамилии и беков в губернском городе Шемахе — 674 человека, однако цифра эта была оптимальной для городов губернии. Составляли они 3,4 % всех жителей Шемахи (19 733 человека), но 25,8 % всех беков, проживавших в пределах одноименного уезда (2613 человек)[76].

В таких же пределах исчислялась численность лиц привилегированного сословия в городе Нухе (Шеки) — 657 человек, или 3,7 % жителей города (17 945 человек). Процент беков — обитателей Нухи был также достаточно высоким — 25,6 % всех беков, проживавших в пределах Нухинского уезда (2570 человек)[77].

Близкой к ним была численность беков в городе Кубе — 258 душ м. п., или 4,9 % всего мужского населения города — 5226 душ[78].

Почти вдвое меньше была численность членов ханской фамилии и беков в Баку — 276 человек, что составляло 3,3 % горожан (8374 человека)[79]. Однако их удельный вес был оптимальным для городов Азербайджана, поскольку в Баку было сосредоточено 37,9 % всех беков, проживавших в Баку с его предместьями[80].

Существенной была численность беков в городе Кубе как в абсолютном, так и в относительном показателях: 258 душ м. п., что составляло 4,9 % всех горожан (5226 душ м. п.)[81].

В городе Ленкорани члены ханской фамилии и беки были представлены меньшим количеством — 198 человек, но они составляли 5,0 % всех горожан (3970) и 11,8 % всех беков Ленкоранского уезда (1673 человека). Довольно значительная их часть проживала в м. Саньяны — 396 человек, или 5,9 % жителей местечка (6746 человек) и 23,7 % всех беков уезда[82].

Исчисления по городу Елисаветполю условны более всего и относятся к 1848 г. Тем не менее, опираясь на них, мы можем примерно представить себе удельный вес беков в городе. А проживало их там всего 30 семей, что составляло 1,2 % горожан (2419 семей)[83].

Столь же незначительной была численность беков в городах: Нахичевани — 99 человек из 5157 горожан, или 1,9 %, и в Ордубате — 52 человека из 4156 горожан, или 0,8 %[84]. Однако соотношение беков, проживавших в этих городах и вне их, было различным. В Нахичевани удельный вес беков достигал цифры, оптимальной для городов Азербайджана,— 31,4 % (всего в Нахичеванском уезде их насчитывалось 315 человек). В Ордубате же проживало лишь 5,6 % всех беков Ордубатского уезда[85].

Что касается городов Армении, то на характер их сословно-социальной стратификации повлияли особенности формирования ее городов. Как уже отмечалось, два города — Александрополь и Ново-Баязет относились к новым городам, недавно возникшим и, следовательно, не имевшим в составе своих жителей представителей ханских фамилий. Они отсутствовали и в пределах одноименных уездов.

Иначе обстояло дело с губернским центром Эриванской губернии. В Эривани проживали члены ханской фамилии и беки в количестве 126 человек. Их насчитывалось всего 0,9 % горожан (13 567 человек) и 11,6 % всех беков, проживавших в уезде (1088 человек)[86].

Размещение лиц высшего привилегированного сословия в городах Закавказского края не было односторонним, а имело свои субрегиональные особенности, что объяснялось спецификой социально-экономических отношений в различных частях края.

В отличие от большинства городов Грузии города Азербайджана и Армении в большей степени концентрировали лиц высшего привилегированного сословия, хотя в целом основная их часть являлась жителями сельских местностей. Обусловливалось это тем, что как в Азербайджане, так и в Армении в силу сложившихся исторических условий господствовавшей формой землевладения была государственная. Помещичье хозяйство в общепринятом значении здесь практически отсутствовало. Напротив, в Грузии с иным аграрным строем дворянство было связано со своим поместным хозяйством и в дореформенное время в меньшей степени было склонно проживать в городах.

Исключение составляли города — крупные административно-политические центры (Тифлис, Шемаха, Кутаиси), в которых удельный вес лиц привилегированного сословия был достаточно высоким,— черта, общая для городов Закавказского края.

Духовенство

Духовное сословие в Закавказье не было однородным как в религиозном, так и в социальном отношении.

Мусульманское духовенство, преимущественно шиитского толка, делилось на два разряда: высшее и низшее. К первому относились муштеид — главное духовное лицо шиитов, кази или духовный судья, ахунды у шиитов и эфенди у суннитов — лица,

отправлявшие богослужение. К ним причислялись сеиды — лица, якобы ведущие свое происхождение от Магомета. Ко второму разряду принадлежали муллы (священники), дервиши (нищенствующие аскеты, приверженцы суфизма) и монахи.

Царское правительство не тронуло прав мусульманского духовенства, которыми оно пользовалось при ханском правлении. Духовенство было освобождено от податей и повинностей, многие из них являлись наравне с беками и агаларами крупными землевладельцами[87].

Также остались нетронутыми права духовенства армяно-григорианской церкви. После присоединения Армении к России русское правительство подтвердило основные привилегии армяно-григорианской церкви. Епархиальная структура армянской церкви повлияла на ее иерархическую систему. Возглавлявшаяся верховным патриархом или каталикосом (с резиденцией в Эчмиадзине), армянская церковь в России разделялась на 6 больших епархий, подразделенных, в свою очередь, на 19 епархий. Во главе их стояли либо епископы, либо архимандриты или вардапеты — ученые богословы высшего разряда[88]. На низших ступенях иерархической лестницы стояли дьяконы («саркавак»), священники («кахана» или «лерец»), псаломщики («дпир») и др.[89] В Армении существовала также униатская церковь, армяне-католики образовывали особую общину, но подчиненную епископу Саратова.[90].

В ином положении оказалась грузинская христианско-православная церковь, подвергшаяся реформации. В соответствии с Георгиевским трактатом (артикул 8) предполагалось выработать правила об управлении грузинской церковью[91]. Как известно, была ликвидирована автокефалия грузинской церкви и учреждены экзархаты сперва в Восточной Грузии (1811 г.)[92], а затем и в Имеретии (1814 г.)[93]. Большая часть церковных земель и крепостных перешла к «церковному ведомству», а духовенство стало получать жалованье из казначейства. В 1852 г. населенные и ненаселенные имения, принадлежавшие грузинской церкви и расположенные в Тифлисской губернии, перешли к казне. В Западной Грузии передача в казну церковных имений произошла в 1863 г.[94] Однако если царизм стремился лишить грузинскую церковь ее политической независимости, то, что касается сословных прав грузинского духовенства как представителя привилегированного сословия, оно стремилось упрочить их. Так, в 1808 г. специальным именным указом та часть белого духовенства, которая состояла в крепостной зависимости от помещиков, была освобождена от нее, от податей и повинностей в пользу помещиков, поскольку это было несообразно ни с законами Российской империи, «ни сану духовному неприлично»[95].

Безусловность сословного статуса духовенства ставила его в преимущественное положение во время учета населения — из всех его категорий оно было исчислено наиболее последовательно в дореформенный период. Понятно, что численность духовенства находилась в прямой зависимости от числа жителей, а его религиозный состав определялся этническим составом населения.

При статистико-демографическом учете населения духовенство фиксировалось дифференцированно в соответствии с его религиозной принадлежностью: православное, магометанское, армяно-григорианское и греко-католическое, с подразделением на белое и черное (монашествующее).

По даным посословного учета 1842 г. (табл. 6), наиболее насыщенными духовенством оказались города Азербайджана. Оно трехкратно превышало численность его в городах Грузии. В большинстве городов Азербайджана число лиц духовного звания в среднем колебалось в пределах 100—200 человек. Оптимальной не только для городов Азербайджана, но и всего Закавказского края была численность духовенства в Шемахе — административном центре Шемахинской губернии. В относительном же выражении — в Нахичевани и Ордубате.

Высокий удельный вес духовенства в городах Азербайджана объяснялся тем, что население его было преимущественно мусульманским. Кроме того, число священнослужителей увеличивалось за счет сеидов[96], поскольку к сеидам относились и члены их семей. Так, по данным на середину 50-х годов, удельный вес сеидов достигал в Шемахе 31,9 % духовенства города, в Баку 42,8 %, в м. Сальяны 38,5 % и т. д.[97].

Сословные права сеидов в качестве духовных лиц официально были признаны в середине 50-х годов XIX в.[98]. Освобождение от податей и повинностей приравнивало их к привилегированным сословиям. В соответствии с этим возрастает и их численность. Тем более что в качестве документальной основы, подтверждавшей их происхождение, лежали не только жалованные грамоты (талаги), но и свидетельства старейшин[99].

К концу пореформенного периода (к 1862 г.) по Бакинской губернии насчитывалось 1547 семей сеидов[100], из них в Шемахе — 109 семей[101], Шуше — 77[102] и Баку — 72 семьи[103]. Основная часть сеидов проживала в сельских местностях. Существовало даже целое кочевое общество, именовавшееся Сеидляр, поскольку сплошь состояло из сеидов[104].

В городах Грузии наибольшее число лиц духовного звания было сосредоточено в Тифлисе, хотя в относительном выражении впереди стоял Гори.

Примерно аналогичной была картина в двух городах Армении: Александрополе и Эривани.

Таблица 6

Духовенство в городах Закавказского края (по данным «Статистических таблиц о состоянии городов Российской империи», 1842 г.)

Города	Всего душ. об. п.	Духовенство	
		душ. об. п.	ко всему населению, %
Грузия			
Тифлис	23 045	277	1,2
Гори	2 418	77	3,2
Телави	3 332	32	1,0
Кутаис	2 575	24	1,0
Ахалцих	9 595	85	0,8
Озургеты	138	7	5,0
Душети (з. г.)	1 346	20	1,5
Сигнахи	3 311	37	1,1
Редут-Кале	165	3	1,8
Итого	45 925	562	1,2
Азербайджан			
Шемаха *	16 273	882	5,4
Шуша	8 421	214	2,5
Нуха	13 566	142	1,0
Ленкорань	1 286	6	0,4
Баку	6 834	143	2,0
Куба	3 295	124	3,8
Елисаветполь	7 790	29	0,3
Нахичевань	1983	160	8,0
Ордубат (з. г.)	3 232	282	8,7
Закаталы	226	3	1,3
Итого	62 906	1 985	3,1
Армения			
Эривань	12 310	119	1,0
Александрополь	9 310	272	2,9
Итого	21 620	391	1,8

* Данные «Ведомости о числе магометан, ламаитов и идолопоклонников, поселенных в городе Шемахе, с показанием численности их духовенства и мольбищ» подтверждают приведенные цифры: в 1841 г. в Шемахе духовенство насчитывало 828 человек, что составляло 5,2% от общей численности горожан (15 849 чел.).— ЦГИА АзССР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.

К середине 50-х годов XIX в. численность духовенства в большинстве городов возросла соответственно динамике численности горожан. Так, по сравнению с 1842 г. увеличилось число лиц духовного звания в Шемахе на 18,7 %[105] (при общем приросте населения города на 21,3 %), в Тифлисе на 5,4 % (при общем приросте городского населения на 50,2 %)[106], в Гори на 3,9 % (при общем приросте горожан на 39,7 %)[107] и т. д. Однако для городов края рост численности духовенства был неадекватен динамике численности населения этих городов, значительно опережая ее (например, в Телави число духовенства возросло на 240 % при росте горожан на 22,5 %[108], в Эривани — на 504 % при приросте горожан на 10,2 % и т. д.[109]). Факт, не поддающийся объяснению, даже при учете уже упоминавшейся заниженности исходных данных (1842 г.)

В целом же по краю удельный вес духовенства среди жителей городов края и к середине XIX в. оставался прежним.

Численность духовенства в городах Азербайджана была наибольшей в Шемахе — 1047 человек, или 5,3 % жителей города, но в относительных показателях впереди стояло м. Сальяны — 14,5 % (976 человек). Значительной была численность духовенства в Нухе — 756 человек, или 4,2 % жителей города. В Ленкорани духовенство составляло 5,9 % городского населения (236 человек), в Баку — 3,9 % (325 человек)[110], в Кубе — 3,0 % (276 человек)[111], в Нахичевани — 3,7 % (193 человека), Ордубате — 3,1 % (131 человек)[112] и в Шуше — 1,3 % (193 человека)[113].

В городах Грузии число лиц духовного звания достигало в Тифлисе 285 человек, или 0,8 % населения[114], в Ахалцихе — 144 человека, или 1,1 %[115], в Телави — 109 человек, или 2,4 %[116], в Ахалкалаки — 79 человек, или 2,9 %[117], в Сигнахи — 27 человек, или 0,5 %[118], в Кутаиси — 21 человек, или 0,7 %[119], в Душети — 8 человек, или 0,5 % городских жителей, и в Сухум-Кале — всего 1 человек[120].

В Армении численность духовенства среди горожан Эривани достигала 623 человек, или 4,6 %, в Александрополе — 67 человек, или 0,6 %, и Ново-Баязете — 62 человека, или 2,3 % городских жителей[121].

В городах края сосредоточивалась меньшая часть духовенства, нежели в сельских местностях. Хотя в ряде городов губернского и уездного значения его концентрация была достаточно высокой. Так, в Шемахе оно составляло 39,0 % всего духовенства уезда, 36,1 % духовных лиц Нуханского уезда проживало в Нухе, 30,3 % духовенства Нахичеванского уеда — в Нахичевани, 27,6 % духовенства Ленкоранского уезда — в м. Сальяны, 27,6 % духовенства Эриванского уезда — в Эривани, 22,8 % — в Ордубате и по 21,0 % — в Тифлисе и Телави и т. д.[122].

Подмеченное явление было особенно характерно для городов с превалирующим мусульманским духовенством.

Религиозный состав духовенства позволяет судить не только о религиозной принадлежности прихожан, но и этническом составе населения, поскольку оба эти признака находились в прямом соответствии: армяне — армяно-григорианского и римско-каталического вероисповеданий; грузины и русские, дававшиеся дифференцированно, например в статистических материалах «Кавказского календаря»,— православного вероисповедания. Кроме того, русские подразделялись на принадлежащих к ортодоксальной церкви и сектантов. Мусульмане в абсолютном большинстве идентифицируются с азербайджанцами, поскольку иранцы и турки в качестве временнопроживавших, как правило, выделялись в особую графу, особенно в городах с господствующим христианским населением. Они так и именовались: «приезжающих из Турции и Персии» или «заезжих мусульман, проживающих по заграничным паспортам». Однако численность неазербайджанцев в составе мусульманского населения в целом по городам края в дореформенный период была незначительной и потому не могла быть определяющей.

Тем не менее условность ряда понятий, а отсюда стоящих за ними цифровых данных исключает возможность их систематизации. Однако и в подобном случае существует другая возможность — генерализация данных и их сопоставление, так как это позволит в большей степени судить о соотношении различных этнических групп городского населения по признаку религиозной принадлежности и удельном весе духовенства. Анализ этносословной стратификации городов в подобном аспекте способствует созданию конкретной базы для наших представлений о масштабах тех процессов этнокультурного взаимодействия, которые происходили среди многонационального населения городов Закавказского края.

В этом случае представляют интерес сохранившиеся архивные материалы — плод деятельности кавказской администрации по сбору сведений о числе жителей различных вероисповеданий. Так, в связи с восстановлением армяно-католического епископатства[123] в 1833 г. департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД попросил дать справку о численности армян-католиков, населявших Закавказские провинции. В ответ была представлена «Ведомость о числе душ обоего пола римских католиков и армян, объединенных с Римской Церковью, их духовенства и церквей» на 1836 г.

Выяснилось, что основная часть армян-католиков располагалась в городах Грузино-Имеретинской губернии — в количестве 3015 человек, с преимущественным размещением их в Ахалцихе — 1957 человек (64,9 %). Далее следовали города: Кутаиси — 465 человек (15,4 %), Тифлис — 365 (12,1 %), Гори — 214 (7,0 %) и, наконец, Редут-Кале — 14 человек. В Армянской области и провинциях Бакинской, Ширванской, Шекинской и Карабахской армяне-католики не проживали[124].

Стремление соотнести религиозную принадлежность с этнической просматривается при издании Карты Кавказского края. Карта подготавливалась в генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. Было принято решение прибавить к карте таблицу с данными о населении Грузино-Имеретинской губернии, Каспийской области и Горских народов. Генеральный штаб интересовали сведения о числе душ. об. п. с подразделением на христиан и магометан[125]. Присланные местной администрацией и отложившиеся в архиве статистические материалы были неравнозначны: по Грузино-Имеретинской губернии они отражали численность суммарно по уездам, города не выделялись, отсутствовали данные по ряду административно-территориальных единиц — уездам Горийскому, Кутаисскому и др. Целиком были получены данные по Каспийской области. Однако впоследствии сведения были добраны, так как карта вышла с сопроводительной таблицей, в которой были учтены не только количественные показатели о числе душ об. п. с разделением их по религии, но и «с означением степени покорности Российскому правительству»[126]. Последняя определялась дефинициями: «покорные», «полупокорные» и «непокорные».

Хотя опубликованные цифровые данные были гораздо полнее представленных предварительно, но в них не выделялись города с их населением — данные отражали численность жителей по уездам и суммарно по областям, губерниям и т. д. Таким образом в нашем распоряжении остается лишь «Ведомость о числе жителей в Каспийской области, с разделением на вероисповедания» (1842 г.)[127].

Для удобства читателей мы вновь обращаемся к ее исчислениям (табл. 7).

Каспийская область относилась к территориям Закавказского края с преимущественным мусульманским населением — отсюда и оптимальная численность мусульманского духовенства в городах Азербайджана. Так, по статистическим материалам «Кавказского календаря» к середине 50-х годов оно составляло 100 % духовенства м. Сальяны с 88,4 % его мусульманского населения, 96,3 % в Баку, где мусульманская часть горожан достигала 93,2 %, 96,3 % в Ордубате при 96,7 % горожан мусульманского вероисповедания, 94,5 % в Ленкорани при 87,5 % жителей города мусульманского вероисповедания, в Нухе — соответственно 90,7 и 88,4 %, в Шемахе — 86,9 и 81,8 %, в Нахичевани — 80,8 и 70,8 % и, наконец, в Шуше — 53,6 и 48,6 %.

Высоким был удельный вес мусульманского духовенства в Эривани, составившего 80,6 % духовенства города, хотя мусульманская часть горожан достигала 52,6 %.

Таблица 7

Численность жителей городов Каспийской области по вероисповеданиям (1842—1843 гг.)

Города	Христиане			Мусульмане			Раскольники			Евреи			Всего
	душ. об. п.	в % ко всем городским жителям	в % ко всем христианам обл.	душ. об. п.	в % ко всем городским жителям	в % ко всем мусульманам обл.	душ. об. п.	в % ко всем городским жителям	в % ко всем раскольникам обл.	душ. об. п.	в % ко всем городским жителям	в % ко всем евреям обл.	
Шемаха	2759	15,0	7,8	15 602	84,6	4,0	73	0,3	1,4	—	—	—	18 434
Куба	20	0,4	0,05	4 167	99,5	1,0	—	—	—	—	—	—	4 187
Дербент	305	2,8	0,8	10 357	95,4	2,6	—	—	—	189	1,7	4,0	10 851
Ленкорань	165	6,2	0,4	2 328	87,0	0,5	184	6,9	3,5	—	—	—	2 677
Баку	549	8,8	1,5	5 649	91,1	1,4	—	—	—	—	—	—	6 198
Нуха	1796	12,3	5,0	12 735	87,6	3,3	—	—	—	—	—	—	14 531
Итого...	5594	9,8	15,8	50 838	89,4	13,0	257	0,4	5,0	189	0,3	4,0	56 878

В городах Восточной Грузии, население которых было преимущественно христианским, мусульманское духовенство отсутствовало. Исключение составлял город Тифлис, где мусульманское духовенство насчитывало всего 11 человек. Трудно сказать, на какое количество мусульман оно приходилось. В Тифлисе постоянно проживали агалары и беки (в количестве 72 человек). Известно также, что к 1855 г. в Тифлисе насчитывалось 96 дымов татар, т. е. азербайджанцев, примерно 480 душ об. п.[128]. Кроме того, ежегодно город наводнялся довольно значительным количеством приезжих из Ирана и Турции. Так в 1854 г. их было зафиксировано в общей сложности 1587 человек, что составляло 4,6 % городских жителей[129].

В целом в городах Восточной Грузии доминирующее место принадлежало духовенству армяно-григорианского вероисповедания. Более половины духовенства оно составляло в Тифлисе — 53,7 % (155 человек), в Телави — 55,0 % (66 человек), в Гори — 53,7 % (43 человека) и большинство среди духовенства Сигнахи — 85,2 % (23 человека). В Душети духовенство целиком было христианским — 8 человек, армяно-григорианское духовенство статистическим учетом не выделено, хотя армяне (181 дым) составляли 68,6 % жителей города (268 дымов)[130].

В Тифлисе армян насчитывалось 4173 дыма, что составляло 67,2 % горожан (6206 дымов), грузин — 1142 дыма, или 18,4 %; в Телави число армян достигало 614 дымов, или 82,7 % горожан (741 дым), грузин — 127 дымов, или 17,1 %; в Сигнахи армян — 807 дымов, или 95,6 %, грузин — всего 40 дымов, или 4,7 % населения (844 дыма), и, наконец, в Гори армян насчитывалось 385 дымов, или 58,0 %, грузин — 279 дымов, или 42,0 % горожан (664 дыма)[131].

В городах Восточной Армении духовенство армяно-григорианского вероисповедания распределялось крайне неравномерно. В Эривани, где был значительным удельный вес мусульманского населения — 52,6 % (7138 человек), армяне составляли 46,4 % (6290 человек) жителей города. Соответственно армянское духовенство исчислялось 121 человеком, т. е. 19,4 % духовенства города.

Напротив, в Александрополе и Ново-Баязете, городах, развившихся в результате репатриации армян из Ирана и Турции, почти со стопроцентным армянским населением армяно-григорианская церковь была доминирующей: в Александрополе армяно-григорианское и армяно-католическое духовенство (последнее — 3 священнослужителя) составляло 74,6 % (50 человек) горожан, а в Ново-Баязете — всего 62 человека.

Удельный вес православного духовенства был связан с численностью грузинского населения и в весьма незначительной степени — русского. Число последних в городах края в дореформенный период, как мы убедимся в этом далее, было незначительно. В тех же городах края, где русские жители исчислялись ощутимой цифрой, основную их часть составляли раскольники и сектанты (за исключением Тифлиса). Приток их в города края начиная с 40-х годов усиливался, и естественно, что центрами притяжения становятся города территорий, наиболее насыщенных русскими переселенцами. Так, в Шемахе молокане и духоборы в количестве 545

человек составляли 12,3 % сектантов уезда и 81,8 % русских, постоянно проживавших в городе (671 человек)[132]. В Тифлисе они составляли 50,2 % (402 человека) русских переселенцев уезда и 31,5 % русских жителей (1265 человек)[133]. Наконец, в Ленкорани проживали сектанты (280 человек), составлявшие всего 8,3 % всех переселенцев уезда, но при этом большинство русского населения города — 84,5 % (из 339 человек)[134]. Русское население городов православного вероисповедания, за исключением Тифлиса с относительно высоким удельным весом чиновничьей администрации, было таким образом в незначительном меньшинстве.

В Тифлисе проживало также небольшое число греков — 260 семей (4,2 % от жителей города)[135].

В целом удельный вес православного духовенства в городах края колебался в следующих пределах: в Тифлисе — 118 человек, или 41,4 % всего духовенства города, в Телави — 49 человек, или 44,9 %, в Гори — 37 человек, или 46,2 %, и в Сигнахи — всего 4 человека.

Духовенство евангелическо-лютеранского и иудаистского вероисповедания, по данным на середину 50-х годов, исчислялось единицами. В Тифлисе находился 1 священнослужитель евангелическо-лютеранского вероисповедания — 464 проживавших немецких колонистов (1,3 % горожан)[136], в Кубе, в городе с еврейской слободой,— 18 священнослужителей иудаистского вероисповедания[137].

Как мы видим, религиозный состав духовенства в Закавказье отражал этническую многоликость его населения.

Купечество

Города Закавказья давно являлись крупными торговыми центрами и одной из категорий городского населения было купечество. Однако их количественное определение наталкивалось на большие трудности, поскольку, как отмечалось, купечество не было кодифицировано российским законодательством и численность его утопала в разряде вообще городских обывателей либо мещан и посадских людей (крестьянства). Местные торговцы (за ислючением мокалаков, о которых речь пойдет ниже) принадлежали к сословию городских казенных крестьян. По давней традиции они торговали без объявления капиталов, а потому им не выдавалось никаких купеческих свидетельств на право торговли, но за которое они облагались денежным сбором в пользу города. Налог распределялся соразмерно доходам[138].

Первые попытки введения гильдий среди местного купечества также были связаны с А. П. Ермоловым. Но, по его мнению, создание гильдий ограничило бы торговую деятельность местного населения, свободно торгующего как в пределах страны, так и вне ее.

Предоставление исключительного права на заграничный торг одним лишь мокалакам 1-й и 2-й степеней, наиболее приближенных к общероссийским критериям гильдийских градаций, означало бы отдать всю торговлю в руки «весьма малого числа значительных капиталистов». Поскольку едва ли в здешнем крае могло найтись от двух до пяти семейств торговцев, могущих записать себя в первую гильдию[139]. В этой связи Ермолов предлагал более «облегченные» критерии для дифференциации местного купечества[140]. Так, он полагал в целях поощрения деятельности местных жителей учредить для занимающихся торговлей четыре степени. Однако монопольное право предоставлялось мокалакам, всем остальным, не приписанным ни к одной из степеней, торговым промыслом заниматься запрещалось.

Проект Ермолова предполагал также учреждение городской думы в Тифлисе как городе с «наиболее значительным капиталом»[141]. Однако предложение Ермолова так и осталось проектом.

В 1829 г. Канкрин, излагая Паскевичу в бытность того главноначальствующим на Кавказе свои соображения по поводу торговли с Ираном и Турцией и необходимости введения таможенных барьеров для европейских товаров, коснулся в том числе вопроса о введении гильдийской системы в Закавказье. Выразив свое согласие с Паскевичем, Канкрин тем самым как бы высказал себя сторонником этого нововведения. Но при этом считал его преждевременным из-за сложных условий реализации гильдийской системы в Закавказье. «Об удобности введения в Закавказском крае гильдийской системы,— писал Канкрин, — я имею еще сомнение, хотя сие со временем и необходимо, так как на оном основано и само состояние людей среднего класса»[142]. В качестве модели Канкрин предлагал проект, составленный для введения гильдийской системы в Бессарабии[143]. Нужно помнить, что Канкрин, аккумулировавший в своих руках все сведения о состоянии закавказской торговли и потому прекрасно осведомленный об удельном весе местного купечества в транзитной торговле, проявлял завидную стойкость в своем нежелании распространить гильдийскую систему и на эту часть российского купечества. Введение гильдийской системы в Закавказье было поставлено министром финансов в прямую связь с наступившим во второй четверти XIX в. новым протекционистским правительственным курсом в русско-иранской торговле и новым таможенным режимом.

Вопрос о введении гильдийской системы в Закавказье неизменно сопутствовал любым проектам либо мерам по упорядочению русско-иранской торговли во второй трети XIX в. и обеспечению господствующего положения русским фабрикантам и торговцам как на иранском, так и на внутреннем, т. е. закавказском, рынке[144]. Тем более что указ 1821 г. предоставлял льготы в гильдий-

ских повинностях русским купцам и в личных податях русских торговцев. Коль скоро гильдийское устройство приносило блага русскому купечеству в транзитной торговле в Закавказье, то отчего же было не предоставить те же преимущества закавказским торговцам? В 1831 г. перестал быть проектом указ о введении гильдийской системы в Бессарабии, и предложенная Канкриным мысль об использовании бессарабской гильдийской системы в качестве модели для Закавказья была подхвачена кавказской администрацией[145]. Вновь Канкрин сообщает теперь уже преемнику, временно сменившему отозванного И. Ф. Паскевича генерал-адъютанту Панкратьеву: доставить свои соображения по поводу введения в Закавказье гильдийского устройства, или «простейших правил о торговых разрядах и платеже за торговые свидетельства, однако... решение сего дела не требует поспешности...»[146]. А тем временем благодаря усилиям министра финансов Е. Ф. Канкрина, выступавшего ревностным защитником интересов русской буржуазии, льготный тариф для транзитной торговли в Закавказье был отменен в 1831 г., были повышены пошлины на импортируемые европейские товары[147]. Кроме того, было «велено запереть порты Закавказского края, и особенно Редут-Кале»[148]. Как верно отмечал впоследствии кавказский наместник М. С. Воронцов, «в 1832 г. кончился срок дарованным Закавказскому краю преимуществам»[149]. Что касается распространения на закавказское купечество гильдийской системы, то решение этого вопроса затянулось на длительное время.

Практически позиции закавказского купечества были значительно укреплены с введением в 1821 г. льготного тарифа на ввозившиеся в Закавказье западноевропейские товары, а также разрешением беспошлинного транзита в Иран[150]. М. К. Рожкова, автор фундаментального исследования об экономической политике царского правительства дореформенного периода, следующим образом характеризовала его значение: «Указ 1821 г. действовавший 10 лет, дал толчок к развитию закавказской торговли, к образованию значительных капиталов, нарушил, несмотря на продолжавшееся существование внутренних пошлин, замкнутость закавказского рынка, дав свободу заграничной торговле»[151]. Была достигнута желаемая цель — часть товаров европейского транзитного потока была переключена в пределы России, привлечение иностранного капитала привело к оживлению русско-иранской и закавказской торговли. По словам французского консула Гамбы, Тифлис превратился в оживленный город, «узловой пункт между Европой и Азией», складское место европейско-азиатской торговли. Сюда съезжались «негоцианты из Парижа, курьеры из Петербурга, купцы из Константинополя, англичане из Калькутты и Мадраса, армяне из Смирны, узбеки из Бухары». Но для русской буржуазии льготный тариф обернулся противоположной стороной — был

поставлен под удар русский экспорт промышленных товаров. Также отрицательно сказывалось на развитии местного производства и ремесла активное участие в посреднической торговле местных торговцев[152].

Тем не менее просуществовавшие на протяжении десяти лет льготные условия в транзитной торговле привели к укреплению позиций закавказского купечества. Этому же способствовало вовлечение Азербайджана и Армении начиная с 30-х годов XIX в. в орбиту общероссийских хозяйственно-экономических отношений.

Опубликованные в последнее время документы по русско-иранской торговле 30—50-х годов содержат интересные материалы, на основании которых мы можем судить о масштабах участия в ней закавказского купечества, его национальном составе. В донесениях русских консулов в Иране содержались списки купцов, которые доставляли иностранные товары из Лейпцига, Константинополя и Трапезунда в Иран с указанием сумм торгового оборота. Именовались они в списках либо «российскими купцами», либо «русскоподданными мусульманами и армянами». В данном случае имеет значение то, что в поименном перечне указывалось, из каких они мест и какой национальности, например тифлисские, шушинские армяне, шемахинские мусульмане (под ними подразумевались азербайджанцы). Судя по спискам, русско-иранская торговля в середине 30-х годов была сосредоточена в основном в руках нескольких десятков купцов из Тифлиса, Баку, Шуши[153], Шемахи, Акулиса, Сальян и Кубы. Они были армянской, либо азербайджанской национальности. Армяне доминировали среди купечества Тифлиса, Шуши и Акулиса, азербайджанцы — среди купечества Баку, Шемахи и Сальян. Торговые обороты были весьма значительны, достигая у некоторых 656 тыс. руб. Наиболее распространенная сумма торгового оборота выражалась цифрой в 100—150 тыс. руб.[154].

Конец 20-х годов XIX в.— время появления в Закавказье русских фабрикатов и купцов. Исчислялись они единицами. Время пока еще особенно не благоприятствовало им — действовал льготный тариф для иностранных товаров, но тем не менее удельный вес их в транзитной торговле с Ираном способствовал освоению и закавказского рынка. В 1828 г. в Тифлис прибывает с товарами брат шуйского головы и владельца хлопчатобумажной фабрики в Шуе Алексея Болотова[155].

Однако значительно более масштабной была деятельность братьев Посылиных (А. И. Посылин имел звание коммерции советника), владевших одной из самых крупных и лучших мануфактур в Шуе. Их приказчики торговали в Тифлисе ситцами шуйской мануфактуры. Документы тех лет пестрят именами Посылиных[156]. Кроме Болотовых и Посылиных, мы не встречаем в конце 20-х — начале 30-х годов других русских фабрикантов или их приказчи-

ков в городах Закавказья. Но изделия фабрик Москвы и Московской губернии — Карпова, Кондрашева — постепенно завоевывали кавказский рынок. Среди фабрикантов, имевших, по выражению одного из чиновников Министерства финансов, «сильное влияние на торговлю сего края», известные имена московских фабрикантов: Прохоровых, Ремезова, Хлудовых, фамилии шуйских и ивановских фабрикантов: Горелина, Шевелкина и др. Большой популярностью в Закавказье пользовались текстильные изделия петербургских фабрикантов: Веберовой и Битепажевой.

Расцвет русской текстильной промышленности на рубеже 20—30-х годов остро ставил вопрос о рынке сбыта для русских фабрикантов. Правительственный протекционизм в отношении русской буржуазии должен был неизбежно привести к ограничению ввоза иностранных товаров как через транзитные каналы, так и на внутреннем рынке. Известно, чем кончилась борьба за монопольное обладание закавказским рынком. Льготный тариф 1821 г. был отменен несмотря на решительные протесты верховной власти на Кавказе в лице Главноуправляющего А. П. Ермолова. Следует отметить, что и в последующем кавказская администрация отстаивала право Закавказья на свободную торговлю. Напомним, что именно к 30-м годам утверждается в правительстве взгляд на Закавказье как на колонию — были приняты меры к уничтожению феодальных пошлин, проявилось стремление подавить местную промышленность, приспособить технические культуры края в качестве сырья для русских фабрик. Вопрос о целесообразности сохранения запретительной системы в закавказской транзитной торговле дебатировался и в последующие предреформенные десятилетия, обнаруживая связь не только с импортом изделий русских фабрикантов и развитием промышленности, но и с мотивами политического характера.

Для нас в данном случае важен вопрос, в какой мере сложившаяся ситуация способствовала появлению в Закавказье русского купечества и в каких количественных показателях это выражалось. После подъема конца 20-х — начала 30-х годов в торговой деятельности русских фабрикантов наступает некоторое затишье. В 30-х годах русские купцы и фабриканты не принимали непосредственного участия в торговых операциях, предоставив торговлю иранским и закавказским купцам, в чем мы могли убедиться на основании приведенных выше данных об участии азербайджанских и армянских купцов в посреднической торговле с Ираном.

Перелом наступает в 40-х годах. Обусловлен он был изменением политического курса царизма в Закавказье, вынужденного пойти и на пересмотр таможенной политики. Как известно, в 1846 г.[157] вышло положение, которое, не возвращая край к льготной торговле, тем не менее значительно ослабило запретительную систему 1831 г.

Однако русские фабриканты, в свою очередь, решили предпринять практические шаги к овладению закавказским рынком. В конце 40-х годов были сделаны попытки организовать в Закавказье два торговых депо (с конторами и розничным магазином текстильных товаров в Тифлисе) по типу «магазинов русских изделий», открытых в С.-Петербурге и Москве. В местных газетах «Кавказ» и «Закавказский вестник» появилось официальное сообщение, в котором жители края извещались о том, что «некоторые из главнейших русских фабрикантов, желая положить твердое основание торговле России с Закавказьем, составили товарищество для снабжения сего края лучшими изделиями российских фабрикантов по умеренным ценам и на сей предмет решились учредить товарные склады сперва в Тифлисе, а потом по мере могущей открыться надобности и в других главных закавказских городах»[158]. Были названы имена учредителей — московских фабрикантов: Мальцева, Лепешкина, Баранова, Гучкова, Прохоровых, Четвериковых, Усачевых и др. Вскоре составилась еще другая торговая компания во главе с тем же московским головой Лепешкиным и другими фабрикантами из Москвы и Иваново-Вознесенска[159].

Однако просуществовали они недолго: деятельность первого товарищества была прекращена в 1854 г. положением Кавказского комитета, а второе просуществовало и того меньше — до 1848 г.[160].

Была предпринята еще одна, также неудавшаяся, попытка создания акционерного общества в Нухе. Членами его состояли Долгоруков, Жадовский и Шульгин, «все трое, по язвительному выражению А. М. Фадеева, петербургские бояре, знавшие о Закавказье, и о шелководстве только по слухам да по книгам...[161].

Известны случаи появления русских купцов на местных рынках. Так, автор «Рассказов о Кутаиси» писал:«В числе приезжающих в Кутаис с товарами бывают и русские». Однажды был привезен мальцевский хрусталь, книги и лубочные картинки[162]. В конце 40-х годов в Редут-Кале побывал русский торговец — некто Кубик[163].

Однако в условиях крепостнической России экономическая политика царизма, принципы, на которых она зиждилась, ограничивали возможность выхода русских фабрикантов и купцов на рынки вновь осваиваемых окраин.

Тем не менее число русских торговцев в городах края хоть и незначительно, но постепенно росло. Происходило это за счет русских переселенцев — раскольников и сектантов. Так, в 1856 г. они составляли 2,9 % всех торговцев Шемахи (81 человек), в других городах количество их исчислялось пока еще единицами: в Ленко-

рани — 6 человек, в Нухе[164] и Эривани[165] и того меньше — по 1 человеку. Но в данном случае важны зарождение и нарастание этой тенденции.

Купечество Закавказья и к концу дореформенного периода сохраняло в целом особенности, которые были свойственны ему в канун XIX в.

В отличие от купечества России, выделенного, как известно, особыми сословными (гильдийскими) правами и привилегиями из масс податного населения городов (1775 г.), сословный статус закавказского купечества по-прежнему не был кодифицирован российским законодательством. Отсутствие гильдийской системы отнюдь не свидетельствовало об однородности местного купечества. Оно подразделялось на несколько разрядов: «баззас» — торговцы красным товаром, в их руках концентрировалась внешняя торговля; торговцы европейским товаром; «аттар» — торгующие мелочным галантерейным товаром; «алаф» — торговцы сельскохозяйственными продуктами; «баккал» — торгующие бакалейными товарами и сухофруктами; духанщики — торговцы напитками и мелочным товаром.

Уже отмечалось, что торговали местные купцы без купеческих свидетельств, ограничиваясь ежегодным денежным взносом в пользу города. Этот взнос определялся выборными в начале каждого года раскладкой для каждого из упомянутых категорий торговцев. Лишь торговцы напитками торговали по шестимесячным свидетельствам, которые получали из местного казначейства в начале и середине каждого года[166].

Естественно, что в условиях экономической и социальной неоднородности закавказского купечества богатейшая его верхушка составляла наиболее влиятельный слой горожан, что было особенно свойственно мокалакам, в силу сложившихся исторических традиций в корпоративном отношении более оформленным.

Каков же был характер количественного определения купцов среди горожан края, коль скоро их корпоративное положение не было узаконено соответствующими нормативами? Мы уже писали о том, что центральная статистика в этой связи вынуждена была отказаться от выделения купцов из категории горожан края.

Иначе обстояло дело с местным административно-полицейским учетом. Знакомство с особенностями хозяйственной жизни горожан края и бытового уклада в известном смысле облегчало учет населения, обнаруживая при этом возможность увидеть то, что было недоступно, а также непонятно для удаленного на большую дистанцию центрального статистического ведомства. Местная администрация, отнюдь не искушенная специальными статистическими знаниями и методиками статистико-демографического учета, шла по пути простой фиксации того, что окружало ее и было понятно для

нее. И хотя должны быть брошены в адрес этой администрации серьезные упреки по поводу ее нерадивости и тех сбоев, которыми отмечены их статистико-демографические материалы, к чести ее нужно отметить известную старательность, проявившуюся в несколько наивно-примитивном, но буквальном учете особенностей жизни городов края.

Так, в статистических материалах, систематически публиковавшихся в «Кавказском календаре», мы находим сведения о торговцах городов Закавказья. Стало это возможным благодаря тому, что административно-полицейский учет дифференцировал горожан края по роду занятий: земледелие, торговля и ремесла — с обозначением национальной принадлежности. Оставляя в стороне качественный уровень демографических исчислений, попытаемся на основании имеющихся данных представить себе примерное соотношение групп жителей ряда городов края по роду занятий, в соответствии с этим удельный вес торговцев и их национальный состав.

В середине 50-х годов в городах Восточной Грузии занимавшиеся торговлей горожане составляли 9,2 % (3330 человек) в Тифлисе, 7,7 % (300 человек) в Сигнахи, 7,2 %, (200 человек) в Гори и 3,6 % (150 человек) в Телави[167]. По данным грузинского исследователя Г. В. Иобашвили, в начале 40-х годов в Кутаиси постоянную торговлю вели 250 купцов[168], что составляло примерно 0,1 часть жителей города. В начале 60-х годов в качестве купцов города было учтено уже 30 % его жителей[169].

В городах Восточной Армении удельный вес торговцев был наибольшим в Ново-Баязете — 5,5 % (147 человек), затем следовали Александрополь — 3,0 % (350 человек) и Эривань — 1,8 % (252 человека)[170].

Доля торговцев среди жителей городов была наибольшей не только в пределах Азербайджана, но и всего Закавказья в Ордубате — 25,9 % (1116 человек)[171], однако в абсолютных показателях опережающее место принадлежало Нухе — 2741 человек (14,3 %)[172]. По удельному весу второе место делили между собой Нахичевань и Шуша — 6,9 % (358 человек)[173] и 6,7 % (1015 человек)[174], хотя во втором случае абсолютные показатели превышали почти в три раза. Близкое к этим городам было положение в Шемахе — занимавшиеся торговлей составляли 4,4 % горожан (863 человека). Примерно равнозначным был удельный вес торговцев в других городах Азербайджана: в Баку — 3,5 % (296 человек), в Сальянах — 3,4 % (229 человек) и в Ленкорани — 3,9 % (156 человек)[175].

Этнический состав торговцев определялся опосредованно, через их религиозную принадлежность.

Так, азербайджанцы соотносятся с мусульманами (хотя среди последних могли быть остальные торговцы из Ирана и Турции),

армяне — с лицами армяно-григорианского и католического вероисповеданий. Грузины указывались в графе «грузины или имеретины», лишь однажды (по Тифлису) они попали в графу «православные».

Для городов Восточной Грузии в составе торговцев превалировали армяне, составлявшие без малого 100 % среди торговцев в Сигнахи, 94,9 — в Телави, 83,9 % — в Гори. Около трети (27,6 %) из было в Тифлисе. Цифра эта несколько настораживает, поскольку, по единодушному свидетельству современников, вся торговля города находилась в руках армян. Правда, свидетельства «современны» предшествующему времени и относятся к разным годам. Так, в 1812 г. Ф. И. Паулуччи писал, что в Тифлисе «купечество вообще составляют почти одни армяне»[176].

Позднее анонимный корреспондент сообщал Ф. Булгарину в своей эпистоле через журнал «Северный архив», что «вся коммерция и все ремесла находятся в руках у армян»[177].

Путешествовавший по Кавказу в 1833 г. П. П. Зубов сообщал примерно то же: «Торговля тифлисская находится исключительно в руках армян»[178].

Конечно, указанные свидетельства не могут служить статистическим опровержением данных административно-полицейского учета. Они лишь могут навести на мысль о том, что к середине 50-х годов доля армян среди торговцев Тифлиса понизилась.

Грузины составляли 16,0 % торговцев в Гори и всего 8,0 % в Телави. В Тифлисе торговцы православного вероисповедания (в составе которых находились и грузины) составляли 27,8 % горожан. Этнический состав торговцев, как собственно и всего населения города Тифлиса, был наиболее пестрым, и, к сожалению, статистика не сумела отразить этого. Среди торговцев его были учтены, кроме указанных, немецкие колонисты, составлявшие 0,7 % горожан и 5,6 % всех колонистов, проживающих в городе. Удельный вес мусульман среди торговцев достигал 2,4 %. Однако этой же статистикой были зафиксированы временно проживающие: из Турции — 613 человек и из Персии — 974 человека. Безусловно, что основная часть их занималась торгово-ремесленной деятельностью. Кроме того, ею занималась часть европейского населения города, составлявшего 0,3 % жителей города[179].

Среди торговцев в городах Восточной Армении больше всего было армян: в Александрополе и Ново-Баязете они составляли их абсолютное большинство. В Эривани, напротив, торговцы состояли в основном из азербайджанцев — 77,4 % и лишь 22 % были армянами. Однако соотношение их внутри разных категорий торгующих не было столь однозначным. Так, к началу 60-х годов среди «баззасов» Эривани армяне составляли большинство (133 человека из 223). В руках армян была сконцентрирована торговля европейскими товарами (30 человек). То же относится к духанщикам (63 человека). Последнее обстоятельство объяснялось особенностями религиозного порядка — категорическим запретом ислама на употребление спиртных напитков. Напротив, большинство «аттаров» (из 52 человек) составляли мусульмане, т. е. азербайджанцы. Они же составляли половину «алафов» (30 человек из 67) и т. д.[180]

Азербайджанцы занимали доминирующее положение среди торговцев в большинстве городов Азербайджана. Удельный вес их приближается к 100 % в Ордубате[181], Сальянах, Баку и Ленкорани: 98,7 %, 98,2, 91,1 и 90,4 %[182]. Оптимальным он был и для городов: Нахичевани — 86,6 %[183], Шемахи — 82,0 % и Нухи — 81,8 %[184]. Торговцы-армяне в этих городах были в меньшинстве: в Нухе — 19,6 %, Шемахе — 15,1 % и единицами они исчислялись в других городах. Однако в Шуше они составляли большинство — 70,2 %, а азербайджанцы — всего 29,7 %[185].

Мокалаки

К типично городским сословиям относились мокалаки (в некоторых русских источниках — «макалаки»), с которыми была связана одна из субрегиональных особенностей сословной стратификации городов края. Нужно сказать, что в исторической литературе нет единства по поводу статуса этого весьма специфического слоя жителей города Тифлиса.

Звание мокалаков претерпело длительную эволюцию, и понимаемый под ним слой городских жителей был неоднородным по своему сословно-социальному происхождению.

Употреблявшееся в начале XIX в. понятие «мокалак» сложилось на рубеже XVII —XVIII вв. Под ним подразумевался привилегированный слой горожан Тифлиса. Сразу же по присоединении Грузии к России от тифлисских мокалаков было подано прошение с просьбой о сохранении им привилегий, пожалованных царем Вахтангом. Как объясняли мокалаки, они были уравнены «в почестях и преимуществах» с дворянами, подразделялись как дворяне на три степени с правом иметь и покупать недвижимые имения и крестьян. В соответствии с манифестом от 12 сентября 1801 г., оставившим в неприкосновенности все прежние права и преимущества населения Грузии, были подтверждены и прежние права мокалаков. Судя по ответам на каждую из позиций, изложенных в прошении мокалаков, они были освобождены от личной службы, кроме добровольной в военное время. Правительство приравнивало их к привилегированному сословию и в вопросе возможного представительства в депутации от князей и дворян к царю. Однако были пресечены их попытки получить денежный заем, сократить объем

податей. Мокалаки просили также об освобождении их от квартирования российских чинов, которое «стесняет крайне, с одной стороны, собственные жительства... а с другой по разности образа жизни обычая нашего...». В этом им также было отказано, поскольку обыватели всегда были обязаны давать квартиры под постой[186].

Царская администрация, занимаясь определением «прав состояний» в Закавказье в связи с реформой 1840 г., дала ретроспективную характеристику сословию мокалаков: «При прежнем правлении макалаки составляли сословие в роде наших почетных граждан и считались наравне с второстепенными дворянами. Они прежде пользовались большим уважением и разделялись на несколько степеней, которые проистекали от количества платимых податей, первенство не распространялось на наследников. Макалаки могли иметь крестьян»[187]. В некоторых случаях мокалаки удостаивались звания «азнауров» (мелких дворян) и даже «тавадов» (князей)[188];.

Импульсом к выяснению прав мокалаков послужил инцидент в 1809 г., когда один из почтеннейших мокалаков некто Манденов был приговорен судом к наказанию плетьми. Тогдашний глава кавказской администрации А. П. Тормасов усомнился в законности приговора и по его ходатайству в том же году последовало высочайшее повеление[189]: Манденова от телесных наказаний освободить и впредь первых тифлисских граждан, именуемых мокалаками, соответственно Уложению царя Вахтанга, телесному наказанию не подвергать. Оставалось лишь выяснить, кого из тифлисских граждан считать мокалаками, и составить их список. Плоды деятельности учрежденной по этому поводу в 1814 г. комиссии были весьма отдалены. Составленный список «первостатейных» мокалаков в количестве 79 фамилий был утвержден... почти через полвека.

До того же промежуточное правовое положение сословия мокалаков обратило на себя внимание кавказской администрации при определении сословных прав грузинского дворянства. В ответ на сословные притязания мокалаков А. П. Емолов оговорил их статус в своем предписании грузинскому Дворянскому Депутатскому собранию: граждане или мокалаки Тифлиса «не есть действительные дворяне», а потому рассмотрение их прав в Дворянском собрании возможно лишь в том случае, если кто-либо из них представит пожалованную ему или его предкам от грузинских царей грамоту на действительное дворянство. Что же касается привилегий мокалаков, предоставленных им еще законодательством царя Вахтанга, то правительство предпочитало вернуться к ним специальным постановлением, «в котором права каждого из мокалаков по степеням их назначены будут с лучшею определенностью»[190].

Современные исследователи пришли к следующему толкованию звания мокалаков. Ш. А. Месхиа, основываясь на материалах комиссии, созданной в начале XIX в. для уяснения статуса тифлисских мокалаков, таким образом характеризовал их. Тифлисскими мокалаками могли быть: купцы — свободные и зависимые; крестьяне, освободившиеся от крепостной зависимости; ремесленники; пришельцы из других мест, но при одном непременном условии — постоянном местожительстве их в городе. Второе условие — определенный имущественный ценз. Звание мокалаков было в основном привилегией купцов, однако оно было не родовой, не потомственной, а личной привилегией. По мнению Месхиа, со временем звание мокалаков употребляется в более широком смысле и экстраполируется для обозначения верхушки населения на другие города Грузии[191].

Царское правительство было категорическим противником признания за мокалаками каких-либо сословных привилегий, сходных с дворянскими. Об этом свидетельствовал указ от 1832 г., воспрещавший мокалакам владеть крепостными людьми[192]. Но над ними продолжала висеть угроза телесных наказаний. Поэтому для начала правительство сочло возможным освободить их от телесных наказаний. Так появился закон от 7 июня 1859 г. «Об изъятии от телесных наказаний первостатейных тифлисских граждан, именующихся мокалаками»[193].

Вопрос о кодифицировании российским законодательством их сословных прав был смещен в направлении признания за ними прав почетного гражданства. Барятинскому удалось добиться узаконивания права почетного гражданства для лиц, принадлежавших к семействам тифлисских «первостатейных» мокалаков (79 фамилий) по списку, высочайше утвержденному в 1859 г. (закон от 29 апреля 1861 г.)[194]. Однако закон не ограничивал круг лиц, претендовавших на звание потомственных почетных граждан, указанным количеством семейств. Согласно одному из его пунктов администрации вменялось в обязанность привести в известность всех вообще лиц, имеющих по данному закону право на это звание для последующего высочайшего утверждения.

Положение же большинства мокалаков оставалось прежним. Хотя они не пользовались никакими особыми правами и преимуществами, звания мокалаков стали добиваться торговцы Кутаиси, за что готовы были платить двойную подать. Правительство разрешило им именоваться мокалаками[195]. Все-таки принадлежность к мокалакам поднимало их общественное положение в сословно-иерархической структуре городов края.

Вопрос об этнической принадлежности мокалаков имеет свою историю. К сожалению, Ш. А. Месхиа не прокомментировал соображения на этот счет авторов «Обозрения российских владений за

Кавказом». По их мнению, возникновение сословия мокалаков было связано с царем Вахтангом Горгасалом (V в.), пригласившим армян поселиться во вновь устраиваемом городе Тифлисе и всячески поощрявшим их. Эти старожилы и назывались мокалаками, что означает «горожанин», «гражданин» (от слова «калаки» — город). «Вот почему, — сказано в "Обозрении", — сословие мокалаков составляют и ныне исключительно одни армяне, кроме одного семейства грузинского, приписанного к этому сословию при нашем правительстве»[196].

В одной из первых информаций русского военного командования о состоянии Грузии, сословной структуре его населения мокалаки охарактеризованы как бы с трех сторон. С точки зрения статуса городского гражданства они идентифицированы с мещанами, в правовом отношении по роду занятий причислены к купцам, в этническом — к армянам: «Купцы и мокалаки все почти армяне...»[197].

Сказанное подтверждается более поздними сведениями. По данным О. Евецкого (начало 30-х годов), число мокалаков г. Тифлиса составляло 2610 душ об. п., или 10,3 % всех жителей города (указываемая им общая численность населения города — 25 920 человек). При этом национальный состав мокалаков, отмечает автор, был преимущественно армянским — 2500 душ об. п., или 95,8 % всех мокалаков[198].

Льготная транзитная торговля способствовала укреплению их экономического положения, многие из них стали обладателями «весьма значительных капиталов»[199].

Каким же образом определялась численность мокалаков? И в данном случае на материалах статистико-демографического учета лежит печать смятения, которое всякий раз охватывает статистические организации, когда вставал вопрос об исчислении населения в луче их сословно-социальной принадлежности.

По примерным данным численность их в Тифлисе к 20-м годам XIX в. равнялась 435 дымам, или 10 394 душам м. п.[200], что составляло примерно 6,5 % мужского населения города[201].

Камеральное описание начала 1830-х гг. определило число мокалаков в г. Тифлисе в количестве 1400 душ м. п. Почти такой же цифрой исчислялись мокалаки О. Евецким — 1390 душ м. п. Желая, видимо, приблизить к русскому читателю это новое для него понятие, Евецкий как бы раскрывает его: мокалаки, или граждане казенные и церковные[202].

Однако центрально-статистический учет в своей первой попытке сословной классификации городского населения не вводит их в номенклатуру исчислений. Поскольку речь шла о населении городов всей России, то и действовал понятийный аппарат, выработанный на основе знания русского города с присущей ему сословно-социальной стратификацией. Стало быть, сведения о мокалаках могли фигурировать либо в графе о почетных гражданах (но мокалаки получат это звание значительно позже), либо в составе мещан и посадских людей. Правда, по материалам 1840 и 1842 гг. по Тифлису — единственному из городов края — проходят почетные граждане (соответственно 117 и 145 душ об. п.)[203], но это была не до конца понятая категория граждан.

В местном административно-полицейском учете середины 50-х гг., уже при более уясненном сословно-правовом статусе мокалаков, накануне признания за ними права потомственных почетных граждан, они выступают в качестве равноправной категории жителей Тифлиса: 3004 души об. п. (из которых 1243 души м. п.), что составляло 8,3 % горожан (в 1853 г.), или, например, 737 семейств — 11,9 % горожан (в 1854 г.)[204]. В целом все цифры свидельствуют о достаточно стойком удельном весе мокалаков в составе горожан во второй трети XIX в. — примерно в пределах 10 %. Но абсолютное их число значительно превышало цифру, которая изначально фигурировала при обсуждении вопроса об их корпоративном положении: за исключением упоминавшихся 79 семей «первостатейных» мокалаков (первостатейный мокалак равнялся второклассному дворянину), все остальные считались «рангом пониже». Эта иерархия действовала, как нам уже известно, до закона 1861 г.

Ремесленники

Не были единообразны по своей сословно-профессиональной организации ремесленники в различных городах края.

Во многих закавказских городах в XIX в. продолжали существовать цеховые организации ремесленников и торговцев, так или иначе связанных непосредственно с ремеслом.

В Армении и Грузии они именовались «амкарствами». Однако здесь следует сделать оговорку. Ремесленное производство развивалось в рамках оформившихся цеховых организаций лишь в городах Восточной Грузии. В городах Западной Грузии, за исключением г. Кутаиси, цеховые организации отсутствовали[205]. В ряде городов — Эривани, Александрополе (то же было свойственно и г. Шуше) в амкарства были объединены лишь ремесленники христианского вероисповедания.

Что же касается городов Северного Азербайджана, то, как известно, до сих пор считается неустановленным само существование здесь ремесленных организаций[206].

Профессиональный и этнический состав ремесленников подвергался значительным изменениям на всем протяжении дореформенного периода, и явление это было взаимосвязанным. Усиливавшая-

ся хозяйственно-экономическая и культурно-политическая интеграция раздвигала рамки национально-бытового уклада, вызывая к жизни те виды ремесел, которые прежде отсутствовали. Расширения масштабов ремесленного производства, являвшегося «необходимой составной частью городского быта»[207], требовала не только интенсификация городской жизни, но и изменения в социально-этнической структуре населения городов. В частности, концентрация в Тифлисе военно-гражданского чиновничества и воинских подразделений обнаружили потребность в таких изделиях, которые амкары выполнить не умели, хотя многие традиционные виды производства (оружейное, серебряное, ковровое и ряд других) были оценены по достоинству и спрос на них возрастал[208]. Тем не менее местное ремесленное производство перестает отвечать новым требованиям горожан. И здесь происходит своеобразное явление.

Согласно воинским положениям в комплекте воинских подразделений полагалось иметь различного рода мастеровых — кузнецов, плотников, оружейных мастеров, цирюльников и пр.[209], к услугам которых стало прибегать офицерство, а вслед за ним и гражданское чиновничество. Кроме того, среди солдат оказалось достаточное количество умельцев, способных смастерить нужное изделие. Постепенно эти солдаты-ремесленники, заваленные работой, стали открывать свои мастерские и с разрешения начальства оставались в Тифлисе даже тогда, когда их войсковые части покидали город. Число их неуклонно росло и достигло, по сведениям М. С. Воронцова, 700 человек,что составляло целый батальон воинского состава[210]. Продукция их пользовалась спросом и продавалась на так называемом солдатском рынке в Тифлисе.

Главноуправляющий Кавказским краем ген.-адъют. А. И. Нейдгардт ранее, в 1843 г., учитывая возрастающую потребность в изделиях, не производимых местными ремесленниками, обратился к московскому генерал-губернатору Д. В. Голицину с просьбой объявить живущим в Москве «всякого рода мастеровым», не захотят ли они переехать в Тифлис. Аналогичное письмо было отправлено и С.-Петербургскому военному губернатору[211]. Был составлен своего рода проект договора между московскими и петербургскими ремесленниками, с одной стороны, и кавказской администрацией — с другой. В нем оговаривались условия, на которых приглашались ремесленники, сроки их пребывания и обязательства обеих сторон.

Договор содержал пункты, согласно которым ремесленникам предоставлялись различные материальные льготы, начиная от выдачи подъемных денег, освобождения от повинностей на протяжении трех лет, кончая правом возводить собственные дома на казенной земле с последующим отводом ее за посаженную плату и т. п. Но при этом ремесленник обязан был проработать в Тифлисе не

менее двух лет, в противном случае он должен был возвратить выданные ему погонные деньги[212]. Проект Нейдгардта о приглашении в Тифлис ремесленников получил законодательное оформление (1844 г.)[213]. В Тифлисе стали появляться сапожники, обойщики, ювелиры, ламповщики, каретники и др. К 1852 г. их набралось в городе до 122 человек[214].

Нужно сказать, что протекционистская политика правительства скорее отразила, чем предвосхитила уже существующее положение — интерес ремесленников к тем возможностям, которые сулил им новый край. С присоединением Закавказья в Тифлис устремилась масса ремесленников и торговцев как из центральных губерний Европейской России, так и из южной Германии, отмечал в своем исследовании С. А. Егиазаров[215]. Однако география мест, откуда прибывали ремесленники, должна быть дополнена. Уже к началу 30-х годов число ремесленников-иностранцев в Тифлисе было таковым, что они бросались в глаза, и грузинский гражданский губернатор Завилейский потребовал у тифлисского полицмейстера сведений об иностранцах на предмет выявления у них «узаконенных видов» на жительство. Из 55 иностранцев, фигурировавших в представленном Завилейскому списке, большую часть составляют ремесленники: сапожники, портные, кондитеры, часовщики, каретники, столяры и т. д. Были они выходцами из Франции, Швейцарии, Австрии, Англии, Голландии, Сардинии, Турции и др.[216]

Заинтересованность властей в притоке иностранных ремесленников была выражена в специальном законодательном акте 1839 г. «О предоставлении вызываемым в Закавказский край иностранцам некоторых льгот», а именно десятилетняя льгота от платежа повинностей для мастеровых, ремесленников и людей, сведущих в агрономии[216а].

Поселившись в городах края, ремесленники оказались вне цеховых организаций, не говоря уже о том, что представляли собой реальную конкурентную силу для амкаров.

Поскольку вставал вопрос о необходимости решения корпоративных прав русских и иностранных ремесленников, то амкарства усматривали здесь угрозу своему цеховому статусу. Опасения их находили подтверждение в разного рода проектах, возникших в начале 50-х годов и ведущих к роспуску амкарств[217]. Э. С. Андреевский останавливается в своих воспоминаниях на событиях, связанных с выступлением амкар, и в этой связи передает слова М. С. Воронцова на сложившуюся ситуацию: «Амкары... полезны для тех, которые в оные записаны; но они приносили вред потому, что по старинным обычаям и по неимению здесь в прежние времена ни русских, ни иностранных ремесленников, они составляли совершенную монополию и запрещали всякое соревнование, не только от чужих, но и между записанными...»[218]

Сам Воронцов был противником уничтожения амкарств, но стоял на позициях ограничения их монопольных прав. Однако, защищая интересы русских и иностранных ремесленников, он предложил учредить для них в Тифлисе специальное управление без разделения на особые цехи по роду ремесел[219]. В соответствии с проектом кавказского наместника в 1852 г. состоялось правительственное решение, которое предоставляло живущим в Тифлисе русским и иностранным ремесленникам образовывать особое общество независимо от амкарств во главе со своим управлением[220].

Этот указ практически был первым по времени законодательным актом, который касался ремесленных организаций в Закавказье. Оставляя организации амкаров без изменений, закон открывал путь к вступлению в ремесленную организацию русских и иностранцев — местных жителей. Таким образом, был нанесен удар монополии амкаров, приведший, как известно, к их выступлениям в 1865 г.[221] Борьба амкаров против русских и иностранных ремесленников закончилась их поражением. В 1867 г. вышло законоположение, значительно урезавшее их права.

Каковы же сведения о численности ремесленников и их удельном весе в городах края? Здесь, казалось бы, грех жаловаться на отсутствие данных о числе ремесленников как в целом, так и по отдельным видам ремесел. Однако множественность этих данных не адекватна их последовательности, систематичности и полноте. Как правило, они суммируют разные категории ремесленников (мастеров, подмастерьев и учеников). Вместе с тем известное число лиц, занятых в ремесленном производстве, например солдаты, о которых уже писалось, не могло быть охвачено статистическим учетом. Кроме того, случалось и так, что к ремесленникам приписывали категории людей, занятых вне сферы ремесленно-промышленного производства, например сторожей, садовников, приказчиков и пр.[222].

Даже в конце 90-х годов В. И. Ленин обращал внимание на то, что уточнить степень распространения ремесла в России чрезвычайно трудно «вследствие крайне неудовлетворительного состояния нашей экономической статистики»[223].

На основании материалов административно-полицейского учета, дающих возможность с большей или меньшей степенью относительности судить о численности ремесленников в городах Закавказья, их размещении как в количественном, так и этническом отношении, складывается следующая картина.

Наибольший удельный вес ремесленников как в абсолютных, так и в относительных показателях отмечен в Нухе — 29,4 % (5274 человека) жителей города[224]. Причем он оптимален в региональном масштабе. Второе место принадлежало Шуше и Шемахе: соответственно 12,3 % и 11,1 % при небольшом превосходстве

численности торговцев в Шемахе — 2192 человека и 1863 человека в Шуше. При превосходстве относительного показателя числа ремесленников в Ордубате — они составляли здесь 18,1 % горожан, по абсолютным данным он уступал указанным городам — 780 человек. Третье место занимали города: Нахичевань — 5,1 % (265 человек) и Куба — 3,9 % (357 человек). В остальных городах Азербайджана был приблизительно одинаков удельный вес ремесленников: в Баку — 1,3 % (113 человек), в Сальянах — 1,5 % (105 человек), в Ленкорани — 1,8 % (72 человека). Известно также, что в Елисаветполе к 1854 г. числилось 1193 ремесленника, из которых 407 человек были чернорабочими[225].

В городах Грузии ремесленники распределялись с большей степенью равномерности. В основном ремесленники составляли в них от 4 до 1 %. Так, в Сигнахи и Гори — по 3,9 % (177 и 133 человека), в Кутаиси[226] и Телави — 2,7 % (76 человек) и 2,5 % (110 человек), в Ахалцихе — 1,4 % (178 человек), в Ахалкалаки — 1,1 % (3 человека) и в Душети — всего 0,9 % (14 человек)[227]. Особое место среди городов принадлежало Тифлису — крупному торгово-ремесленному центру. Численность ремесленников достигала здесь 4846 человек, составлявших 13,4 % горожан. Однако, учитывая большой наплыв в город ремесленников, оказавшихся в большой своей массе вне цеховых организаций, можно предположить, что они не были учтены статистикой и истинное число ремесленников в Тифлисе было значительно больше.

В Восточной Армении число ремесленников во всех городах было достаточно ощутимым: в Александрополе — 3,5 % (400 человек), в Эривани — 2,3 % (320 человек) и Ново-Баязете — 6,9 % (182 человека).

Этнический состав ремесленников идентифицируется так же, как и у торговцев, — опосредованно через религиозную принадлежность и на основе тех же данных.

В городах Азербайджана азербайджанцы (с возможной примесью незначительного количества пришельцев из Ирана и Турции), за исключением города Шуши, составляли большинство ремесленного населения: в Сальянах — без малого 100 %, в Баку — 93,8 %, в Нухе — 90,1 %, в Шемахе — 71,3 %, в Ленкорани — 52,8 %. В Шуше азербайджанцы по численности значительно уступали армянам, которые были в большинстве среди ремесленников,—70,7 %. Ощутим был удельный вес армян среди ремесленников Шемахи — 24,6 % и отчасти Нухи — 9,8 %. Единицами они исчислялись в других городах Азербайджана (Ленкорани, Баку). Незначительной была численность русских ремесленников в большинстве городов Азербайджана . И в данном случае при определении их удельного веса обращает на себя внимание та же закономерность: средоточием торгово-ремесленного люда русской нацио-

нальности являлись города, расположенные вблизи территорий с наиболее насыщенным русским населением (переселенцами). Вот почему в Ленкорани удельный вес русских ремесленников достигал 43,0 %, а в Шемахе — 4,0 %.

В городах Восточной Грузии ремесленники также в большинстве своем были представлены коренными национальностями. Однако преобладающей среди них были армяне, составлявшие 98,3 % ремесленников в Сигнахе, 90,9 % — в Телави, 60,6 % — в Тифлисе. Менее половины ремесленников они составляли в Гори, так как грузин (имеретин) в нем было больше половины — 52,6 %. В остальных городах грузины были в незначительном количестве: 9,0 % — в Телави и буквально единицами они исчислялись в Сигнахи. В Тифлисе грузины-ремесленники могли быть учтены в составе православного населения, удельный вес которого среди ремесленников достигал 30,7 %. Мусульмане составляли 2,7 % ремесленников, немецкие колонисты — 4,0 %, немногим менее половины всех проживавших в городе немецких колонистов. Раскольники среди ремесленников составляли 1,4 %, или 16,4 % всех раскольников города, и, наконец, евреи — всего 0,5 %, менее четверти проживавших в Тифлисе.

Аналогичные данные за более ранний период (на 1847 г.)[228] позволяют нам уточнить соотношение представителей различных национальностей в составе ремесленников города Тифлиса, а также проследить динамику их численности в период 1846—1853 гг. В целом ремесленное население города за этот период удвоилось: число их с 1926 человек возросло до 4846. Кроме того, произошло некоторое перераспределение различных этносов в этническом составе ремесленников. Так, по сравнению с 1846 г. несколько понизился удельный вес армян — с 78,7 до 60,6 %. Мы можем определить удельный вес грузин не по признаку конфессиональному, а этническому: в 1846 г. они составляли 13,3 % всех ремесленников города. То же относительно татар, которые составляли всего 3,0 %. К 1854 г. возросло количество немцев среди ремесленников города: с 35 человек до 193 человек [229]. Их роль в хозяйственно-политической жизни города обращала на себя внимание, и в 1850 г. в Тифлисе открывается начальное училище для детей немецких ремесленников[230]. Рост наблюдался и по другим этническим группам: евреи — с 12 человек до 29 и русские — с 9 до 66[231].

В городах Восточной Армении преобладающими среди ремесленников также были армяне, составляя абсолютное их большинство в Александрополе и Ново-Баязете и половину в Эривани — 50,6 %. Азербайджанцы в Эривани по численности приближались к армянам — 48,7 %.

Размещение ремесленников оказало влияние на топографию городов.

Так, амкарские объединения часто сосредоточивались на известных улицах, в кварталах и предместьях, поскольку изначально они складывались по местожительству ремесленников и торговцев. Например, к концу XIX в. в Авлабарской части Тифлиса сохранялся участок, известный под названием «ширачу таг», т. е. «квартал виноделов». Или в Эривани все красильщики кумача — «шилачи» жили в Дамирбулагской части, по реке того же названия[232]. «Размещение ремесленников, — отмечал С. А. Егиазаров, — по отдельным частям или кварталам с некоторым постоянством можно было констатировать во всех городах Закавказского края. Это — общераспространенный обычай на Востоке»[233].

Некоторые ремесленные производства были разбросаны по окраинам городов и даже за городской чертой, что диктовалось характером этих производств. Например, предприятия мыловаренные («сабунчи-хана»), кожевенные («дабаг-хана») предусматривали близость к естественным водоемам. Отдаления других требовали соображения санитарно-гигиенического порядка, например бойни («касаб-хана»). Так, кожевники Эривани еще в 20-х годах всем амкарством жили за городом, около речки Занги, в Дарякяидской части. За городом же были расположены красильные и кожевенные заводы в Нахичевани, лишь Ордубат, в котором эти заводы находились в центре города, составлял исключение[234]. Сохранился документ (середина 20-х годов) — акт о бакинских ремесленниках, который допускал их местожительство в крепости, но медникам, кузнецам, красильщикам, кожевникам и «всем занимающимся изделием, от коего может повреждаться воздух в стесненном городе и происходить неприятность», напротив, не иначе как на форштате[235].

Локализация торговли и ремесленного производства объяснялась рядом причин. Весьма существенным являлось то обстоятельство, что каждый ремесленник или торговец открывал свое заведение там, где он мог расчитывать на сбыт товаров. Таким центром являлся базар, а скученность ремесленников облегчила фискально-полицейским органам надзор и раскладку налогов. Замечательный знаток и исследователь цеховых организаций в Закавказье С. А. Егиазаров считал, что внешняя организация торговых и промышленных цехов закавказских городов и средневековой Франции и Германии представляла «поразительную аналогию»[236].

Как свидетельствуют представленные материалы, удельный вес ремесленно-торгового населения городов края в дореформенный период отражал сложившееся в предшествующую эпоху их размещение как торгово-ремесленных центров, характерное для городов феодального типа.

Однако не следует забывать того, что определение численности ремесленников и торговцев, их этнического состава в известной

степени условно. Еще сохранялись связи ремесленников с земледелием, так же как торговцев с ремесленниками и крестьянством. Подчас трудно было провести грань между теми и другими.

Крестьянство

Города Закавказья концентрировали значительные массы крестьянства, которое на протяжении веков играло основную роль в формировании городского населения.

Так, Ш. А. Месхиа показал в своем исследовании, что в городах Грузии, главным образом в Тифлисе, население складывалось в основном за счет притока крепостных крестьян, особенно усилившегося на рубеже XVIII—XIX вв.[237] Значительный процент составляло крестьянство, по мнению А. П. Новосельцева, в городах Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв.[238]

Как известно, в юридически правовой номенклатуре закавказского крестьянства произошли изменения в связи с присоединением края к России.

Крестьяне, принадлежавшие царскому дому и уделам грузинских царевичей, поступили в ведение казны (впоследствии та же мера была распространена и на крестьян владетельных князей Гурии).

Изъятие крестьян в Северном Азербайджане и Восточной Армении значительно упрощалось в связи с особенностями аграрных отношений — отсутствием здесь крепостного права. Это давало основание правительству считать крестьян свободными и казенными (государственными). В Азербайджане и Армении отсутствовал такой институт, свойственный крепостному праву, как вещное право собственности на личность крестьянина (купля и продажа его, обмен, произвольное переселение с места на место и т. п.). Следует также напомнить, что зависимость крестьян от феодалов в мусульманских ханствах не была оформлена правовыми нормами, а регулировалась местными обычаями, что вытекало из особенностей мусульманского права, в отличие от формы крепостничества в Грузии, нашедшего отражение в законодательстве и в памятниках грузинского права. По замечанию И. П. Петрушевского, «шариат официально не признавал личной зависимости мусульманина от мусульманина. Но фактически значительная часть ра'ийятов[239] пребывала в зависимости непосредственной от местного хана или частных владельцев, которым они были пожалованы на различных основаниях»[240].

Уже отмечалось, что права владения помещиков крестьянами в Грузии рассматривались одновременно с решением вопроса об их дворянском происхождении. Тем более были взаимосвязаны правовые отношения между высшим сословием и крестьянами в Азер-

байджане и Армении. Признание сословных прав высшего сословия также шло параллельно с оформлением их прав как частновладельцев.

Процесс изъятия крестьян в ведение казны коснулся и церковных крестьян. Когда в 1853 г. была проведена секуляризация земель, принадлежавших грузинской церкви, за ней сперва были оставлены права собственности на населенные и ненаселенные имения. Однако впоследствии, в 1869 г. эти имения окончательно перешли в казну за ежегодно выдаваемое экзархату денежное вознаграждение в 76 тыс. руб. Известно, что к указанной дате число крестьян в отошедших имениях достигало 8500 семей, около 85 тыс. душ об. п. Аналогичная мера была проведена в Имеретии и Гурии в 1871 г. Здесь вознаграждение составило сумму в 30 тыс. руб., а населены имения были 5660 дымами крестьян[241].

Положение церковных (вакуфных) крестьян в Азербайджане оставалось без изменений. Проекты относительно мусульманского духовенства Закавказья долгое время так и оставались проектами, поскольку вопрос об управлении магометанским духовенством был поставлен в контекст с решением его в общегосударственном масштабе, подготовкой общего положения о магометанском духовенстве в империи[242].

«Важнейшим, — отмечает П. Г. Рындзюнский, — и вместе с тем наиболее трудно разрешаемым для дворянского правительства вопросом городского устройства был вопрос о порядке включения крестьян в город»[243].

Ограничительные тенденции, существовавшие в правительственной политике, не могли не действовать и во вновь включенных в состав России государствах. Так, они ощущаются в запрете, исходившем от кавказской военно-гражданской власти, переселяться удельным крестьянам с одного места на другое (1808 г.). Однако главнокомандующий в Грузии ген-фельд. гр. И. В. Гудович, памятуя о манифесте 1801 г., подкреплявшем прежние узаконения царя Вахтанга, оставлял за помещиками право переселять крестьян из-за границы[244].

В 1812 г. уже преемником Гудовича, ген.-лейт. маркизом Ф. О. Паулуччи, рассматривалась упоминавшаяся записка бывшего правителя Грузии ген.-майора Ахвердова, в которой в числе прочих предложений специальное внимание было уделено городу Тифлису и приписке к нему крестьян: «Чтобы казенных и церковных крестьян, в Тифлисе живущих, сделать теперь настоящими городовыми жителями, обложить податью и обязать подписками в отказе ими от прежнего места жительства предков их или же вывесть их на оныя (?) в течение года». Помещикам, имеющим в городах крестьян, в качестве компенсации рекомендовалось выделить казенных крестьян из сельских местностей. В свою очередь, пере-

селение помещичьих крестьян из города делать исподволь, дабы не опустел город[245]. В записке Ахвердова четко формулируется заинтересованность администрации в привлечении в город крестьян, в чем усматривалась одна из возможностей развития Тифлиса. Паулуччи в целом отнесся негативно к проекту Ахвердова относительно переселения крестьян в Тифлис, равно как и к положению уже живущих там. «Поселение в городах помещичьих крестьян, — заключал Паулуччи, — зависит более от воли помещиков, подобно как и в российских городах сие происходит». В случае же, когда правительство усмотрит мало пользы от помещичьих крестьян, уже живущих в городе, или число ремесленников станет излишним (здесь содержится прямое указание на занятие крестьян и их предназначение в городах), то оно само примет меры и «тогда бесполезные для города люди сами по себе окажутся и город не будет их терпеть»[246].

Нужно сказать, что мы не располагаем какими-либо нормативными материалами, свидетельствующими о жестком противодействии правительства переселению крестьян в города края. Конечно, вопрос о приписке сельских жителей к городам упирался в необходимость защиты интересов помещиков. Однако запретительные меры не носили ни императивного, ни последовательного характера. Об этом, в частности, говорят факты по другим регионам России, например Бессарабии[247]. Имели они паллиативный характер и воспрепятствовать переселению крестьян в города не могли. В данном случае вызывает несогласие та интерпретация, которая дается Э. В. Хоштария распоряжению, сделанному кавказской администрацией в 1812 г. Речь идет о предписании генерала от инфантерии Н. Ф. Ртищева по поводу большого скопления нищих и бродяг в Тифлисе. В частности, он потребовал от городских властей следующее: выяснить, откуда эти нищие, и в случае, если они из Имеретии, отправить их к своим владельцам. То же сделать в отношении крестьян, принадлежавших помещикам из других мест, и вменить в обязанность этим помещикам, «чтобы они не допускали крестьян своих таскаться по миру, что обязанность их есть давать бедным и неимущим крестьянам своим пропитание». Нищих же, принадлежавших казне, также водворять в свои селения, поручив административно-полицейским властям пресекать всякие попытки к бродяжничеству[248]. В самом начале предписания Ртищев предельно ясно мотивировал необходимость подобных мер. Восточная Грузия только-только начинала оправляться от эпидемии, унесшей 4255 жителей, из них на Тифлис приходилось более 12 % (528 человек)[249]. Искоренение бродяжничества, «а более для отвращения болезни, здесь от сего самого продолжающейся»[250] — вот первоочередная задача принятых санкций. Следовательно, упор на то, что указанный документ являлся распоряжением о возвращении помещикам проживавших в Тифлисе крестьян — выходцев из Имеретии, представляется преувеличением[251].

Указ от 22 декабря 1832 г., отразивший то внимание, которое правительство стало уделять развитию городов[252], снимал наиболее существенные ограничения при переходе казенных крестьян в города, открывая возможности для переселения также и малоимущих крестьян.

Необходимо отметить, что бедность отдельных местностей края, помещичий гнет способствовали бегству крестьян в города. Так, значительные массы крестьян из Западной Грузии, особенно Имеретии, устремлялись в Тифлис. Хоштария приводит факты, как они проживали в городе без всяких видов на жительство, среди них были и такие, которые находились там 10—16 лет. Часть из них имела отпускные свидетельства, определявшие цель и причины их перемещения в город: «на заработки», «для работы», «для торговли» и т. д. По свидетельству современного корреспондента газеты «Кавказ», весь чернорабочий класс в Тифлисе и в целом Грузии (угольщики, садовники, муши, домашняя прислуга и т. п.) состоял преимущественно из имеретин[253].

Естественно, что более строгие запретительные санкции должны были касаться крепостных крестьян. Но никакие мероприятия властей не могли воспрепятствовать бегству крестьян в города края. Причем миграционные процессы не только охватывали собственно этнические территории, но и принимали более широкий характер в региональном масштабе. Тем более это правомочно в отношении такого города, как Тифлис, — крупного административно-политического центра на Кавказе, притягивавшего крестьян из различных местностей края.

Переход крестьян в города края приводил к его эволюции и утрате свойственных крестьянству сословно-профессиональных функций. Шел процесс их трансформации в различных направлениях, но для дореформенного периода наиболее распространенным было включение их в ремесленное производство и торгово-предпринимательскую деятельность. Оттого-то столь затруднительным был их статистический учет. Не говоря уже о возможности показать меру участия крестьян в формировании ремесленников в городах Закавказья, как это, например, было сделано в отношении Петербурга дореформенного времени[254].

Как уже отмечалось, статистические сведения о численности крестьян в городах края содержались в материалах камерального описания 1830—1832 гг., которыми пользовались авторы «Обозрения российских владений за Кавказом». Однако повторяем, что они более свидетельствовали об абсолютной численности крестьян городов, поскольку определение удельного веса затруднялось не-

полными и неточными данными общей численности населения городов.

К 30-м годам относятся данные О. Евецкого, позволяющие судить о крестьянах г. Тифлиса — их числе, удельном весе и этническом составе[255]. Произведенные на их основе исчисления свидетельствуют о том, что крестьяне составляли 78,7 % (19 900 человек) всего населения города (25 290 человек). Большую часть крестьян составляли казенные и удельные — 62,6 % (12 450 человек), далее шли помещичьи — 22,6 % (4500 человек) и церковные — 14,8 % (2950 человек).

В этническом отношении среди всех категорий крестьян жителей города первое место принадлежало армянам — 77,8 % (15 490 человек). Дифференцированно по категориям крестьян они составляли: 81,4 % (10 130 человек) среди казенных крестьян, 74,1 % (2150 человек) среди церковных (в значительной степени это определялось тем, что в составе последних находились выходцы из Эчмиадзина) и 71,3 % (3210 человек) среди помещичьих.

Второе место занимали грузины — 18,6 % (3710 человек) всех крестьян города. Они распределялись равномерно среди категории церковных крестьян — 27,6 % (800 человек) и помещичьих — 26,2 % (1180 человек).

Наконец, незначительным был удельный вес среди крестьян Тифлиса магометан, идентифицируемых с азербайджанцами — 3,5 % (700 человек), и формировался главным образом за счет казенных и удельных крестьян — 4,7 % (590 человек) и отчасти помещичьих — 2,4 % (110 человек).

Первый опыт посословного учета населения городов, как уже отмечалось, относится к 1842 г. Учет этот, сколь тщательно отразивший численность духовенства в городах края, столь же неполно, а точнее, неоднородно для различных его городов, зафиксировал сословие крестьян. Так, собственно крестьяне показаны по городам Каспийской области, а по Грузино-Имеретинской губернии они оказались в составе «мещан и посадских людей»[255а].

Итак, крестьянское население следующим образом распределялось по городам Каспийской области[256]:

Шемаха	11 172 души об. п.,	или	68,6	%	всех	жителей	города	
Дербент	10 334	»	»	»	96,5	»	»	»
Шуша	7 781	»	»	»	92,4	»	»	»
Баку	5 973	»	»	»	87,4	»	»	»
Куба	3 078	»	»	»	93,4	»	»	»
Ленкорань	977	»	»	»	76,0	»	»	»

Как видим, к началу 40-х годов XIX в. в большинстве учтенных городов Каспийской области крестьянское население составляло основную часть городских жителей. Наименее «крестьянским» был административный и торгово-ремесленный центр области Шемаха.

Однако при посословном учете вне его оставался аспект социальный. Известно, что именно крестьянство поставляло ремесленников и торговцев, но они тонули в общей массе крестьянства.

Дуализм подобного явления хорошо отразился в материалах административно-полицейского учета населения городов края 50-х годов XIX в.

С одной стороны, крестьянство было отнесено к категории «городских обывателей», или «городских обывателей, именующихся гражданами, но считающихся казенными крестьянами», с другой стороны, они фигурировали в рубрике «крестьяне» дифференцированно по трем его категориям: казенное, помещичье (или бекское) и церковное, либо «податное сословие» (казенные крестьяне).

Анализ перечисленных дефиниций позволяет высказать следующие предположения. Жители, фигурировавшие в качестве городских обывателей, в сословно-правовом отношении являлись казенными крестьянами. При этом определить соотношение той его части, которая занималась сельским хозяйством, и той, которая промышляла ремеслами и торговлей, при очевидной их взаимосвязи не представляется возможным[257]. Примечательно, что в тех случаях (а их большинство), когда в статистических описаниях городов края среди его жителей крестьянское сословие не выделяется, в таблицах отсутствуют данные о земледельческих занятиях горожан. Они по роду своих занятий подразделяются лишь на торговцев и ремесленников. Однако нет соответствия также между их численностью и числом городских обывателей.

О том, какова была социально-экономическая природа основной массы жителей городов края, причисляемых то к городским обывателям, то к сословию крестьян, нет должных сведений. Существующий материал иллюстративного характера свидетельствует о довольно высоком уровне садоводства в городах края, удовлетворявшем главным образом собственные потребности горожан. Кроме того, в хозяйственно-экономическом отношении городские жители сохраняли связь с близлежащими сельскими районами как в области земледелия, так и скотоводства (отгонного).

Интересен в этом смысле отчет эриванского военного губернатора (за 1860 г.). Анализируя различные категории населения губернии, в том числе городских и сельских жителей, он считал эту «пропорцию удовлетворительной» по сравнению с прочими частями империи. Так, в Эриванской губернии городское население относилось к сельскому как $8\ ^1/_3 : 100$ (или 7,7 : 100 всего населения), в то время как в 10 губерниях России, по его сведениям, население городов относилось как более 10 человек на 100 всего на-

селения, в 29 губерниях — от 5 до 10 : 100, в 13 губерниях — менее 5 : 100, а в 2 — менее 3 : 100[258]. Конечно, продолжал эриванский губернатор, можно сказать, что многие жители городов занимаются «сельскою производительностью», но то же, заключил он, можно сказать и в адрес городов внутренних губерний[259].

Тем не менее сам факт проживания в городе и функционирования в городской среде должен был оказывать определяющее влияние на эволюцию крестьянства городов, не говоря уже об общих процессах хозяйственно-экономического и политического развития края в дореформенное время.

При сопоставлении данных административно-полицейского учета обращает на себя внимание тот факт, что и численность, и удельный вес категории жителей, именуемых в одном случае крестьянами, в другом — городскими обывателями, практически совпадают[260]. Причем для абсолютного большинства городов Закавказья они составляли основное их население.

В городах Грузии численность крестьян в начале 50-х годов XIX в. достигала: в Душети — 1531 человек, или 99,4 % горожан[261], в Гори — 3653 человека, или 98,0 %[262], в Сигнахи — 4362 человека, или 97,9 %, в Ахалцихе — 12 374 человека, или 93,3 %, в Телави — 5077 человек, или 89,3 %[263], в Тифлисе — 28 178 человек, или 77,8 %[264], в Кутаиси — 2126 человек, или 75,2 %[265], и в Сухум-Кале — 142 души м. п., или 59,8 %[266].

Соотношение различных категорий крестьян при превалирующем количестве казенных крестьян в перечисленных городах выглядело следующим образом (в %)[267]:

	Крестьяне		
	казенные	помещичьи	церковные
Ахалцих	100	—	—
Ахалкалаки	100	—	—
Душети	97,3	0,7	1,9
Сигнахи	95,5	2,0	2,4
Телави	93,5	5,2	1,3
Тифлис	75,7	13,2	11,0
Кутаиси	53,2	21,2	25,6

По аналогичным данным, в городах Телави, Сигнахи и Гори занимавшиеся земледелием отсутствовали и только в Тифлисе их насчитывалось 1076 человек, что составляло 3,0 % горожан и всего 3,8 % крестьян города[268].

В городах Армении и Азербайджана статистика отразила численность городских обывателей с подразделением на религиозную принадлежность, что дает возможность судить об их этническом составе.

Численность городских обывателей в городах Армении составила в Александрополе 11 271 человек, или 99,2 % жителей, в Эривани — 12 690 человек, или 93,5 % и в Ново-Баязете — 2562 человека, или 97,1 %. В этническом отношении, за исключением г. Эривани, состав их был преимущественно армянским: 100 % в Ново-Баязете, 96,3 % в Александрополе. В Эривани армяне среди городских обывателей составляли менее половины — 48,6 %; азербайджанцы — 51,3 %; греки среди горожан Эривани исчислялись единицами — всего 0,08 %. В городе 3,7 % жителей занимались земледелием, из коих армяне составляли 80 % и азербайджанцы — 20 %[269].

Судя по статистическим данным, ни в одном из городов Азербайджана в середине 50-х годов никто не занимался земледелием. Удельный вес городских обывателей также достигал оптимальной отметки. В Шемахе он был равен 90,7 % — 17 891 человек, в Нухе —91,8 % — 16 464 человека[270], в Шуше — 94,1 % — 14 306 человек, в Баку — 91,2 % — 7634 человека, в Ленкорани — 94,8 % — 3765[271], в Нахичевани и Ордубате — по 94,8 % — соответственно — 4889 и 4079 человек[272], в Сальянах — 79,4 % — 5308 человек[273].

По г. Кубе ни крестьяне, ни горожане не выделены, даются лишь сведения о числе постоянных жителей, а также дворянства, духовенства, чиновников, ремесленников. За вычетом их на долю городских обывателей остается 8162 человека, что составляло 89,3 % жителей города[274] — цифра эта может быть принята в качестве условной.

В этническом отношении городские обыватели в Азербайджане также состояли в основном из представителей коренных народов. Абсолютное большинство составляли азербайджанцы: в местечке Сальяны — 99,8 %, в городах: Ордубате — 95,4 %, Баку — 94,5 %; далее следовали города: Нуха — 87,8 %, Шемаха — 81,3 %, Ленкорань — 81,1 %, Нахичевань — 67,2 % и Шуша — 46,3 %. Цифра численности армян в городах Азербайджана возрастала в обратной последовательности, достигая в Шуше 46,3 % горожан, в Нахичевани 27,6 %, Шемахе 15,6 %, Нухе 12,1 %, Баку 5,4 %, Ордубате 4,4 % и Ленкорани 3,1 %.

Удельный вес русских среди гродских обывателей был наибольшим в Ленкорани — 8,1 %, затем в Шемахе — 3,0 %. В остальных городах Азербайджана он не достигал 1 %. В основном это раскольники и сектанты[275].

Таким образом, как мы могли убедиться, понятие «крестьянство» применительно к городам края может быть принято с большой степенью условности, подразумевая под ним прежде всего признак сословный, нежели социальный. Во всяком случае, местная статистика в большинстве своих исчислений

дифференцировала жителей на городских обывателей, когда речь шла о городах, и крестьян (казенных, помещичьих или частновладельческих, и церковных) — относительно сельских местностей.

На этих же позициях стоит грузинский исследователь Э. В. Хоштария: «Под "крестьянами", как правило, официальная статистика подразумевала проживавших в городах торговцев и ремесленников из казенных, помещичьих и церковных крестьян. Большинство из них составляли казенные (государственные) крестьяне». Они пользовались относительной свободой, уплачивая лишь государственные подати[276].

Людские резервы из деревень впитывали города не только промышленного типа. За счет выходцев из деревень, чаще всего самовольных, происходил рост городских поселений, в которых только часть жителей занималась земледелием. Это явление, по мнению П. Г. Рындзюнского, следует считать одним из важнейших в городском развитии дореформенной России[277].

Возвращаясь к вопросу о занятиях устроившихся в городах крестьян, следует отметить, что садоводство, виноградарство, а не хлебопашество являлись одним из основных родов избранной ими сельскохозяйственной деятельности. В городах, расположенных в зонах эйлажного скотоводства, у крестьян сохранялась связь с этой отраслью сельского хозяйства. По-видимому, данное обстоятельство, по мнению администрации, освобождало ее от необходимости определять горожан по роду их сельскохозяйственной деятельности, исключая земледелие. Последнее же было зафиксировано лишь по двум городам — Эривани и Тифлису.

Социально-экономическая характеристика городов края не является темой данного исследования. Поэтому суждения о процессах, охвативших те или иные слои населения городов края, носят исключительно гипотетический характер и продиктованы необходимостью дать объяснение тем или иным количественным показателям по сословно-социальной стратификации городов Закавказья.

Высокий удельный вес в городах края категории жителей, именуемых городскими, приверженность основной ее части не к сельскохозяйственным, а к городским занятиям позволяют судить о завершенности процесса отделения ремесла от сельского хозяйства. Правда, необходимо также не выпускать из поля зрения такое явление, которое поразило экономику Азербайджана и других стран Ближнего и Среднего Востока на рубеже XVII—XVIII вв., как массовый уход торгово-ремесленного населения из городов. В числе прочих последствий его была и полная аграризация некоторых городов[278].

Следует также помнить, что города Закавказья издревле являлись торгово-ремесленными центрами, хотя «ремесло и торговля играли в них подсобную роль по сравнению с основными отраслями их экономики — земледелием и садоводством»[279].

* * *

Военнослужащие

Характеризуя демографические процессы в городах Закавказского края, необходимо сделать небольшое отступление, так как лишь с учетом еще одного весьма важного в масштабах края источника формирования его населения можно более полно представить себе общую демографическую картину, объяснить динамику демографических процесов. Речь идет о военнослужащих.

На Кавказе с самого начала XIX в. шло наращивание военного потенциала царской России, обусловленное внешнеполитической обстановкой в этом регионе. Войсковые хроники дают возможность проследить историю военных формирований на Кавказе, их количество и размещение[280]. Нас в данном случае должны особенно интересовать сведения о расквартировании войск в городах Закавказского края. Естественно, что размещение войск не носило статического характера, непрерывно шел процесс переформирования войсковых соединений и создание новых, их передислокация, что сильно затрудняет определение численности их личного состава. Но несомненно одно — военнослужащие были величиной константной в составе городского населения края. Это нашло отражение в различного рода публикациях, в которых всякое упоминание о военнослужащих — в разряде жителей временно пребывающих — тем не менее неизменно сопровождалось уточнением, из которого следовало, что находились они в городах постоянно[281]. Это наводит на следующие размышления: в какой мере этот постоянный контингент жителей городов брался в расчет местной администрацией при учете городского населения и насколько при этом она была последовательна.

В 1802 г. в Закавказском крае находились четыре пехотных[282] и два драгунских полка[283]. Благодаря расписанию о квартирах, назначенных для войск, нам известно, в каких городах края были расположены пехотные и кавалерийские полки, входившие в состав Кавказской инспекции. Это главным образом города Грузии — Тифлис, Телави, Сигнахи, Гори, Душети[284].

С 1801 по 1805 г. в России шел процесс формирования новых войсковых подразделений[285], однако происходившая в эти годы реорганизация кавказских войск и увеличение их численности, явля-

ясь частью общих военных преобразований, была обусловлена также необходимостью укрепления Кавказской линии. Так, в 1802 г. по утвержденному новому штату пехотных полков последние были приведены в составе трех батальонов, каждый из четырех рот, а драгунские полки — в пятиэскадронный состав. Это означало, что в каждом полку численность личного состава достигала 2452 человек для военного времени и 2061 — для мирного. Для драгунского полка полагалось 970 человек и 685 строевых лошадей для мирного времени, в военное время число строевых лошадей увеличивалось[286].

К началу Отечественной войны 1812 г. в Грузии и на Кавказской линии находилось: пехоты — 13 гарнизонных батальонов, 15 полков; кавалерии — 3 пятиэскадронных драгунских полка и артиллерии — 3 бригады в составе двенадцати орудийных рот, итого 58 батальонов пехоты, 15 эскадронов кавалерии и 106 орудий[287].

В результате некоторых из военных мероприятий произошло усиление военного элемента в городах края[288]. Однако наиболее значительная из военных реорганизаций была связана с созданием в 1815 г. Отдельного Грузинского корпуса, объединившего расположенные на Кавказской линии, в Грузии и вообще в Закавказье различного рода войска (пехота, кавалерия, артиллерия — всего 15 полков[289] в количестве 45 тыс. штыков, при этом большая часть их располагалась в Закавказье[290]). Бригады корпуса были сосредоточены в том числе в городах Кубе, Шуше, Кутаиси, крепости Редут-Кале, Озургетах, Телави и Каспийский морской батальон — в Ленкорани[291]. В 1819 г. Отдельный Грузинский корпус вследствие настоятельных представлений главнокомандующего А. П. Ермолова был усилен: при прежнем количестве полков личный состав их доведен до 3900 строевых человек в каждом полку[292]. Тогда же, в 1820 г., к составу Отдельного Грузинского корпуса было причислено Черноморское войско и он был переименован в Отдельный Кавказский корпус. На войсковые линии было переселено до 25 тыс. казаков[293].

Следующий этап в истории войсковых соединений на Кавказе был обусловлен крупной реорганизацией русской армии в 1833 г. В связи с усилением полков армейской пехоты в 1834 г. был принят указ «О новом преобразовании войск Отдельного Кавказского корпуса» (бывшего Грузинского), численный состав которого был приведен в соответствие с новым штатным расписанием[294]. В это время Кавказский корпус состоял из 11 полков. В 8 пехотных полках личный состав был определен (в каждом полку вместе с двумя ротами — нестроевой в 239 человек и инвалидной[295] — в 285 человек) в 6524 человека для военного времени и 5993 человека для мирного времени, в 2 полках резервной гренадерской бригады — по 5283 человека для военного и 4753 — мирного времени и

1936 человек в драгунском полку[296]. Следовательно, в полках Кавказского корпуса было сосредоточено 64 694 человека в военное и 59 386 человек в мирное время. В 1845 г. было сформировано 4 новых полка. Отныне в Составе Отдельного Кавказского корпуса насчитывалось 15 полков[297]. Однако здесь не учтена численность личного состава линейных батальонов, также входивших в состав Отдельного Кавказского корпуса.

История линейных батальонов на Кавказе восходит к 1829 г., когда были сформированы первые 9 Кавказских линейных батальонов (на Северном Кавказе)[298]. Число их неуклонно росло по мере продвижения России на Кавказ и расширения пограничной линии. В 1830 г. было образовано 12 линейных грузинских батальонов с пунктами формирования в городах Закавказья[299].

Указ 1834 г. о преобразовании войск Отдельного Кавказского корпуса коснулся и линейных батальонов. Общее их количество составило 37 батальонов: 16 грузинских, 10 черноморских и 11 кавказских. Все «линейные батальоны» по случаю отдельного расположения их поступали в заведование местных начальников. Грузинские линейные батальоны располагались в городах Закавказского края (по порядку их нумерации): Ахалцихе, Гумрах, Эриванн, Нахичевани, Шуше, Шемахе и Нухе, Ленкорани, Баку, Кубе, Дербенте, Крепости Бурной, Новых Закаталах, Белокани, Ананури, Тифлисе[300]. В 1840 г. число линейных батальонов на Кавказе было увеличено до 44 и в 1842 г. — до 47: 19 грузинских, 16 черноморских и 12 кавказских. Произошла их некоторая передислокация, четыре черноморских батальона стояли в городах Сухуми, Озургетах, а также в Бомборах и Пицунде[301].

По положению 1833—1834 гг. численность каждого батальона составляла 1070—1071 человек, а всего численность грузинских батальонов достигала 17 120—17 136 человек, а в 1842 г. — 20 349 человек[302].

Таким образом, в 1834 г. личный состав всего Отдельного Кавказского корпуса насчитывал для военного времени 81 830 человек и для мирного — 76 522 человека[303].

К началу 1837 г. войска Кавказского корпуса состояли из 85 батальонов и 50 отдельных рот пехоты, 198 эскадронов и сотен, 14 пеших батарей общей численностью в 85 500. Из них 55 батальонов, 52 эскадрона и сотен и 9 батарей находились в Закавказье, остальные — по Кавказской линии и в Дагестане[304].

Наконец, в 1853 г., к началу Восточной войны, в составе Отдельного Кавказского корпуса находилось: пехоты — 117 батальонов и 1 сотня[305], кавалерии — 10 эскадронов и 1 пеший резервный, артиллерии — 192 орудия, 20 гарнизонных артиллерийских рот и инженерных войск 2 саперных батальона[306]. Численность чинов (октябрь 1856 г.) составляла 294 518 человек, из них в регу-

лярных войсках 209 906 и иррегулярных — 84 612 человек, рядовых насчитывалось 246 198 человек[307].

Благодаря военному законодательству и войсковым хроникам нам известны те города Закавказья, в которых находились центры формирования полков и линейных батальонов Отдельного Кавказского корпуса. В статистических материалах местной администрации численность военнослужащих не фиксировалась, к сожалению, а фиксировались те военные формирования, которые располагались в той или иной местности. Так, известно, что в начале 1846 г. в Шемахе находились 3 роты Грузинского линейного батальона и при военном госпитале подвижная инвалидная № 99 рота, в Баку — Грузинский № 9 линейный батальон, артиллерийский гарнизон, инженерная команда, Каспийского флота 49 экипаж, команда и сотня Донецкого казачьего № 22 полка, в Ленкорани — штаб-квартира Грузинского № 8 линейного батальона, военно-рабочая рота и полурота Бакинского артиллерийского гарнизона и т. п.[308] Помимо того, поскольку рейд у г. Ленкорани считался лучшим «из всех на Каспийском море, как русских, так и прочих», там располагалась эскадра русских военных судов[309].

Сохранившиеся описания городов также помогают конкретизировать наши представления об удельном весе военнослужащих среди жителей городов края. Он был неравным для различных городов. В начале 50-х годов XIX вв. численность военнослужащих (команды линейных батальонов, артиллерийские и гарнизонные бригады, казачьи посты, инвалидные и военно-рабочие роты) достигала весьма существенных размеров, составляя до трети городских жителей, например в Тифлисе и Кутаиси, четверть населения города Гори, около 10 % города Ахалциха и от 5 до 2 % Шемахи, Сигнахи, Телави, Елисаветполя и др.[310] По данным, собранным П. И. Кеппеном, военнослужащие в середине 50-х годов составляли значительную часть жителей ряда городов края. Так, по приходу евангелическо-лютеранского вероисповедания в 13 городах числилось от 1000 до 2000 военнослужащих, другие сословия были представлены 563 человеками[311]. Следовательно, военнослужащие составляли до 60—70 % жителей лютеранского вероисповедания. Численность жителей римско-католического вероисповедания 10 городов края достигала 9655 человек, из них военнослужащие одного лишь Черноморского линейного батальона, расположенного в Сухум-Кале, составляли 1120 человек, или 11,6 %[312]. К сожалению, в статистических материалах Кеппена со списками прихожан православного вероисповедания военнослужащие не выделены, а указаны в перечне контингента лиц этого вероисповедания. Например, среди жителей православного вероисповедания г. Баку в количестве 1750 душ об. п. перечислены русские служащие и временно проживающие чиновники присутственных мест, а также Грузинского линейного № 9 батальона, артиллерийская и составляющая гарнизон Бакинской крепости инвалидная команда и т. д.[313]

Приведенные данные свидетельствуют о том, что военнослужащие, являясь постоянной частью городских жителей, могли быть охвачены при учете фактического населения городов края. Во всяком случае, ничем иным не может быть объяснен небывалый прирост населения в некоторых городах края в дореформенное время.

Как видим, темпы формирования войсковых соединений, их численность и размещение в пределах края в дореформенный период были достаточно интенсивными.

Но Кавказ был не только театром военных действий, он был и «теплой Сибирью». Кавказ — это место военной службы представителей прогрессивного офицерства в составе 65 человек (братья Бестужевы, А. Е. Розен, А. И. Одоевский, Н. Н. Раевский, Д. А. Искрицкий[314] и др.), высланных сюда за причастность к восстанию декабристов или деятельности революционных обществ. В отрядах Отдельного Кавказского корпуса числилось около трех тысяч «участвовавших в мятеже нижних чинов»[315].

В Тифлисе скрещивались пути высланных на Кавказ декабристов и местной интеллигенции. А. А. Бестужев-Марлинский и М. Ф. Ахундов, А. К. Бакиханов; участие В. Д. Сухорукова, Е. Е. Лачинова, И. Г. Бурцова в издании «Тифлисских ведомостей», равно как и все другие взаимосвязи, — все это многократно освещалось в современной литературе. Здесь достаточно было бы напомнить слова Н. П. Огарева о том, что Кавказ был местом, «где среди величавой природы со времени Ермолова не исчезал приют русского свободомыслия, где по воле правительства собирались изгнанники, а генералы, по преданию, оставались их друзьями»[316].

Д. Давыдов вспоминает в своих «Записках» тифлисское общество времен Ермолова и Грибоедова: «Русские не считали себя здешними жителями и смотрели на Грузию как на место изгнания. Тифлис был не больше как штаб-квартира главнокомандующего, а Закавказье — лагерем русских войск». Но все это сближало лиц высшего сословия в тесный семейный кружок. «Патриархальность и простота, широкое гостеприимство и радушие были неотъемлемой принадлежностью каждого богатого дома, двери которого были открыты для всякого русского, заброшенного волею судеб в этот край»[317].

Семья А. Чавчавадзе — аккумулятор и эпицентр связей между грузинской и русской культурами в самом широком и высоком смысле. Много сказано об этом превосходных слов. Приведем еще одни, порожденные скорбью в связи со смертью А. Чавчавадзе. Принадлежат они одному из его почитателей, русскому писателю А. Н. Муравьеву. Так случилось, что он оказался в Тифлисе во время кончины поэта и ему из своих окон пришлось видеть погре-

бальную колесницу. «Сколько любви он унес с собою в могилу! — восклицал Муравьев. — И как должны уважать его память русские и грузинские его соотечественники, потому что по своему европейскому образованию он всегда старался служить связью между обоих народов, и в его доме они действительно составляли одну семью»[318].

Ему вторит А. М. Фадеев, описывая дом Чавчавадзе: «Покойный хозяин его... жил в нем открыто и весело, широкою и беззаботною жизнью достаточного местного помещика и русского генерала. Двери его дома всегда были отверсты для бесконечного множества родных, друзей, знакомых, гостей, которые в нем веселились, пировали, плясали досыта... Все, что приезжало из Петербурга порядочного и сановитого, молодого и старого, составляло принадлежность гостиной князя»[319].

Внутренняя жизнь гоородов края не могла оставаться безразличной к факту военного присутствия. Особенно это касалось небольших городов, в которых пребывание, скажем, одного линейного батальона в одну тысячу человек, не говоря уже о полковых соединениях в несколько тысяч человек, отражалось на демографической ситуации этих городов, оказывало влияние на их хозяйственно-экономическую жизнь.

В этом смысле весьма примечательно впечатление, которое произвел один из таких городов на посетившего его путешественника. В начале 40-х годов известный русский востоковед И. Н. Березин во время своего путешествия оказался в г. Кубе. Издали город производил весьма живописное впечатление, но при ближайшем ознакомлении, по словам Березина, становилась очевидной «вся бедность Кубы» и город был замечателен тем, что в нем не было ничего примечательного[320]. Однако, посетив город в эпоху его процветания, Березин обратил внимание на те изменения, которые произошли в нем. Связано же это было с тем, что здесь была расквартирована штаб-квартира графа Паскевича полка (бывший Ширванский пехотный полк). «Получив военное значение, — писал И. Н. Березин, — Куба быстро поднялась на ноги, застроилась, увеличилась и уже мало походила на прежнюю Кубу»[321]. Усилившееся в условиях Кавказской войны военно-стратегическое значение города дало толчок к развитию здесь ремесел и торговой деятельности, обусловленных увеличением городского населения и уже иными масштабами запросов его обитателей.

Пребывание в Ленкорани Грузинского линейного № 8 батальона и расположенной на рейде эскадры русских военных судов сказалось на росте численности населения города, его хозяйстве. В городе задавали тон военные: «Общество Ленкорани, — отмечал современник, — состоит из офицеров Грузинского линейного № 8 батальона и гражданских чиновников всех присутственных мест

уездного города»[322]. Здесь располагались дома русских чиновников, семейных солдат, казармы и госпитали; 2 из 4 кирпичных заводов принадлежали военному ведомству, в городе была создана школа военных кантонистов[323]. В кратчайший срок изменился облик города. Если в начале 30-х годов. Ленкорань характеризуется как дурно выстроенная деревня, не представляющая ничего примечательного[324], то в конце 40-х годов облик города видоизменяется: «Ленкорань, русский пограничный город, на рубеже России и границе Персии, бывшая столица Талышинского ханства, имеет теперь наружность Кавказской казачьей станицы...»[325]

Ю. А. Гагемейстер, известный знаток края, в своих «Закавказских очерках» обращает внимание на роль войска и чиновничества, их влияние на торговлю. Он считал, что «им почти все города обязаны своим существованием... Войско и чиновники дают занятие лучшим ремесленникам; большая часть изделий русских фабрик, привозимых за Кавказ, находит покупателей между ними, и возраставший с 1840 года привоз европейских произведений через Редут-Кальский порт лучше всего доказывает, какое влияние имеет увеличившееся число чиновников на потребление этих произведений»[326].

Самостоятельной темой размышления может стать вопрос о влиянии военного присутствия на архитектуру городов, их застройку в начальный период присоединения края к России, когда в политике царизма превалировали военно-стратегические цели. В этом смысле наиболее типичным является пример Тифлиса.

Город сразу же сделался местопребыванием высших звеньев военной власти, соединявшей в себе и гражданскую власть. Необходимо было разместить главную квартиру Кавказского корпуса[327].

Строительство большинства зданий военного ведомства было связано с Ермоловым. К 40-м годам в Тифлисе к военному ведомству относились здания: штаб главнокомандующего, ордонансгауз, комиссариатская комиссия, арсенал, военный госпиталь, пороховые погреба (3), гауптвахты (3), казармы (4). Кроме того, здесь было около 250 домов, которые принадлежали нижним чинам Отдельного кавказского корпуса, отбывавшим повинность, и сдавались для приходящих команд «на малое время» и т. д.[328]

Украшением города Гори считались казармы и госпиталь Грузинского полка. Постоянное пребывание в городе полковой штаб-квартиры оказывало влияние не только на его внешний вид, но и «на сближение туземцев с русскими обычаями и языком»[329].

Также специальной темой исследования должны стать вопросы хозяйственно-экономического развития городов в связи с ростом численности населения за счет военного контингента.

Чиновничество

Вслед за армией приходила администрация и начало XIX в. — время появления в городах Закавказского края русского чиновничества. Понятие это, постоянно фигурировавшее в делопроизводственных материалах и статистических источниках, не было однозначным. Оно не столько являлось признаком национальным, сколько отражало те перемены политического характера, которые произошли на Кавказе. Оно свидетельствовало о включении в состав Российской империи новых территорий и о создании для края иного административно-политического устройства. Компонентом его являлся новый административно-правительственный аппарат, сотрудники которого рекрутировались в первую очередь из чиновничества, командированного из Петербурга, Москвы и других городов внутренних губерний России. Динамика его численности на Кавказе находилась в прямой зависимости от процесса складывания административно-политической системы в крае.

Как известно, в 1802 г. после ликвидации Картли-Кахетинского царства учреждается Верховное Грузинское правительство, определяются структура управления и штат[330]. Главноуправляющим Грузией назначается главнокомандующий русскими войсками. Уездами управляли русские офицеры в звании «капитан-исправников». Судопроизводство и все делопроизводство велось на русском языке. Власть главноуправляющего Грузией распространялась на все Закавказье, и верховное Грузинское правительство, несмотря на свое название, фактически являлось органом, который курировал вопросы, касавшиеся всей присоединенной к России части Закавказья.

Со временем, по мере присоединения к России других территорий края, а также в связи с внешнеполитическими устремлениями царизма и эволюцией его внутренней политики происходит изменение административно-политического устройства в Северном Азербайджане и Восточной Армении. В отличие от Грузии, где сразу же была ликвидирована прежняя система управления и введена новая по типу принятой во внутренних губерниях империи, в большей части Северного Азербайджана (и Дагестана) замена ханской и султанской системы заняла значительный отрезок времени. В результате в Восточном Закавказье в основном были упразднены ханства и введено просуществовавшее до 1841 г. и снискавшее себе недобрую славу комендантское управление. Ликвидация ханств сопровождалась отстранением ханов от власти и введением русской администрации: ханы были заменены «комендантами» из русских офицеров. Царское правительство назвало комендантскую систему «военно-народным управлением». В действительности же это была система военной администрации, которая, сохраняя феодально-патриархальные пережитки, опиралась на представителей местных привилегированных слоев.

Комендантская система была скомпрометирована также произволом и массовыми злоупотреблениями комендантов и других чиновников. Для проведения в жизнь новой политики нужны были новые люди. Но правительство не доверяло должностных постов представителям высших слоев коренного населения. Поэтому нужно было их выписывать, как тогда говорили, «из России»[331]. По свидетельству советского кавказоведа А. В. Фадеева, возможность легкой наживы и бесконтрольного хозяйничанья на далекой окраине манили на Кавказ из царской России всякого рода авантюристов, нередко уже запятнанных различными преступлениями. Здесь же Фадеев приводит слова из воспоминаний одного из современников: «Кавказ в то время был убежищем и сборным пунктом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или из неловкого положения»[332]. В то время как в рядах кавказских войск мы видим цвет русского общества, в рядах кавказского чивновничества первого призыва находились неудачники и мелкие карьеристы, соблазнившиеся преимуществами службы на далекой окраине. Отчасти это было следствием непопулярности гражданской службы вообще в России в то время. В советской историографии дана оценка комендантскому управлению, и нам нет нужды подробно останавливаться на нем[333].

Формирование административно-управленческого аппарата в Закавказье — один из каналов проникновения в его города русской национальной группы. Приведенные факты не исчерпывают характеристики русского чиновничества в Закавказье. Как известно, русская администрация была представлена также людьми, нравственно-этические и гражданские позиции которых оказали определяющее влияние на общественно-политическую и культурную жизнь края. В данном случае важно уяснить, в какой мере были учтены ошибки, совершенные при подборе кадров кавказской администрации и в каких количественных показателях выражался рост русского чиновничества, каков был их удельный вес в городах Закавказья.

Кавказ был той окраиной Российской империи, служба на которой оговаривалась специальными льготами. За приезд на Кавказ давался чин коллежского асессора[334], равный майору в военной табели о рангах. Легкость, с которой давался этот чин, а точнее, злоупотребления, в результате которых становилось возможным его получение, и являлись тем стимулом, который приманивал на Кавказ людей определенного сорта. Только на высших должностях, да в свите главнокомандующего, по мнению В. Н. Иваненко, можно было найти десятка два вполне добросовестных и способных людей[335]. Из рапорта А. П. Ермолова: «...Очень мало или, лучше ска-

зать, никто из молодых людей хорошего поведения» не согласится туда ехать[336]. Чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский асессор, доверимся Н. В. Гоголю, ибо герой его повести «Нос» майор Ковалев и был как раз тем самым коллежским асессором. «Коллежских асессоров, — пишет Гоголь, — которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода». Ковалев «два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским асессором, но всегда майором»[337] и т. д.

Для большего поощрения чиновников во внутренних губерниях была определена дополнительная сумма (200—300 руб. ассигнациями), выплачиваемая сверх жалованья отправлявшимся служить на Кавказ. Однако эта мера не улучшила контингента чиновников, и, как отмечал Ермолов, «доныне если и приезжают в Грузию чиновники, то, конечно, большею частью такие, которые по ограниченным способностям и дурному поведению нигде уже в России не могли найти себе места»[338]. Именно последнее обстоятельство побудило Ермолова поставить перед правительством вопрос о составе кавказских чиновников, «кои почти все без познаний, а многие даже оказались не только не способными к исправлению дел или к переписке набело бумаг, но еще с дурным и развратным поведением»[339]. В результате требований Ермолова был издан указ «Об отправлении канцелярских служащих из губернских правлений в Грузию, людей хорошего поведения, и о непредставлении присылаемых туда к производству в чины, не удостоверившись о их способности к службе»[340]. Кроме того, Ермолов добился распределения в «канцелярские должности» 60 воспитанников военно-сиротских отделений[341].

Тем не менее царское правительство не видело другой возможности привлечь на службу в кавказские края чиновников гражданского и военного ведомств, как предоставлением им разных льгот. Рядом законодательных актов были оформлены льготные условия их службы, именовавшиеся в нормативных материалах «преимуществами чиновников, служащих в Закавказском крае»[342]. По ходатайству А. И. Барятинского был расширен контингент служащих в кавказской администрации, на которых распространялись правила о прибавочном жаловании[343]. Так появился на Кавказе Дзюбенко, имя которого уже упоминалось в работе. Биография В. А. Дзюбенко — образец карьеры чиновника «из России». «У меня с 15 лет, — вспоминал Дзюбенко, — начала кружиться голова от различных рассказов о Грузии и о преимуществах тамошней службы, — и вот, едва исполнилось мне 17 лет, как я решился осуществить мечты моего детства»[344]. Начав столоначальником в уголовной и гражданской палате, он дослужился до вице-губернатора Эриванской губернии, возглавлял комиссию о рассмотрении личных прав привилегированных сословий. Полувековая служба на Кавказе вполне давала ему основание написать воспоминания о ней.

Льготные условия касались двух сторон службы на Кавказе: порядка определения (двойные прогоны, пособия и др.) и «в продолжении службы» (сокращение сроков при производстве в чины, прибавка к жалованью, жалованье при переводе на другое место, право на получение ордена св. Владимира 4-й степени, пенсии и пр.).

Предназначенные вначале лишь для канцелярских служащих, со временем, в процессе приобщения края к общегосударственной системе льготные условия были экстраполированы на служащих духовного ведомства, карантинно-таможенного, горного, учебного, на ведомство Министерства финансов, почтовых чиновников и т. д. Все преимущества предоставлялись военным: генералам, штаб- и обер-офицерам, занимавшим гражданские должности. В целом они распространились также на служащих в Закавказском крае по военному ведомству, за исключением военных офицеров, служащих в войсках.

Но при этом существовало одно непременное условие: каждый из прибывших на службу в Закавказский край обязан был прослужить там не менее трех лет, в противном случае он должен был вернуть выданное ему пособие[345].

Надо, однако, отметить, что число чиновников в Закавказье росло не только за счет преимуществ, им предоставляемых. Этому способствовала и административно-судебная реформа Гана 1840 г., благодаря которой на Закавказский край распространялась бюрократическая система николаевской России. Было введено новое трехчастное административно-территориальное деление Закавказского края: губерния и область, уезды и участки, в соответствии с чем утверждались органы управления, их штаты и функции.

Новая управленческая структура повлекла за собой невероятное расширение штатов[346]. М. А. Корф, обстоятельно проанализировавший последствия реформы для края, писал, что все новое управление свелось к письмоводству и ограничилось «формальною передачей бумаг и подчинением всех частей общему порядку русских губерний, откуда чиновники прибыли на службу. Эта бесконечная переписка, утомительная и для европейца, нестерпима для азиатца, привыкшего к суду скорому, хотя бы и не всегда справедливому»[347].

С отделением суда от полиции и «умножением мест» значительно усложнился механизм управления. Возросло число чиновников: если при прежнем управлении их было 704, то при новом

их стало 1311 человек. Сильно увеличились расходы. «Между тем,— заключил Корф,— управление, стоющее столь значительных издержек, не удовлетворяет гражданским потребностям жителей ни в делах полиции, ни в делах суда, ни в делах хозяйства»[348].

Кавказская военно-административная власть ощущала недостаток в «опытных и благонадежных чиновниках, которые вполне постигли бы важность своего призвания», и потому пыталась улучшить личный состав чиновничье-полицейского управления. Кроме того, возрастала потребность в людях, владеющих местными языками и являющихся важным звеном между администрацией и населением края. Царизму важно было создать также надежное чиновничество из привилегированных слоев коренных жителей.

В этой связи, как отмечалось в отчете Главного управления Закавказским краем, одна из первейших задач заключалась в том, чтобы привлечь к должности переводчиков надежных лиц из привилегированного сословия, знающих языки и обычаи края, «пользующихся доверием и уважением жителей»[349].

Еще в 1804 г.[350] в Тифлисе открывается первое в крае учебное заведение — дворянское училище, сперва для грузинского юношества. Со временем в нем начинают учиться имеретины и гурийцы, представители других кавказских народов — армяне, азербайджанцы, а кроме того, и дети русских чиновников. Преподавание велось на двух языках: грузинском и русском. В 20-х годах в программы включалось обязательное изучение татарского языка, «который здесь, и вообще в Азии, необходим как французский в Европе», писал М. Ю. Лермонтов, сам, как известно, тому языку обучавшийся[351].

Под татарским языком в Закавказье подразумевался азербайджанский. Во всяком случае, этому языку «все представители прежней кавказской администрации придавали весьма важное практическое значение»[352]. Впоследствии видное место занимает армянский язык. Местные языки (грузинский, армянский, азербайджанский, лезгинский и осетинский) вводятся в программы в зависимости от местности, в которой учреждалось учебное заведение. Изучение их было обязательно и для русских чиновников, «которых они, естественно, связывали с краем не только служебными, но и духовно-нравственными узами. Правительство нуждалось прежде всего в способных чиновниках для отправления службы в разноплеменном крае»[353]. Равно как было обязательным и изучение русского языка для местного ученичества.

Права и современный исследователь истории просвещения в Закавказье Н. А. Таир-Заде, отмечавшая, что «острый недостаток в чиновниках в первые десятилетия обходился правительству весьма дорого. Затрачивая внушительные суммы на вызов чиновников из

центральных губерний России, местные органы власти в то же время не имели гарантий, что они оправдают возложенные на них надежды и приживутся в чужом для них крае. Избежать этого неудобства лучше всего было подготовкой нужных кадров на месте»[354].

Правда, было бы неверно оценивать значение правительственных мер по развитию в крае образования исключительно с позиций прагматизма. Образование есть образование, и Закавказье покрывается сетью учебных заведений, открываются уездные училища в городах Грузии, Азербайджана и Восточной Армении. В 1829 г. было положено начало русскому образованию в крае[355].

К 1849 г., т. е. к моменту учреждения Кавказского учебного округа, в Закавказье уже функционировало 28 учебных заведений (из них 24 мужских и 4 женских)[356]. Число учащихся (по данным на 1845 г.) достигало 2097 человек в 16 государственных учебных заведениях и 323 человек в 19 частных школах[357], не говоря уже об учебных заведениях по духовному ведомству.

Анализ данных по материалам Тифлисской и Кутаисской дирекций училищ (в последнюю входили также училища Восточной Армении — Эривани, Александрополя, Ново-Баязета и городов Азербайджана — Нахичевани и Ордубата) показал, что среди обучавшихся (на 1858 г.) превалировали армяне, второе место занимали грузины, затем русские и потом уже азербайджанцы[358].

В социальном отношении в русских учебных заведениях преобладающую часть учащихся составляли дети горожан, в основном купцов, торговцев, ремесленников, не имевших сословных привилегий и потому реально осознававших необходимость изучения и знания русского языка для последующего поступления на службу и освобождения от податного обложения. Следующую группу составляли дети представителей привилегированного сословия (дворян, потомков бывших ханов, беков, меликов и т. п.). В группу штаб- и обер-офицеров и чиновников входили дети служивших в Закавказье военных и гражданских лиц из России. Наименьшую часть составляли дети духовенства, причем преимущественно христианского вероисповедания[359].

Результаты не заставили себя ждать: русский язык настолько хорошо усваивался коренными горожанами, что их не только можно было считать готовыми к государственной службе, а при этом едва ли можно было отличить от русских — писала газета «Кавказ»[360].

Со временем кавказское чиновничество стало пополняться за счет так называемых кавказских воспитанников. Здесь надо отдать должное М. С. Воронцову, который принял меры к созданию местной чиновной интеллигенции и некоторому ограничению приглашения «из России» чиновников[361]. В этой связи заслуживает упо-

минания учреждение «кавказских стипендий». Утвержденное 11 июня 1849 г. «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях Империи»[362] преследовало подготовку чиновников из представителей привилегированного сословия «к занятию разных, даже высших должностей по всем родам государственной службы на Кавказе и Закавказье». Кроме этого, открывался доступ в высшие учебные заведения детям лиц торгового и других сословий, которые могли бы содействовать успешному развитию в крае торговли и промышленности. Под кавказскими воспитанниками подразумевались выходцы не только из коренных жителей края, но и дети русских дворян и чиновников, «беспорочно служащих» или умерших на службе. Все кавказские воспитанники должны были обучаться наиболее распространенным местным языкам в Петербургском университете, независимо от факультетов, и на восточном его отделении — воспитанники остальных учебных заведений. Воспитавшиеся за счет казны, они обязаны были прослужить на Кавказе не менее шести лет. По ходатайству наместника срок их службы при производстве в чины мог быть сокращен[363].

Поскольку число чиновников в кавказской администрации, происходивших из коренных жителей, постепенно росло, то становился правомочным вопрос о распространении правил о прибавочном жалованьи и на «туземцев». Отсюда следовало решить, кого считать «туземцем». На специально созванном по этому поводу заседании Кавказского комитета (1857 г.) было решено считать таковыми применительно к Ставропольской губернии и Закавказскому краю уроженцев тех мест. Судя по прецеденту (вопрос возник в связи с назначением прибавочного жалованья некоему Кодзокову, уроженцу Кабарды), прибавочное жалованье назначалось местным уроженцам в каждом конкретном случае[364].

Характеризуя в целом царское законодательство дореформенной эпохи, касавшееся службы на Кавказе, следует отметить, что если вначале основной упор делался на материальные преимущества, в том числе сокращение сроков при продвижении в чины, то со временем более выдвигается вопрос о пенсиях.

Состарились первые поколения прибывших служить на Кавказ чиновников. Вспомним обрисованный М. Ю. Лермонтовым с любовной иронией тип кавказца, «существа полурусского, полуазиатского». В очерке, ему специально посвященном («Кавказец»), Лермонтов представляет нам две его модификации: «настоящий кавказец» — это военный, тот, кто служил на линии; напротив, «не настоящий» — это статский кавказец, который служил за горами, в Грузии и имел «другой оттенок». «Настоящий кавказец — человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. До 18 лет он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличным

офицером. Он с 10 товарищами был отправлен туда на казенный счет с большими надеждами и маленьким чемоданом». Прошло пять, шесть лет. Грудь его увешана крестами, но чины нейдут. Он воспринял нравы, язык и обычаи горцев, их костюм, предпочитая шинели бурку, «прославленную Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова»[365]. Но годы бегут, и кавказцу уже 40 лет. По мнению И. Андронникова, обрисованный Лермонтовым тип кавказца — офицер ермоловской школы, он так же, как и Максим Максимыч, служил еще при Ермолове в 20-х годах[366]. Ему хочется домой, и, если он не ранен, он стремится ускорить свой выход на пенсию: «во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет *на пансион*; это выражение там освящено обычаем». Его ранят, и он получает «отставку с пансионом» и помаленьку отправляется на родину, и «встретив его, вы тотчас отгадаете, что он *настоящий*, даже в Воронежской губернии он не снимает кинжала или шашки...». Однако среди статских, полагает Лермонтов, настоящие кавказцы редки. Они большей частью являют собой «неловкое подражение» и если можно среди них встретить настоящего, «то разве только между полковых медиков». *Не настоящий кавказец* — грузинский и отличается от настоящего тем, «что очень любит кахетинское и широкие шелковые шаровары. Старый кавказец редко облачается в азиатский костюм; он кавказец более душою, чем телом... Послужив там несколько лет, он обычно возвращается в Россию с чином и красным носом»[367].

Созданный Лермонтовым социально-типологический портрет кавказца соответствовал тому представлению, которое сложилось о нем в русском обществе и которое продолжало жить в сознании людей последующих поколений. Так, в черновых заметках И. И. Воронцова-Дашкова, сделанных им в бытность его кавказским наместником, содержатся характеристики различным должностным лицам на Кавказе. Среди качеств, ценимых Воронцовым-Дашковым,— трудолюбие, порядочность, толковость, твердость и пр., он называет такое, как «настоящий кавказец»[368].

Возвращаясь к вопросу о пенсиях, следует отметить, что в конце 40-х годов кавказская администрация, воспользовавшись пересмотром устава о пенсиях, возбудила ходатайство о необходимости уточнения пенсионного статуса: правил и сроков для получения пенсий и пособий увольняемым от службы чиновникам и их семействам, служащих в Закавказском крае. Распространение на Закавказский край правил нового закона о пенсиях, принятого в 1852 г., лишило бы закавказское чиновничество предоставленных ему преимуществ[369]. Решением правительства в 1857 г. для служащих в Закавказском крае был сохранен свой «особенный» устав о пенсиях, а следовательно, и оставлены за ними льготные условия пенсии[370].

Нужно заметить, что правительственные меры по укреплению состава военно-чиновничьего аппарата на Кавказе — не только их поощрительная часть, но и установка на привлечение людей образованных как из русского чиновничества, так и местного — принесли свои плоды. В начале 50-х годов, когда в целях уменьшения расходов департамент экономии Государственного совета рассматривал вопрос о сокращении штатов, М. С. Воронцову было поручено пересмотреть штаты гражданского управления на Кавказе и изыскать способы к их сокращению. Кавказский наместник посчитал возможным частично сделать это прежде всего за счет ограничения предоставляемых чиновникам преимуществ. Он полагал, что необходимость привлечения в край большого числа чиновников из внутренних губерний потеряла свой первоначальный смысл, так как теперь уже не ощущалось недостатка «в образованных чиновниках, как прибывших из внутренних губерний, так и из туземцев, получивших образование среднее и высшее»[371].

Предложение кавказского наместника широко обсуждалось в Кавказском комитете и различными министерствами и ведомствами[372]. Наиболее агрессивную позицию занял шеф жандармов Орлов, который настаивал на сохранении преимуществ для чинов корпуса жандармов, «ибо наблюдательная часть, особенно важная в здешнем крае, требует людей опытных, долгое или по крайней мере некоторое время прослуживших и с нравственной стороны испытанных». С уничтожением же дарованных им преимуществ «будут нарушены все средства привлекать в тот край сколько-нибудь способных чиновников корпуса жандармов, ибо большая часть из них, не имея никакого или весьма недостаточного состояния, не будут иметь возможность отправляться в здешний край без того пособия, которое они теперь получают»[373]. Вот тебе и нравственный жандарм!

Как водится, параллельно с идеей сокращения штатов были приняты конкретные шаги по их расширению. Центробежные устремления кавказской администрации, ее постоянное желание ограничить свою административно-субординационную зависимость от центральных органов власти вылились в очередную реформу административно-управленческого аппарата.

Время наместничества А. И. Барятинского (1856—1862 гг.) связано с дальнейшим усилением военно-административных функций аппарата управления. Сразу же в 1856 г. Отдельный кавказский корпус преобразуется в Кавказскую армию с большим аппаратом. В 1858 г. было утверждено «Положение о Главном управлении и совете наместника Кавказского», в результате чего управленческая структура стала многоотраслевой и сложной. Опыт этот впоследствии был признан неудачным[374]. Тем не менее «концентрация крупных вооруженных сил и укрепление военного и административного аппарата на Кавказе,— отмечал Н. П. Ерошкин,— дали возможность царизму расправиться с национально-освободительным движением горцев Чечни и Дагестана и завершить к началу 60-х годов XIX в. завоевание Кавказа»[375].

Тем временем обсуждение возможности пересмотра штатов приняло затяжной характер. Сменялись кавказские наместники. Наступала эпоха буржуазных реформ. Вопрос о сохранении привилегий для кавказского чиновничества высветился теперь с другой стороны. Однако привилегии службы на Кавказе отстаивались местной властью с той же силой, менялась лишь мотивировка. Забегая вперед, следует отметить, что в процессе обсуждения этого вопроса кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич высказался за необходимость их сохранения. Положение кавказского чиновничества оценивалось им применительно к новым социально-политическим условиям. Между 1852 г., когда М. С. Воронцовым были высказаны свои предложения, и 1868 г. произошли коренные перемены, наступившие в результате реформ крестьянской и административно-судебной. Государственная служба, «выходя из бюрократической замкнутости на поприще гласности, заменяя таинственность канцелярскую публичностью... требует совершенно иным образом подготовлен ых деятелей: тот, кто мог удовлетворить требованиям старого порядка, носившего на себе печать какой-то машинальной формальности, оказывается совершенно несостоятельным, когда на его устремлен взыскательный взор тысячеглазой публики»[376] — сказано восторженно и вполне в духе времени.

Однако эти «высокие» соображение конкретизировались обстоятельствами весьма материального свойства. По мнению Михаила Николаевича, служба во внутренних губерниях стала не менее привлекательной, нежели за Кавказом, в «нравственном и материальном отношениях». Особенно это касалось окладов судебных и учебных должностей: в окружных и мировых судах, прокурорских и учительских. С введением гласного суда, открытием новых правительственных судов возрастала численность судебных деятелей. Но имел значение и их нравственный и профессиональный уровень.

Если предшественники вел. кн. Михаила Николаевича придавали значение подготовке и выдвижению в военно-гражданскую администрацию представителей коренных народов края, то он сам отдавал предпочтение лицам русского происхождения, при этом тогда, как мы видели, когда участие местных жителей в управленческом аппарате заметно возросло. Свое предложение Михаил Николаевич мотивировал «многоликостью» края, его многонациональным составом, языковой пестротой, разнообразием обычаев. Заключая свои доводы в пользу сохранения преимуществ для службы в Закавказье, он писал, что, пока не произойдет «полное слияние окраин с империей», до того привлечение русских чиновников будет оставаться насущной необходимо-

стью[377] — взгляд, заимствованный из практики колониального управления в Англии.

Правительство решило вплотную заняться этим вопросом в масштабах всего государства, была создана особая комиссия при втором отделении с. е. и. в. канцелярии. Таким образом, определение статуса служащих на Кавказе было поставлено в контекст пересмотра действовавших постановлений о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи[378-379].

Статистический учет, выделявший численность русских чиновников в составе жителей края, способствовал (а, может быть, отразил?) формированию иного понимания энтонима «русский», который в сочетании с сословным обозначением «чиновник» приобретал и новый политический смысл. Дефиниция «русский чиновник» являлась теперь не столько признаком этнодифференцирующим, сколько политическим и отражала те перемены политического характера, которые произошли на Кавказе.

Энтоним «русский» применительно к чиновничеству, употребляемый сперва как этнодифференцирующий признак, вскоре становится понятием социально-политического свойства. Со временем он экстраполируется на весь чиновничий аппарат независимо от национальной принадлежности чиновников.

В этой связи следует отметить статистический учет середины 50-х годов, который препарировал по конфессиональному признаку состав «русских чиновников» на христиан и мусульман[380].

Естественно, что местом наибольшего притяжения чиновников являлись крупные административно-политические центры края и потому оптимальной была их численность в Тифлисе — 480 человек (с членами семей), затем в городах губернского и торгового значения — в Эривани чиновники (118 человек) составляли основную часть русского населения города (92,2 %) и в Шемахе (116 человек), но здесь они были меньшей частью русских жителей города (17,4 %).

Число русских чиновников в других городах в абсолютных показателях, казалось бы, было небольшим, но уездные центры являлись средоточием чиновничье-бюрократического аппарата и потому чиновники здесь составляли либо 100 % русских жителей (например, в Ордубате — все 35 человек, в Ново-Баязете — все 15), либо их абсолютное большинство (в Баку — 68 человек из 71, в Ленкорани — 16 из 20, в Шуше — 33 из 43, Александрополе — 20 из 28 и и. д.).

Чиновничество — категория сословно-социальная, но оно не может быть рассматриваемо лишь с этих позиций.

Состав чиновничества менялся на всем протяжении административно-дореформенного периода, росло количество административно-политических учреждений, но вместе с тем возникали школы, органы периодической печати, издательства и всякого рода учреждения научно-просветительского и культурного значения.

Чиновничество на Кавказе было полярным. Это и дискредитировавшая себя в своем большинстве администрация, но это и люди, поставившие себе целью изучить край, в котором им выпало служить, ознакомиться с народами, их окружавшими, нравами, господствовавшими здесь, и тем самым сблизиться с ними.

В. А. Соллогуб, выступающий в данном случае как один из представителей чиновничества Министерства внутренних дел, откомандированный в распоряжение кавказского наместника М. С. Воронцова, писал в своих мемуарах: «Князь Михаил Семенович обладал драгоценным для государственного человека даром окружать себя людьми если не всегда замечательными, то способными, трудящимися и добросовестными...» И далее: «Я не говорю... о военных людях, которые, за исключением нескольких скорбных явлений, представляли собою образцы храбрости и честности, но о чинах гражданских, сильно понагревших себе руки»[381]. Но при этом «...общество русское, хотя тогда еще небольшое, было, тем не менее, в Тифлисе избранное, общество туземное... с каждым днем все более и более примыкало к нему»[382].

В настоящей работе использованы источники, различного рода сочинения, значение которых не утрачено и поныне. Авторы их — чиновники, работавшие в местной администрации. В этом смысле вот один из разительных примеров: большинство корреспондентов и членов созданного в 1850 г. Кавказского Отдела Императорского Географического Общества — чиновники кавказской администрации. Вклад их в разработку историко-географических, этнографических знаний — самостоятельный аспект исследования.

Влияние иноэтнического населения на городскую жизнь Закавказья

Представляет большой интерес и такой аспект исследования, как влияние иноэтнического населения на городскую жизнь края. Носителем его являлись те или иные сословно-социальные слои. И в этом случае мы должны признать ведущую роль русского военного и гражданского чиновничества в Закавказском крае, который развивался в рамках единой российской государственности, предполагавшей комплексную совокупность взаимосвязей во всех сферах жизни, начиная с хозяйственно-экономической и кончая культурной.

Русский язык как государственный и язык делопроизводства и средство общения, черты европейского быта проникали в города в исследуемое время прежде всего через посредство чиновничества. Все бытописатели городской жизни неизменно подчеркивали это, и

тут надо им предоставить слово. «Малочисленность русских,— отмечалось относительно Кутаиси,— заменяется моральным влиянием... Главным орудием распространения просвещения между туземцами служат русские чиновники, которые внесли в этот край начала европейской жизни, так что в настоящее время большая часть высшего сословия туземного населения почти вполне подражает русскому образу жизни, старается изучить русскую речь и русские обычаи»[383].

Или, например, о Елисаветполе: «Обычаи и нравы елисаветпольских жителей суть те же, как и прочих соплеменников их в Закавказском крае. Полустолетнее состояние под единою властью подвело их под общий уровень подражанием русским в образе жизни, хотя не в такой степени, как это замечается в жителях Тифлиса»[384].

«Русские,— пишет анонимный автор о Тифлисе,— своим приходом сюда значительно изменили жизнь грузин... они познакомили их с новыми потребностями, с новыми нуждами... Местные жители стали все более сближаться с русским обществом»[385].

Как верно подметил М. Полиевктов: «Весь этот процесс, разложение старых бытовых форм и зарождение нового уклада, перерождение внешних, архитектурных форм, вхождение в жизнь нового, чуждого местному населению элемента, русского чиновничества, новое приобщение к европейской экономике и культуре можно весьма отчетливо проследить по описаниям Тифлиса первой половины XIX века »[386].

В ряду новых явлений находились и такие, как смешанные браки. Радикально менялось положение женщин в местном обществе, но коснулось это в исследуемое время лишь грузинских женщин. Выходить замуж за русского считалось престижным. «Со времени их знакомства с русскими,— замечает Зубов,— честолюбие жестоко владычествует над умами тифлисских женщин»[387]. Грузинские женщины, принадлежавшие к дворянскому сословию и находящиеся в замужестве за русскими чиновниками, стали носить европейский наряд, посещать гуляния, бывать на балах и пр. Но большая часть сохраняла свой национальный наряд[388].

А вот еще одна зарисовка: «...со времени водворения русских в Грузии права женщин понемногу увеличиваются... Дамы высших сословий являются уже на наших собраниях и берут даже участие в танцах»[389].

Но, пожалуй, самым радикальным изменениям подверглась архитектура городов.

Как известно, города Закавказья к началу присоединения края к России продолжали сохранять черты и внешний облик городов феодального типа. В большинстве из них сохранялась крепость, возвышавшаяся над городом и напоминавшая о прошедших феодальных междоусобицах и войнах. Резиденции феодальных правителей являлись непременной принадлежностью города, равно как и храмовые сооружения. Отсутствовала планировка городов, улицы были узки, дома как бы громоздились один на другой. В целом эта картина была общей для всего края, исключая какие-то их субрегиональные особенности.

С присоединением Закавказского края к России повышается значение городов, происходит усиление их функций как административно-политических и торговых центров. И одно из непосредственных последствий — изменение архитектурного облика городов.

Первой меняется архитектура Тифлиса — административно-политического центра Кавказа. Мы уже писали, какое место в городе начинают занимать здания военного ведомства. Но изменения коснулись и жилых зданий. Город, лишенный планировки, разрушенный после нашествия Ага-Мухаммед-шаха, нуждался в перестройке. Современники, а впрочем, и их восприемники с восторгом вспоминали градостроительную деятельность Ермолова, действительно немало сделавшего для города, его украшения. Вот похвала французского консула Гамбы: «Его заботы и энергия, направленные на украшение, можно сказать, полное восстановление столицы вверенного ему края, ни с чем не сравнимы,... и вот генералы, местные князья и богатые армяне наперебой стараются отличиться изяществом своих построек»[390].

Но как не вспомнить ту борьбу, которую повел А. С. Грибоедов в защиту интересов горожан, когда Ермолов ополчился против балконов Тифлиса, без которых жизнь в знойное лето была бы невозможна. «В слепой и грузной жажде преобразований,— писал Ю. Тынянов,— похожей на любовь солдата, Ермолов велел ломать балконы, на которых сохранилась старая Азия. Он хотел сделать Тифлис европейским городом и рубил улицы по военной привычке, как лесные просеки. Город боролся. Балконы облетали, дома стояли ощипанные. Европа в Тифлисе скоро оказалась рядом казарм. Таковы были главные улицы...»[391]. Грибоедов в этой борьбе был на стороне города. Вот отрывок из его «Записки о лучших способах вновь построить город Тифлис»: «Не только не мешать, но одобрять хозяина дома, желающего иметь балкон или деревянную галерею округ своего дома. Навес... доставляет тень, благотворную в здешнем жарком поясе, и препятствует кирпичу распекаться от жары»[392]. Уже здесь Грибоедов мог отнести к себе сказанное им несколько позднее, когда он возьмет на себя заботы об имуществе армян в период их репатриации: «Я теперь их общий стряпчий...»[393]. И город победил, оставшись многобалконным.

Города края преображались, все более приобретая облик правильно распланированных городов. В них стали появляться дома европейского типа, которые соседствовали с местной архитектурой,

не говоря уже о том, что местная архитектура не была однородной, несла в себе национально особенные черты архитектуры каждого из народов края. Так, дома азербайджанцев в отличие от армянских и грузинских строились в стиле, свойственном архитектуре стран мусульманского Востока[394]. Не говоря уже о субрегиональных и субзональных архитектурных различиях[395]. Общим для городов края становится сочетание европейского и восточного стилей, что придавало их облику неповторимый колорит, и каждый из них был по-своему привлекателен.

Расположенный в бухте город-крепость Баку с венчающим его комплексом дворца ширваншахов с куполами, окруженными минаретами и овеянной романтической легендой Девичьей башней, «при приближении к нему со стороны моря представляет довольно красивый вид, как азиатского города...»[396].

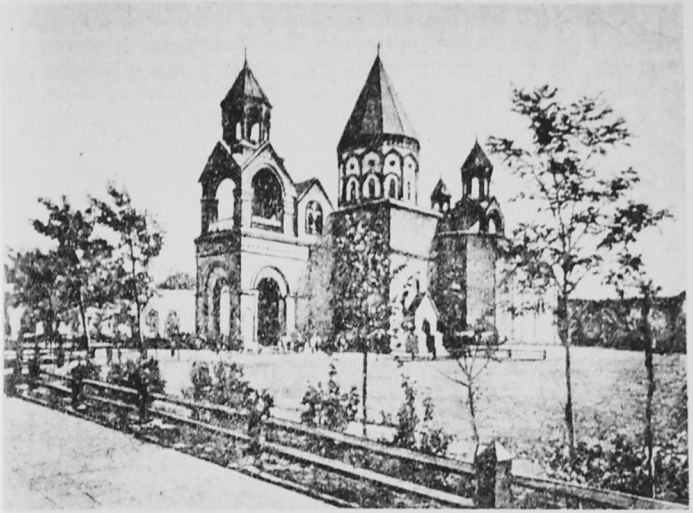
Иначе представился Гори одному из авторов «Обозрения российских владений за Кавказом»: «Вообще Гори представляет теперь то же явление, какое замечается и в Тифлисе: лучший вкус и понятие об удобствах жизни, заимствованные от русских, начинают вытеснять азиатизм... и в этом отношении, город сей можно назвать Тифлисом в малом виде»[397].

А вот каким увидел Телави путешествующий А. Н. Муравьев: «Скоро открылся нам Телав, на высоте, осененный липами (tilia), от которого заимствовал свое звучное имя. Белыя его церкви и башни ярко мелькали между густою зеленью дерев... смеющееся положение Телава, светлое осеннее утро произвели самое приятное впечатление на мое сердце...»[398]

Своеобразие городов Эривани, Нахичевани и Ордубата живописал посетивший их этнограф Н. Нефедьев[399].

Особую группу представляли черноморские портовые города: Редут-Кале, Сухум-Кале, Поти[400]. Количество примеров можно было бы умножить.

Характеризуя этнодемографическую ситуацию в городах края с точки зрения оценки тех изменений, которые происходили в этническом составе населения, обязательно надо учитывать их последствия в области материальной и духовной культуры. В этом смысле показателен пример г. Ахалциха: радикальные изменения в этническом составе его населения трансформировали внешний облик города, утратившего черты города восточного, мусульманского. После взятия Ахалциха в 1828 г. «победители внесли в город большие перемены»: снесли соединенную с крепостью часть города, наружные стены. Мечеть цитадели была превращена в русскую церковь и минарет ее был спасен. Был поставлен новый город на правом берегу реки и заселен репатриантами[401]. Но в данном случае действовала и инерция ослепляющего чувства победы над врагом. Здесь следует сказать, что доля того или иного этноса в составе



Эчмиадзин

всего населения в отношении влияния его на окружающую среду не всегда являлась определяющей, хотя и имела значение.

Так, в дореформенное время удельный вес русских жителей в городах края, казалось бы, не был значительным. Но если мы вглядимся в самые начальные формы взаимодействия нового для края этноса с коренными народами в контексте общей политической ситуации и складывавшихся хозяйственно-экономических и культурных связей, то обнаруживаем зарождение тех тенденций, которые вызывали к жизни новые черты в бытовом укладе горожан, их обычаях и нравах и шире — в духовной сфере. Менялся облик и самих городов.

Дореформенный период — это время, когда закладывались предпосылки взаимодействия коренных и новых этносов в Закавказье и ведущая роль в этом процессе принадлежала городам.

Русское общество в городах Закавказья было многослойным, и удельный вес той или иной сословно-социальной группы так или иначе оказывал свое влияние.

Каждая из форм взаимодействия продолжает оставаться предметом специальных исследований. Возникали и развивались взаимосвязи в контексте колониальной политики России, но для многих ее людей Кавказ становился поприщем, на котором они пытались реализовать себя. Он давал импульс их творчеству. «Мы гово-

рим о Кавказе грибоедовском, пушкинском, лермонтовском, декабристском как о сложном, интереснейшем культурном феномене. Он неисчерпаем и позволяет потомкам задавать новые важнейшие вопросы и надеяться, что важнейшие ответы имеются, "быть может, за хребтом Кавказа"»...[402]

---

1 Георгиевский трактат: Договор 1783 г. о вступлении Восточной Грузии под покровительство России. Тбилиси, 1983. С. 74.
2 Там же.
3 ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XXVI, № 19721.
4 ПСЗ (I). Т. XXVI. № 20007.
5 См. «Обращение к грузинскому дворянству» главноуправляющего в Грузии кн. П. Д. Цицианова в связи с дворянскими выборами: АКАК. Т. II. Док. № 355. С. 187—188; предписание ген. Ермолова грузинскому гражданскому губернатору ген.-м. Ховену от 28 января 1818 г.: Там же. Т. VI, ч. I. Док. № 146. С. 98—99.
6 Предыдущая попытка составить родословные дворянские книги, «кои весьма необходимы сколько для точного доказательства о дворянском каждого происхождения, столько и для избежания затруднения в произведении настоящих дворян в известность», закончилось неудачей. Грузинскому дворянству нечего было представить, кроме указанного списка Ираклия II. См.: АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. Док. № 302. С. 246—248; Док. № 306. С. 249—250. АКАК. Т. VI, ч. I. Док. № 157. «Предписание ген. Ермолова Грузинскому Дворянскому Депутатскому Собранию». С. 105—108.
7 АКАК. Т. VI, ч. I. Док. № 157. С. 105—108.
8 АКАК. Т. VI, ч. I. Док. № 149. С. 102; Док. № 150. С. 103. Соображения Ермолова насчет того, кто из лиц, претендовавших на звание князей и дворян, мог участвовать в дворянских выборах и на каких основаниях, были изложены им в цитировавшемся предписании Грузинскому дворянскому депутатскому собранию. (см.: Там же. С. 105—108). Позиции Ермолова по вопросам оформления сословных прав дворянства в целом Закавказского края были сформулированы в его рапорте Правительствующему Сенату (см.: Там же. Док. № 158. С. 108—110) и отношении к управляющему Министерства внутренних дел (см.: Там же. Док. № 173. С. 130—134) и др.
9 Указ от 24 марта 1827 г. известен лишь по ссылкам в литературе: Грузинская ССР: (Хронология) // СИЭ. М., 1963. Т. 4. С. 832; *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861—1904 гг. М., 1979. С. 47 (со ссылкой на: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1976. Т. 4. С. 382).
10 См. всеподданнейшие рапорты грузинского гражданского губернатора П. Д. Завилейского (АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Док. № 40. С. 24) и Паскевича (Док. № 47. С. 35—36).
11 Там же. Док. № 411. С. 461.
12 Там же. Док. № 66. «Рапорт д. с. с. Завилейского ген.-л. Панкратьеву, от 16 июня 1831 г.» С. 55—60. Н. П. Панкратьев, ген.-адьют., занимал короткое время пост командующего войсками за Кавказом со времени отъезда И. Ф. Паскевича в Польшу и до приезда на его место барона Г. В. Розена, см. также: Т. VIII. Док. № 4. С. 15—20.
13 Там же. Т. VII. Док. № 68. «Отношение ген.-л. Панкратьева к управляющему Министерством юстиции, от 2 октября 1831 г.» С. 60—62.
14 Азнауры — низшая степень грузинского дворянства, делилась на царских, княжеских и церковных. Азнауры владели землей и несли обязательную воинскую повинность. В большей своей части это мелкопоместные владельцы, «которые целыми десятками обитали в поместьях тавады и обязаны были ему службой» (*Окольничий Н.* Воспоминания о Кутаиси // Рус. вестн. 1857. Т. 8. С. 483).
15 ПСЗ (II). СПб., 1834. Т. VIII. Отд. 1. № 6311.
16 Свод законов Российской империи. Изд. 1899. Ст. 53. Примечание. СПб., 1899. Т. IX. Законы о состояниях.
17 См., например, переписку бар. Розена с министром юстиции ст.-секр. Д. В. Дашковым и др.: АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. Док. № 2. С. 13—14; Док. № 4. С. 15.
18 ПСЗ (II). СПб., 1838. Т. XII. Отд. 1 № 10223.

19 ПСЗ (II). СПб., 1841. Т. XV. Отд. 1 № 13368.
20 *Петрушевский И. П.* Система русского колониального управления в Азербайджане в первой половине XIX в. // Колониальная политика царизма в Азербайджане. М.; Л., 1936. Ч. I. С. 24.
21 Недовольство реформой было столь велико. что правительство вынуждено было уже в начале 1842 г. послать в Закавказье комиссию в составе председателя Кавказского комитета военного министра гр. А. И. Чернышева и ст.-секр. М. В. Позена. Виновником неудачи был объявлен Ган. М. А. Корф в этой связи описывает следующий эпизод. Николай I, обращаясь к Позену, пытавшемуся оправдать Гана, сказал: «Ни ты, ни Чернышев, ни особый комитет, ни Государственный совет не виноваты. Кроме Гана, никто не видел и не знал местности. Одних, кто их знал — Еромолова и Паскевича, тут не было. Еще виню я и себя, но мне умели представить все это в таком виде, что я вдался в обман» (Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. 101. Янв.—февр.—март. С. 47).
22 ПСЗ (II). СПб., 1845. Т. XIX. Отд. 1. № 18349.
23 Свод законов Российской империи. Т. IX. Ст. 53. Примечание; ПСЗ (II). СПб., 1847. Т. XXI. Отд. 1 № 19891; СПб., 1851. Т. XXV. Отд. 2. № 24707.
24 Записка из департамента судебных дел Главного управления наместника кавказского, содержащая обзор хода работ по выяснению прав «высшего мусульманского сословия», и проект окончательного определения их (30 августа 1863 г.). Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. II. С. 212.
25 ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 7. Д. 232. По поводу рассмотрения прав имеретинского и гурийского дворянства в Комиссии г. Кутаиси о признании в княжеском и дворянском достоинстве (1848 г.). Л. 9.
26 Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2088. Л. 182.
27 ПСЗ (II). СПб., 1865. Т. XXXVII. Отд. 2. № 38839.
28 «Из всех областей Закавказского края провинции мусульманские представляют наибольшую неопределенность относительно прав владения недвижимыми имуществами»,— отмечлось в «Записке о правах владения недвижимыми имуществами в Закавказье». См.: Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. I. С. 101.
29 Ага — господин (тюрк.), в данном контексте звание агалара было равнозначным званию бека — господствующему классу местных феодалов. При ханском правлении за управление азербайджанскими и армянскими деревнями (в так называемых татарских дистанциях — Казахской, Шамшадильской и Борчалинской) пользовались частью доходов и повинностей с управляемых крестьян.
30 Там же. С. 97. По данным 1842 г. насчитывалось 78 агаларов. Там же. С. 124.
31 *Иваненко В. Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения к Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1901. С. 352.
32 Там же. С. 213.
33 Там же. С. 212.
34 ПСЗ (II). СПб., 1842. Т. XVI, дополнение № 14489.
35 ЦГИА АзССР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.
36 Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. II. С. 5.
37 ЦГИА АзССР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.
38 Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. II. С. 48—49.
39 *Петрушевский И. П.* Указ. соч. // Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. I. С. 32. Независимо от земель, пожалованных бекам за особые заслуги и подвиги, в их потомственном владении утверждались все те земли, коими владели их роды во время присоединения мусульманских провинций к России и которые находились в их бесспорном владении к моменту издания рескрипта. См.: *Блосфельдт Г.* Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901. С. 251—252.
40 Мелики (арм.) — владетель, правитель; в феодальной иерархии в Армении и Азербайджане занимали среднее положение между ханами и беками. Рескриптом 1846 г. мелики наравне с беками и агаларами были признаны высшим сословием.
41 Свод законов о состояниях. Т. IX. Ст. 8. Примечание 2.
42 Записки «Об определении личных прав» высшего сословия в мусульманских областях Закавказского края // Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. II. С. 189—190.
43 *Фадеев А. М.* Воспоминания. Одесса, 1897. Ч. 2. С. 230.

44 Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. II. С. 23.
45 Собрание материалов для составления статистики Закавказского края // Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 346—347.
46 Соисторио моамбе. Тифлис, 1925. Кн. II. С. 33—104.
47 *Какурия Ш. К.* Население Тбилиси (1803—1959 гг.): Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Тбилиси, 1965. С. 6.
48 Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. I. С. 196.
49 Документы по истории Баку, 1810—1917. Баку, 1978. С. 11—12.
50 Обозрение российских владений за Кавказом. Ч. III. С. 309.
51 Там же. Ч. II. С. 367.
52 Там же. Ч. III. С. 309.
53 Там же. С. 238.
54 *Шопен И. И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.
55 *Спасский-Автономов К.* Редут-Кале // Отечественные записки. Т. 55, № 11. Отд. VIII. 1847. С. 28.
55а Обозрение российских владений за Кавказом... Ч. III. С. 309.
56 Кавказский календарь на 1850 г. Тифлис, 1849. Отд. III. С. 96.
57 Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 339. Исчисления на 1853 г., согласно которым удельный вес дворян Кутаиси неожиданно снизился до 11,4 % (390 человек) не только за счет уменьшения числа дворян, но и в результате увеличения общей численности жителей города, вызывают сомнения в их точности. Тем более что в данном случае администрация вновь учла дворян вместе со служащими. См.: Там же на 1853 г. Отд. III. С. 307.
58 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 298—299.
59 Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 404.
60 Там же, на 1854 г. Отд. III, С. 302—303.
61 Там же. С. 298—299, 302—303.
62 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 385. Суммарная цифра численности всего населения города уточнена при пересчете.
63 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 392. Суммарная цифра также скорректирована.
64 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 293.
65 Там же. С. 284. Суммарная цифра уточнена.
66 Там же. С. 530. Суммарная цифра уточнена.
67 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 404, 397.
68 Там же, на 1853 г. Отд. III. С. 369—370.
69 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 302—303, 390—391, 402—403, 406—407.
70 Там же. С. 346.
71 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 305—306.
72 Там же. С. 336.
73 Под ним подразумевались члены семей и родственники бывших феодальных правителей, возглавлявших ханства до присоединения их к России.
74 Кавказский календарь на 1856 г. Отд. III. С. 358—423.
75 Там же.
76 Там же. С. 270—315.
77 Там же. С. 322—349.
78 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 335—336.
79 По тем же данным на 1852 г. отмечено примерно то же число членов ханской фамилии и беков — 269 человек, или 3,6 % жителей Баку. См.: Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 305—306.
80 Кавказский календарь на 1856 г. Отд. III. С. 490—495.
81 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 433—434. Цифра жителей города скорректирована в результате пересчета.
82 Там же, на 1856 г. С. 442—485. По данным на 1853 г. в Ленкорани численность примерно 125 человек беков, или 3,3 % горожан. Там же, на 1853 г. Отд. III. С. 353.
83 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 346—347.
84 Почти таким же был удельный вес беков в Нахичевани и Ордубате по данным на 1852 и 1853 гг. Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 353; на 1853 г. Отд. III. С. 367.
85 Там же, на 1855 г. Отд. III. С. 350—351, 394—397.

86 Там же. С. 280—281, 284—285. Цифра, отражающая численность беков уезда, косвенно подтверждается данными губернаторского отчета: в 1850 г. в Эриванской губернии насчитывалось 1516 дворян. См.: ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 2200. Л. 660 об.
87 Колониальная политика российского правительства в Азербайджане. Ч. I. С. 125—126.
88 *Орманиани М.* Армянская церковь: Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. М., 1913. С. 117—120.
89 Там же. С. 146.
90 Там же. С. 184.
91 Краткий очерк истории Грузинской церкви и экзархата за XIX столетие. Тифлис. 1901. С. 18.
92 Там же. С. 19.
93 Там же. С. 69.
94 Там же. С. 253—262.
95 Там же. С. 263—264.
96 Учитывая малочисленность лиц, претендующих на звание сеидов, администрация делала попытки получить от них документы, подтверждавшие их происхождение. Но, как правило, эти попытки оканчивались неудачей. См., например: ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 7. Д. 113. «О рассмотрении документов магометан, происходящих из 43 сеидов» (1846 г.).
97 Кавказский календарь на 1856 г. Отд. III. С. 270—271, 490—491, 446—447.
98 Отчет ген.-фельдмаршала кн. А. И. Барятинского за 1857—1859 годы // АКАК. Т. XII. С. 1319.
99 ЦГИА АзССР. Ф. 184. Оп. 1. Д. 15. «Прошения сеидов г. Шуши и Шушинского уезда о подтверждении их сеидского происхождения и освобождения от уплаты податей и налогов» (1857—1862 гг.).
100 Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. «Список сеидов Бакинской губернии» (без даты, не позже 1862 г.). Л. 130.
101 Там же. Л. 1 об.—12.
102 Там же. Л. 53 об.—59.
103 Там же. Л. 111 об.—118 об.
104 Там же. Л. 75 об.—78.
105 Кавказский календарь на 1856 г. С. 270—271.
106 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 298—299.
107 Там же. С. 404.
108 Там же. С. 392—393.
109 Там же, на 1855 г. Отд. III. С. 280—281.
110 Там же, на 1856 г. Отд. III. С. 270—271, 322—323, 358—359, 422—443, 446—447, 490—491.
111 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 335—336.
112 Там же, на 1855 г. Отд. III. С. 350—351, 394—395.
113 Там же, на 1856 г. Отд. III. С. 358—359.
114 Там же, на 1854 г. С. 298—299.
115 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 284.
116 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 392—393, 404—405.
117 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 292—393.
118 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 397—398.
119 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 339—340.
120 Там же, на 1853 г. Отд. III. С. 369—370.
121 Кавказский календарь на 1855. Отд. III. С. 280—281, 332—333, 412—413.
122 Подсчитано по материалам Кавказского календаря на 1856. Отд. III. С. 270—349, 442—485; на 1855. Отд. III. С. 280—331, 350—355, 366—367, 390—399; на 1854. Отд. III. С. 298—300, 390—393.
123 ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3409. Л. 20 об.—24.
124 Там же. Л. 25—25 об.
125 Там же. Д. 8389. Л. 1,4.
126 Карта Кавказского края. Составлена и литографирована... при Генеральном штабе Отдельного кавказского корпуса. Тифлис, 1842 г.
127 ЦГИА ГССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8389. Л. 7.
128 Кавказский календарь на 1855. Отд. III. С. 277—278.
129 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 298.
130 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 530.
131 Кавказский календарь на 1855 г. Отд. III. С. 277—278.

132 Кавказский календарь на 1856 г. Отд. III. С. 270—315.
133 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 302—303, 392—393.
134 Там же, на 1856 г. Отд. III. С. 442—485.
135 Там же, на 1855 г. Отд. III. С. 277—278.
136 Там же, на 1854 г. Отд. III. С. 392—393.
137 Там же, на 1852 г. Отд. III. С. 335—336.
138 Городские поселения Эриванской губернии. СПб., 1867. С. 11, 29.
139 Несколько ранее бывшим правителем Грузии ген.-м. Ахвердовым была подана записка, касавшаяся «разных предметов управления сего края». В частности, радея о процветании города Тифлиса, Ахвердов в числе прочего полагал следующее: в целях привлечения к заграничной торговле возможно большего количества торговцев и вообще стимулирования торговли позволить производить свободный торг и бедным, не подразделяя, однако, купечество на гильдии. См.: АКАК. Т. V. Док. № 25. С. 15.
140 Примерно в таком же плане еще до Ермолова представлял себе дифференциацию торговцев Паулуччи. Ознакомившись с указанной запиской Ахвердова, Паулуччи писал, что необходимо ввести подразделения торговцев в зависимости от масштабов их торговли, дабы существовало отличие между производящими «важный» торг и купцами, торгующими мелочным товаром. Например, первому позволить пользоваться правом дворянства, а за «посредственную» торговлю давать право мокалака и т. д. См.: Там же. С. 17.
141 «Рапорт ген. Ермолова в Правительствующий Сенат, от 26 марта 1821 г.»— АКАК. Т. VI, ч. I. Док. № 56. С. 40—42.
142 АКАК. Т. VII. Док. № 106. С. 132—136.
143 Там же.
144 Напомним, что правом транзитного перевоза персидского шелка через Астрахань и Таганрог могло пользоваться лишь русское купечество 1-й и 2-й гильдий. См.: АКАК. Т. VII. Док № 109. «Высочайший указа Правительствующему Сенату, от 4-го марта 1831 г. § 1.» С. 141.
145 Там же. Док. № 110. С. 141—145.
146 Там же. Док. № 114. С. 153.
147 *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.; Л., 1949. С. 82—93.
148 Русско-иранская торговля, 30—50-е годы XIX века: Сб. документов. М., 1984. С. 10.
149 АКАК. Т. VIII. Док. № 88. С. 146.
150 ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XXXVII. № 28771.
151 *Рожкова М. К.* Указ. соч. С. 51.
152 Русско-иранская торговля. С. 7—8.
153 Город Шуша был довольно важным пунктом в транзитной торговле России с Ираном. Шушинские купцы торговали между Лейпцигом, Константинополем и Тавризом. Торговый оборот шушинского купечества достигал 100—200 тыс. руб. и более серебром. См.: Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851. Отд. III. С. 435.
154 Русско-иранская торговля. С. 77, 80, 96—97.
155 См., например: Русско-иранская торговля. С. 53, 275—290. Авторы «Обозрения российских владений за Кавказом» называют сумму, на которую было выведено Посылиным через балканский порт товаров в Иран — 1500 тыс. руб. ассигнациями (Ч. III. С. 74).
156 *Рожкова М. К.* Указ. соч. С. 79—80.
157 ПСЗ (II). Т. XXI. № 20699.
158 *Бух К.* Московское торговое предприятие в Тифлисе (1846—1854) // Русская старина. 1886. Нояб. С. 381.
159 Там же. С. 383.
160 Там же. С. 389.
161 *Фадеев А. М.* Указ. соч. С. 98.
162 Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис, 1852. Отд. III. С. 321.
163 *Спасский-Автономов К.* Редут-Кале // Отечественные записки. СПб., 1847. Т. 55, № 11. Отд. III. С. 28—29.
164 Кавказский календарь на 1856 г. Отд. III. С. 270—271, 442—443, 322—323.
165 Там же, на 1855 г. Отд. III. С. 280—281.
166 Городские поселения Эриванской губернии. С. 7—12.

167 Исчисление по данным «Кавказского календаря» на 1854 г. Отд. III. С. 298—299, 392—393, 397—398, 404—405.
168 *Иобашвили Г. В.* Города Западной Грузии в дореформенный период XIX века: Социально-экономическое развитие. Тбилиси, 1983. С. 207.
169 Там же.
170 Кавказский календарь на 1855 г. Отд. III. С. 280—282, 332—333, 412—413.
171 Там же. С. 394—395.
172 Там же, на 1856 г. Отд. III. С. 322—323.
173 Там же, на 1855 г. Отд. III. С. 350—351.
174 Там же, на 1856 г. Отд. III. С. 358—359.
175 Там же. С. 270—271, 442—443, 446—447, 490—491.
176 АКАК. Т. V. № 25, С. 17.
177 Письма Х... Ш... к Ф. Булгарину или поездка на Кавказ // Северный архив. 1828. Ч. 35, № 9. С. 142.
178 Зубов П. П. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году. М., 1834. С. 71.
179 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 298—299.
180 Городское поселение Эриванской губернии. С. 8—9.
181 Кавказский календарь на 1855 г. Отд. III. С. 394—395.
182 Там же, на 1856 г. Отд. III. С. 270—271, 442—443, 446—447, 490—491.
183 Там же на 1855 г. Отд. III. С. 350—351.
184 Там же на 1856 г. Отд. III. С. 270—271, 322—323.
185 Там же. С. 358—359.
186 АКАК. Т. I. Док. № 593 «Прошение общества Тифлисских мокалаков или граждан к ген.-л. Кнорингу и ответ сего последнего на оное». С. 492—493.
187 Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. I. С. 126.
188 *Месхиа И. А.* Города и городской строй феодальной Грузии (XVII—XVIII вв.). Тбилиси, 1959. С. 188.
189 *Иваненко В. Н.* Указ. соч. С. 452.
190 АКАК. Т. VI, ч. 1. Док. № 157. С. 107.
191 *Месхиа И. А.* Указ. соч. С. 169—183.
192 *Иваненко В. Н.* Указ. соч. С. 454.
193 ПСЗ (II). СПб., 1861. Т. XXXIV. Отд. I. № 34586.
194 Там же. СПб., 1863. Т. XXXVI. Отд. I. № 39936.
195 Там же.
196 Обозрение российских владений за Кавказом. Ч. I. С. 211.
197 АКАК. Т. I. Док. № 419. «Письмо ген.-м. Лазарева к ген.-л. Кнорингу, от 8 марта 1801 г.» С. 329. О том, что мокалаки состояли из армян, писал П. Иоселиани в своем очерке «Нечто о городах грузинских». Закавказский вестн. 1850. № 12. 23 марта. С. 50.
198 *Евецкий О* Указ. соч. С. 143.
199 Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об устройстве по городу Тифлису податей и сборов. ПСЗ (I). Т. XXXVII, № 29310.
200 Там же.
201 Статистические изображения городов и посадов Российской Империи на 1825 г. СПб., 1830. С. 78—79.
202 *Евецкий О.* Указ. соч. С. 143.
203 Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840. С. 62—65; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи... СПБ., 1842. С. 8—9.
204 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 298—299; на 1855 г. Отд. III. С. 275.
205 *Иобашвили Г. В.* Указ. соч. С. 203.
206 *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 103. Более подробно об амкарствах см.: *Егиазаров С. А.* Исследования по истории учреждений в Закавказье. Казань, 1891. Ч. II. Городские цехи.; *Месхиа И. А.* Указ. соч. С. 322—398; *Гугушвили П. В.* Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX—XX вв. Тбилиси, 1957. Т. 1; *Абрамян В. А.* Цеховые организации армян-ремесленников в городах Закавказья (с 18-го по начало 20-го веков). Ереван, 1971.
207 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 329.
208 Имя одного из известных оружейных мастеров Геурка было прославлено М. Ю. Лермонтовым в черновом варианте стихотворения «Поэт»: «В серебряных ножнах блистает мой кинжал, Геурка старого изделье...». *Иконников С. Н.* Как ра-

ботал М. Ю. Лермонтов над стихотворением. Пенза, 1962. С. 62. См. также: *Аствацатурян Э. Г.* История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX — начале XX в. Дагестан и Закавказье. М., 1977. Ч. 1.

209 См., например, указ от 9 сентября 1830 г. «О комплекте, какой иметь в полках гренадерской бригады Отдельного Кавказского корпуса и 21, и 22 пехотных дивизий». ПСЗ (II). СПб., 1831. Т. V. С. 3905.

210 АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. Док. № 52. С. 53—55; Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 457—460.

211 ЦГИА Груз. ССР. Ф. 4. Оп. 4. Д. 441. Л. 13—17.

212 Там же. Л. 17 об.—18.

213 Там же. Л. 65—68.

214 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 457—460.

215 *Егиазаров С. А.* Указ. соч. С. 332—333.

216 ЦГИА Груз. ССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2764. Л. 1—1 об., 2—17.

216а ПСЗ (II). Т. XIV. Отд. I. СПб., 1840. № 12002.

217 См. напр.: *Бороздин К. А.* Об амкарствах в Закавказии // Известия кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1898. Кн. X, вып. II. С. 19—27.

218 *Андреевский Э. С.* Записки. Т. I. Одесса, 1913. С. 352.

219 АКАК. Т. X, Док. № 51. С. 52—53; № 52. С. 53—56.

220 ПСЗ (II). СПб., 1853. Т. XXVII. Отд. 1. № 26338; Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. XI. Устав ремесленный. Ст. 190.

221 «Новые условия,— пишет в своей работе грузинский историк М. М. Самсонадзе,— сравнительная отсталость цехового производства и изменение вкусов местного населения вели к неизбежному поражению цехов». Промышленное развитие гор. Тбилиси в дореформенный период XIX века. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Тбилиси, 1964. С. 9.

222 *Гугушвили П. В.* Указ. соч. С. 37, 39, 45.

223 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 329.

224 Исчисления, характеризующие численность и этнический состав ремесленников в городах Закавказского края, сделаны на основе неоднократно цитировавшихся статистических материалов «Кавказского календаря».

225 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 339—340.

226 По данным Г. В. Иобашвили, в 1862 г. в Кутаиси насчитывалось 163 мастера, 248 подмастерьев и около 200 учеников, а так называемых «свободных ремесленников» (внецеховых) — до 300 человек; в Озургетах — 49 мастеров, 85 подмастерьев и 43 ученика. Указ. соч. С. 203.

227 Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С.284, 294, 330, 380, 385.

228 Кавказский календарь на 1847 г. Тифлис, 1846. Отд. III. С. 163.

229 Исчислено по данным «Кавказского календаря» на 1847 и 1854 гг.

230 *Лордкипанидзе Н.* К истории Кавказского учебного округа. (Первое пятнадцатилетие — с 1849 г. по 1864 г.) // Тр. Тбилис. гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина. 1957. Т. XI. С. 459.

231 Там же.

232 *Егиазаров С. А.* Указ. соч. С. 13.

233 Там же. С. 14.

234 Там же. Так было в других закавказских городах — Шемахе, Тифлисе, Елисаветполе, Нухе, Шуше и др., о чем свидетельствуют сохранившиеся по их окраинам развалины старинных кожевенных заводов, мыловарен и красилен. Там же. С. 14—15.

235 *Егиазаров С. А.* Указ. соч. С. 14.

236 Там же. С. 16—17, 25.

237 *Месхиа Ш. А.* Указ. соч. С. 146—147.

238 *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 107.

239 Ра'ийят (араб.) — подданный. В Азербайджане XVI—XIX вв. государственный крестьянин, вносивший ренту — налог в казну, иногда пожалованный шахом или местным ханом во владение беку или духовному лицу.

240 *Петрушевский И. П.* Очерки феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949. С. 262—263.

241 ЦГИА Груз. ССР. Ф. 5 Оп. 1. Д. 2088. Л. 188—188 об.

242 Там же. Л. 188 об.—189.

243 *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 52.

244 АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. Док. № 21. С. 18.

245 Там же. Т. V. Док. № 25. С. 15.

246 АКАК. Т. V. Док. № 25. С. 17.

247 *Жуков В. И.* Города Бессарабии 1812—1861 годов. (Очерки социально-экономического развития). Кишинев, 1964. С. 51—56.

248 АКАК. Т. V. Док. № 274. С. 210—211.

249 Там же. Док. № 60. С. 36.

250 Там же. Док. № 274. С. 210—211.

251 *Хоштария Э. В.* Указ. соч. С. 86.

252 Цель закона была прямо сформулирована: «Умножение в городах населения и устройство полезных заведений, составляя главные способы к приведению их в лучшее положение и к распространению в них промышленности были всегда предметом попечений правительства». Новые правила и призваны «преподать городам вящшия к сему средства, и тем содействовать скорейшему утверждению их благосостояния». ПСЗ (II). СПб., 1833. Т. VII. С. 5842.

253 *Хоштария Э. В.* Очерки социально-экономической истории Грузии. Промышленность, города, рабочий класс (XIX — начало XX в.). Тбилиси, 1974.

254 См. *Копанев А. И.* Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л., 1957. С. 31—32.

255 *Евецкий О.* Указ. соч. С. 143.

255а Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. 1842. С. 8—9, 48—49.

256 Там же. С. 48—49. По г. Нухе сведения отсутствовали.

257 В книге Ш. А. Месхиа приводятся факты распространения в начале XIX в. ремесленно-торговой деятельности среди крепостных крестьян Тифлиса. Указ. соч. С. 157—159.

258 О. Евецкий отмечал, что большая часть жителей Елисаветполя летом покидала город и кочевала в горах. Указ. соч. С. 159

259 ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 228. Л. 184 об.

260 См. например. таблицу о числе домов по Тифлисской губернии по сословиям // Кавказский календарь на 1855 г. Отд. III. С. 275.

261 Там же на 1852 г. Отд. III. С. 530.

262 Там же на 1853 г. Отд. III. С. 277—280.

263 Там же на 1852 г. Отд. III. С. 284, 292, 382, 386—387.

264 Там же на 1854 г. Отд. III. С. 298—299.

265 Там же на 1852 г. Отд. III. С. 339—340.

266 Там же на 1853 г. Отд. III. С. 369.

267 Исчислено по указанным статистическим материалам.

268 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 298—299, 392, 397, 404.

269 Там же на 1855 г. Отд. III. 280—281, 332—333, 412—413.

270 Там же на 1856 г. Отд. III. С. 270—271, 322—323.

271 Там же. С. 358—359, 442—443, 490—491.

272 Там же на 1855 г. Отд. III. С. 350—351, 394—395.

273 Там же на 1856 г. Отд. III. С. 446—447.

274 Там же на 1852 г. Отд. III. С. 335—336.

275 Этнический состав населения исчислен на основании указанных статистических материалов.

276 *Хоштария Э. В.* Указ. соч. С. 92. Особенности правового положения государственных крестьян по сравнению с другими их категориями сказались, например, в том, что им была предоставлена возможность участвовать, наряду с «коренными гражданами» (мокалаками), в выборах городского общественного управления в Тифлисе в 1840 г. Это право было сформулировано в «Положении о городском общественном управлении города Тифлиса», в котором они фигурировали в качестве вновь переселившихся в город в числе владельцев недвижимым имуществом. Это обстоятельство, отмечает Хоштария, ссылаясь на П. Г. Рындзюнского, отличало городское общественное устройство Тифлиса от городов Европейской России, где в первой половине XIX в. государственные крестьяне, как правило, не участвовали в выборах городского управления (Там же. С. 92—93).

277 *Рындзюнский П. Г.* Изучение городов России первой половины XIX в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 72.

278 *Гейдаров М. Х.* Города и городское ремесло Азербайджана XIII—XVII вв. Баку, 1982. С. 279.

279 Там же. С. 109. Полуаграрный характер городов Азербайджана и Восточной Армении в XVIII в. отмечает А. П. Новосельцев (Указ. соч. С. 108). См. также:

Абрамян В. А. Ремесла в Армении в IV—XVIII вв. и цеховые организации армян ремесленников в городах Закавказья с XVIII по начало XX веков. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ереван, 1973. С. 14. Ш. А. Месхиа считает, что на рубеже XVII—XIX вв. Тифлис был населен в основном купцами и ремесленниками. Указ. соч. С. 159.

280 *Гизетти А. Л.* Хроника кавказских войск: В 2-х ч. Тифлис, 1896; Хроника Российской Императорской армии с приложением рисунков знамен и штандартов, 1695—1842 гг. СПб., 1834—1842. Кн. 1—20. Кн. 15. Полки Отдельного Кавказского корпуса. 1840; 16. Линейные батальоны Отдельного Кавказского корпуса. 1840; Хроника Российской императорской армии. СПб., 1852. Ч. I—VII. Ч. VI. Войска Отдельного Кавказского корпуса.

281 См., например: Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 426; на 1853 г. Отд. III. С. 278, 307—308, 358; на 1856 г. Отд. III. С. 54, 58, 73, 88 и др.

282 Военная энциклопедия / Под ред. И.Д. Сытина. Т. 11. С. 223.

283 ПСЗ (I). Т. XXVI. № 9951.

284 Там же.

285 *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 17.

286 Хроника Российской Императорской армии. Кн. 15. С. 10, 20, 32—36, 52—56, 72—76, 92—98, 108—114, 120—124, 144—146, 152—158.

287 *Гизетти А. Л.* Указ. соч. Ч. I. С. 40.

288 Так, например, создание в 1816 г. внутреннего гарнизонного батальона для города Тифлиса и для уездных городов Грузии инвалидных команд с функциями внутренней стражи. ПСЗ (I), СПб., 1830. Т. XXXIII. № 26350.

289 *Гизетти А. Л.* Указ. соч. Ч. I. С. 43—44.

290 Военная энциклопедия. Т. 11. С. 236.

291 *Гизетти Л. А.* Указ. соч. Ч. I. С. 44.

292 ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XXXVI. № 27877. *Гизетти А. Л.* Указ. соч. С. XII—XIII. Рядом с армией создавались военнорабочие роты, насчитывавшие в своем составе несколько офицеров и около 250 человек нижних чинов. См., например, указ «О формировании при Кавказском корпусе еще одной военнорабочей роты». ПСЗ (I). Т. XXXVII. № 28561.

293 АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 1. С. VII.

294 ПСЗ (II). СПб., 1835. Т. IX. Отд. I. № 6917.

295 Впервые инвалидные роты (2) на Кавказе были образованы в 1811 г. (ПСЗ (I)). Т. XXXI. № 24568. Впоследствии количество их возросло. Сформированные для хозяйственных надобностей из нижних чинов, не способных к строевой службе, они существовали в составе 70 человек (1/4 инвалидной роты) при различных войсковых соединениях (полевой артиллерии, стрелковых батареях и пр.), ведомствах (провиантском, горном и пр.), крепостях, городах, в округах военных поселений. См. Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 10. С. 608; *Гизетти А. Л.* Указ. соч. Ч. I. С. 40, 46, 106—107, 109.

296 См. Хроника Российской Императорской армии. Кн. 15. См. 290.

297 *Гизетти А. Л.* Указ. соч. Ч. I. С. 70—71.

298 Там же. С. 71—72.

299 ПСЗ (II). СПб., 1846. Т. XX. № 19522.

300 14-й Грузинский батальон располагался в Верхней Кахетии (сел. Кварели).

301 *Гизетти А. Л.* Указ. соч. Ч. I. С. 90—93.

302 Хроника Российской армии. Линейные батальоны отдельного Кавказского корпуса, 1840. Кн. 16. С. 2, 4, 6, 10, 12, 14, 18, 20, 24—29, 30—32, 34—36, 40, 42, 46, 50—54.

303 Общая численность войск (пехоты, кавалерии и артиллерии) в русской армии в 1833 г. составляла 819 тыс. человек (*Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 19, 23, 26). Кавказские войска составляли примерно 10 % от общей численности.

304 Военная энциклопедия. Т. II. С. 232.

305 Пехота, сосредоточенная в Кавказском округе, составляла примерно 1/5 часть всей пехоты действующих войск России (110 полков с 3—5-батальонным составом). История русской армии и флота. М., 1913. Т. 10—12. С. 13.

306 *Гизетти А. Л.* Указ. соч. Ч. I. С. 110.

307 АКАК. Т. XII. Отчет ген.-фельдмаршала князя А. И. Барятинского за 1857—1859 годы. С. 1312.

308 ЦГИА Груз ССР. Ф. 4. Оп. 8. Д. 99. Л. 171 об.—172 об.

309 Обозрение российских владений. Ч. III. С. 186—187.

310 Кавказский календарь на 1852 г. Отд. III. С. 284, 341, 382, 404, 426; на 1853 г. Отд. III. С. 278, 307—308, 358; на 1854 г. Отд. III. С. 346—347; на 1855 г. Отд. III. С. 49—50, 57, 58 и др.

311 Архив АН СССР. ЛО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 83. Л. 137—137 об.

312 Там же. Д. 70. Л. 34—65.

313 Там же. Д. 69. Л. 43 об.—127.

314 По некоторым предположениям, одно из возможных мест смерти Искрицкого город Куба.

315 *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 357.

316 *Огарев Н. П.* Избранные произведения. М., 1956. Т. 2. С, 381.

317 Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 8. С. 30.

318 *Муравьев А. Н.* Грузия и Армения. СПб., 1848. Ч. 1. С. 148.

319 *Фадеев А. М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 116.

320 *Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. пополненное. Казань, 1850. С. 63—64, 69.

321 *Березин И.* Указ. соч. С. 70.

322 Ленкорань. (Из путевых записок П. Егорова) // Газ. Кавказ. 1852. № 25. 26 апр. С. 102.

323 Кавказский календарь на 1853 г. Отд. III. С. 353—354.

324 Обозрение российских владений. Ч. III. С. 237.

325 *Фадеев А. М.* Указ. соч. Ч. II. С. 26—27.

326 *Гагемейстер Ю. А.* Закавказские очерки. СПб., 1845. Ч. III. С. 10—11.

327 Обозрение российских владений. Ч. I. С. 173.

328 Кавказский календарь на 1847 г. Тифлис, 1846. Отд. III. С. 154.

329 Обозрение российских владений. Ч. I. С. 74—75.

330 ПСЗ (I). Т. XXVI. СПб., 1830. № 20007.

331 *Евангулов Г. Г.* Местная реформа на Кавказе. СПб., 1914. С. 14—15.

332 *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 242—243.

333 См., например: *Петрушевский И. П.* Указ. соч. С. 5—32; Фадеев А. В. Указ. соч. С. 241—244. *Мильман А.* Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX века. Баку, 1906. С. 26—41.

334 АКАК. Т. VI. Ч. I. Док. № 62. «Рапорт ген. Ермолова начальнику Главного Штаба е. и. в.» от 16 июля 1821 г. С. 44—45.

335 *Иваненко В. Н.* Указ. соч. С. 99.

336 АКАК. Т. VI. Ч. I. Док. № 62. С. 44—45.

337 *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1977. Т. 3. С. 43—44.

338 АКАК. Т. VI. Ч. I. Док. № 62. С. 44—45.

339 ПСЗ (I). Т. XXXVII. № 28563.

340 Там же.

341 АКАК. Т. VI. Ч. I. Док. № 62. С. 44—45; Док. № 64. С. 45—46. Характеризуя деятельность Ермолова на административно-гражданском поприще, Иваненко вынужден был отметить, что «все усилия Ермолова были направлены на улучшение состава чиновников, но это оказалось невозможным». *Иваненко В. Н.* Указ. соч. С. 99.

342 Свод законов Российской империи издания 1857 г. СПб., 1857. Т. 3. Уставы о службе гражданской. Гл. VI, ст. 1353—1403, с. 288—300.

343 ЦГИА СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 93—1857 г. Л. 5—5 об.

344 Русская старина. 1879. № 8. Т. 25. С. 638.

345 Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. 3, ст. 1358.

346 ПСЗ (II). Т. XV. Отд. 1. № 13368.

347 Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина, 1900. Т. 101. янв.—февр.—март. С. 43.

348 Там же.

349 АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. Док. № 520. «Извлечение из отчета Главного управления Закавказским краем за 1843 г.». С. 617.

350 *Ватейшвили Д. Л.* Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973. С. 56. Некоторые склонны были относить начало учебного образования в Закавказье к 1802 г., когда была сделана первая попытка создания Тифлисского благородного училища. См.: *Модзалевский Л.* Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. Тифлис, 1880. С. 5. Однако существовало оно лишь на бумаге. См.: *Ватейшвили Д. Л.* Указ. соч. С. 56.

351 *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. в четырех томах. М.—Л., 1948. Т. 4. С. 433. См. также: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 564—565.

352 *Модзалевский Л.* Указ. соч. С. 10.
353 *Модзалевский Л.* Указ. соч. С. 4.
354 *Таир-Заде Н. А.* Численность и состав учащихся русских учебных заведений Азербайджана в 40—50-е годы XIX в. // Известия АН Азерб ССР. Серия общественных наук. 1964. № 1. С. 43.
355 Там же. С. 44.
356 *Лордкипанидзе Н.* Указ. соч. С. 460.
357 Кавказский календарь на 1845 г. Тифлис, 1846. Отд. III. С. 144—145.
358 *Лордкипанидзе Н.* Указ. соч. С. 469—470.
359 *Таир-Заде Н. Н.* Указ. соч. С. 49.
360 Газ. Кавказ. 1846. № 8, 23 февр. С. 32.
361 *Евангулов Г. Г.* Указ. соч. С. 15.
362 ПСЗ (II). СПб., 1850. Т. XXIV, отд. 1 № 23307.
363 Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. 3, статьи 1365 и 182.
364 ЦГИА СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 42—1857. Л. 4—4 об.
365 *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4-х т. Л., 1981. Т. 4. С. 315—317.
366 *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1964. С. 357.
367 *Лермонтов М. Ю.* Указ. соч. С. 316—318.
368 ГБЛ. Отдел рукописей. Ф. 58. Воронцов-Дашков И. И. Кн. 1. Раздел 1, к. 97, ед. хр. 11.
369 ЦГИА СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 30—а—1849. Л. 11—11 об.
370 Там же. Л. 16—17; Оп. 2. Д. 1386—1865 г. Л. 3—5 об.; Свод законов Российской империи. Устав о пенсиях. Т. 3, статьи 275—288.
371 ЦГИА СССР. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 1326—1867 г. Л. 40.
372 См., например, записки о пересмотре преимуществ и уравнении служебных прав для служащих военного и морского министерств, офицеров корпуса лесничих и др. Там же. Л. 53 об.— 56.
373 Там же. Л. 40 об.—41.
374 *Иваненко В. Н.* Указ. соч. С. 433—436.
375 *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 190.
376 ЦГИА СССР. Ф.1261. Оп. 2. Д. 1386—1865. Л. 44 об.
377 ЦГИА СССР, Ф. 1261. Оп. 2. Д. 1386—1865 г; Л. 44 об.—46.
378-379 Там же. Л. 59—60 об.
380 См.: Кавказский календарь на 1856 г. Отд. III. С. 270—271, 334—335, 396—397, 442—443, 450—451, 484—485.
381 *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.; Л., Academia, 1931. С. 442.
382 Там же. С. 449. Правда, во второй приезд Соллогуба на Кавказ, по его мнению, там царила другая атмосфера. «В крае,— я позволю себе так выразиться,— уже завоняло Петербургом». Отчего у Соллогуба родилось такое четверостишие:

Не смею выразиться вслух,
Но мир войны не заменяет;
Здесь прежде был свободы дух,
Теперь... чиновником воняет.

383 Кутаисское генерал-губернаторство // Статистические описания губерний и областей Российской Империи по высочайшему повелению издаваемых Департаментом Генерального штаба Военного министерства. СПб., 1858. Т. XVI, ч. 5. С. 202.
384 Кавказский календарь на 1854 г. Отд. III. С. 355.
385 Газ. Кавказ. 1846, № 2. 12 янв. С. 5.
386 *Полиевктов М.* и *Натадзе Г.* Указ. соч. С. XIV.
387 *Зубов П. П.* Указ. соч. С. 68—69.
388 Там же. С. 68.
389 Письма Х... Ш... к Ф. Булгарину или поездка на Кавказ // Северный архив. Ч. 35, № 9. С. 150—151.
390 Цит. по: *Полиевктов М.* и *Натадзе Г.* Указ. соч. С. 79.
391 *Тынянов Ю.* Смерть Вазир-Мухтара. Кишинев, 1984. С. 171.
392 *Грибоедов А. С.* Соч. Т. 2. С. 87.
393 Там же. С. 325.
394. См. например; описание г. Елисаветполя в «Кавказском календаре» на 1854 г. Отд. III. С. 341.

395 См. описание домов имеретин в г. Кутаиси: Кавказский календарь на 1853 г. Отд. III. С. 305; газ. Кавказ. 1860. №54. 11 июля. С. 326.
396 *Фадеев А. М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 30—31.
397 Обозрение российских владений. Ч. I. С. 74.
398 *Муравьев А. Н.* Указ. соч. Ч. I. С. 149.
399 Взгляд на Армянскую область. Из путевых записок *Н. Нефедьева.* СПб., 1839.
400 *Дункель-Веллинг Н.* Редут-Кале // Газ. Кавказ. 1854. № 2. 6 янв. С. 5—6; *Пушкарев С.* Указ. соч. // Записки Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 2. 1853. С. 155—164; Кавказский календарь на 1853 г. Отд. III. С. 369—370.
401 *Линч Х. Ф. Б.* Указ. соч. С. 86.
402 *Эйдельман Н. Я.* Быть может за хребтом Кавказа. М., 1990. С. 303.

Глава IV

ГОРОДА И НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.

Буржуазные реформы 60—70-х гг. XIX в. Система административно-политического устройства Закавказья в пореформенный период

В России наступила эпоха буржуазных реформ. Суждено ей было затянуться на целые десятилетия. Непоследовательность в проведении буржуазных реформ оказывала влияние на темпы их подготовки и реализации, равно как и самое время, в свою очередь, сказывалось на характере реформ, оттягивая их осуществление.

К началу 60-х годов практически завершается присоединение к России территорий Кавказа.

Подверглось реорганизации *административно-политическое устройство Закавказского края.* Так, изменилось отличавшееся сложностью политическое утройство Абхазии. Как известно, несмотря на присоединение к России (1810 г.), Абхазское княжество не было упразднено и, невзирая на введение начал административно-военного управления, сохранялась власть прежних владетелей. После завершения Крымской войны и введения в 1857 г. русского управления соседней Мегрелии (окончательно ее автономия упраздняется в 1867 г.) решилась и судьба Абхазского княжества, в котором окончательно утвердилось военное управление. С завершением Кавказской войны в 1864 г. упраздняется власть княжеского дома Шервашидзе и из земель Абхазского княжества создается Сухумский военный отдел в составе Российской империи. Режим этот по традиции именуется «военно-народным управлением»[1].

После Берлинского конгресса 1878 г. к России присоединяются территории Аджарии, которые находились во власти Турции до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Кроме Батуми, объявленного свободной гаванью, за Россией в пределах Закавказья оставались также Карс и Ардаган с их округами[2].

Начало буржуазных реформ совпало с окончанием Кавказской войны. Завершилось присоединение Кавказа. Отпала необходимость в таком аппарате власти, каким стало кавказское наместничество. По мнению царского правительства, созданное Барятинским административное здание страдало двумя существенными недостатками: оно стоило очень дорого и было сложно[3]. Но это был повод к ограничению самостоятельности кавказской администрации скорее официальный. Сменивший Барятинского на посту наместника в 1862 г. великий князь Михаил Николаевич приступил к преобразованию административного аппарата.

Созданный в 1865 г. Особый комитет для пересмотра всех положений и штатов административных учреждений подготовил проекты[4], которые были воплощены в указе от 9 декабря «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края»[5].

Указ этот означал тотальную реорганизацию всех сторон хозяйственного и административно-политического управления Кавказского края. Каждая из узловых позиций указа являла собой самостоятельный законодательный акт, в результате которого основные департаменты были объединены в один либо преобразованы, создан или восстановлен ряд учреждений, произведено новое административно-территориальное деление края и т. п.[6]. Новое «Положение» значительно повысило роль начальника Главного управления, возглавившего в качестве ближайшего помощника наместника гражданское управление краем. Были расширены права Совета Главного управления как совещательного органа. Однако, как верно замечает Н. П. Ерошкин, «реформа 1867 г. коснулась лишь верхнего управления Кавказом. В губерниях, городах и уездах наместничества продолжали существовать многие дореформенные учреждения»[7].

Таким образом, наряду с упрощением системы управления произошло некоторое ограничение его административно-политических прерогатив. В пореформенные годы в губерниях края создается система местных финансовых и контрольных органов (казенные и контрольные палаты), связанных с центральными ведомствами.

Однако впоследствии влияние наместника на гражданское управление было вновь усилено: указом от 8 ноября 1875 г. была учреждена должность помощника наместника для выполнения его поручений по всем частям гражданского управления краем и замещения его в период отсутствия; вновь был преобразован Совет Главного управления в Совет наместника и т. п.[8] Таким образом, все вернулось на круги своя, но лишь до поры до времени.

В условиях реакции, наступившей после 1881 г., в правительственной политике усиливается тенденция к централизации управления и вновь поднимается вопрос о допустимости такой формы управления, как кавказское наместничество. Берет верх стремление нейтрализовать его излишнюю самостоятельность, которая, по мнению правительства, ставила Кавказ вне сферы распространения общих принципов внутренней политики центральных ведомств и учреждений.

И хотя мнения по поводу упразднения кавказского наместничества разделились, тем не менее 22 ноября 1881 г.[9] была упразднена должность кавказского наместника, а вместе с ним и Кавказский комитет. Была уничтожена прежняя самостоятельность кавказской администрации. Край был подчинен главнокомандующему гражданской частью на Кавказе. Он же являлся одновременно и командующим войсками округа. Одновременно с упразднением должности наместника ликвидировались и должности его помощника, начальника Главного управления и его департамент.

Права главнокомандующего гражданской частью на Кавказе были значительно ограничены и приравнены к правам генерал-губернатора. В полной мере была восстановлена власть министерств и центральных ведомств в отношении Кавказа[10].

Однако центробежное стремление верховной власти кавказской администрации неизбежно проявлялось независимо от того, в какие формы она была организована, и в 1883 г. 26 апреля издается новый указ «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края». Составлен он был на основе проекта главноначальствующего гражданской частью на Кавказе при участии Особой комиссии. В какой-то степени повторялась история с указом 1875 г. Учреждалось управление Кавказским краем в составе главноначальствующего гражданской частью и его помощника, Совета главноначальствующего; кроме того, управления отдельными частями разных ведомств и др. («Высочайше утвержденное Учреждение управления Кавказского края» от 26 апреля 1883 г.»)[11].

В таком виде административно-политическое управление краем просуществовало до 1905 г., когда в связи с размахом революционного движения на Кавказе царизм вынужден был вновь вернуться к учреждению кавказского наместничества[12]. Наместником был назначен такой опытный государственный деятель, как граф И. И. Воронцов-Дашков (1905—1915 гг.).

На протяжении всего пореформенного периода происходила неоднократно реорганизация административно-территориального деления края (наиболее значительные в 1867, 1883 гг., не говоря уже о локальных преобразованиях). При этом происходило дробление территорий, за счет уменьшения пространства уездов росло их количество. Так, число уездов в 1867 г. с 18 было доведено до 29[13]. Опыт упразднения участков и сосредоточение всей местной административно-полицейской власти в руках уездных начальников приводили к ослаблению полицейского надзора. Закон 1873 г. предусматривал новое разукрупнение уездов и увеличение количества приставов[14]. С восстановлением в 1888 г. законом от 10 мая пяти закавказских губерний они были разделены на 37 уездов и 125 участков[15]. Можно себе представить, к какому увеличению бюрократического аппарата это приводило.

Вот как мотивировал все эти меры по укреплению административно-полицейского аппарата министр внутренних дел граф Толстой: «В основании сего проекта приняты топографические условия, резко отличающие одну местность Закавказья от другой. Разноплеменность населения, его характер и обычаи, гражданская неразвитость и пр. создают такие своеобразные и неизвестные во внутренних губерниях империи условия, которые... требуют постоянного пребывания полицейских чиновников в определенных пунктах уездного района. Чем больше было бы назначено таких пунктов и, следовательно, чем больше полицейских агентов могло бы находиться в определенных местах уезда, тем лучше представлялись бы обеспеченными общественная безопасность и порядок»[16].

Но зато в результате многочисленных административно-территориальных преобразований края были раздроблены этнические территории коренных народов Закавказского края.

Значение *крестьянской реформы* для различных территорий Закавказского края не было равнозначным, что обусловливалось спецификой аграрного строя в Азербайджане и Армении, с одной стороны, и в Грузии — с другой. В отличие от реформы 1861 г., отменившей личную зависимость крестьян от помещиков, в Азербайджане и Армении по Положению 1870 г.[17] пункт об отмене личной зависимости крестьян от землевладельцев заключал в себе иное содержание, исключавшее указанный аспект. Реформа 1870 г. также провозглашала отмену личной зависимости крестьян, но лишь формально, поскольку наряду с этим (по аналогии с Положением 1861 г.) вся земля признавалась наследственной собственностью «высшего сословия», т. е. беков, агларов и меликов. Занятая же крестьянами земля поступала всего-навсего в пользование последних, что оставляло в неприкосновенности фактическую зависимость крестьян от владельцев[18]. Взаимоотношения между землевладельцами и крестьянами должны были быть определены уставными грамотами, составление которых не изменило положение крестьян до 1913 г.: они так и не стали собственниками своих земель.

Далее, реформа 1870 г. вместо трудовых повинностей крестьян в пользу помещиков вводила денежный взнос, поскольку, как известно, в Азербайджане и Армении собственно помещичье хозяйство не велось, а земля за ренту отдавалась крестьянам в общинное землепользование. Следовательно, барщинная повинность имела весьма ограниченную сферу распространения. Хотя частновладельческие крестьяне Азербайджана и Армении формально и не были зачислены в категорию временнообязанных крестьян до уплаты выкупных платежей, как это было сделано в пореформенной Грузии, но практически здесь также установились временнообязанные отношения.

Реформа 1864—1866 гг.[19] в Грузии привела к отмене крепостничества. Было открыто провозглашено и закреплено право буржуазной частной собственности на все принадлежавшие помещикам земли, включая и те, которые были во владении крестьян, но числились дворянскими. Значительная часть этих крестьянских земель отрезалась в пользу помещиков, а остальная часть отдавалась по законодательно установленным нормам в постоянное надельное пользование крестьянам за определенные повинности с правом выкупа. Помимо усадебной земли, крестьяне могли выкупить, но с согласия помещиков также и полевую землю. В отличие от Азербайджана и Армении в Грузии правительство оказывало денежную помощь в выкупе крестьянами своих наделов. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне Грузии, так же как и русские крестьяне, после реформы были поставлены в так называемые временнообязанные отношения к своим бывшим владельцам.

По замечанию В. Д. Мочалова, «в Закавказье реформа коснулась только помещичьих и бекских крестьян. Первые из них перешли в разряд временнообязанных крестьян; вторые стали именоваться временнообязанными поселянами»[20].

Буржуазное содержание крестьянской реформы в Грузии выступало значительно сильнее. Выкупные операции охватили большое количество помещичьих крестьян, что в неизмеримое количество раз превосходило размеры их в Азербайджане и Армении[21]. Сокращение дворянско-помещичьего землевладения, выкуп крестьянами своих наделов создавали благоприятные условия для развития капиталистических отношений в Грузии.

В соответствии с крестьянской реформой были созданы местные учреждения: губернские по поселянским делам присутствия и мировые отделы во главе с мировыми посредниками.

Построенные на тех же началах, что и аналогичные учреждения во внутренних губерниях России, они имели некоторые особенности. Так, мировые посредники не избирались из местных землевладельцев, а назначались и увольнялись в административном порядке наместником из числа царских чиновников и т. д.[22]

Половинчатые по своему существу буржуазные реформы 60—70-х годов на окраинах принимали еще более ограниченный характер. Так, *земская реформа 1864 г.* коснулась лишь губерний Европейской России. В местном самоуправлении было отказано окраинным территориям империи и в числе прочих земская реформа не была распространена на Кавказ. Некоторые функции земств оставались в ведении местной администрации[23].

Отсутствие земств, в свою очередь, сказалось на характере *судебной реформы*, проведенной на Кавказе с большими изъянами и с некоторым опозданием в 1868—1871 гг.

Судебная реформа 1864 г., которая больше, чем какая-либо из реформ 60—70-х годов, отвечала новым социально-экономическим и политическим условиям и в которой принципы буржуазного права получили более полное выражение, на окраинах России, напротив, ограничивала применение буржуазных принципов судопроизводства. Ссылка на разноплеменность и «неразвитость» местного населения, мешавшая якобы проведению судебной реформы в полной мере, подчеркивала колониальный аспект в политике царского правительства по отношению к народам Кавказа.

Ввиду отсутствия на Кавказе земских учреждений, на созданные должности мировых судей не выбирали, а назначало правительство. Исключалось участие присяжных заседателей при разборе уголовных дел и т. п. По верному замечанию специалиста в области юриспруденции А. Мильмана, «суд, как и раньше, оставался в сильной зависимости от царской администрации и, сохраняя в своей деятельности многие феодальные черты, всецело стоял на страже интересов самодержавия и господствовавших классов»[24].

В условиях роста городов и численности городского населения, усложнения городского хозяйства с особенной отчетливостью проявилось несоответствие существующей системы управления новым условиям, ее консервации. Ликвидация административной опеки и произвола, сковывавших всякую общественную деятельность, создание всесословных органов государственного самоуправления — этим задачам должна была отвечать реформа городских учреждений.

Как известно, первая попытка *городской реформы* на Кавказе относится к 1840 г. Она являлась частью административно-судебной реформы и коснулась лишь города Тифлиса[25].

Содержала она достаточное количество несуразностей. Так, к участию в общественном управлении привлекались три «главных сословия»: владельцы недвижимой собственности, торговцы и ремесленники, т. е. в одном случае население определялось по принципу владения недвижимой собственностью, а во втором — по роду занятий.

Не вдаваясь во все подробности городского положения 1840 г., отметим, что положение не отвечало той задаче, которая предусматривалась городовыми положениями, — доступности общественного управления. Оно по-прежнему строго контролировалось со стороны кавказской администрации, олицетворяя собой опеку еще более сильную, чем в городах Европейской России. И в этом смысле, по мнению одного из исследователей городского самоуправления в России, «городовое положение 1840 г. всего менее можно называть положением об общественном управлении»[26].

Следующее городовое положение было принято также в Тифлисе в 1866 г.[27] Изданное в виде опыта на три года, оно предваря-

ло собой городскую реформу 1870 г. и представляло аналогию положений по Петербургу (1846 г.), Москве и Одессе.

В основе градации населения для участия в общественном управлении лежал как бы принцип бессословности. Городское общество делилось не на сословия, а на разряды. Их было четыре: 1) потомственные дворяне, владевшие в городе недвижимой собственностью или занимавшиеся промышленностью и торговлей; 2) личные дворяне и почетные граждане, отвечавшие тем же условиям; 3) владевшие недвижимой собственностью (мокалаки и ахалмосули) — вновь поселившиеся; 4) все, не владевшие недвижимостью, но отбывавшие городские повинности. Следовательно, в отношении первых трех разрядов исходным являлся показатель имущественный, но привязанный к признаку сословному. Однако в четвертом разряде проявился его бессословный характер. Этот пункт являлся новым по сравнению с городовым положением Петербурга, Москвы и Одессы. Впоследствии он вошел в городское положение 1870 г.

На общем характере городового положения 1866 г. сказалось влияние пореформенного времени. Однако, как и в дореформенный период, в городских учреждениях преобладали дворяне, почетные граждане и купцы.

Городская реформа 1870 г.[28] объявляла общественное управление бессословным, тем самым как бы ломались сословные перегородки. Но вместе с тем установление единого имущественного ценза в приложении к принятой выборной системе (три курии) открывало путь к приоритету представителей крупной буржуазии и привилегированных сословий.

Эти позиции отражали буржуазную направленность закона, но при этом буржуазно-правовые нормы городского самоуправления не нашли в нем своего отражения. Компетенция органов городского самоуправления была ограничена местными хозяйственными вопросами. «Лучшей стороной реформы 1870 г., — писал по этому поводу известный историк-экономист К. А. Пажитнов, — было предоставление городскому общественному управлению сравнительно широкой самостоятельности в ведении городского хозяйства и решений местных дел»[29]. Но и здесь они не пользовались самостоятельностью при распределении городских средств.

В полной зависимости от полиции находилась городская дума, а «подчинение органов городского общественного управления произволу местных и центральных административных властей искажало самую идею самоуправления»[30].

Городовое положение узаконивало национальное неравноправие. Число гласных нехристиан ограничивалось квотой: $^1/_3$ от общего количества гласных. И хотя это ограничение избирательных прав предназначалось для еврейского населения, впоследствии оно было распространено на магометан Закавказского края, которые в

большинстве городов составляли преобладающее население[31]. Запрещалось избрание евреев на место городского головы (или его заместителя).

Оценивая городскую реформу с точки зрения ее воздействия на городскую жизнь пореформенной России, К. А. Пажитнов писал: «Но при всех своих недостатках Положение 1870 г. ... будучи проникнуто хотя и умеренно, но все же либеральным духом и построено на идее доверия к общественной самодеятельности, оно впервые вызвало наши города из той спячки, в которую последние были погружены...»[32]

Однако новый закон имел ограниченный ареал распространения. В начале он был распространен на города коренных русских губерний Европейской России и Сибири. На национальных окраинах, несмотря на содержавшиеся в нем ограничительные условия для нехристианского населения, правительство вводило его с большим опасением. В белорусско-литовских губерниях закон вступил в действие с начала 1875 г., а в Прибалтике — с начала 1877 г. Не распространялся он на польские губернии, Финляндию и Среднюю Азию[33].

Всячески оттягивалось введение городового положения на Кавказе. Недостаточная подготовленность туземного населения и его неразвитость, отсутствие навыков организации самоуправления — таков основной мотив в отклонении реформы для края. Местная кавказская администрация настаивала на сохранении действующего порядка управления делами городского хозяйства — через полицию, т. е. прежнего произвола в военно-полицейских методах управления краем.

Суммируя мнения, высказанные начальниками губерний и областей, кавказский наместник, адресуясь к Кавказскому комитету, высказался следующим образом: «Распространение на города, не имеющие органов самоуправления, городового положения могло бы повлечь за собою также затруднение и замешательство в ведении общественных дел, которые воспрепятствовали бы, при самом же возникновении городских учреждений, правильному развитию самоуправления в здешних городских обществах и в значительной мере ослабили бы пользу самой реформы»[34]. Позиция наместника о постепенном введении в крае положения была принята во внимание. Указ от 28 октября 1874 г. определил порядок введения в городах Закавказского края городового положения 1870 г.: предоставить кавказскому наместнику вводить положение в той последовательности, в какой, по местным обстоятельствам он признает это наиболее удобным[35]. Постепенность — основной смысл указа 1874 г.

Городовое положение 1870 г. было введено в Тифлисе, Баку, Кутаиси и Эривани.

Диспропорция в национальном составе гласных городских дум не замедлила сказаться. Например, соотношение избирателей на выборах в Бакинскую думу в 1877 г. между христианами и мусульманами выглядело следующим образом: 2900 избирателей из числа так называемых иноверцев выбирало такое же количество гласных, как и 499 христиан. При избрании думы на 1886—1889 гг. одинаковое количество гласных приходилось на избирателей: 3541 азербайджанца, 732 русских и армян[36].

Ограничение числа гласных в составе городской думы и членов городской управы из нехристианского населения против христианского большинства в таком этнически пестром крае, как Кавказ, уже само по себе создавало обостренно-болезненную ситуацию при решении того или иного вопроса, придавая этому конфликту религиозно-национальную окраску[37].

Таким образом, используя столь несправедливое избирательное право, царское правительство само провоцировало межнациональные столкновения.

Кавказская администрация заявила о необходимости уравнения прав магометан и христиан-армян по участию в образовании городских дум и городского общественного управления. Совершенно неожиданно в условиях торжества реакционного курса правительства 27 декабря 1888 г. появляется указ, уравнивавший в городах Закавказья число гласных городской думы и число членов городской управы для нехристиан и христиан[38].

Естественно, что этот выбивавшийся из общего политического контекста контрреформ законодательный акт не мог просуществовать долго.

Последовавшее в 1892 г. городовое положение[39], пожалуй одно из самых реакционных, ликвидировало квоту 1888 г. Главная цель Городового положения 1892 г. заключалась в усилении административного контроля над городским общественным управлением. «Городовое положение 1892 г., — заключал К. А. Пажитнов, — было проникнуто насквозь недоверием к общественной самодеятельности»[40].

Положение узаконивало вмешательство губернатора во все дела органов городского общественного управления, предоставляя ему право подвергать должностных лиц городского самоуправления дисциплинарным взысканиям, вплоть до отстранения от должности. Эта цель была вполне достигнута на Кавказе. Здесь были весьма часты случаи отмены постановлений дум губернскими по городским делам присутствиями, еще чаще были случаи приостановления решений думы губернатором[41].

Но даже эти обуженные нормы городского самоуправления были еще раз урезаны относительно городов Кавказа.

В соответствии с положением 1892 г. министерству внутренних дел предоставлялось право войти с соответствующим представлением о применении городового положения к тем городским поселениям Ставропольской губернии и Закавказского края, в которых не было введено городское положение 1870 г.[42]

По городовому положению 1892 г. городское управление имело три вида: 1) Полный, по которому учреждениями городского управления являлись: городская дума и городская управа, с состоящими при ней исполнительными органами (ст. 21). 2) Полный на основании ст. 92, применяемый к незначительным уездным и безуездным городским поселениям. В этом случае обязанности городской управы со специального разрешения возлагались единолично на городского голову. 3) Упрощенный, при котором взамен городской думы и городской управы полагалось собрание городских уполномоченных и городской староста. Упрощенное городское общественное управление вводилось в тех городских поселениях, в которых признавалось невозможным введение городского положения в полном объеме «ввиду недостаточности городских средств, свойству занятий населения и степени развития торговли и промыслов». Упрощенное управление не могло быть введено в городах губернских (в виде исключения на основе высочайшего указа 1892 г. упрощенное управление было введено в областном городе Дагестанской области Темир-Хан-Шуре)[43].

Так вот, Городовое положение 1892 г. было введено по указу от 29 мая 1895 г. на протяжении 1893—1897 гг., полное — в 10 городах края (Тифлис, Кутаиси, Баку, Елисаветполь, Эривань, Батуми, Поти, Сухуми, Шуша, Александрополь) и упрощенное — в 14 городах (Телави, Ахалцих, Сигнахи, Гори, Душети, Ахалкалаки, Озургеты, Куба, Ленкорань, Шемаха, Нуха, Нахичевань, Ордубат и Ново-Баязет)[44] и Коджоры (посаде)[45].

Городовое положение в полной мере было распространено на губернские центры и города торгово-промышленного значения, а упрощенное — на города уездного значения. Но при этом упрощенное положение не коснулось ряда местечек, являвшихся административными центрами уездов, например Сальяны Джеватского уезда, Геокчай Геокчайского уезда, Закаталы Закатальского округа[46].

В большинстве городов Закавказья «попечение» о городском хозяйстве оставалось прерогативой уездной или городской полиции. Однако наиболее дискриминационной статьей положения 1892 г. следует считать ст. 44, в которой устанавливался общий для всех городов империи предел числа нехристиан — $^1/_5$ общего числа гласных. Для городов края с преобладающим мусульманским населением, но и с достаточным христианским населением и тех из них, в которых был ощутимым удельный вес евреев, принятая кво-

та урезывала их избирательные права и представительство в государственных думах.

Мало того, 15 мая 1899 г. были изданы новые, предназначенные специально для Кавказа временные правила о порядке образования городских дум и собраний для городских поселений Кавказского края[47].

Закон этот в виде временной меры, впредь до законодательного пересмотра постановлений по поводу образования городских дум и собрания представлял главноначальствующему гражданской частью на Кавказе право устранять по своему усмотрению лиц из состава избираемых в городские гласные или уполномоченные.

Но если было возможно игнорирование органов городского общественного управления, то в отношении дискриминации национальных прав коренных жителей дело обстояло гораздо сложнее. Ограничение избирательных прав для нехристианского населения сказывалось на их сословно-социальном представительстве, затрудняя для нехристиан участие в городском управлении представителей тех социальных групп, имущественный ценз которых позволял занять им подобающее место в органах общественного самоуправления.

Кавказская администрация, заинтересованная в союзе с имущими слоями местного населения, независимо от их национально-религиозной принадлежности, если не дорожила этим, то, во всяком случае, придавала этому значение. Поэтому вновь поднимается вопрос об изменении ст. 44 положения 1892 г. — увеличить предельную норму числа нехристиан до половины общего числа гласных. Но поскольку подобная квота сказывалась бы на практике не только в городах Закавказья, но и в городах некоторых других местностей (например, г. Бахчисарай Таврической губернии, Петропавловск Акмолинской области), также с довольно значительным количеством христиан, то министр внутренних дел со своей стороны рекомендовал изменить редакцию ст. 44 таким образом, чтобы вычленить Закавказье, предоставив право главноначальствующему гражданской частью на Кавказе увеличивать число гласных-нехристиан в составе городских дум и собраний уполномоченных во всех тех случаях, когда по местным условиям это представлялось необходимым[48].

Избирательная квота для христианского и нехристианского населения становится предметом обсуждения, а точнее, камнем преткновения при попытках распространения городового положения 1892 г. на города Кавказского края, а также в связи с его пересмотром.

Вопрос о введении положения 1892 г. в г. Карсе в полном объеме (то же относилось и к учрежденной в 1903 г. Батумской области)[49] вызвал длительную дискуссию. Мнения разделились между

центральными правительственными органами и кавказской администрацией.

Инициатор введения в г. Карсе Городового положения 1892 г. И. И. Воронцов-Дашков настаивал на соблюдении паритетных начал в избирательных правах как христианского, так и нехристианского населения[50]. Назначенный на Кавказ в разгар революционного движения в крае, он сознавал возможные последствия дискриминационных мер. Государственная дума, в свою очередь, выступила с предложением о проведении городских выборов по двум самостоятельным куриям: одной для лиц русского происхождения, другой для прочих избирателей[51]. Кавказский наместник считал, что разделение на курии, русскую и туземную, может быть понято туземцами как недоверие к ним со стороны правительства и русского населения и повлечет за собою лишь национальную рознь между русскими и туземцами, а, кроме того, «внесение в городское дело нового принципа национальности может обострить вместе с тем отношение туземцев между собою, наталкивая их на мысль о неправильном фактическом распределении городских гласных по их туземным национальностям в разных городах края»[52]. Что же, в прозорливости гр. Воронцову-Дашкову не откажешь.

Против проекта Государственной думы выступила с категорическим возражением комиссия законодательных предположений, но с совершенно иных позиций. По мнению комиссии, проектируемая Государственной думой квота создавала неблагоприятное для русского населения представительство, так как по данным карсского статистического комитета за 1908 г., туземное население Карса почти в 10 раз превышало русское. А это означало, что состав городской думы при общем числе избирателей в 476 человек должен был быть образован (согласно ст. 56 городового положения) из 41 гласного; следовательно, в русской курии могло быть выбрано не более 5 человек. Число избирателей туземцев (397 человек) в г. Карсе в пять раз превышало бы число русских избирателей (79 человек)[53]. Поэтому, «признавая в существе необходимым оградить интересы русского населения города Карса», комиссия большинством голосов нашла разделение избирателей на курии по национальностям «не достигающим конечной цели» и постановила изыскать иные способы для «ограждения интересов русского населения»[54].

Обсуждение вопроса о введении городового положения в городе Карсе настолько затянулось, что решение его практически уже не имело никакого значения[55].

Параллельно с этим шло обсуждение проекта об изменении городового положения 1892 г. Разработка проектов нового земского и городового положений (на основании указов от 1904 и 1905 гг.) возлагалась на два особых совещания[56].

Разработка нового проекта предполагала всестороннее обследование финансово-экономического положения городов. В подготовленной Министерством внутренних дел программе были конкретизированы ход работ, организация обследования, подготовка материалов и их издание. Создавался специальный орган «Совещание при Главном Управлении по делам местного хозяйства по обследованию городов»[57].

Проект нового городового положения обсуждался на этом совещании на протяжении 1915—1916 гг.[58]

В качестве термина, определяющего городское поселение, было предложено подразумевать под ним как собственно город, так и посад[59].

На одном из заседаний выступил представитель кавказской администрации, ознакомивший совещание с мнением кавказского наместника о желательности одновременного введения городового положения по всей империи и с сохранением за наместником некоторых особых прав. Последние объяснялись местными особенностями края. Поэтому, учитывая, что Министерство внутренних дел взяло на себя труд разработки нового положения и для Кавказа, наместник настаивал на участии в этом также представителя кавказской администрации. Председатель собрания заверил, что при разработке нового положения в него переносятся из действующего городового положения все оговорки, которые предусматривают особые права наместника. Кроме того, по завершении работ проект будет препровождаться на заключение в том числе кавказскому наместнику[60].

Видимо, последним из правительственных документов по городскому общественному самоуправлению следует считать постановление Временного правительства «Об изменении действующих положений об общественном управлении городов впредь до издания нового Городского положения», которому не было суждено появиться на свет[61].

Как известно, на население Кавказа не распространялся военный устав 1874 г. Затруднительность проведения военной реформы на Кавказе усугублялась противодействием населения всякой мере, которая затрагивала его религиозность, особенно это касалось мусульманской части жителей края. Правительство не могло пойти на создание отдельных регулярных войск из мусульманского населения. Вследствие этого законоположением от 28 мая 1886 г. к отбыванию воинской повинности в Закавказье было привлечено все его немусульманское население. Для лиц мусульманского исповедания поставка новобранцев заменялась временно, впредь до особых распоряжений, взиманием особого денежного сбора. Эта мера впоследствии была распространена и на абхазцев-христиан Сухумского отдела.

Следующим шагом, как бы уравнивающим в отношении воинской повинности жителей Кавказа, была отмена в 1893 г. некоторых из установленных ранее для них льгот по личной воинской повинности — главным образом сокращенный (до трех лет) срок прохождения действительной военной службы[62].

Таков был итог военных реформ 60—70-х и 80-х годов для жителей Закавказья.

На рубеже 50—60-х годов кавказская администрация в лице наместника А. И. Барятинского пытается активизировать свою деятельность по решению вопроса о личных правах высшего мусульманского сословия. В 1863 г. в департаменте судебных дел кавказского наместничества была составлена записка, излагавшая всю историю этого вопроса: ход дела, свод сведений о правах и преимуществах сословий[63].

В 1865 г. началось создание бекских комиссий в Тифлисе, Эривани, Шуше (1869 г.) и Баку (1870 г.), написано множество записок, донесений и пр.[64] Однако проект был небольшим. Тифлисские и Эриванские бекские комиссии окончили свои работы уже в 1867 г. Ими были рассмотрены права 926 родов, из которых только половина — 466 была признана принадлежащей к сословию беков и меликов[65]. Всего по посемейным спискам, представленным четырьмя бекскими комиссиями, в мусульманских частях Закавказья были причислены к родам бывших владетельных ханов, агаларам (родовым и владельцам деревень), потомственному и личному бекскому достоинству (также родовым и владельцам деревень), чиновным лицам — 1015 родов, а отказано 1387 родам[66]. Права потомственных дворян беки, агалары, мелики и др. получали лишь при поступлении на государственную службу — так, как это было сделано в отношении князей и дворян Мегрелии[67].

По собственному признанию кавказского наместника вопрос о сословном и имущественном устройстве мусульманского населения края «доселе не мог быть приведен к положительному разрешению».

Своего рода оценкой, подводящей итог полувековой деятельности правительства по решению сословного вопроса в Закавказье, являются слова того же главы кавказской администрации: «С присоединением Закавказского края к России мы застали там сословные учреждения до того мало отвечающими духу нашего законодательства и мало способными к переработке по современным требованиям, что некоторые из коренных вопросов по определению прав состояния остаются до настоящей минуты еще нерешенными»[68].

Кодификация дворянского сословия в крае была проведена неравномерно для различных его государственно-административных территорий. Процесс оформления прав высшего сословия в большей своей части был неразрывно связан с правами его как землевладельцев, что подчас заслоняло собой правовой аспект их сословного статуса.

Сословно-правовой статус высшего сословия в Закавказье, сложившийся к 60-м годам XIX в., просуществовал практически без изменений вплоть до 1917 г.[69] В конституционно-законодательном аспекте он не был доведен до той кондиции, которая отличала права и привилегии русского дворянства.

Царскому правительству предстояло также решить вопрос и с кодификацией сословного статуса *мусульманского духовенства*, права которого со времени присоединения края к России были признаны де-факто, но законодательно так и не были определены. Делались неоднократные попытки регламентировать права и обязанности мусульманского духовенства, но ни один из проектов не отвечал требованиям правительства.

В 1865 г. кавказским наместником была создана комиссия для составления проекта положения об управлении мусульманским духовенством. Подготовка его заняла достаточно много времени, поскольку труд этот почитался за «весьма многосложный и требовавший большой осмотрительности» и потому не мог быть окончен в срок. В 1869 г. проект был внесен на рассмотрение в Кавказский комитет, получил много замечаний со стороны различных правительственных органов — Министерства внутренних дел, Государственного совета и др. Однако одна из причин длительного рассмотрения проекта заключалась в том, что в Министерстве внутренних дел работала специальная комиссия для составления общего положения магометанского духовенства в империи. В связи с чем кавказский наместник высказал справедливое опасение по поводу того, что названная комиссия едва ли знакома с особенностями правительственной политики на Кавказе, чтобы учесть их[70].

Тем не менее 5 апреля 1872 г. высочайше было утверждено положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства, дифференцированное по обоим толкам ислама: отдельно для духовенства шиитского и сунитского учений, но идентичное по своему содержанию[71]. В этом документе получила законодательное оформление иерархическая структура мусульманской церкви и управления, определены сословные права и преимущества Закавказского мусульманского духовенства, его обязанности.

Звания мусульманского духовенства не передавались по наследству, а присваивались лишь в период пребывания в той или иной духовной должности.

Духовенство как высшее, так и приходское освобождалось от податей и повинностей, телесного наказания, а дома их — от постоя. Дети духовных лиц пользовались теми же правами. Но, кроме того, дети глав мусульманского духовенства (шейх-уль-ислама — у шиитов и муфтия — у суннитов) при условии беспорочного исполнения их родителями на протяжении 25 лет своих духовных обязанностей, а равно и дети чинов высшего духовенства получали: первые — права детей личных дворян и последние — права личных почетных граждан.

В законодательном акте были также определены функции всех звеньев духовных должностей и их субординация, положение губернских меджлисов — органов при губернской администрации, духовных училищ, финансовая сторона и пр. Высший надзор за мусульманским духовенством принадлежал кавказскому наместнику и сосредоточивался в Главном его управлении.

Предваряя анализ статистико-демографического учета населения края 1872 г., следует отметить значение законодательного акта 1872 г. о мусульманском духовенстве в формировании этого учета в пореформенное время. С ним связано введение мечетско-приходского учета населения мусульманского вероисповедания. Мечетскому духовенству вменялось обязательное ведение метрических книг, были определены его организационные стороны. 1873 год — время начала систематического мечетско-приходского учета жителей мусульманского вероисповедания в Закавказском крае.

Кодификация сословных прав мусульманского духовенства происходила в историческую эпоху, отличную от той, когда решались права армянской и грузинской церкви. Особенности мусульманской религии спасли мусульманское духовенство от тех радикальных мер, которым были подвергнуты армяно-григорианская и грузинская церкви. Прошло время, и царизм не только перешел к союзу с мусульманским духовенством, но и дорожил этим. Была сохранена иерархическая структура мусульманского духовенства, оставлена без изменений вакуфная собственность.

Статистика городов Закавказского края во второй половине XIX — начале XX в.

Организация статистического дела на Кавказе

В ряду правительственных мер, предпринимаемых царизмом в отношении Кавказа в пореформенное время, необходимо особо остановиться на положении статистического дела в крае, которое продолжало оставаться нестабильным.

Статистические учреждения в крае рассматривались центральной властью как бы с двух позиций: с одной стороны, их рассматривали как часть системы административно-политического управления края и, с другой — как неотъемлемую часть статистической организации в общегосударственном масштабе.

Этот дуализм в статусе статистических учреждений на Кавказе оказал определяющее влияние на бюрократическую сторону поло-

жения этих учреждений. Трудно назвать какую-либо другую сферу административно-политической системы края, которая подвергалась бы столь частым и практически ничего не меняющим по существу реорганизациям.

Всякое административно-политическое преобразование на Кавказе на всем протяжении второй половины XIX в. неизменно касалось его статистических учреждений.

Первая в пореформенное время реорганизация статистических учреждений на Кавказе не была собственно связана с реформами 60—70-х годов, а являлась результатом реформации статистического дела в общероссийском масштабе в канун реформы 1861 г.

26 декабря 1860 г. было утверждено Положение о губернских и областных статистических комитетах, в которых правительство вновь вернулось к созданию статистических комитетов при губернских и областных правлениях. Законодательный акт предполагал распространить общие принципы положения на Кавказский край[72].

В соответствии с этим 25 октября 1862 г. получило высочайшее утверждение положение Кавказского комитета «О преобразовании Ставропольского статистического комитета» и открытии статистических комитетов при губернских правлениях: Тифлисском, Эриванском, Бакинском и Кутаисском[73].

Однако вскоре грянула новая реорганизация статистических учреждений на Кавказе. В данном случае она явилась частью общего преобразования системы административно-политического устройства Кавказа в 1867 г.[74]

По положению о Главном управлении Кавказским краем учреждался единый статистический орган — Кавказский статистический комитет (далее — КСК). На этом основании упразднялись местные статистические комитеты (за исключением Ставропольского, Кубанского и Терского), доставлявшие прежде в Центральный статистический комитет (далее — ЦСК) сведения по Кавказскому краю.

Впоследствии ЦСК оценит негативно ликвидацию местных комитетов, так как в результате прекратилось доставление сведений по Кавказскому краю, и «во всех изданиях ЦСК этот обширный край представляет крупный пробел в статистических данных по империи»[75]. Между тем КСК, по мнению ЦСК, мог лишь направлять и контролировать статистическое дело на Кавказе, при этом не являясь «рабочей силой для разработки обширных статистических данных». Впрочем, имела значение и малочисленность штатов и материальных средств[76].

Нам еще предстоит по ходу изложения обращаться к статистическим изданиям Кавказского комитета. В данном случае следует сказать о последующих законодательных решениях по реорганизации статистических учреждений на Кавказе.

Упразднение наместничества явилось своего рода рубежом и в реорганизации статистических учреждений. В проекте, выработанном кавказской администрацией, отдельным пунктом определялась организация статистической части, ее задачи и функции.

В проекте продолжал фигурировать единый статистический орган на Кавказе — находящийся в Тифлисе Кавказский статистический комитет. Проект о преобразовании управления краем, как известно, был утвержден[77].

По указу от 26 апреля 1883 г. [78] на КСК, как и прежде, возлагались разработка статистических сведений по краю, их издание (поэтому при комитете создавалась должность главного редактора) и доставление их в ЦСК. Впредь до окончательного устройства статистической части в крае на общем основании (стало быть, оставалась открытой возможность для очередной реорганизации) она находилась в заведовании главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Как видим, указ 1883 г. по существу оставил неизменной организацию статистики в крае.

На это обратил внимание директор ЦСК Н. А. Тройницкий при обсуждении вопроса о состоянии статистического дела на Кавказе, которое, по его словам, «приняло в настоящее время совершенно ненормальное положение»[79].

Мнение его сводилось к тому, чтобы структура статистических учреждений на Кавказе, представлявших сведения о бытовой, экономической и промышленной жизни края, стоящего и поныне в особых условиях сравнительно с остальными частями империи, сочетала бы наличие местных статистических агентов при губернаторах и начальниках областей со сосредоточением всех функций деятельности губернских и областных статистических комитетов в КСК[80].

Нужно сказать, что вскоре кавказская администрация выступила за создание местных статистических комитетов и постановлением от 15 октября 1884 г. Совета главноначальствующего гражданской частью на Кавказе с 1885 г.[81] предполагалось их открытие. Не случаен предположительный смысл документа, которому, казалось бы, должен быть свойствен императив. Они действительно были созданы, но на непродолжительное время и без всякой программы. Секретари некоторых комитетов обратились в Центральный и Кавказский статистические комитеты с просьбой предоставить им унифицированную программу для сбора статистических сведений.

Более того, и. о. секретаря Елисаветпольского статистического комитета, хорошо известный своими работами по Елисаветпольской губернии, И. Л. Сегаль сам выдвинул разработанную им программу сбора статистических сведений о губернии. Она получила высокую оценку Тройницкого: «Только программы статистических

учреждений некоторых губернских земств могли бы равняться по своему объему и потребностям с предполагаемой Елисаветпольским комитетом»[82]. Однако дальше комплимента дело не пошло, поскольку, по мнению Тройницкого, эта программа была настолько «подробная и необычная даже для губерний внутренней России, где имелись для ее осуществления более приемлемые условия, что даже простой сбор сведений по этой программе представляется недостижимым»[83].

Затянувшиеся дебаты о структуре статистических организаций на Кавказе затрагивали лишь закавказскую его часть. Различия в организации статистического дела на Северном Кавказе и в Закавказье объяснялись этно-демографическими и социально-политическими особенностями каждого из регионов. Закавказье в этническом отношении представляет собой значительно более пеструю картину. И поскольку статистические организации на Северном Кавказе созданы по типу подобных им учреждений во внутренних губерниях России и действуют в регионе, который «по степени гражданского развития и большинства русского населения тяготеет к центральным губерниям», то здесь следовало сохранить прежние условия статистических организаций[84]. В дальнейшем они были изъяты из ведения КСК и подчинены ЦСК с распространением на них общих правил[85].

Для Закавказья же существовал КСК, на который было возложено также общее руководство по всему Кавказскому краю.

Согласно инструкции, утвержденной Министерством внутренних дел в 1886 г., комитет курировал работу губернских статистических комитетов, выбор статистических сведений и их публикацию, исполнение дел, поручаемых Министерствам внутренних дел, и т. п. Губернские комитеты обязаны были ежегодно представлять в ЦСК статистические приложения к всеподданнейшим отчетам по формам, составленным ЦСК. Форма эта разрабатывалась применительно к административному делению края и с учетом этнических и региональных особенностей его населения[86].

19 декабря 1888 г.[87] был принят новый законодательный акт об очередной реорганизации статистической части на Кавказе. Поскольку статистические комитеты Северного Кавказа (Терский, Ставропольский и Кубанский) изымались из компетенции КСК, последний переименовывался в Закавказский статистический комитет (далее — ЗСК), а просуществовавшие в Закавказье не более трех лет губернские комитеты были упразднены.

ЗСК находился в двойном подчинении: у Министерства внутренних дел, наравне с другими местными комитетами, и у высшей кавказской администрации. Практически это выглядело так: любое действие комитета (назначение и увольнение его членов, главного редактора, составление программ и др.) санкционировалось министерством, но по представлению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Им же составлялась утверждаемая министерством инструкция о порядке действий комитета[88].

Практика работы ЗСК выявила недостатки в централизованной организации статистических учреждений в крае. Закавказский комитет, обобщив неудачный опыт работы, на специальном заседании в 1895 г. вынес решение о восстановлении губернских статистических комитетов. Мотивировалось это тем, что чиновники статистической части (по 1 на губернию) не справлялись с большим объемом работы и потому не могли удовлетворить предъявленные им требования. Имела значение не только малочисленность штата, но и отсутствие необходимых ассигнований. Из приложенной к докладу главного редактора ЗСК записки следовало, что из пяти губернских комитетов Бакинский и Эриванский бездействовали, Тифлисский и Кутаисский работали частично, и лишь один Елисаветпольский комитет «проявил себя внимательным обсуждением многих... проектов и программ для успешного ведения статистических работ в губернии», но также, впрочем, не давших полезных результатов ввиду их сложности[89].

2 июня 1899 г. состоялось последнее в XIX в. преобразование структуры статистических учреждений в крае[90]. Вновь были восстановлены местные статистические комитеты в губерниях: Тифлисской, Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской и Кутаисской — и в областях Карсской и Дагестанской. Сбор статистических сведений о Черноморской губернии возлагался на местную администрацию.

Оценивая в целом процесс формирования статистического дела на Кавказе, следует отметить, что основное внимание со стороны правительства было уделено вопросам структуры статистических организаций и их субординации. Что касается самого уровня статистических материалов, их разработки, то статистические учреждения на Кавказе — в качестве ли местных комитетов или центрального в виде единого органа — за некоторым исключением были достаточно квалифицированны. Во всяком случае, объем изданных различного рода статистико-демографических сборников (о некоторых из них нам придется еще говорить в процессе изложения) свидетельствовал о значительном масштабе выполненных работ, и доныне они остаются незаменимым источником по вопросам народонаселения Кавказского края, его этнического и сословно-социального состава.

Составляя себе представление об организации статистического учета населения Закавказья, особо следует остановиться на учете магометанского населения края. В этой связи следует вернуться к законодательству о мусульманском духовенстве 1872 г., поскольку, как уже отмечалось, с ним связано введение мечетско-приходского учета населения мусульманского вероисповедания.

Впервые с 1873 г. в соответствии с «Положением и инструкцией для мусульманского духовенства» вводились метрические книги для записи новорожденных, умерших, сочетавшихся браком и разведенных. Здесь же были разъяснены правила ведения метрических книг и ведомостей, их отчетности[91]. При законодательном акте 1872 г. прилагались образцы формы для различных категорий учета мусульман, принадлежавших к мечетскому приходу[92]. Главам духовных управлений — шейх-уль-исламу и муфтию — вменялся контроль за своевременным составлением общих годовых списков и представление их в Главное управление Кавказского наместничества[93].

Однако было бы неверно думать, что до 1873 г. в Закавказье вовсе отсутствовал учет населения мусульманского вероисповедания со стороны духовного ведомства.

После реорганизации статистического дела на Кавказе в 1862 г. губернские статистические комитеты обязаны были получать статистические сведения у местного духовенства. Министерством внутренних дел был установлен порядок отчетности местного духовенства губернским комитетам. ЦСК составил соответствующие таблицы и правила их заполнения. Местное духовенство, получая типографски исполненные таблицы, должно было раздавать их по приходам (мечетям) священникам (муллам), а они, собрав и проверив содержавшиеся в них сведения, доставлять их непосредственно губернскому статистическому комитету не позднее 15 февраля. Иногда существовала и такая практика, когда для ускорения губернский статистический комитет обращался за сведениями непосредственно к муллам через уездных начальников[94].

Тем не менее отсутствие традиций метрического учета у магометанского населения (то же касалось и еврейского населения) приводило к тому, что в метрических записях не было той точности, которая существовала при записи лиц христианского вероисповедания[95].

Положение 1872 г., вводя метрические книги и правила их заполнения, делало учет мусульманского населения обязательным, подчиненным общим для империи правилам статистического учета народонаселения, к тому же контролируемым.

Все акты гражданского состояния совершались немедленно: родившиеся, сочетавшиеся браком, разведенные и умершие записывались в метрические книги по совершении над ними соответствующих религиозных треб или по получении извещения от прихожан (в случае рождения или смерти). Духовные лица за недоставление сведений подвергались денежному взысканию: за каждую душу мужского пола — 15 руб. и женского — 7 р. 50 коп. Запрещались всякие подчистки[96].

Метрические книги о рождающихся и умерших ежемесячно освидетельствовались всеми духовными лицами, состоящими при мечетском обществе. Мечетское духовенство (муллы) с наступлением первого месяца Нового года подводило общие итоги родившихся и умерших, подписывало метрические книги, удостоверяя в конце книг, что второй их экземпляр оставлен при мечети. Аналогичную процедуру совершали казии, в компетенции которых находились метрические книги о сочетавшихся браком и расторжении браков, а кроме того, общий контроль за правильным ведением метрических книг.

Затем метрические книги поступали в губернский меджлис, который составлял сводные перечневые ведомости. Один экземпляр их направлялся губернскому начальнику, а другой — в духовное правление вместе со вторым экземпляром метрической книги. Последняя после проверки хранилась в безопасном от повреждений месте, за каждый год особо, с разделением на меджлисы. Духовное правление, в свою очередь, составляло обобщенные статистические сведения, представляемые в начале года Главному управлению наместника Кавказа.

Своевременность подачи сведений строго контролировалась: за несвоевременно доставленные метрические книги духовные лица подвергались взысканиям — по 10 руб. серебром в первый и второй раз, в третий же отстранялись от должности[97].

Как видим, статистический учет жителей мусульманского вероисповедания после закона 1872 г. предполагал четкую его организацию и, исключая какие-либо недоразумения и возможные ошибки при составлении сводных ведомостей, должен был гарантировать качество сообщаемых сведений.

Однако, несмотря на предусмотренные строгости, религиозно-бытовые особенности мусульманского населения влияли на полноту демографических данных. Так бывало при учете женщин, поскольку мусульмане, считая рождение девочек менее престижным, чем рождение мальчиков, пытались утаивать факт рождения дочерей[98]. Значительно лучше велась регистрация смерти, происходившая при участии полицейских органов, хотя и она была далека от совершенства, на что сетовал медицинский департамент Министерства внутренних дел[99]. Напротив, данные о числе родившихся страдали большей неполнотой оттого, что, согласно шариату, присутствие приходского муллы при наречении имени новорожденного и других мусульманских обрядов было необязательным, а потому множество рождений ускользывало от регистрации. Надо полагать, что это несколько преувеличивало цифру убыли мусульманского населения[100].

Тем не менее введение метрического учета мусульманского населения позволяет говорить о широком охвате этим видом учета жителей Закавказского края начиная с 70-х годов XIX в.

Но вне его продолжали оставаться раскольники и сектанты, у которых вовсе отсутствовала правильная запись рождений, смертей и браков, и потому сведения о родившихся и умерших получались через полицию[101].

Во второй половине XIX в. административно-полицейский учет, к исчислениям которого существовало вполне обоснованное недоверие, по-прежнему оставался одним из основных способов учета населения, тем более, что, по мнению специалистов, уровень его в начале 60-х годов заметно повысился[102].

В пореформенный период появляются однодневные переписи населения, которые производились статистическими учреждениями и при непосредственном участии самих жителей. В данном случае для нас представляют особенный интерес проводившиеся в ряде городов Закавказья городские переписи.

Однодневные городские переписи

Они заслуживают особого упоминания, поскольку при изучении истории отдельных городов края предоставляют возможность реконструкции этнического состава и сословно-социальной стратификации их населения.

Первые городские переписи были проведены в Тифлисе, да это и понятно. Их было две: в 1864— 1865 гг.[103] и однодневная — 25 марта 1876 г.[104] Собственно, перепись 1864—1865 гг. таковой в полной мере считаться не может. Она проводилась дважды, в зимнее и летнее время, по так называемому «английскому образцу». Как писал А. И. Гозулов, в чем его сущность, установить трудно. «Перепись, по-видимому, была ни однодневной, ни поименной. Речь идет, по всей видимости, о методе самоисчисления, широко распространенном в Англии и некритически воспринятом в то время в России»[105]. Действительно, по существу материалы переписи не дали ни точной численности населения, ни правильного его состава, хотя была поставлена задача установить численность жителей города в сословном аспекте по народностям и вероисповеданию. В критическом анализе, сопровождавшем публикацию сведений этой переписи, методика их сбора, равно как их неточность, обилие ошибок в подсчете были подвергнуты, можно сказать, уничижительной критике[106].

Несопоставима с ней по своему уровню перепись 25 марта 1876 г., произведенная двумя способами: поименным исчислением жителей по квартирам и перечневым, путем составления перечневых ведомостей. При подобном учете в состав первых входили коренные жители (и заезжие), живущие по квартирам; в состав вторых — воспитанники закрытых учебных заведений, низшие воинские чины расположенных в Тифлисе войск, находившиеся в больницах, и т. п. Составители тифлисской переписи, руководствуясь программой петербургской переписи, с одной стороны, как бы развили ее, прибавив пункт учета населения не только по родному языку, но и по национальности, с другой стороны, перенесенная в целом эта программа имела издержки в условиях этнического своеобразия жителей Тифлиса. Возникли сложности при идентификации родного языка для армянского населения города, в обиходе изъяснявшегося на грузинском языке, что вводило в заблуждение счетчиков. Программа не дифференцировала татарское население на азербайджанских татар (азербайджанцев) и собственно татар. Тот же промах был совершен и в отношении евреев, в результате чего были нивелированы кавказские евреи. Аморфными являлись некоторые сословно-социальные категории, в частности объединенные в одну рубрику: мещане, граждане и цеховые и др.[107] Невзирая на сказанное, перепись 1876 г. выполнила свою задачу.

Необходимость реализации городовых положений, введенных в ряде городов края, обнаружила отсутствие точных данных о численности населения. Учитывавшие главным образом податное население, камеральные описания не могли заменить переписи. Потребность в знании подлинного числа жителей диктовалась и соображениями административно-хозяйственного порядка.

10 апреля 1885 г. проводятся: однодневная перепись населения г. Кутаиси[108], 19 мая 1882 г. и 17 июня 1890 г.— однодневные переписи в г. Батуми[109]. Все они были сделаны по модели тифлисской. Остается лишь сожалеть, что ими ограничивается учет городского населения края в XIX в., и мы можем судить о структуре населения городов края, относившихся к крупнейшим (1 гр.) и крупным (2 гр.).

В начале XX в. возникает необходимость изучения такого феномена, каким был город Баку, превратившийся в один из крупнейших капиталистических городов России. Перепись Баку 22 октября 1903 г.[110] имела своей целью выяснить экономическую структуру города, и в этой связи главным вопросом был вопрос об основном занятии. Кроме того, имелся пункт о побочном занятии, за счет чего расширялся круг лиц, квалифицированных по занятиям. Представляет несомненный интерес пункт переписи, дифференцировавший самодеятельное население, в том числе по месту рождения, времени поселения в Баку и «главным» этнографическим группам. Но вместе с тем именно последняя позиция была наиболее уязвимой, так как перечень национальностей был весьма ограничен, не соответствовал их реальному числу и многообразию. Кроме того, в одну национальную группу были объединены татары и персы, украинцы и белорусы в составе русских и т. п. Однако значение разработок переписи 1903 г. должно оцениваться в сово-

купности с теми сведениями, которые содержались в переписи Баку 1913 г.[111] для исследования ряда социальных групп самодеятельного населения, их удельного веса в составе горожан.

Завершая краткий обзор городских переписей в Закавказье, следует упомянуть еще одну перепись, материалы которой ждут своего исследователя, которые так и не опубликованы. Это — однодневная перепись населения г. Ахалциха, которая была произведена 1 мая 1917 г. в связи с выборами в городскую думу [112].

Статистика городов

Пожалуй, первой в пореформенное время публикацией материалов, содержавших сведения о городах России, можно считать семитомное издание «Городские поселения в Российской империи» (СПб., 1860—1865). Оно отразило то внимание, которое стали проявлять правительственные ведомства к возросшей роли городов. Инициатором этой публикации выступил хозяйственный департамент Министерства внутренних дел из-за своих ведомственных интересов к городскому хозяйству и управлению. Однако в нее не вошли сведения о городах ряда регионов и в их числе Кавказа. Можно сказать, что вплоть до 1906 г. специальных публикаций о городах не предпринималось. Сведения о них входили составной частью в различные публикации ЦСК. Последних было достаточное количество, и перечень их занял бы много места.

Оценивая в целом характер публикуемых материалов по статистике городов, отметим, что содержали они главным образом цифры о числе жителей, плотности населения[113]. При этом в большинстве из них не являлось исключением примечание об отсутствии сведений по тем или иным городам Закавказского края.

Среди прочих публикаций следует назвать «Военно-статистический сборник» (Вып. IV. Россия. СПб., 1871), издание которого было весьма симптоматичным. В качестве одной из основных причин его появления было признание факта влияния комплектования войск на демографическую ситуацию в России, в ее регионах.

Казалось, наиболее систематизированные демографические данные должны были представить губернаторские отчеты, публиковавшиеся на их основе обзоры. Но в них также содержались лакуны, практически исключалась возможность сопоставления демографических процессов в их этническом и сословно-социальном аспектах. Такой же упрек должен быть сделан и в адрес отчетов медицинского департамента. Лишь начиная с 1884 г. в их статистические материалы вводятся данные по Кавказу.

Из статистико-демографических публикаций начала XX в. самым эффективным представляется «Статистический ежегодник России» (СПб.—Пг., 1905—1916). Его цифровые материалы единообразны, чем определяется возможность сопоставления динамики численности городского и сельского населения, во-первых, и компаративного их анализа в масштабах всей России, во-вторых. Кроме того, со второй половины издания в ежегоднике сообщались в том числе сведения о «племенном» составе населения, в некоторых случаях о родном языке.

В аналогичном аспекте были консолидированы статистико-демографические материалы в двух однотипных публикациях ЦСК «Города России в 1904 г.» (СПб., 1906) и «Города России в 1910 г.» (СПб., 1914). Поскольку сборники были посвящены городам, то сведения их выходили за рамки исключительно статистического характера. Задача их ставилась более широко — осветить различные стороны городской жизни. ЦСК при отборе материалов существенное значение придавал вопросу типологии поселений городского типа, и в качестве основного критерия был признан законодательно присвоенный им административный статус города. Материалы сборников базировались на данных, полученных от местных статистических комитетов, и здесь следует обратиться к деятельности статистических комитетов Закавказского края.

Она была весьма плодотворной, уровень обобщения статистических материалов — достаточно высоким. Важно отметить сотрудничество, образовавшееся между статистическими комитетами и КОИРГО, плодом чего являлись публикации статистических сборников[114].

Среди множества осуществленных КСК изданий необходимо выделить «Сборник сведений о Кавказе» (Тифлис, 1871—1885, Т. 1—9). Его значение в качестве источника умалить трудно. До того на Кавказе не создавалось столь всеобъемлющего статистического труда, и, быть может, опыт его создания предопределил уровень еще одной публикации — «Свода статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.» (Тифлис, 1893). Значение его состояло в том, что в нем были подытожены и систематизированы данные статистико-демографического обследования Закавказского края 1886 г., которое по своей методике было более совершенным, чем камеральное описание 1873 г. Благодаря этому был исчислен и этнический состав населения края, его сословно-социальных групп[115].

Данные «Свода» в совокупности с материалами первой всеобщей переписи населения 1897 г. являются базовыми при реконструкции объемной картины населения городов края конца XIX в.

Статистические комитеты на Кавказе имели заслуживающую похвалы особенность время от времени публиковать результаты своей работы в «Кавказском календаре», и мы по-прежнему встре-

чаем на его страницах различного рода статистические данные, в том числе о городах края[116].

Давая общую оценку статистико-демографическому учету второй половины XIX — начала XX в., следует отметить по-прежнему отсутствие четкой социальной классификации не только в рамках посословного учета, но и вне его. Только потомственное дворянство, духовенство и крестьянство соотносились с определенными сословными группами. Но развивавшиеся внутри них социальные процессы оказывались вне статистического учета, в связи с чем чрезвычайно затруднялось выявление социальных групп.

Необходимо также отметить, что на протяжении второй половины XIX в. в процессе унификации административно-политической системы статистико-демографический учет на Кавказе все более утрачивает свои особенности, подчиняясь существующему единообразию в общегосударственном масштабе.

Рост городов Закавказского края в пореформенный период

Вопрос в том, какова была интенсивность процесса роста городов Закавказья в пореформенное время, является ключевым при определении характера и уровня социально-экономического и общественного развития края.

В. И. Ленин, резюмируя итоги предпринятого им анализа социально-экономического развития России, создает таблицу, содержание которой позволяет проследить рост индустриального населения за счет земледельческого в 50 губерниях Европейской России в период 1863—1897 гг.[117] Аналогичная задача должна быть поставлена и в отношении городов Закавказского края.

Однако, следуя ленинской методике группировки данных, нужно обратить внимание на необходимость ее модификации применительно к закавказским материалам.

Прежде всего это касается статистических источников, которые являлись опорными при составлении таблицы. Они разнятся в части, характеризующей численность городского населения на середину 80-х годов. В. И. Лениным были использованы данные «Сборника сведений по России на 1884—1885 гг.» (СПб., 1887). В нашем же случае представляется более целесообразным привлечение данных посемейных списков 1886 г.[118] Преимущество заключается в том, что в них было зафиксировано население не только городов, но и местечек, что в условиях Закавказья имело значение, поскольку большинство их играло роль уездных центров. Кроме того, в «Сборнике сведений по России» данные о численности населения Тифлиса повторяли сведения однодневной переписи города за 1876 г. и, следовательно, уже устарели.

Посемейные списки охватили все без исключения — податное и неподатное — население Закавказского края. Составление их проходило под руководством губернских и областных начальников и продолжалось в течение мая — декабря 1886 г. На основании полученных данных Закавказский статистический комитет создал экстракт, в котором отразились следующие показатели: число дымов и душ м. и ж. п., распределение населения по народностям, вероисповеданию и сословиям, по возрасту, грамотности и образованию, по роду занятий.

При составлении таблицы представлялось целесообразным ввести еще один хронологический рубеж — 1873 г. Обусловлено это тем, что в 1872 г. была отменена феодальная по своему характеру откупная система на нефтеносные земли Азербайджана, что оказало определяющее воздействие на все дальнейшее развитие нефтяной промышленности. В «поразительном росте горнопромышленности в пореформенный период» решающая роль принадлежала Бакинской губернии: «Почти вся нефть добывается в Бакинской губ., и город Баку из ничтожного города сделалася первоклассным в России промышленным центром с 112 тыс. жителей»[119]. Последовавший нефтяной бум дал мощный импульс росту численности населения города Баку, и факт этот заслуживает того, чтобы быть зафиксированным. Кроме того, на демографическую ситуацию не могло не оказать влияния открытие в 1883 г. Закавказской железной дороги.

Наконец, исходя из иных по сравнению с Европейской Россией масштабов городской жизни Закавказья, нами даны и иные количественные критерии при группировке городов. То, что считалось крупным городом в масштабах Европейской России (более 200 тыс., 100—200 тыс., 50—100 тыс), было неприемлемо для Закавказья до 80-х годов, поскольку население свыше 100 тыс. насчитывалось всего в двух городах края — Баку и Тифлисе, да и то к моменту переписи 1897 г.

Как следует из данных табл. 8, в пореформенное время процент городского населения постоянно возрастает, происходит отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям[120]. Однако, если, по наблюдениям Ленина, города Европейской России растут вдвое быстрее, чем остальное население, то для Закавказского края темпы прироста горожан были особенно стремительными.

Так, в целом население края с 1863 по 1904 г. выросло в два раза (на 102,8 %), сельское население возросло в несколько меньшей степени (на 94,8 %), но при этом городское население увеличилось в 3,4 раза, или на 240,2 %. Это намного превосходило прирост населения городов Европейской России.

*Таблица 8. Рост городов Закавказского края (1863—1897 гг.)**

Год	Население Закавказского края			% городского населения	Число городов,		имеющих население			Население городов, имеющих					% населения крупных городов, имеющих 25—более 100 тыс. чел.	Число крупных городов, имеющих 25—более 100 тыс. чел.
	всего, тыс. чел.	в городах	в уездах		до 10 тыс. чел.	10—25 тыс. чел.	25—50 тыс. чел.	50—100 тыс. чел.	более 100 тыс. чел.	до 10 тыс. чел.	10—25 тыс. чел.	25—50 тыс. чел.	50—100 тыс. чел.	более 100 тыс. чел.		
1863	2639,4	251,1	2388,3	9,1	18	9	—	1	—	55,9	134,4	—	60,8	—	24,2	1
1873	3555,1	323,2	3231,8	9,1	17	9	—	1	—	71,9	160,3	—	91,0	—	28,1	1
1885	4091,9	462,2	3629,8	11,3	19	11	2	2	—	61,6	182,8	52,7	165,0	—	47,2	4
1897	4934,6	711,7	4222,9	15,6	31	9	6	—	2	117,4	142,8	180,1	—	271,5	63,4	8
1904	5353,9	854,2	4648,5	15,9	30	8	7	—	2	117,9	130,0	231,6	—	374,7	71,0	9

* За 1863 г.— цифры из: Статистический временник Российской империи. СПб., 1866, «Пространство, население и численность Кавказского края (по официальным сведениям в основу таблицы, нуждаются в специальной оговорке. Данные его следует считать зани вило, огульно; неполно отражалась численность, лиц неподатных сословий, не яснительную записку главного редактора Кавказского статистического комитета Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893 (без Вып. 2. Наличное население городов по переписи 28 января 1897 г. СПб., 1897. С. 27— административных центров. Исчисления городского населения края проведены по ма С. 1; 66, 1905. С. 2; 69, 1905. С. 2; 71, 1905. С. 2; за 1904 г. исчисления по городскому (СПб., 1906. С. 0220—0221), г о сельскому и всему населению по данным «Статистиче ряду городских поселений восполнены сведениями переписи 1897 г.

I. Гл. I. С. 144—146; за 1873 г. Сборник сведений о Кавказе. Т. IV. Тифлис, 1878. Табл. 1873—1876 гг.» (без пг.). Исчисления камерального описания 1873—1876 гг., положенные женными, поскольку женская часть населения определялась по каждому дыму, как праудовлетворительно обстояло дело с учетом неприписанного населения. См. об этом по-Н. Зейдлица (Там же, без пг.); за 1885 г.— Свод статистических данных о населении пг.); за 1897 г.— Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 29. В число городских поселений края включены местечки, села и т. п., имевшие статус териалам погубернских публикаций: Т. 62, 1905. С. 2; 63, 1904, С. 2; 64, Вып. 2. 1904, населению произведены по данным статистического сборника «Города России в 1904 г.» ского ежегодника России»: 1905» (СПб., 1906. С. 59—61). Отсутствующие данные по

Если доля горожан в составе жителей Закавказского края и Европейской России была равной в 1863 г., то в результате более высоких темпов прироста городского населения в Закавказье удельный вес превысил прежнее соотношение, составляя к 1897 г. 15,6 % (а по Европейской России — 12,7 %). Он оставался ведущим в пределах Кавказа, достигая без малого 60 %.

Если проанализировать темпы прироста населения внутри периода, то обращает на себя внимание следующее. Прирост горожан в 1863—1873 гг. составил 28,7 %, в последующем же он сильно увеличивается и отличается равномерностью: в 1873—1885 и 1885—1897 гг. число горожан увеличилось соответственно на 43,0 и 43,9 %. Однако при этом надо помнить, что после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. к России были присоединены Карсская и Батумская области, что, естественно, сказалось на численности населения края. Так, в 1885 г. население городских поселений этих территорий достигало в сопокупности 23 628 человек[121].

Следует, однако, обратить внимание на одну особенность роста числа городов и городского населения. Уже отмечалось, что абсолютное большинство городов являлось административными центрами. По мере административно-территориального дробления края

формально увеличилось число городов и соответственно число горожан. Следуя принципу, положенному в данной работе при классификации поселений городского типа (административный статус), в статистические исчисления включены в том числе данные о численности населенных местечек, сел, урочищ и безуездных городов, игравших роль уездных центров. Этим объясняется резкий рост числа городов Закавказского края: с 28 в 1863 г. до 47 в 1904 г. Численность жителей таких поселений колебалась от 500 чел. (например, м. Агдаш, урочище Джебраил) до нескольких десятков тысяч (м. Сальяны — 16,1 тыс., м. Кагызман — 9,8 тыс).

Важно определить, за счет населения каких именно городов происходил прирост городского населения края.

На всем протяжении пореформенного периода группа городов с количеством жителей до 10 тыс. оставалась многочисленной и число городов этой группы оставалось стабильным. Следующая группа городов (от 10 тыс. до 25 тыс. жителей) также подверглась существенным изменениям. Быстрее всего увеличивалось население крупных торговых индустриальных центров. Возросло число городов с населением свыше 25 тыс. человек в период с 1885 по 1897 г. с 2 до 6 (Елисаветполь, Шуша, Кутаиси, Батуми, Эривань

и Александрополь). Население городов этой группы увеличилось на 27,2 %.

Однако наибольший рост жителей произошел в двух самых крупных городах Закавказья — Тифлисе и Баку. В 1863 г. из всего числа горожан края лишь 24,2 было сосредоточено в крупном центре — Тифлисе. К 1885 г. их было уже два (Баку и Тифлис) и доля населения в этих городах достигала 35,8 % всех горожан. К 1897 г. население в них составляло уже более двух третей всего городского населения края (69,4 %). Население этих городов за период 1897—1904 гг. возросло на 38,8 %.

Таким образом, на это обращает специальное внимание В. И. Ленин: «Если в 60-х годах характер городского населения определялся преимущественно населением не очень больших городов, то в 1890-х годах крупные города достигли полного перевеса»[122].

Если прирост населения городов в целом по краю составил 240,2 %, то в обоих крупных городах он достигал цифры огромной — 401,2 %. Следовательно, так же как и в Европейской России, «громадный рост крупных индустриальных центров и образование целого ряда новых центров есть один из характернейших симптомов пореформенной эпохи»[123]. И в этом смысле наиболее показательным является рост города Баку — крупнейшего порта и индустриального центра в масштабах всей России. Если вспомнить населенность этого города, исчислявшуюся в 1842 г. всего 6834 душами об. п., то в 1904 г. Баку насчитывал 177 777 человек, т. е. число жителей города увеличилось в 26 раз! При этом в пореформенный период наибольший процент прироста населения Баку приходился на 1873—1897 гг. и составил он 670 %. Развитие нефтяной промышленности оказало влияние на рост населения и в Батуми, превратившегося в крупный порт, связанный нефтепроводом с Баку и транспортировавший нефть в Европу: число жителей в городе за короткий период (1885—1897 гг.) возросло в два раза.

Говоря о росте численности населения крупных городов Закавказского края, следует обратить внимание на соотношение неместных уроженцев по местам их выхода, поскольку, как известно, города подобного типа аккумулировали значительные массы пришлого населения.

Так, из всех неместных уроженцев, проживавших в городах Бакинской губернии, на долю города Баку приходилось их большинство — 89,7 %. Баку стал центром притяжения неместных уроженцев не только из других уездов своей же губернии, а их в городе сосредоточивалось 79,9 % всех прибывших из уездов губерний в ее города. Удельный вес уроженцев, устремившихся в Баку из других губерний, достигал 92,8 % и из других государств — 90,2 %, т. е. абсолютное большинство[124].

В Тифлисе сосредоточивалось 86,3 % всех неместных уроженцев, разместившихся в городах Тифлисской губернии. При этом 85,8 % прибывших в города губернии из других губерний осело в самом Тифлисе. Удельный вес уроженцев из других уездов губернии достигал в городе $^1/_3$ всех неместных уроженцев города[125].

Если проанализировать исчисления переписи 1897 г. (табл. 9), отразившие данные о размещении неместных уроженцев на территории Закавказья, обращает на себя внимание его неравномерность для различных губерний и областей края. В данном случае речь идет о соотношении неместных уроженцев, направлявшихся в города края и вне их.

Более половины неместных уроженцев оседала в городах трех губерний с наибольшим потенциалом промышленно-городского населения: Бакинской (61,4 %), Тифлисской (61,9 %) и Кутаисской (59,6 %), с не очень большим отрывом от них шла Эриванская губерния (46,2 %) и уже далее по нисходящей следовали Карсская область (29,9) и Елисаветпольская губернии (25,7 %).

Основной контингент мигрантов из Европейской России (70,0 %) и Привислинских губерний (72,3 %) направлялся в города края. Приток мигрантов с других территорий Кавказа размещался частью в сельских местностях (52,0 %), частью в городах края (48,0 %) — можно сказать поровну. Более трети (35,5 %) уроженцев иностранных государств также оседало в городах. Количество уроженцев таких районов, как Сибирь и Средняя Азия, исчислялось десятками и в таблице учтены в составе всего населения неместных уроженцев империи.

Соотношение различных групп уроженцев в городах края иллюстрируется картой-схемой (по материалам переписи 1897 г.) дифференцированно по типам городов: «Население городов Закавказья. 1897».

Характеризуя развитие городской жизни в Закавказье в его количественных проявлениях, было бы интересно оценить место этого процесса в компаративном плане.

Благодаря исчислениям Главного Управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, отдавая при этом должное мере их условности, мы можем составить себе общее представление о динамике численности городского населения в 1825—1910 гг. как в масштабах всей Российской империи, так и субрегиональных[126]. Сразу же оговоримся, что исходные данные по Кавказу по своей полноте не соответствовали остальным, поскольку ряд территорий края вошел в состав России либо обрел административно-территориальный статус губернии (или области) после 1825 г., что повлияло на цифры прироста в целом по всему региону. Кроме того, при сопоставлении данных прироста надо иметь в виду подчас очень низкие стартовые цифры.

Таблица 9

Распределение неместных уроженцев по городам Закавказского края (1897 г.) По данным переписи 1897 г. (в душах об. п.)*

Места выхода	Бакинская губ.			Елисаветпольская губ.			Тифлисская губ.		
	По губернии	В города	% направлен. в города	По губернии	В города	% направ. в города	По губернии	В города	% направл. в города
Европейская Россия	47 322	33 854	71,5	5 330	2 641	49,5	38 263	29 032	75,8
Привислинская губ.	1 155	903	78,1	537	341	63,5	4 688	3 349	71,4
Кавказ	32 673	16 726	51,5	19 347	3 540	18,3	57 271	29 662	51,8
Иностранные	19 419	10 475	53,9	8 279	2 019	24,4	14 869	9 335	62,8
Всего (в том числе прочие территории империи)	102 242	62 763	61,4	34 079	8 752	25,7	116 857	72 377	61,9

* Подсчитано по материалам переписи 1897 г.: Бакинская губерния. СПб., 1905. Т. 61—62. С. 24—27; Елисаветпольская губерния. СПб., 1904. Т. 63. С. 29—31; Тифлисская губерния. СПб., 1905. Т. 69; Кутаисская губерния. СПб., 1905. Т. 65—66. С. 44—49; Эриванская губерния. СПб., 1905. Т. 71—72. С. 26—29; Карсская область. СПб., 1904. Т. 64. Тетрадь 3. С. 2—3, 18—19.

Кутаисская губ.			Эриванская губ.			Карсская обл.			Итого		
По губернии	В города	% направл. в города	По губернии	В города	% направл. в города	По губернии	В города	% направл. в города	По губернии	В города	% направл. в города
16 909	10 700	63,3	7 987	6 294	78,8	13 204	7 820	59,2	129 015	90 341	70,0
1 456	1 185	81,4	1 449	1 289	88,9	2 834	1 692	59,7	12 119	8 759	72,3
12 147	8 079	66,5	20 386	14 966	73,4	31 529	10 334	32,7	173 353	83 307	48,0
22 011	11 425	51,9	17 456	4 593	26,3	39 739	5 376	13,5	121 773	43 223	35,5
53 631	31 982	59,6	37 933	17 524	46,2	87 638	25 348	28,9			

Динамика численности населения городов Российской империи 1825—1910 гг.

Губернии и области	% прироста	Губернии и области	% прироста
Привислинские	190,2	Северные	661,3
Северо-Западные	198,1	Заволжские	537,0
Заднепровские	491,3	Сибирь	313,1
Средневолжские	105,2	Средняя Азия	1 889,5
Южные	509,0	Кавказ	1 320,1

Данные о приросте городского населения в субрегиональном аспекте комментируют итоговую цифру по Кавказу. Так, в губерниях и областях Закавказья процент прироста составил в губерниях, с исходными данными 1825 г.: Кутаисской — 2 862,8, Елисаветпольской — 1 359,6, Тифлисской — 892,4; с исходными данными 1856 г.: Бакинской — 418,2, Эриванской — 173,8; с исходными данными 1897 г.: Батумской — 33,2 и Карсской — нет прироста.

В целом приведенные исчисления позволяют судить о тенденциях развития городской жизни в России за 85 лет.

Сопоставляя уровень развития городов Закавказского края в эпоху капитализма, следует отметить наличие субрегиональных особенностей. Более интенсивными темпами шло развитие городов Азербайджана и Грузии за счет крупных промышленноторговых и административных центров. По мнению А. Бадаляна: «Процесс развития городов в Армении происходил более медленными темпами, чем в других губерниях». Причиной отставания являлось слабое развитие промышленности, вследствие чего относительно избыточное население направлялось в крупные индустриальные центры Закавказья — Баку, Тифлис. Как и в дореформенный период, на прирост населения Армении оказывал влияние механический прирост — иммиграционный поток[127].

Прилагаемая к работе диаграмма иллюстрирует динамику численности городского населения в Закавказье в 1842—1914 гг. При ее составлении были использованы статистические материалы, положенные в основу исследования на 1914 г.: Пространство и население Кавказского края к 1 января 1914 г.: (По данным уездной администрации) // Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. Отд. IV. С. 218—257.

Этнический состав населения городов Закавказского края во второй половине XIX — начале XX в.

Во второй половине XIX в. этнодемографическая карта края подверглась существенным изменениям[128], которые в значительной степени явились следствием русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Как известно, по Сан-Стефанскому мирному договору (1878 г.) к России отошли Ардаган, Карс, Батуми, Баязет, отторгнутые от нее по Парижскому договору (1856 г.)[129]. В этой связи произошли крупные миграционные движения. Так, в пределы Карсской области переселяются армяне, греки, курды-езиды и др. и выселяются за ее пределы турки[130]. Приток армянского населения в Россию происходил непрерывно в результате политики геноцида армянского народа, проводимой в Турции, особенно в конце XIX в.[131] Основная часть переселенцев находила прибежище в Закавказье.

Имели значение и внутренние миграции населения, а также переселение за пределы России весьма ощутимого для региона количества некоторых коренных народностей. Здесь следует отметить «махаджирство» — выселение представителей абхазско-абазинской этнической группы[132].

Интенсифицируется приток в край русского населения. Происходило это в контексте социально-экономического развития России в пореформенный период.

В частности, этому способствовала переселенческая политика царизма, законодательно признавшего переселение русских крестьян на Кавказ, а впоследствии и столыпинская аграрная реформа. Но при этом, в конце 90-х годов часть русского населения края (духоборы) эмигрировала в Канаду.

Мы должны отметить, что и к концу XIX в. основную часть населения городов края составляли коренные жители.

По-прежнему доля азербайджанцев, армян и грузин в общем составе городского населения отражала в целом закономерности размещения их в крае (табл. 10).

Так, *азербайджанцы* составляли в среднем половину городского населения на основной территории Азербайджана: 55,9 % городского населения Елисаветпольской губернии и 48,3 % — Бакинской губернии. Однако доля азербайджанцев-горожан в составе всего азербайджанского населения оставалась меньшей по сравнению с сельским его большинством: 9,3 % в Елисаветпольской губернии и 17,0 % в Бакинской губернии. Как видим, удельный вес азербайджанцев, проживавших в городах Бакинской губернии, был почти вдвое больше. Ощутимая часть азербайджанцев по-прежнему проживала в городах Эриванской губернии — они составляли 26,5 % городских жителей губернии. И здесь удельный вес сельских жителей был определяющим, горожане среди азербайджанцев губернии составляли 7,8 %.

Численность азербайджанцев в пределах Тифлисской губернии уменьшилась по сравнению с серединой 50-х годов за счет изменения административно-территориального деления Закавказского края. С созданием в 1867 г. Елисаветпольской губернии от Тифлисской губернии отошел Елисаветпольский уезд, наиболее насыщенный азербайджанским населением. К концу XIX в. азербайджанцы, проживавшие в городах Тифлисской губернии, составляли около 3 % городского населения и 5,9 % всех азербайджанцев — жителей губернии. На территории Грузии азербайджанцы населяли также Кутаисскую губернию. Однако число их было незначительно и, хотя три четверти их проживало в городах губернии, в целом удельный вес их среди городского населения достигал всего 0,5 %.

В целом по Закавказью азербайджанцы составляли около четверти городского населения края — 23,0 %, но среди азербайджанцев городская их часть достигала 11,4 %. По-прежнему азербайджанцы в основной своей массе оставались жителями сельскими.

Треть — 30,3 % всех городских жителей края составляли *армяне*, доля их среди городских жителей Закавказского края была оптимальной. Они составляли значительную часть жителей городов Эривани, Карса, Тифлиса, Елисаветполя, Александрополя и др. В определенной степени это было связано, во-первых, с отмечавшимся уже включением в состав России Карсской области и, во-вторых, с репатриацией армян из-за границы.

Материалы переписи 1897 г. позволяют судить о масштабах миграционных процессов в губернии Закавказского края, но лишь опосредованно мы можем судить об этнической либо конфессиональной принадлежности мигрантов, поскольку эти признаки не фиксировались у неместных уроженцев. Однако данные переписи указывали на распределение неместных уроженцев по административно-территориальным единицам края, с одной стороны, и по местам их рождения — с другой. Сопоставив оба эти показателя, мы можем с той или иной степенью относительности судить о конфессиональной, а, следовательно, отчасти и об этнической принадлежности мигрантов.

Так, 75,9 % всех мигрантов, направившихся из Турции на Кавказ, разместились в пределах Закавказья. При этом добрая их половина (50,4 %) приходилась на Карсскую область, четвертая часть (25,4 %) — на Кутаисскую губернию, меньшая часть — на Эриванскую (13,3 %) и Тифлисскую (9,5 %) губернии. И лишь немногим более одного процента приходилось в совокупности на губернии: Бакинскую и Елисаветпольскую. Данные, достаточно убедительно свидетельствующие о конфессионально-этническом облике основной массы мигрантов: 1) христианского исповедания, 2) армяне и частично греки.

Иная картина складывается при анализе данных о неместных уроженцах, переселившихся из Ирана. Доля мигрантов, разместившихся в местах основного притока армян-репатриантов, была значительно меньшей. Например, в Эриванской губернии выходцы из

Таблица 10

Этнический состав населения городов Закавказского края по родному языку в 1897 г. (душ. об. п.)

Народность	Бакинская губ.			Елисаветпольская губ.			Карсская обл.		
	Все население	Городское		Все население	Городское		Все население	Городское	
		человек	% ко всему населению		человек	% ко всему населению		человек	% ко всему населению
Азербайджанцы	485 146	82 362	17,0	534 086	49 949	9,3	2 347	570	24,3
Грузины	1 678	1 109	66,1	1 396	681	48,8	543	378	69,6
Армяне	52 233	23 124	44,3	292 188	33 009	11,3	73 406	16 616	22,6
Русские	73 632	40 074	54,4	14 146	3 480	24,6	22 327	6 392	28,6
Турки	1 155	815	70,5	9	4	44,4	63 547	3 929	6,2
Курды	8	—	0,0	3 042	3	0,0	42 968	298	0,6
Таты	89 519	3 546	4,0	1 753	1	0,0	6	1	16,6
Греки	278	250	89,9	553	28	5,0	32 593	1 037	3,2
Абхазы	2	1	50,0	—	—	—	—	4	100
Осетины	113	50	44,2	96	32	33,3	520	86	16,5
Кюринцы	48 192	599	1,2	14 503	202	1,4	11	—	—
Талыши	34 994	976	2,8	—	—	—	10	10	100
Украинцы	3 372	1 315	39,0	861	406	47,1	5 279	3 574	67,7
Евреи	8 172	5 922	72,4	185	136	73,5	1 138	802	70,4
Немцы	3 430	2 597	75,7	3 194	128	4,0	430	232	53,9
Поляки	1 439	1 117	77,6	616	433	70,3	3 243	2 169	66,8
Белорусы	677	644	95,1	2 868	22	0,7	250	124	49,6
Литовцы	272	254	93,4	116	109	93,9	892	799	89,5
Персы	5 973	3 563	59,6	338	116	34,3	568	334	58,8
Прочие	16 431	1 677	10,1	8 460	520	6,1	40 576	483	1,2
Итого	826 716	169 995	20,6	878 415	89 259	10,1	290 654	37 838	13,0

Окончание табл. 10

Народность	Кутаисская губ.			Тифлисская губ.			Эриванская губ.			Итого		
	Все население	Городское		Все население	Городское		Все население	Городское		Все население	Городское	
		человек	% ко всему населению		человек	% ко всему населению		человек	% ко всему населению		человек	% ко всему населению
Азербайджанцы	750	535	71,3	107 383	6 301	5,9	313 176	24 488	7,8	1 442 888	164 205	11,4
Грузины	868 766	47 440	5,4	467 631	71 225	15,2	588	345	58,7	1 340 602	121 178	9,0
Армяне	24 043	14 505	60,3	196 189	74 358	37,9	441 000	53 997	12,2	1 079 059	215 609	20,0
Русские	19 273	13 357	59,3	79 082	49 088	62,0	13 173	7 775	59,0	221 633	120 166	54,2
Турки	46 665	3 731	8,0	24 722	159	8,0	245	14	5,7	136 343	8 652	6,3
Курды	1 824	9	0,4	2 538	230	9,0	49 389	591	1,2	99 769	1 131	1,1
Таты	34	6	17,6	—	10	100	709	—	—	92 021	4 263	4,6
Греки	14 482	4 546	31,4	27 118	1 311	4,8	1 323	305	23,0	76 352	7 477	9,8
Абхазы	59 469	247	0,4	41	13	31,7	—	—	—	59 512	265	0,4
Осетины	4 240	90	2,1	67 268	1 130	1,6	112	25	22,3	72 349	1 413	2,0
Кюринцы	55	34	61,8	1 199	44	3,8	41	9	21,9	63 951	888	1,4
Талыши	55	41	74,5	152	—	—	—	—	—	35 211	1 027	2,9
Украинцы	4 008	2 548	63,6	4 772	3 657	76,6	2 682	1 704	63,5	22 645	13 204	58,3
Евреи	7 006	5 406	77,1	5 188	3 709	71,5	850	644	75,7	22 539	16 619	73,7
Немцы	1 065	622	58,4	8 340	3 036	36,4	210	174	82,8	16 669	6 789	40,7
Поляки	1 938	1 645	84,9	6 282	4 772	75,9	1 385	1 257	90,7	14 903	11 393	76,4
Белорусы	152	115	71,1	247	104	42,1	82	48	58,5	4 286	1 057	24,6
Литовцы	450	389	86,4	1 263	735	58,2	384	382	99,4	3 261	2 668	81,8
Персы	1 022	853	83,4	1 991	1 515	76,0	235	140	59,6	10 127	6 521	64,4
Прочие	2 934	1 397	47,6	6 676	3 399	50,9	3 972	425	10,7	120 493	7 202	5,9
Итого	1 058 241	97 516	9,2	1 051 032	224 796	21,4	829 556	92 323	11,1	4 934 614	711 727	14,4

Ирана составляли 16,7 %, Карсской области — 2,5 %, в Кутаисской губернии — 3,1 %, Тифлисской — 14,8 %. Зато почти половина их (44,2 %) осела в Бакинской губернии и 18,5 % — в Елисаветпольской губернии. Хорошо известно, что в Бакинский нефтепромышленный район на заработки стекалось большое количество выходцев из Ирана. В целом же в пределах Закавказья осело абсолютное большинство (93,1 %) мигрантов, направлявшихся из Ирана на Кавказ[133].

Большую часть армянское городское население составляло в Эриванской губернии — 58,4 % всего городского населения, 43,9 % — в Карсской области, 36,9 % — в Елисаветпольской губернии, 33,0 % — в Тифлисской, 13,6 % — в Бакинской и 14,8 % — в Кутаисской.

При общем достаточно высоком уровне численности армян в губерниях Азербайджана в городах проживало их от общего числа армян края 44,3 % в Бакинской губернии и 11,3 % — в Елисаветпольской. Две трети армян Кутаисской губернии — 60,3 % сосредоточивалось в ее городах.

Грузинские городские жители, составлявшие 17,0 % городского населения Закавказского края, расселялись более компактно в городах Грузии: 31,7 % в Тифлисской и 48,6 % в Кутаисской губерниях. Доля горожан среди грузин в пределах Грузии была значительно меньше его сельской части: 15,2 % в Тифлисской губернии и всего 5,4 % в Кутаисской губернии. Однако необходимо отметить, что число грузин, проживавших в городах Тифлисской губернии, в 1897 г. возросло вдвое по сравнению с серединой 50-х годов; в полтора раза (1,6 %) увеличился удельный вес грузин в составе городского населения губернии.

Небольшую часть (меньше 1 %) они составляли в городском населении территорий Азербайджана и Армении. Но при этом доля грузин-горожан среди проживавших здесь грузин была значительной. Например, 66,1 % грузин Бакинской губернии проживали в ее городах, 48,8 % — в городах Елисаветпольской губернии, 58,7 % — Эриванской губернии и 69,6 % — в Карсской области.

В городах, расположенных в пределах собственно этнической территории, жили *талыши*, главным образом в г. Ленкорани. Удельный вес их был невелик — 2,8 % всех талышей Бакинской губернии.

Обращает на себя внимание высокий удельный вес *евреев*, проживавших в городах края. Если число их среди горожан в целом не было столь значительным — 2,3 % всего городского населения Закавказского края, то удельный вес горожан среди евреев достигал по краю 73,7 %. Происходило это главным образом за счет ареалов их этнического расселения в Бакинской (г. Куба), Кутаисской (г. Кутаиси) и Тифлисской (Тифлис, Гори) губерниях.

Однако здесь следует сделать следующую оговорку. В данных переписи 1897 г. существуют разночтения между числом евреев, определяемых по этнолингвистическому и конфессиональному признакам. Обнаружилось это при определении удельного веса евреев, проживавших в еврейской слободе в г. Кубе. Судя по данным, их насчитывалось в слободе 6624 человека, но это почти вдвое превышало общее число жителей города, говорящих на еврейском языке,— всего 3775 человек. При этом в соответствии с конфессиональным признаком в Кубе проживало 6662 человека, исповедовавших иудаизм. Здесь необходимо обратить внимание на лиц, у которых родным языком указан татский; их насчитывалось в городе 2437 человек[134]. Если приобщить эту цифру к числу евреев в Кубе (3775 человек), то это даст итоговую сумму в 6212 человек, близкую к итоговой цифре числа лиц, исповедовавших иудаизм. Быть может, в числе последних было учтено татское население, что еще раз подтверждает отсутствие четкой дифференциации между татами-иудеями и евреями.

Еврейское население края слагалось не только из его коренных жителей, а частично, правда в малой степени, из пришлых, в результате миграций из внутренних и западных губерний России.

Процесс этот прослеживается с начала пореформенного времени. Так, известно ходатайство евреев (1869 г.) о разрешении переселиться им в Тифлис и другие города края[135]. Вопрос этот решался правительством в нескольких аспектах: 1) в связи с общезаконодательными распоряжениями о правах евреев селиться вне черт оседлости; 2) в связи с разрешением евреям, купцам 1-й и 2-й гильдий производить транзитный торг «в целях поощрения евреев к торговле» с Кавказским краем, побережьем Каспийского моря и Средней Азией для расширения сбыта русских мануфактурных и фабричных изделий[136]. В этом направлении действовали два высочайше утвержденных указа (от 3 апреля 1859 г. и 21 января 1860 г.). Они были распространены специальным распоряжением кавказского наместника на Закавказский край[137], однако вступали в противоречие с существовавшими, в том числе и по Кавказу, постановлениями о паспортном режиме для прибывших в край евреев. Но здесь следует отметить, что вопрос о правах на жительство решался дифференцированно: евреев-промышленников, уроженцев внутренних губерний, разрешалось принимать на временное жительство не более как на два года «для усовершенствования в ремеслах»[138].

На основании содержащихся в деле материалов (к сожалению, оно сохранилось с лакунами) можно судить о числе и социальном составе переселившихся в пределы Кавказа евреев. Как сказано в документе, «коренных или туземных, живущих с давнего времени», насчитывалось около 22 911 душ об. п. Переселившихся из

внутренних губерний по особым разрешениям с правом причисления к местным городским и сельским обществам — 192 семьи, прибывших в разные места края по паспортам (и без оных) и изъявивших желание причислиться к разным городским обществам — 366 семейств, разных податных сословий ремесленников и промышленников — 239 семей, жителей царства Польского и прочих иностранных государств — 21 семья и, наконец, отставных нижних чинов — 87 семей, итого 924 семьи[139].

Наиболее компактными массами произошло переселение в край евреев в 1903—1910 гг.[140] и в годы первой мировой войны — в 1915—1916 гг.[141] Особенно тяжело пришлось евреям-беженцам, по условиям военного времени вынужденным оставить места своего жительства. Кавказская администрация заняла более чем жесткую позицию, не посчитав возможным «по местным условиям» разрешить им проживание в городских поселениях вне черты оседлости (хотя на этот счет имелось распоряжение Министерства внутренних дел от 22 мая 1907 г.). В соответствии с циркуляром кавказского наместника все прибывшие в край беженцы подлежали выдворению, те же, которые не могли покинуть край в связи с отсутствием на то материальных возможностей, должны были прибегнуть к средствам местных благотворительных комитетов[142]. Кроме того, кавказская администрация занялась разработкой специального проекта предполагаемых мер по вопросу о евреях-беженцах[143]. По-видимому, ему уже не суждено было состояться.

Любопытно, что параллельно с этим шло обсуждение вопроса о допущении коренных евреев Кавказского края к участию в местных городских общественных управлениях. Учитывая, что «по давности населения» туземные евреи являются коренными жителями и «представляют собой по бытовому состоянию тип совершенно отличный, за исключением религии, от евреев Европейской России», предполагалось разрешить их участие на следующих условиях: число представителей не должно быть свыше $^{1}/_{10}$ части общего состава гласных городских дум или собраний по каждому городскому поселению[144].

Мы уже говорили об удельном весе среди инонационального населения края *русских* жителей, росте в целом по краю их численности.

При этом прирост русского населения слагался в основном за счет притока его в города. В целом по краю русское городское население возросло с 1886 г. с 42 797 человек до 114 166 человек в 1897 г., увеличившись на 166,7 %, в то время как все городское население края возросло на 53,7 % — цифра также довольно ощутимая.

Но здесь не следует особенно обольщаться цифрами столь стремительного роста русского населения в городах Закавказья. Исходные сравнительные данные за 1886 г., как известно, свидетельствуют о крайне небольшой численности русских жителей в городах края, например в Елисаветпольской губ. — 178 человек, в Эриванской губ. — 403 и в Карсской обл. — 421 человек. Прирост русского городского населения к 1897 г. составлял по названным районам соответственно 1855,0, 340,4 и 1418,2 %. Однако значительный прирост русского городского населения отмечается и в тех губерниях, где удельный вес его был весьма заметным, составляя в Бакинской губ. 16,5 %, в Тифлисской — 11,4 и Кутаисской — 6,8 %. К 1897 г. по указанным губерниям прирост русского городского населения определялся соответственно в 73,3, 225,8 и 270,0 %. Если сравнить эти цифры с данными о приросте всего городского населения (21,7, 71,3 и 85,3 %), то ясно видно, насколько возросла в городах численность русских жителей.

Удельный вес их в городах края к 1897 г. доходил до 23,5 % (Бакинская губ.), 21,8 % (Тифлисская губ.) и т. д. В целом же к 1897 г. русское городское население составляло 16,0 % всего городского населения края. Русские жители начинают составлять весьма существенный этнический элемент городов Закавказья, а особенно тех, для которых характерен общий рост их социально-экономического значения, их роли в жизни края.

Представляет интерес соотношение городского русского населения между районами Закавказья и Предкавказья. Если в губерниях и областях Закавказского края и Дагестанской обл. русское городское население составляло половину всего русского населения — 52,6 %, или 123 704 человека, а всего 234 744 человека, то в Предкавказье удельный вес его был незначительным — 13,7 %, соответственно 216 079 и 1 570 414 человек. При этом наибольший удельный вес русского городского населения приходился на Дагестанскую обл.— 9538 человек, составляя 72,7 % от 13 111 человек русских в области. Высоким был удельный вес русского городского населения в Кутаисской (69,9 %), Тифлисской (62 %) и Бакинской губерниях (54,4 %). В Елисаветпольской губ. и Карсской обл. основную часть русского населения составляли сельские жители, на городское население приходилось 24,6 и 28,6 %[145]. Наименьший процент русское городское население (1775 человек) составляло в Эриванской губ.— 13,4 % всего русского населения (13 173 человек). Таким образом, русское население Предкавказья было преимущественно сельским, а Закавказья — городским. Объяснялось это тем, что территория Предкавказья значительно раньше и интенсивнее подверглась крестьянскому переселению. В Закавказье же среди русского населения превалировали лица некрестьянских сословий, связанные с деятельностью в городах. Здесь были расположены города большого торгово-промышленного и ад-

министративного значения (Тифлис, Баку и др.). Кроме того, в Закавказье был значителен контингент военных, относящихся к временно пребывающим.

Из коренного населения в Закавказье проживало определенное количество *греков*, которые селились на черноморском побережье и в ряде городов края. Наибольший их процент приходился на долю Кутаисской губернии — 4,6 %. При этом соотношение между греками, проживавшими в городских и сельских поселениях, было различным по краю. Так, преимущественно городскими жителями были греки в Бакинской губернии (89,9 % всех греков губернии), на треть в Кутаисской губернии (31,4 %), немногим менее четверти (23,0 %) в Эриванской губернии. Напротив, основная масса греков Елисаветпольской губернии и Карсской области проживала в сельских местностях. В Тифлисской губернии, в которой также превалировали греки — сельские жители, тем не менее должен быть выделен город Тифлис. В нем проживало 5 % всех греков губернии. Сосредоточивались они в конкретной части города, за что она и именовалась Греческой слободой. В слободе проживало абсолютное большинство греков (1094 человека[146]), проживавших в городах губернии (1311 человек).

Прибывавшие на заработки *персы* в своей основной массе размещались в городах — доля горожан среди них не опускалась ниже трети (34,3 %) в Елисаветпольской, составляла более половины (59,6 %) в Бакинской, Эриванской губерниях и Карсской области (58,8 %), достигая большинства в Тифлисской (76,0 %) и Кутаисской (83,4 %) губерниях. В Бакинской губернии персы составляли 2,1 % городского населения губернии.

По-прежнему невысокой оставалась доля *немцев* среди городских жителей Закавказского края: 1,5 % в Бакинской и $^1/_3$ % в Тифлисской губерниях. В основном немецкое население края состояло из колонистов, которые не имели тенденции к переселению в города. Довольно высокий удельный вес немцев — горожан среди немцев по ряду губерний (в целом по краю он составлял 40,7 %) достигался за счет других категорий населения. Они фигурировали в переписи в числе лиц, занимавшихся частной деятельностью и относящихся к прислуге и поденщикам. Небольшая часть немцев числилась в вооруженных силах. Остальные растворялись в массе ремесленников (портных, ювелиров, часовщиков, кондитеров и т. п.) и торговцев.

Характер расселения этносов в городах края иллюстрирует карта «Этнический состав населения городов Закавказья. 1897 г.»

Сословно-социальная стратификация и этнический состав городского населения края

Материалы учета населения переписи 1897 г., дифференцированные по сословному признаку, отразили следующую картину сословного состава населения городов края (табл. 11).

Прежде всего обращает на себя внимание уменьшение показателей численности *крестьянского сословия* в городах Закавказья. Явилось это следствием, во-первых, объективного снижения удельного веса крестьянства в составе горожан, во-вторых, введением новых для края сословных номенклатур: купечества, мещан, в разряд которых и происходил основной отток крестьянского населения. В целом по городам края оно составляло теперь треть городского населения. При этом достаточно высоким выглядит удельный вес мещан среди жителей городов. Очевидна корреляционная связь между удельным весом крестьян (17,3 %) и мещан (68,8 %), например, в Елисаветпольской губернии, Эриванской губернии (соответственно 28,8 и 57,0 %).

При определении места крестьянства в составе горожан важен и такой показатель, как удельный вес в их числе неместных уроженцев. Как следует из данных переписи, среди жителей сельских состояний по всему Закавказскому краю 44,6 % составляли уроженцы других губерний, затем 25,0 % — уроженцы других уездов той же губернии и лишь 29,5 % — уроженцы того же уезда, т. е. местные. Наибольшим был удельный вес уроженцев других губерний в Карсской области — 82,4 %, далее в Батумской губернии — 58,8 % и Тифлисской — 45,1 %.

Для губерний Кутаисской и Елисаветпольской более характерным являлось проживание в их городах уроженцев других уездов: 48,0 и 41,3 %. Напротив, в городах Эриванской губернии среди их крестьянского населения 42,5 % составляли местные уроженцы. Таким образом, роль миграций очевидна в процессе формирования сословно-социальных слоев городских жителей.

В социальной структуре закавказских городов, его крупных индустриальных центров на рубеже XIX—XX вв. развивается новая группа — *пролетариат*. Учет его численности, как известно, составляет определенные трудности, до конца не преодоленные и в современной историографии[147]. Тем не менее, основываясь на материалах переписи 1897 г. и на не утративших поныне своего значения исчислениях А. В. Погожева, можно в целом судить о численности рабочих, и главное, соотношении их в городах и вне их.

К 1903 г. наибольший процент рабочих сосредоточивался в городах губерний: Тифлисской — 95,8 всех рабочих губернии, Бакинской — 91,0 и Кутаисской — 72,0. Далее удельный вес рабо-

Таблица 11

Сословная структура городского населения Закавказского края (1897 г.)

Сословия	Бакинская губ.		Елисаветпольская губ.		Карсская обл.		Кутаисская губ.		Тифлисская губ.		Эриванская губ.		Итого	
	души об. п.	% ко всему гор. нас.	души об. п.	% ко всему гор. нас.	души об. п.	% ко всему гор. нас.	души об. п.	% ко всему гор. нас.	души об. п.	% ко всему гор. нас.	души об. п.	% ко всему гор. нас.	души об. п.	% ко всему гор. нас.
Дворяне потомственные и их семьи	5 143	3,0	4 524	5,0	985	2,6	9 859	10,1	16 665	7,4	2 841	3,0	40 017	5,6
Дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи	4 015	2,4	1 284	1,4	659	1,7	4 078	4,2	12 002	5,3	1 774	1,9	23 812	3,3
Духовенство и их семьи														
христианское	695	0,4	708	0,7	235	0,6	2 163	2,2	3 787	1,7	1 078	1,1	8 666	1,2
мусульманское [1*]	503	54,3	516	72,5	—[2*]	—	93	—	49	2,0	86	11,6	1 247	20,1
Потомственные и личные почетные граждане и их семьи	873	0,5	780	0,8	64	0,0	880	2,3	4 265	1,9	461	0,4	7 263	1,0
Купцы и их семьи	2 933	1,7	958	1,0	186	0,5	1 119	1,1	3 673	1,6	805	0,8	9 674	1,3
Мещане	89 473	52,6	61 427	68,8	13 773	76,4	61 222	62,8	93 698	41,7	52 627	57,0	372 220	52,3
Крестьяне	52 550	30,9	15 480	17,3	14 405	38,0	38 519	39,5	78 027	34,7	26 572	28,8	225 553	31,4

[1*] Статистика переписи 1897 г. учла лишь духовенство христианское. В этом случае дан произведенных по материалам посемейных списков 1885—1886 гг. Здесь также сле кинской губернии, или 18,0 % всего духовенства губернии.

[2*] Статистические материалы по Карсской области в «посемейных списках» не дифферен

ные о мусульманском духовенстве (и о всем духовенстве) основаны на исчислениях, дует указать на численность иудейского духовенства в количестве 167 человек по Ба-

цировались по сословиям.

чих в городах резко понижался в губерниях: Елисаветпольской — 29,3 % всех рабочих губернии, Эриванской — 24,8 % и, наконец, Карсской области — 16,0 %. Аккумулировали рабочих прежде всего крупные заводы, существовавшие в таких отраслях промышленного производства, как нефтяное и нефтеперерабатывающее, машиностроение, хлопкообрабатывающее и др. (Баку, Батуми, Тифлис)[148].

Если материалы переписи 1897 г. предоставили нам возможность судить об удельном весе неместных уроженцев, направлявшихся в города края, то относительно распределения их среди различных социальных групп, в том числе рабочих, также применительно к городам они такой возможности не дают. Исчисления переписи по распределению категорий уроженцев касаются общих погубернских данных. При этом в составе рабочих учтена также прислуга.

Удельный вес неместных уроженцев, направлявшихся на работу в качестве рабочих и прислуги, составлял в губерниях: Бакинской — 33,9 % всех неместных уроженцев губернии, Кутаисской — 26,1 %, Тифлисской — 23,3 % и Елисаветпольской — 22,9 %. В Карсской области он был равен всего 6,7 %. Эриванская губерния, в которой неместные уроженцы в составе рабочих и прислуги составляли 13,5 % всех неместных уроженцев губернии, сама являлась одним из основных очагов отходничества в крае. Число отходников из Эриванской губернии в пределах Кавказа достигало 21 346 чел.[149].

Следует указать также на удельный вес отходников из других государств. Особое значение они имели в Бакинской губернии, составляя около 16,0 % рабочих и прислуги губернии[150]. В основном это были выходцы из Южного Азербайджана. По подсчетам И. В. Стригунова, к началу XX в. их число достигло 60—75 тыс. человек в год. Труд их широко использовался не только в Закавказье, но далеко за его пределами[151]. Они составляли существенную часть бакинского промышленного пролетариата: в общей сложности отходники из Южного Азербайджана, работавшие в нефтяной про-

мышленности Баку (без нефтеперерабатывающей), составляли 21—22 % всех рабочих[152].

Еще более затруднительным представляется учет буржуазии, особенно в аспекте определения в ее составе национальных отрядов. Идентификация конкретных социальных групп с буржуазией требует, на наш взгляд, специальных исследований социально-экономического характера, выходящих за рамки данной работы.

Но если существуют затруднения при количественном определении ряда социальных групп, то,что касается сословно-этнической структуры населения городов Закавказья к началу XX в., мы располагаем лучшими возможностями. Обусловлено это прежде всего совершенствованием на Кавказе корпоративных статусов некоторых сословий. Так, перепись 1897 г. могла дать дифференцированные и, будем надеяться, более обоснованные данные о дворянах — потомственных и личных, типично городских слоях населения — потомственных и личных почетных гражданах, мещанах. Но, что особенно важно, учет жителей по их национальной принадлежности (по родному языку) позволяет определить удельный вес каждого из этносов, инкорпорированных в соответствующие сословные категории[153].

Удельный вес *азербайджанцев* был наиболее высоким в составе потомственных дворян и мещан. Они составляли 50,9 % всех потомственных дворян, проживавших в городах Елисаветпольской, 45,4 % — Бакинской и 44,1 % — Эриванской губерний. Напротив, удельный вес азербайджанцев среди дворян личных и чиновников был значительно более скромным, но локализация их в Бакинской (12,2 %) и Тифлисской (3,0 %) губерниях свидетельствовала о степени привлечения их на государственую службу в крупных административно-политических центрах. Среди мещан число азербайджанцев достигало 66,3 % в Елисаветпольской и 62,6 % в Бакинской губерниях. Треть (32,5 %) их проживала в городах Эриванской губернии. Доля азербайджанцев была незначительной в составе потомственных и личных почетных граждан в городах края, оптимальной она была в Бакинской губернии, достигая всего 3,4 %. Обращает также на себя внимание сравнительно невысокий процент азербайджанцев в составе крестьянского сословия среди горожан края. В Бакинской губернии он составлял 26,2 %, Елисаветпольской — 20,5 %, Эриванской — 15,3 % и Тифлисской — 3,3 %.

При анализе данных о распределении *армян* среди различных сословных категорий бросается в глаза высокий их удельный вес среди духовенства: 86,3 % в городах Елисаветпольской, 83,6 % — Эриванской губерний, 49,8 % — в городах Бакинской и 30,8 % — Тифлисской губерний. Из обоих категорий дворян армяне превалировали в составе дворян личных и чиновников в городах Елисаветпольской (57,8 %) и составляли 43,8 % в Эриванской, 21,2 % в Бакинской и 17,0 % в городах Тифлисской губернии. Доля армян среди потомственных дворян была наибольшей в городах Елисаветпольской губернии — 31,0 %, равномерно распределяясь в городах других губерний: 15,2 % в Эриванской, 12,7 % в Тифлисской и 12,2 % в Карсской области.

Армяне составляли компактную часть среди типично городских сословий, что отражало присущий им характер расселения в городах края. Так, удельный вес армян в составе потомственных и личных почетных граждан достигал 80,7 % в Елисаветпольской, 72,8 % в Эриванской, 56,4 % в Тифлисской и 42,9 % в Бакинской губерниях. В целом та же тенденция с небольшой инверсией наблюдалась относительно доли армян в составе купечества: 88,9 % в Эриванской, 70,7 % в Тифлисской, 69,9 % в Елисаветпольской и 52,1 % в Бакинской губерниях. Меньше, но также значительным был удельный вес армян среди мещан, достигая оптимальной цифры в Эриванской губернии — 64,3 %. Более половины (59,5 %) они составляли в городах Карсской области, в Тифлисской губернии их число достигало 48,6 %, треть (31,5 %) — в городах Елисаветпольской губернии и примерно в равных количествах в городах Бакинской (11,7 %) и Кутаисской (10,7 %) губерний. Доля армян в составе крестьянского сословия в городах края резко колебалась от 54,7 % в Эриванской губернии до 4,9 % в Кутаисской. Между ними располагались города Карсской области с 24,5 % армян, принадлежавших к крестьянскому сословию, и примерно с их равным количеством в городах Тифлисской — 17,9 %, Елисаветпольской — 17,4 % и Бакинской — 15,6 % губерний.

Проживавшие в городах Закавказского края *грузины* занимали, можно сказать, ведущее место в составе сословий привилегированных и крестьянском. Удельный вес грузин среди духовенства достигал 88,3 % в Кутаисской губернии и 26,5 % в Тифлисской. 72,6 % он достигал в составе потомственных дворян Кутаисской губернии. В их числе треть составляли имеретины и 15,6 % — мегрелы. Более трети — 34,5 % составляли грузины среди потомственных дворян Тифлисской губернии. Удельный вес грузин — дворян личных и чиновников — был самым высоким в городах Кутаисской губернии — 55,8 %, около трети (27,0 %) он составлял в Тифлисской губернии. Наибольшим по краю был удельный вес грузин, проживавших в городах края в составе крестьянского сословия, достигая 65,0 % в Кутаисской губернии; в Тифлисской губернии он составлял 40,3 %. Абсолютное большинство грузин купеческого сословия локализовалось в городах губерний Кутаисской (41,4 %) и Тифлисской (11,8 %).

Русское население инкорпорировалось в наибольшей степени в составе дворян потомственных, личных и чиновников, крестьянско-

го сословия и в той или иной мере — других сословий. Итак, русские составляли 56,8 % потомственных дворян городов Карсской области, 41,4 % — Тифлисской, 30,8 % — Эриванской, 29,2 % — Бакинской, 18,1 % — Кутаисской и 10,3 % — Елисаветпольской губерний. Также оптимальным был удельный вес русских среди личных дворян и чиновничества Карсской области — 56,3 %, далее по уровню следовала Бакинская губерния - 52,0%. В других городах края он распределялся следующим образом: в Тифлисской губернии — 47,4 %, в Эриванской — 44,0 %, в Кутаисской — 31,0 % и в Елисаветпольской — 27,6 %. Русские в составе горожан, принадлежавших к крестьянскому сословию, занимали в некоторых городах края одно из значительных мест, в частности в Бакинской губернии, составляя без малого половину всех русских крестьян городов губернии (46,0 %). В других губерниях их удельный вес в городах колебался от 27,6 % в Карсской области и 25,0 % в Тифлисской губернии до 9,9 % в Елисаветпольской губернии. Примерно равным был их удельный вес в городах Эриванской — 16,6 % и Кутаисской — 16,1 % губерний. Приведенные исчисления еще раз подтверждают достаточно активный миграционный процесс русских крестьян в пределы края. Место русских в других сословных группах горожан было не столь заметным, разве что в составе мещан в городах Тифлисской (14,2 %) и Бакинской (12,1 %) губерний и среди купцов в городах Бакинской (11,1 %) и Тифлисской (7,9 %) губерний.

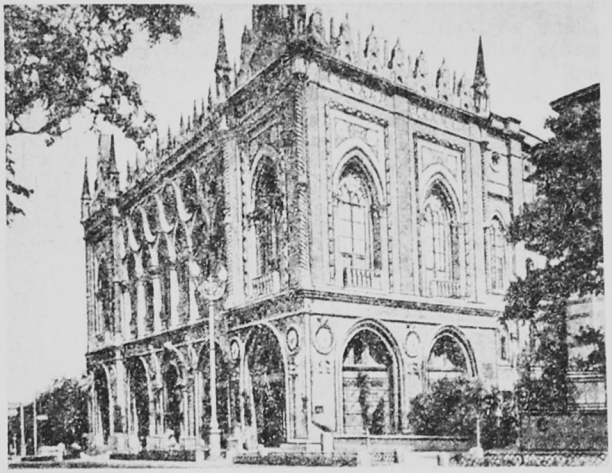
Еврейское население в городах края было представлено главным образом в сословии мещан: 7,0 % — в Кутаисской, 6,1 % — в Бакинской и 3,4 % — в Тифлисской губерниях, т. е. на территориях своего расселения.

Касаясь других сословных категорий инонационального населения в городах края, следует отметить в составе крестьян городов Карсской области украинцев — 14,7 %, поляков — 8,4 % и литовцев — 5,5 %. Как известно, после присоединения области к России она становится объектом интенсивных миграций.

Поляки, кроме того, состояли в числе дворян потомственных — 4,9 % в городах Бакинской и 4,8 % — Тифлисской губерний, а также в составе дворян личных и чиновничества в тех же губерниях, соответственно 5,1 и 3,3 %.

Характеризуя сословно-социальную стратификацию населения городов края в этнодемографическом ракурсе, необходимо вновь обратить внимание на контингент *военнослужащих*, роль которых в формировании многонационального населения края была существенной.

По-прежнему численность войсковых соединений на Кавказе была значительной: по данным переписи 1897 г. здесь сосредоточивалось 117 527 человек (с членами семей), что составляло 9,5 %



г. Баку. Дом нефтепромышленника

всех военнослужащих в Российской империи. По их числу Кавказ занимал третье место после Европейской России (60,2 %) и Привислинских губерний (20,4 %)[154]. Каспийской флотилии, насчитывавшей в среднем 1430 человек (на начало 80-х годов), принадлежало четвертое место в Российской империи[155].

Количество военнослужащих не являлось величиной константной и подвергалось изменениям в зависимости от военно-политических ситуаций[156]. Сократилось число линейных батальонов: они были либо частично упразднены, либо вошли в состав различных полков. С началом русско-японской войны в 1904 г. на Дальний Восток были отправлены выделенные из частей Кавказского округа роты, но уже, скажем, в 1906 г. в Тифлис прибывает из Маньчжурии Кавказская конная бригада и т. д. К 1908 г. всего в Кавказском военном округе насчитывалось 130 батальонов, 22 эскадрона, 6 $^{1}/_{4}$ крепостных артиллерийских батальонов, 9 местных команд, 24 саперные роты, 131 сотня, 12 милицейских сотен (с казачьими и иррегумерными войсками), 9 парков[157].

Исчисленный переписью 1897 г. национальный состав военнослужащих показал, что именно с армией, размещением войск было в значительной степени связано появление в городах края ряда национальных групп. Если в абсолютных показателях число их подчас и было незначительно, то в процентном отношении они нередко составляли подавляющее большинство. Так, литовцы и латыши

в личном составе военнослужащих составляли 85—95 % жителей названных национальностей в городах Тифлисской, Эриванской, Бакинской и Кутаисской губерний. Удельный вес состоявших на военной службе украинцев достигал 60—95 % всех украинцев в городах губерний Елисаветпольской, Бакинской, Тифлисской, Кутаисской и Эриванской. Украинцы составляли 65,0 % среди войсковых казаков Карсской области.

Также с армией было связано увеличение числа поляков — удельный вес их в составе военнослужащих достигал почти 90,0 % всех поляков, проживавших в городах Эриванской губернии и Карсской области. То же касалось и немцев, составлявших, например, до 73,0 % всех немцев — горожан Карсской области.

Удельный вес русских в составе военнослужащих в городах края распределялся неравномерно, и наибольшим он был в Карсской области — 66,9 % и Эриванской губернии — 65,7 %, в Кутаисской губернии их было 24,9 % и — 17,1 % — в Елисаветпольской губернии[158].

Завершая характеристику сложившейся к началу XX в. сословно-социальной структуры, следует отметить весьма пестрый ее национальный состав. В различные сословно-социальные категории и группы были инкорпорированы представители как коренных народов, так и тех народов, появление которых в городах края явилось следствием развития Кавказа в составе Российского государства.

---

[1] *Дзидзария Г. А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 245—256.

[2] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1888. Т. 8. С. 639—676.

[3] Отчет по Главному управлению наместника кавказского за 1862—1872 гг. Тифлис. 1873. С. 45.

[4] Там же. С. 47.

[5] ПСЗ (II). СПб., 1871. Т. XLII. Отд. 2 № 45259.

[6] Там же. № 45265, 45266, 45262, 45269 и др.

[7] *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 246.

[8] *Мильман А.* Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX в. Баку. 1966.

[9] Деятельность Государственного Совета за время царствования государя императора Александра Александровича. 1 марта 1881. 20 октября 1894 г. СПб.,1900. С. 136.

[10] *Мильман А.* Указ. соч. С. 152—154.

[11] ПСЗ (III). СПб., 1886. Т. III. № 1522.

[12] Там же. СПб., 1908. Т. XXV. Отд. 1. № 25891.

[13] *Евангулов Г. Г.* Местная реформа на Кавказе. СПб., 1914. С. 18.

[14] *Мильман А.* Указ. соч. С. 157.

[15] *Евангулов Г. Г.* Указ. соч. С. 20.

[16] Там же. С. 21.

[17] Положение о сельском состоянии. Особое приложение к тому IX законов о состояниях. СПб., 1876. С. 740—761.

[18] Агаян Ц. П. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году. Баку, 1956. С. 209—210. См. также: *Мелик-Саркисян Д. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1870 г. в Армении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1969.

[19] Положение о крестьянах и поселянах Закавказья (особое приложение к IX т. Свода законов. Положение о сельском состоянии). Сост. Кучаев. Тифлис. 1886. Ч. 2. Более подробно о реформе см.: *Жордания О. К.* История крестьянской реформы в Грузии. Тбилиси, 1982; *Авидзба В. Д.* Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми, 1985.

[20] *Мочалов В. Д.* Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958. С. 72.

[21] Здесь мы полностью разделяем оценку, данную М. А. Адонцем реформе 1870 г. и ее значению для Армении, в отличие от В. Рштуни, преувеличивающего буржуазное содержание реформы 1870 г. Длительное сохранение феодальной собственности на землю (это в равной степени относилось и к Азербайджану), в связи с задержкой выкупных операций, тормозили процесс втягивания крестьянских хозяйств в буржуазные отношения, замедляя укрупнение сельскохозяйственного производства путем концентрации земли в руках сельской буржуазии (*Адонц М. А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX веке. Ереван, 1957. С. 294).

[22] *Мильман А.* Указ. соч. С. 146.

[23] *Мильман А.* Указ. соч. С. 167.

[24] *Мильман А.* Указ. соч. С. 204.

[25] ПСЗ (II). Т. XV. Отд. 1. № 133 699.

[26] *Дитятин И.* Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877. Т. II. Городское самоуправление до 1870 года. С. 545.

[27] ПСЗ (II). СПб., 1868. Т. XLI. Отд. 1. № 43550.

[28] См. более подробно: *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л. 1984. С. 31—49.

[29] *Пажитнов К. А.* Городское и земское самоуправление. П—д (б. г. и.) С. 32.

[30] *Мильман А.* Указ. соч. С. 209—210.

[31] ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 67а—1911. Л. 25 об.

[32] *Пажитнов К. А.* Указ. соч. С. 33.

[33] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 113.

[34] *Мильман А.* Указ. соч. С. 208.

[35] ПСЗ (II). СПб., 1876. Т. XLIX. Отд. II. № 53996.

[36] *Мильман А.* Указ. соч. С. 212.

[37] См., например, ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 67а—1911. Л. 26. См. также: *Туманов Г. М.* Заметки о городском самоуправлении на Кавказе. Тифлис, 1902. С. 9—10; ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 67а—1911. Л. 27. «О мере участия нехристианского населения Закавказских городов в городском общественном представительстве».

[38] ПСЗ (III) Т. VIII. № 5674.

[39] Там же. СПб., 1895. Т. XII. № 8708.

[40] *Пажитнов К. А.* Указ. соч. С. 42.

[41] *Туманов Г. М.* Указ. соч. С. 203.

[42] ПСЗ (III). СПб., 1899. Т. XV. № 11735. «О применении Городового положения 1892 г. в городам Закавказья и Ставропольской губернии, в которых не было введено Городовое положение 1870 г.»

[43] Список городских поселений Российской Империи. Города. СПб., 1901. Ч. 1. С. V.

[44] ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 67б—1911 г. Л. 333—333 об.

[45] Список городских поселений Российской империи. С. 80—81.

[46] Городское хозяйство в указанных городских поселениях оставалось в компетенции местных полицейских учреждений при участии представителей от городских обществ. Свод законов Российской империи. Т. II. Учреждение управления Кавказского края. Ст. 133 (по приложению 1895 г.).

[47] ПСЗ (III). СПб., 1902. Т. XIX. Отд. 1. № 16870.

[48] ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 67а—1911. Л. 28—30 об.

[49] Там же. Д. 75—1905 г. Л. 9—13 об.

[50] ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 75—1905 г. Л. 2—2 об. 9—19.

[51] Там же. Л. 35.

[52] Там же. Л. 38.

[53] ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 75—1905 г. Л. 39.

[54] Там же. Л. 33, 37.

[55] Орган Временного правительства в Закавказье — Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), на основании решения Временного правительства от 15 апреля

1917 г. о введении городского положения в ряде городов Закавказья постановил ввести его в г. Карсе. В последнем, сохранившемся по этому делу документе ходатайство ОЗАКОМа было передано на усмотрение министру внутренних дел 20 октября 1917 г. Там же. Л. 111—112, 113.

56 Там же. Д. 67а—1911 г. («О пересмотре Городового Положения 1892 г.»). Л. 31 об. См. проекты нового городового положения: Л. 125—146; Д. 67а—1911 г. («О городовом положении»). Л. 127—190.

57 Там же. 67а—1911 г. Л. 265—275.

58 ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 67—1915 г. «С журналами заседаний Особого совещания по разработке программы хозяйственно-экономического обследования городов Российской империи»; Д. 676—1911 г. Л. 361, 369—370.

59 Там же. Д. 67—1915 г. Л. 7.

60 Там же. Л. 71—72.

61 Там же. Л. 67а—1911. Л. 281—322.

62 Деятельность Государственного Совета. С. 139-140.

63 ЦГИА Азерб. ССР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 33. «Объяснительная записка члена Совета Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе о личных правах высшего мусульманского сословия в Закавказском крае». Л. 1, 7—17 об.

64 Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. II. М.—Л., 1937. С. 228, 233—245. См. также: ЦГИА Азерб ССР. Ф. 69 (Шушинская бекская комиссия). Оп. 1. Д. 2. Л. 1—14 об.; Ф. 55 (Бакинская бекская комиссия). Оп. 1. Д. 1. Л. 1—4.

65 ЦГИА Груз ССР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2068. Л. 181 об.; Специально выработанные для бекских комиссий инструкции свидетельствовали о том, сколь сложной была система доказательств (см.: Там же. Д. 1349. Л. 1—20). Сохранилось пухлое дело, в котором содержатся жалобы на действия Бакинской комиссии за отказ в признании в бекском звании (Д. 3445). Не случайно Бакинская комиссия была упразднена позже всех — в 1882 г. (Д. 7342. Л. 1).

66 Свод законов о состояниях. Т. IX. Ст. 8. Примечание 2.

67 ЦГИА Азерб ССР. Ф. 55. Оп 1. Д. 33. Л. 13—14 об.

68 АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. Отчет ген.-фельдмаршала князя А. И. Барятинского за 1857—1879 годы. С. 1318. Сохранились воспоминания чиновника, возглавлявшего комиссии по рассмотрению личных прав привилегированных сословий в Шушинском и Нухинском уездах, в которых подробно описана работа комиссии, запущенность в делопроизводстве, отсутствие необходимой документации и т. п. Воспоминания В. А. Дзюбенко (Полувековая служба на Кавказе. 1829—1876 // Русская старина. 1879. Т. 25. № 9. С. 52—55).

69 В 1904 г. Министерство юстиции внесло на рассмотрение в Государственный Совет новое представление, по которому права дворянства должны были предоставляться лишь потомкам владетелей ханств и иных местностей Кавказа, а остальным — права потомственных почетных граждан. Гр. Воронцов-Дашков был категорически против этого проекта, считая необходимым утвердить в правах российского дворянства все высшие сословия мусульманского населения края. Совет министров в этой ситуации посчитал более целесообразным передать дело по разбору сословных прав мусульман на Кавказе на рассмотрение кавказского наместника, так как «всесторонее изучение относящихся к этому вопросу материалов возможно лишь на месте». Так была получена еще одна возможность оттянуть решение его на неопределенное время. ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 20. Л. 90. См. также: *Линден В. И.* Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917 г.

70 ЦГИА Груз. ССР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2088. Л. 189.

71 ПСЗ (II). СПб., 1875. Т. XLVII. Отд. 1. № 50680.

72 ПСЗ (II). СПб., 1862. Т. XXXV. Отд. 2 № 36453.

73 Там же. СПб., 1865. Т. XXXVII. Отд. 2 № 38837. См. также: ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 328. («Об учреждении в Закавказском крае 4-х губернских статистических комитетов». Л. 3—8, 9—11, 24—24 об.

74 ПСЗ (II). Т. XLII. Отд. 2. № 45259. III Кавказский статистический комитет.

75 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. «О преобразовании статистической части на Кавказе в связи с введением нового положения об управлении Кавказским краем. Ч. I. (1882—1896).» Л. 57 об.

76 Там же. Л. 58.

77 ПСЗ (III). Т. III. № 1521. II Кавказский Статистический Комитет.

78 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. См. «Справку о настоящем положении статистического дела на Кавказе. Сост. директором ЦСК Тройницким 17 авг. 1885 г.». Л. 142.

79 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. Л. 21 об.

80 Там же. Л. 143.

81 Там же. Л. 80—81 об., 93, 97, 166—168.

82 Там же. Л. 104.

83 Там же. Л. 142.

84 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. Л. 288.

85 ПСЗ (III). СПб., 1890. Т. VIII. № 5657.

86 ЦГИА СССР. Л. 288.

87 ПСЗ (III). Т. VIII. № 5657. В данном случае возобладало стремление Министерства внутренних дел оставить местные статистические органы Северного Кавказа в непосредственном подчинении ЦСК. Оно расходилось с желанием Дондукова-Корсакова, признававшего особенности их организации, тем не менее сохранить их в ведении КСК, «в виду нераздельности в административном отношении Кавказского края и однородности статистических задач для различных его частей». ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. Л. 311—311 об.

88 Там же. Л. 483—485 об.

89 ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 213. «О преобразовании статистической части на Кавказе в связи с введением нового положения об управлении Кавказским краем. Ч. 2». Л. 140.

90 ПСЗ (III). СПб., 1902. Т. XIX. Отд. 1. № 17026. См. также: ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 213. Л. 135—146 об. (Журнал Закавказского статистического комитета. Заседание 20 марта 1895 г.). Д. 207—207 об.

91 ЦГИА Азерб ССР. Ф. 290 Закавказское шиитское духовное управление. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 5—7 об.

92 Там же. Л. 42, 46—47, 52—53, 57—58, 61—62.

93 ПСЗ (II). Т. XLVII. Отд. 1. № 50680.

94 ЦГИА Азерб ССР. Ф. 289 Канцелярия Муфтия Закавказского края. Оп. 1. Д. 65. Л. 3—3 об. См. также: Ф. 288. Канцелярия Шейх-уль-Ислама Закавказского края. Оп. 1. Д. 38 «Дело Закавказского Шейх-уль-Ислама с перепиской, протоколом первого заседания Тифлисского губернского статистического комитета». Л. 2—7; Д. 31. Л. 1; Д. 37. Л. 4—5 об.

95 Статистический временник Российской империи. Изд. ЦСК МВД. СПб., 1866. Серия I. Вып. 1. С. XXI.

96 ЦГИА Азерб ССР. Ф. 290. Оп. 1. Д. 8. Л. 5—7 об.

97 ЦГИА Азерб ССР. Ф. 290. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 5—7 об.

98 См., например: Обзор Бакинской губернии за 1913 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. Баку, 1915. С. 7.

99 Там же. С. 25.

100 «Правильная статистика смертности,— отмечалось в одном из отчетов медицинского департамента,— с выдачей врачами свидетельства о причине смерти, ведется только в гг. С.-Петербурге, Москве, Одессе и Варшаве...».— Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи населению России на 1902 г. СПб., 1904. С. 8.

101 Статистический временник Российской империи. 1. С. XXI.

102 Статистический временник Российской империи. 1. С. XXI.

103 Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. С. 69—70.

104 Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1880. Т. 6.

105 Гозулов А. И. Указ. соч. С. 291.

106 Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. I. С. 13, 15, 17, 24—25.

107 Сборник сведений о Кавказе. Т. 6. С. 43—45, 48.

108 Кутаис по однодневной переписи 10 апреля 1885 г. Кутаис, 1887.

109 Извлечения из переписи Батуми 1882 г. были опубликованы в т. VIII «Известий КОИРГО». Тифлис, 1883. С. 93—95; основные данные переписи были опубликованы в кн.: *Шафранов.* Обозрение Рионской низменности. Б. м. 1885. С. 174—178; Батум по однодневной переписи 17-го июня 1890 г. Батум, 1891.

110 Баку по переписи 22 октября 1903 года. Баку, 1908. Ч. I. Отд. II. Занятия Бакинского населения. О разработке формуляров переписи см. ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 582. Л. 1—1 об., 6—10, 14, 18—18 об., 19—20, 57—60.

111 Перепись Баку 1913 г. Баку, 1916. Ч. III.

112 ЦГИА ГрузССР. Ф. 193. Оп. 1. Д. 77.

[113] См., например: Статистический временник Российской Империи. Серия I. СПб., 1866. С. 144—146. Серия II. Вып. 1. СПб.,1871. С. 88—93. Вып. 10. Киб. 1875. С. 73—75; Сборник сведений по России за 1884—1885. СПб., 1887. С. 16—25.

[114] См., напр.: Сборник статистических сведений о Кавказе, издаваемый КОИРГО. Тифлис, 1809.

[115] Более подробный источниковедческий анализ указанных демографических материалов содержится в указанной статье Мурадалиевой Э. Б. С. 42—48.

[116] См., напр.: Кавказский календарь на 1866 г. Тифлис, 1865. Отд. III. С. 131—148.

[117] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 559.

[118] Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

[119] *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 491.

[120] *Ленин В. И.* Указ. соч. С. 560.

[121] Подсчитано по данным: «Свод статистических данных».

[122] *Ленин В. И.* Указ. соч. С. 560.

[123] Там же.

[124] Подсчитано по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 61—62. Бакинская губерния. С. 2.

[125] Там же. Т. 69. Тифлисская губерния. СПб., 1905. С. IX.

[126] ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 85а. Л. 227—236, 262—265.

[127] *Бадалян А.* Население Армении со времени присоединения ее к России и до наших дней // Известия АН Арм ССР. Общественные науки. 1953. № 5. С. 54, 58; *Григорян А. Е.* Город и деревня в экономической истории Восточной Армении XIX — начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 1983. С. 16.

[128] Более подробно об этом см.: *Волкова Н. Г.* Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 3—54; *Исмаил-Заде Д. И.* Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX — начало XX в.). М., 1982. С. 119—130.

[129] Сборник договоров России с другими государствами: 1856—1917. М., 1952. С. 170.

[130] *Степанов П. Ф.* Заметка о Карсской области // Изв. КОИРГО. Тифлис. 1882—1883. Т. 7. С. 182; Погосян А. М. Карсская область в составе России. Ереван. 1983. С. 126—128.

[131] *Шавров Н.* Русская колонизация на Кавказе // Вопросы колонизации. СПб., 1911. Т. 8. С. 134.

[132] *Дзидзария Г. А.* Указ. соч. С. 3.

[133] Подсчитано по данным таблицы «Распределение неместных уроженцев по местам рождения».— Общий свод по империи результатов разработки данных... Т. I. С. 156—159.

[134] Бакинская губерния. Т. 61—62. С. 50—53.

[135] ЦГИА Груз ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2518.

[136] Там же. Л. 21.

[137] Там же. Л. 1—20 об.

[138] Там же. Л. 21.

[139] ЦГИА Груз ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2518. Л. 12 об.

[140] ЦГИА Азерб ССР. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 5 об.—19.

[141] Там же. Ф. 495. Оп. 1. Д. 190. «Копии циркуляров и отношений наместника на Кавказе, бакинского градоначальника о разрешении беженцам-евреям, переселившимся по военным обстоятельствам в г. Баку, жительство в городских поселениях вне черты оседлости».

[142] ЦГИА Азерб ССР. Ф. 495. Оп. 1. Д. 190. Л. 5, 8, 12.

[143] Там же. Л. 18—20.

[144] Там же. Ф. 389. Оп. 1. Д. 474. Л. 80, 82—82 об.

[145] Подсчитано по данным ведомости XIII б «Общего свода». Т. 2. С. 74—91.

[146] СПб., 1905. Т. 69. Тифлисская губерния. (без пг).

[147] *Иванова Н. А.* Структура рабочего класса России 1910—1914. М., 1987. С. 36—40; *Хоштария Э. В.* Очерки социально-экономической истории Грузии. Промышленность, города, рабочий класс (XIX в.— начало XX в.). Тбилиси, 1974. С. 181—185.

[148] *Погожев А. В.* Учет численности и состав рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906. Приложения. С. 13—15.

[149] Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897. СПб., 1905. С. 19, 36—44.

[150] Там же.

[151] *Стригунов И. В.* История формирования бакинского пролетариата (70—90-е годы XIX в.). Баку, 1960. С. 88—89.

[152] *Шукюров К. К.* Отходничество в Закавказье из Южного Азербайджана (вторая треть XIX в.— 1905 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1984. С. 22.

[153] Подсчитано по данным первой всеобщей переписи населения 1897. Бакинская губерния. Т. 62. С. 152—153; Елисаветпольская губерния. Т. 63. С. 166—167; Карсская область. Т. 64. Тетрадь 2. С. 108—109; Кутаисская губерния. Т. 66. С. 274—275; Тифлисская губерния. Т. 69. С. 266—267; Эриванская губерния. Т. 71. С. 166—167.

[154] Общий свод. Т. 2. С. 256.

[155] Сборник сведений по России за 1883 г. [Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 8]. СПб., 1886. С. 122—123.

[156] См.: *Гизетти А. Л.* Указ. соч. Ч. 2. С. 196—197.

[157] *Билев Г.* Хроника кавказских войск. Первое продолжение 1895—1908 гг. Тифлис. 1908. С. 45—47.

[158] Исчисления произведены по данным переписи 1897 г.: Т. 62. С. 116—119; Т. 69 С. 172—177; Т. 63. С. 126—127; Т. 66. С. 186—189; Т. 64. Тетр. 2. С. 86—87; Т. 71. С. 122—123.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу XIX в. Закавказье представляло собой край с относительно высоким для своего времени удельным весом городов и городской жизни, что составляло одну из его основных внутрирегиональных особенностей в масштабах всего Кавказа.

Сформировавшиеся и развившиеся в предшествующие исторические эпохи края были неравнозначны по своему экономическому и политическому положению. Некоторые из них утратили свое былое значение. Большинство же городов не только не сохранило свое положение, но и подверглось воздействию процессов социально-экономического, политического и культурного развития, охвативших Закавказский край в результате присоединения к России.

Хозяйственно-экономическое освоение края, стратегические задачи по укреплению пограничных территорий Кавказа способствовали возникновению новых городов. Развитие городов было связано также с миграционными процессами — массовыми репатриациями армян и частично греков из Ирана и Турции. В основном же число городов в целом по краю росло за счет административно-территориальных преобразований. Большинство их являлось административными центрами либо губернского, либо уездного значения.

Становление статистико-демографического учета населения края происходило в процессе формирования статистического дела в масштабах всего государства.

Имел он в Закавказье свои особенности, которые были обусловлены отсутствием законодательного оформления корпоративных прав некоторых сословий: привилегированного — аналога русского дворянства, купечества и отчасти духовенства. В этой связи организация учета зависела от процесса кодификации корпоративных прав указанных категорий населения.

Первые описи ряда городов, происходившие уже в период присоединения края, являлись уделом военно-административной власти, носили скорее рекогносцировочный характер и ставили своей задачей не только сбор цифрового материала, но и экономико-географическое изучение края. Наиболее характерными, особенно для первой половины XIX в., были камеральные описания.

С 60-х годов XIX в. наступает время однодневных городских переписей, и на протяжении второй половины XIX и начала XX в. в ряде городов края проводятся однодневные городские переписи.

На Кавказе, как и в пределах всей России, основной формой учета оставался административно-полицейский учет. После положения 1872 г. о Закавказском мусульманском духовенстве обязательным для мусульманского населения становится приходский (мечетский) учет.

Ведущее место в формировании статистических знаний на Кавказе, равно как и в обработке статистико-демографических материалов, принадлежало местным статистическим комитетам. Однако для компоративного анализа социально-демографических и этнических процессов в пределах края с выявлением субрегиональных особенностей незаменимыми остаются материалы первой всеобщей переписи населения 1897 г.

При сопоставлении динамики численности населения городов Закавказья выявились особенности в темпах прироста для дореформенного и пореформенного периодов. В первом случае средняя цифра прироста городских жителей по краю определялась в основном за счет прироста населения небольших городов. Степень промышленного развития края не могла еще определять темпов городского развития.

Иная картина складывается для эпохи капиталистического развития. Если города Европейской России росли вдвое быстрее, чем остальное население, то для Закавказского края темпы прироста горожан были более стремительными: прирост городского населения здесь составил 164,9 %. Далее, если доля горожан в составе жителей Закавказского края и Европейской России была равной в 1863 г., то в результате более высоких темпов прироста городского населения в Закавказье удельный вес его превысил прежнее соотношение, составив к 1897 г. 15,6 %, в то время как по Европейской России — 12,7 %. Он оставался ведущим в пределах Кавказа, достигая без малого 60 %.

Быстрее всего увеличивалось население крупных торговых индустриальных центров. Возросло число городов с населением свыше 25 тыс. человек. К 1904 г. удельный вес жителей городов этой категории составлял 71,0 % всего городского населения Закавказья.

Однако наибольший рост жителей произошел в двух самых крупных городах Закавказья — Баку и Тифлисе. Доля горожан в этих городах в 1885—1886 гг. достигала 35,8 % всех горожан края, а к 1897 г. население в них составляло уже более двух третей (68,3 %) всего городского населения.

Города Закавказья с начала присоединения края к России сохраняли черты и облик восточных городов феодального типа.

В начале XIX в. сословное деление в них сохраняло доминирующее значение.

Привилегированные сословия были представлены в городах: князьями (товады) и дворянами (азнауры) в Грузии; беками, агаларами, султанами и меликами в Азербайджане и Армении и, наконец, духовенством мусульманским (муллы, ахунды, сеиды) и христианским (православное и армяно-григорианское). К зависимым сословиям относилось крестьянство трех категорий (казенное, частновладельческое и церковное). Типично городские слои населения составляли купечество и ремесленники. Размещение лиц высшего привилегированного сословия в городах края не было однородным, а имело свои субрегиональные особенности, что объяснялось спецификой социально-экономических отношений в различных частях края.

В отличие от большинства городов Грузии города Азербайджана и Армении в большой степени концентрировали лиц высшего привилегированного сословия, хотя в целом основная их часть проживала в сельских местностях. Обусловливалось это тем, что как в Азербайджане, так и в Армении в силу сложившихся исторических условий господствовавшей формой землевладения была государственная. Помещичье хозяйство в общепринятом значении здесь практически отсутствовало. Напротив, в Грузии с иным аграрным строем дворянство было связано со своим поместным хозяйством и в меньшей степени было склонно проживать в городах.

Оформление корпоративных прав дворян шло параллельно с признанием их прав как землевладельцев и приняло затяжной характер. Практически до конца вопрос так и не был решен вплоть до 1917 г., особенно для мусульманского привилегированного сословия.

Основное место в составе городских жителей занимали крестьяне, однако со временем, при сословно-демографическом характере учета, количественные показатели преувеличивали их удельный вес, нивелировали происходившие в их среде социальные процессы. Материалы переписи 1897 г., выделившие среди городского населения края сословие мещан и купцов, показали доминирующее положение в большинстве городов сословия мещан и соответственно снижение удельного веса крестьян.

Что же составляло особенность этнического состава населения городов Закавказского края в дореформенный период?

Прежде всего мы должны говорить о преемственности в этнической структуре городов края. Состав населения городов формировался под влиянием национального состава территорий Закавказья. Основное население городов состояло из представителей коренных народностей: азербайджанцев, армян и грузин. При этом размещение их по городам отражало общий характер их расселения по территории края.

Соотношение между сельской и городской частями свидетельствовало в пользу первой, но с неравными долями представителей различных коренных этносов в составе горожан.

Так, среди жителей грузинских городов превалировали армяне. Значительным был их удельный вес в некоторых городах Азербайджана.

Высокой была концентрация армян в тех городах Восточной Армении, формирование которых было связано с миграционными процессами, репатриацией армян в пределы края. Но при этом удельный вес армян в губернском центре (Эривани) несколько уступал азербайджанцам.

Население городов Азербайджана было преимущественно азербайджанским, за исключением городов западной его части с ощутимой долей армянского населения. Размещение азербайджанцев в юго-восточной части Тифлисского уезда оказало влияние на размещение азербайджанцев и в составе городского населения, в частности города Тифлиса.

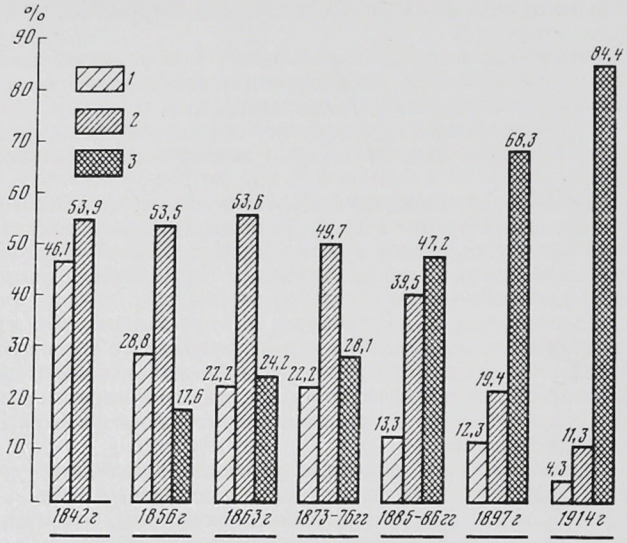
В таком же аспекте должно рассматриваться расселение евреев как на территории края, так и в составе населения его городов.

Таким образом, известная этническая пестрота близлежащих окружений городов была как бы скалькирована городами.

С присоединением территорий края к России связано проникновение в его города иноэтнических элементов. Приоритетную роль в этом играет русский этнос, удельный вес которого в составе горожан неизменно возрастает в результате формирования административно-политической системы, наращивания военного потенциала, колонизационных процессов и культурных взаимосвязей.

Формирование русского городского населения в Закавказье имело свои особенности. Обусловленное общими для всей империи колонизационными процессами, тем не менее в Закавказье оно происходило в иных условиях, чем, скажем, в Сибири, где города по своему составу были практически чисто русскими. Возникновение их было связано с освоением этих территорий различными категориями русского населения (например, служилыми людьми). В Закавказье же, напротив, русские жители вливались в население городов давно сложившихся.

Социально-образующими русские являлись главным образом для административно-чиновничьей группы, при этом хронологически локализованной первыми десятилетиями присоединения Закавказья к России. Впоследствии этнический состав чиновников был значительно расширен за счет привлечения на службу представителей коренных народов.



Рост численности населения городов Закавказского края.
1 – до 10 тыс. чел; 2 – от 10 до 25 тыс. чел; 3 – свыше 25 тыс. чел.

Другая особенность русского населения для Закавказского края состояла в том, что русские горожане составляли здесь половину всего русского населения края, в то время как в Предкавказье они составляли 13,7 % всего русского населения (по переписи 1897 г).

Возрастает число иностранцев среди горожан края, но доля их в составе инонационального элемента наиболее ощутима в административно-политическом центре кавказского наместничества.

Характеризуя этнический состав населения городов Закавказского края, следует подчеркнуть, что к моменту присоединения его территорий к России, оно в основной массе городов было многонациональным. Обусловливалось это пестрым этническим составом коренного населения.

Складывались предпосылки усиления процесса дальнейшего формирования многонационального населения городов Закавказья за счет возрастания доли инонациональных элементов.

Характеризуя этнодемографическуую ситуацию в городах края с точки зрения оценки тех изменений, которые происходили в этническом составе населения, обязательно надо учитывать их последствия в области материальной и духовной культуры. И здесь

следует сказать, что количественный показатель, характеризующий долю того или иного этноса в составе всего населения в аспекте влияния его на окружающую среду, не всегда являлся определяющим, хотя и имел значение.

Так, в дореформенное время удельный вес русских жителей в городах края, казалось бы, не был значительным. Но если мы вглядимся в самые начальные формы взаимодействия нового для края этноса с коренными народами в контексте общей политической ситуации и складывавшихся хозяйственно-экономических и культурных связей, то обнаружим зарождение тех тенденций, которые вызвали к жизни новые черты в бытовом укладе горожан, их обычаях и нравах, шире — в духовной сфере. Менялся облик самих городов.

В городах с этнически неоднородным населением сохранялся характер расселения этносов компактными массами. Определяющим при этом фактором был не только этнический, но и конфессиональный. При членении городов на части использовался естественный рельеф местности, ее топография, что облегчало локализацию жителей компактными массами по этническому признаку.

Размещение новых для края этносов на первый взгляд происходило так же. Однако в характере их расселения в городах прослеживаются новые черты. К этническим и конфессиональным признакам прибавляются сословно-социальные особенности. Сословно-социальная неоднородность жителей оказывала влияние и на характер их расселения в городах в соответствии с процессом появления их в крае с начала XIX в.

Процесс формирования многонационального населения городов края, изменения их сословно-социальной стратификации после присоединения Закавказья к России позволяет ставить вопрос о типологии подобных процессов в общероссийском масштабе.

УКАЗАТЕЛЬ
АДМИНИСТРАТИВНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абасаранский магал 73
Абхазское княжество 186
Абхазия 186
Австрия 137
Агдаш 215
Аджария 186
Азербайджан 8, 17, 18, 20, 23, 38, 57, 68, 69, 77, 84, 85, 89, 90, 98, 103, 104, 105, 106, 109, 111, 112, 113, 115, 117, 119, 125, 129, 131, 139, 142, 143, 149, 150, 163, 189, 190, 213, 219, 220, 224, 244, 245
Азербайджанская ССР 6
Азия 75, 89, 124, 162, 171
Акулис 125
Александрополь 56, 85, 113, 116, 117, 121, 129, 130, 135, 139, 140, 149, 163, 168, 195, 216, 223
Александропольский уезд 85
Ананури 8, 16, 17, 21, 34, 56, 153
Анапа 57
Англия 137, 168, 207
Апшерон 77
Аракс 63
Араратская долина 71
Ардаган 186, 218
Армения 26, 28, 56, 57, 62, 69, 87, 91, 98, 103, 106, 109, 113, 114, 115, 117, 125, 135, 142, 143, 148, 149, 189, 190, 219, 224, 244
Армянская область 25, 26, 28, 30, 38, 43, 69, 72, 73, 74, 108, 118
Ахалкалаки 48, 56, 61, 73, 111, 117, 118, 139, 195
Ахалцих 48, 61, 70,72, 73, 111, 117, 139, 148, 153, 154, 172, 210
Ахалцихский пашалык 72

Баку 18, 19, 20, 21, 23, 35, 48, 56, 69, 70, 84, 85, 91, 109, 112, 115, 117, 119, 125, 129, 131, 139, 149, 153, 154, 168, 172, 193, 195, 199, 209, 210, 214, 216, 219, 227, 231, 232, 243
Бакинская губерния 115, 202, 205, 213, 216, 217, 219, 220 223, 224, 227, 228, 230, 231, 233, 234, 235
Бакинская провинция 72, 119
Бакинский уезд 77, 78
Батуми 186, 195, 209, 216, 219, 231
Батумская губерния 229
Батумская область 196, 215, 219
Бахчисарай 196
Баязет 57, 73, 219
Белоканы 153
Бессарабия 123, 124
Ближний Восток 150
Бомборы 153
Бурчалинская дистанция 73
Бурная 153
Бухара 74, 124

Ван 73
Великое княжество Финляндское 108
Владимир 31
Воронежская губерния 165
Восточная Армения 8, 85, 87, 89, 101, 121, 129, 130, 139, 140, 142, 158, 163, 245
Восточная Грузия 114, 120, 129, 130, 135, 140, 144
Восточное Закавказье 158

Гарни-басарский магал 73
Геокчай 195
Геогчайский уезд 195
Гекчинское озеро 73
Германия 137, 141
Голландия 137
Гори 13, 16, 17, 21, 35, 61, 62, 70, 72, 81, 82, 111, 115, 117,118, 120, 121, 122, 129, 130, 139, 140, 148, 151, 154, 157, 172, 195, 224
Горийский уезд 72, 77, 81, 83, 119
Горские народы 77, 119
Грузино-Имеретинская губерния 30, 31 39, 40, 72, 77, 118, 119, 146
Грузинская губерния 35, 36, 45
Грузинская ССР 6
Грузия 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 29, 30, 35, 37, 38, 43, 46, 61, 62, 63, 68, 71, 72, 73, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 108, 109, 111, 113, 115, 117, 131, 133, 134, 139, 142, 143, 145, 148, 151, 152, 155, 158, 160, 164, 170, 189, 218, 219, 223, 244
Гумры 56, 153
Гурия 103, 142, 143
Гянджа (Гандзак) 17, 18, 69, 70, 71

Дагестан 62, 153, 158, 167
Дагестанская область 195, 205, 227
Дарачичагский магал 73
Дербент 35, 60, 78, 80, 153
Дербентский уезд 78
Джебраил 214
Джеватский уезд 72, 195
Душети 21, 35, 56, 61, 81, 82, 111, 117, 120, 139, 148, 151, 195

Европейская Россия 42, 43, 60, 61, 137, 190, 193, 212, 214, 215, 216, 217, 226, 234, 243
Европа 75, 89, 124, 162, 171, 216
Езд 74
Ейск 60
Елисаветполь 12, 16, 17, 21, 23, 35, 61, 68, 69, 70, 81, 82, 83, 84, 90, 104, 108, 109, 112, 139, 154, 170, 195, 216, 223
Елисаветпольская губерния 204, 205, 219, 220, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235
Елисаветпольский уезд 81, 82, 83, 220

Закавказский край 3, 4, 12, 13, 21, 22, 25, 29, 30, 31, 33, 38, 39, 40, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 56, 57, 58, 59, 60, 65, 69, 72, 75, 80, 88, 89, 90, 98, 102, 103, 105, 106, 108, 110, 113, 116, 118, 119, 123, 124, 137, 141, 151, 153, 158, 160, 161, 162, 164, 165, 169, 170, 171, 186, 187, 188, 189, 192, 193, 195, 201, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 219, 220, 221, 223, 224, 225, 227, 228, 231, 242, 243, 244, 245
Закавказье 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 16, 21, 22, 24, 25, 29, 30, 32, 33, 37, 39, 43, 44, 45, 46, 56, 57, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 67, 68, 69, 75, 87, 89, 90, 98, 99, 101, 105, 107, 109, 113, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 132, 137, 138, 141, 142, 143, 145, 148, 151, 152, 153, 154, 155, 158, 159, 162, 163, 164, 167, 169, 170, 173, 186, 188, 189, 190, 195, 196, 198, 199, 200, 204, 205, 206, 210, 212, 214, 215, 216, 218, 219, 220, 223, 226, 227, 228, 231, 242, 243, 244, 245, 246, 247
Закаталы 109, 153, 154
Закатальский округ 154
Занги 141
Западная Грузия 57, 114, 135, 145
Земля Войска Черноморского 41

Иваново-Вознесенск 127
Имеретинская губерния 36
Имеретинское царство 108
Имеретия 13, 45, 46, 72, 103, 108, 114, 143, 144, 145

Иран (Персия) 27, 57, 62, 63, 68, 69, 71, 73, 74, 77, 85, 88, 93, 101, 118, 120, 121, 123, 124, 125, 129, 130, 139, 222, 223, 240

Кабарда 164
Кавказ 3, 10, 20, 21, 22, 24, 25, 28, 29, 32, 33, 36, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 56, 60, 66, 69, 74, 75, 77, 87, 93, 100, 107, 123, 126, 130, 134, 145, 151, 152, 153, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 171, 174, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 210, 211, 215, 217, 218, 219, 220, 223, 224, 231, 234, 235, 242, 243
Кавказская линия 152, 153
Кавказская область 29, 38, 39
Кавказское наместничество 49, 60, 187, 206
Кагызман 215
Калькутта 74, 124
Канада 220
Карабах 71, 101, 106
Карабахская провинция 20, 23, 72, 74, 106, 112, 119
Карби-Басарский магал 73
Карс 73, 186, 196, 197, 219, 223
Карсская область 205, 215, 217, 219, 223, 224, 229, 231, 233, 234, 235
Картли 70, 71, 103
Картли-Кахетинское царство 158
Касимов 62
Каспийское море 154, 225
Кахетинское царство 63
Кахетия 70, 71, 103
Ковар 57, 73
Коджоры 195
Константинополь 74, 124, 125
Крым 67
Куба 23, 45, 61, 69, 76, 80, 84, 86, 91, 112, 117, 122, 125, 139, 149, 152, 153, 156, 195, 224, 225
Куки 68, 88
Кура 57, 91
Кутаиси 46, 48, 61, 62, 70, 72, 81, 83, 86, 91, 103, 108, 111, 113, 117, 118, 127, 133, 135, 139, 148, 152, 154, 170, 193, 195, 209, 216, 224
Кутаисская губерния 41, 60, 61, 63, 103, 104, 202, 205, 217, 219, 223, 224, 227, 228, 230, 231, 233, 234, 235
Кутаисский уезд 77, 119

Лейпциг 125
Ленкорань 62, 69, 78, 84, 85, 86, 93, 108, 112, 117, 119, 122, 127, 129, 131, 139, 140, 149, 152, 153, 156, 157, 168, 195, 224
Ленкоранский уезд 78, 86, 112
Лори 71

Мадрас 74, 124
Маньчжурия 233
Мариуполь 62
Мегрелия 104, 186
Москва 127, 136, 158, 192
Московская губерния 126
Муром 31
Мусульманские провинции 30, 38, 39, 104
Муш 73
Мцхеты 71

Навтлуг 92
Нахичеванская провинция 23, 26
Нахичеванский магал 73
Нахичеванский уезд 113, 117
Нахичевань 23, 24, 28, 45, 48, 62, 69, 70, 73, 84, 85, 108, 112, 113, 115, 117, 119, 129, 131, 139, 141, 149, 153, 163, 172, 195
Новая Шемаха (см. Шемаха)
Ново(Нор)-Баязет 57, 62, 73, 85, 113, 117, 121, 129, 130, 139, 140, 149, 163, 195
Ново-Баязетский уезд 85, 87, 168
Новороссийск 57

Новотроицкое 92
Нуха (Шеки) 20, 35, 60, 62, 70, 75, 76, 80, 84, 85, 112, 117, 119, 127, 128, 129, 131, 138, 139, 149, 153, 195
Нухинский уезд 78, 86, 112, 117

Область Войска Донского 41
Одесса 93, 191
Озургеты 57, 152, 153, 195
Они 8
Ордубат 13, 14, 38, 62, 69, 73, 84, 85, 108, 112, 113, 115, 117, 119, 129, 131, 139, 141, 149, 163, 172, 195
Ордубатская провинция 23, 26
Ордубатский уезд 113

Париж 74, 124
Персия (см. Иран)
Петербург (Санкт-) 6, 74, 93, 124, 127, 145, 156, 158, 192
Пицунда 153
Польское государство 11
Поти 56, 172, 194
Предкавказье 38, 88, 227, 246
Прибалтика 193
Привислинские губернии 217
Псковская губерния 61

Редут-Кале 46, 48, 57, 72, 75, 109, 118, 124, 127, 152, 172
Рим 70
Рославский уезд 31
Россия 3, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 31, 33, 36, 37, 38, 40, 42, 49, 56, 57, 61, 62, 70, 73, 88, 89, 91, 93, 98, 99, 100, 107, 114, 124, 126, 127, 128, 131, 138, 142, 143, 147, 150, 151, 153, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 170, 173, 186, 189, 190, 193, 200, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 218, 219, 220, 223, 225, 234, 242, 245, 247
Российская империя 10, 25, 29, 30, 31, 34, 36, 37, 39, 40, 42, 46, 62, 76, 108, 114, 158, 159, 186, 210, 218, 234, 235

Сальяны 84, 112, 115, 117, 119, 125, 129, 131, 139, 149, 195, 215
Саратов 114
Сардиния 137
Северный Азербайджан 101, 135, 142, 158
Северный Кавказ 8, 153, 204
Сеидляр 115
Сибирь 42, 43, 44, 60, 87, 154, 193, 218, 245
Сигнахи 16, 17, 21, 35, 48, 62, 69, 72, 81, 82, 111, 117, 120, 122, 129, 130, 139, 140, 148, 151, 154
Сигнахский уезд 81, 83, 84
Смирна 74, 124
Смоленская губерния 60
Средний Восток 150
Средняя Азия 67, 193, 218, 225
СССР 6
Ставрополь 29, 60, 62
Ставропольская губерния 41, 164, 195
Старая Шемаха (см. Шемаха)
Сурмалинский магал 73
Сухум-Кале 57, 111, 117, 148, 154, 172
Сухуми 153, 195
Сухумский отдел 186, 198

Таврическая губерния 196
Талынский магал 73
Талышинское (Талышское) ханство 93, 157
Тамбовская губерния 31
Телави 16, 21, 35, 60, 62, 70, 81, 82, 111, 117, 120, 122, 129, 130, 139, 140, 148, 151, 152, 154, 172
Телавский уезд 72, 81, 83, 84
Темир-Хан-Шура 195
Тифлис (Тбилиси) 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 25, 35, 36, 39, 43, 48, 60, 61, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 81, 82, 84, 86, 88, 89, 90, 91, 92, 103, 105, 107, 108, 111, 113, 115, 117,

118, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 150, 151, 153, 154, 155, 157, 162, 168, 169, 170, 171, 172, 191, 193, 195, 199, 203, 208, 209, 214, 216, 217, 219, 223, 224, 225, 227, 228, 231, 234, 243, 245
Тифлисская губерния 41, 47, 60, 61, 63, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 114, 202, 205, 217, 219, 220, 223, 224, 226, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 235
Тифлисский уезд 81, 82, 83, 84, 86, 88, 89, 90, 245
Трапезунд 226
Турция 27, 62, 63, 68, 69, 73, 77, 85, 88, 118, 120, 121, 123, 129, 130, 137, 139, 186, 220, 223, 242

Усманский уезд 31

Финляндия 12, 193
Фитдаг 20
Франция 137, 141

Хони 8

Цалка 73
Царство Польское 108

Челябинск 62
Чернигов 62
Черное море 57
Чечня 167

Шаропани 57
Шеки (см. Нуха)
Шекинская провинция 20, 72, 119
Шемаха 30, 35, 39, 56, 60, 69, 70, 78, 80, 84, 85, 86, 90, 91, 92, 109, 112, 113, 115, 116, 117, 121, 125, 127, 129, 131, 137, 138, 139, 140, 147, 149, 153, 154, 168, 195
Шемаханская губерния 33, 41, 45, 56, 61, 63, 78, 84, 85, 86, 106, 115
Шемахинский уезд 78, 85
Швейцария 137
Ширванская провинция 20, 72, 119
Шуша 20, 23, 35, 62, 69, 84, 85, 86, 90, 108, 109, 112, 115, 117, 119, 125, 129, 131, 135, 138, 139, 149, 152, 153, 168, 195, 199, 216
Шушинский уезд 86, 112
Шуя 125

Эрзерум 73
Эриванская губерния 41, 56, 62, 63, 73, 84, 113, 161, 202, 205, 217, 219, 220, 223, 224, 226, 228, 230, 231
Эриванская провинция 27
Эриванский уезд 85, 117
Эривань 38, 45, 62, 69, 73, 85, 87, 89, 91, 108, 113, 115, 117, 119, 121, 127, 129, 130, 135, 139, 140, 141, 147, 149, 150, 153, 163, 168, 172, 193, 195, 199, 215, 221, 245
Эчмиадзин 114, 146

Южный Азербайджан 23

Ярославская губерния 60

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АН СССР	— Академия наук СССР
АЮБ	— Акты, относящиеся до юридического быта древней России
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
Временник ИОДР	— Временник Общества истории и древностей российских
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, г. Ленинград
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук
ЛО ААН	— Ленинградское отделение Архива АН СССР
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I

СТАТИСТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Типология города. Постановка вопроса 8

Статистические описания территорий Закавказья и численность населения городов края в начале XIX в. 12

Источники по изучению городов Закавказья в 30-х — начале 60-х годов XIX в. 21

Глава II

ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД 56

Численность городов и городского населения Закавказья ..... —

Этнический состав населения городов Закавказья 63

Глава III

СОСЛОВНО-СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ 98

Дворянство 99

Духовенство 113

Купечество 122

Мокалаки 131

Ремесленники 135

Крестьянство 142

Военнослужащие 151

Чиновничество 158

Влияние иноэтнического населения на городскую жизнь 169

Глава IV

ГОРОДА И НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XX В. 186

Буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в. Система административно-политического устройства Закавказья в пореформенный период 186

Статистика городов Закавказского края во второй половине XIX — начале XX в. 201

Рост городов Закавказского края в пореформенный период 212

Этнический состав населения городов Закавказского края во второй половине XIX — начале XX в. 219

Сословно-социальная стратификация и этнический состав городского населения края 229

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 242

ПРИЛОЖЕНИЯ 248

УКАЗАТЕЛЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 253

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 254

Научное издание

Исмаил-Заде Деляра Ибрагимовна

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗСКОГО КРАЯ В XIX — НАЧАЛЕ X В.

(Историко-демографический анализ)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Заведующая редакцией
З. Г. Демидова

Редактор издательства
Г. И. Рыкова

Художник
Н. Н. Симагин

Художественный редактор
М. Л. Храмцов

Технические редакторы
Н. П. Кузнецова, Н. Н. Плохова

Корректоры
Н. П. Гаврикова, Н. А. Несмеева

ИБ № 47505

Сдано а набор 03.10.90
Подписано к печати 13.08.91
Формат 60X84 1/16
Бумага тип. № 2
Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,34. Усл. кр.-отт. 15,8
Уч.-изд. л. 19,3
Тираж 1100 экз. Тип. зак. 415
Цена 7 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77,
ул. Станиславского, 25

Книга высылается наложенным платежом.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117393 Москва, ул. академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 252208 Киев, пр-т Правды, 80а, магазин «Книга — почтой»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

2
742714

Д.И.ИСМАИЛ-ЗАДЕ

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗСКОГО КРАЯ

в XIX-начале XX в.

„Наука"